Александр Козин

НАЙДЕННЫЕ ВО ВРЕМЕНИ

Роман

Путь на Русскую Голгофу

Книга пятая

Часть вторая

Том третий

Алексей Алексеевич выслушал нас с Матвеем Лаврентьевичем. Молча, снял очки. Достав носовой платок, тщательно протер стекла. Мотнул головой: - Фантастика!.. Злодейская! Прямо-таки, сатанинская! Вы правильно определили вредоносность обнародования открытия вашего знакомого, с позволения сказать, ученого. Оно действительно пострашнее водородной и даже нейтронной бомбы! Разумеется, ни писать, ни даже говорить о ней мы не будем. Я потолкую с отцом Тихоном. Надеюсь он своим духовным зрением увидит волю Божию… Помолится сугубо со всей монастырской братией. А вы, уважаемый Матвей Лаврентьевич, окажите любезность, подготовьте для публикации материал о Панине, об опытах вашего знакомца и коллеги. Этого.., как его.., Альберта…

- Во святом Крещении Виктора, - поправил ученый, - Вейника. Только мне надобно созвониться с ним. Взять согласие! Заодно благословиться у своего духовника.

- А вы позвоните Вейнику прямо сейчас. Из редакции. Заодно, - личные деньги сэкономите! Звоните!

Что Матвей Лаврентьевич и сделал. С Минском он разговаривал довольно долго. Наконец, положил трубку. И радостно выдохнул: «Виктор согласен. Даже обещал с поездом прислать кое-какие материалы. Сегодня подготовит. Завтра отошлет. А к духовнику в Сергиев Посад я в ближайшие выходные съезжу.

И он, что называется, раскланялся. А главный редактор тут же заговорил о другом: «Статья ваша Александр о Муроме наделал переполоху! У меня телефон оборвали. Муромские чиновники брызжут слюной так, что, кажется, по проводам долетает. Обвиняют в клевете. Грозятся подать в суд на редакцию… Карами небесными только не пугают!»»!

- ? – дернул я вверх подбородком.

- Пу-у-у-стое! – хохотнул Алексей Алексеевич. Но тут же серьезно добавил: «Но дабы нам подстраховаться, поезжайте-ка завтра к девяти часам утра в Государственную Думу. Вход с Георгиевского переулка. Я уже созвонился. Договорился. Зайдете и от охраны позвоните по этому телефону.»

Он протянул мне маленький листок бумаги, с цифрами, данными и несколькими вопросами, которые я должен был решить с народным избранником… При этом Алексей Алексеевич добавил: «Трубку возьмет Валерий Антонович. Он будет делать депутатский запрос. Давайте-ка вместе сейчас набросаем для него текст… «Рыбу», так сказать… Укажем акценты, которые в запросе нужно расставить. Копии запроса отправим в Главное управление КГБ, Генеральную прокуратуру, Министерство внутренних дел, Министерства образования и тяжелой промышленности. По-моему, техникум последним подчиняется… Жалко только директора-фронтовика. Но он сам выбрал свой путь.»

За текстом мы с главным редактором просидели до восьми вечера. Машинистки уже ушла. Поэтому «рыбу» запроса на машинке перепечатывал я. И едва успел в кафетерий «высотки» перед самым его закрытием. Купил пару вареных яиц, столько же пирожков с ливером и повидлом, несколько бутербродов с сыром и колбасой, - и на ужин, и на завтрак.

А на следующий день только к полудню оказался в редакции. Доложил главному о выполнении поручения. И уселся «доводить до ума» очерк о вице-адмирале Чухнине. Потом редактировал небольшие материалы, расписанные на меня. К вечеру привезли тираж нового номера «Русского Вестника», где было опубликовано продолжение моего журналистского расследования в защиту Батманова с упоминанием избиения его сына. Но прежде, чем мне

удалось прочитать его, вместе со всеми мужчинами редакции я разгружал и складывал в подвал пятьсот пачек «… Вестника» по сто экземпляров в каждой.

Зато лучшей наградой за это стали похвалы наших сотрудников, которые открывали свежий номер в первую очередь на странице с моей публикацией. А главный редактор распорядился: «Александр! Прошу вас лично отправить по почте, заказными с уведомлением, по три номера в Муромские горисполком, управление внутренних дел, отделение комитета госбезопасности, районную и городскую прокуратуры, в техникум. Да-а-а… В те же инстанции – во Владимир.»

Алексей Алексеевич повернулся к Миленину: «А вы напишите жалобы и с ними завтра утром отвезете «… Вестник» в Главки упомянутых мною инстанций. Сегодняшний номер и предыдущий. Под подписи получателей в «отделах жалоб». Подключаем тяжелую артиллерию, друзья мои. С Богом!»

Естественно, все последующие дни недели съездить по обменным объявлениям мне не удалось. В среду в редакцию приезжал отец Тихон. И Алексей Алексеевич попросил повторить ему мой рассказ «малаховском ученом-биохимике» и его лаборатории. Что я и сделал.

Отец Тихон слушал, опустив глаза в пол и сжав обеими ладонями наперсный крест. После того, как я закончил говорить, он минуту молчал. Потом перекрестился. И вдруг улыбнулся. И сказал мне: «Вот, брат Александр, как Господь вразумляет тебя. Удостоил даже нечисть увидеть! И дела ее. И мирских служителей ее. И несчастные жертвы!»

- Нечисть? – удивился я.

- Ну, да! Как писал святой Апостол? Не помнишь? А писал он, что в последние времена даже сами бесы ужаснуться злодейским делам некоторых людей. Но, дорогие

мои, - обвел отец Тихон собравшихся вокруг него сотрудников редакции, - Бог поругаем не бывает. Мы все будем молиться, а Он, Милостивец, все управит. Благословляю, кроме обычного правила перед началом рабочего дня, всех читать молитву святому мученику Трифону. А сейчас давайте-ка вместе прочитаем ему Акафист. Надеюсь, он есть в редакционной библиотеке…

Что мы и сделали… Два следующих дня прошли в обычной редакционной рутине. А в субботу приехала Алла, и мы сразу с вокзала отправились в Люберцы. Точнее на станцию Панки. До указанного в объявлении адреса от платформы по алее, похожей на парковую, прошли минут за десять. И, поднявшись на четвертый этаж обычной «хрущебы», оказались в трехкомнатной «распашонке»: через большую комнату с широким проемом можно было попасть в две маленькие, изолированные. Кладовка – около двух квадратных метров. Антресоли. На кухне под подоконником – шкафчик: зимой - естественный холодильник! Все оказалось даже получше, чем в Белгороде. Хозяйка примерно нашего же возраста, за спиной которой возвышался молчаливый, высокий, плечистый муж, сразу же объявила, что всего лишь месяц назад они сделали ремонт. Действительно, потолки сверкали свежей побелкой! Белоснежной эмалью блестели подоконники и батареи отопления. Недорогие обои еще пахли клейстером, пол был застелен отлакированной фанерой. Даже газовая плита казалась час назад привезенной из магазина.

- Мы оба на стройке работаем, - кивнув на мужа, поясняла хозяйка. Тот молча соглашался: «Поэтому с ремонтом у нас проблем не возникало. Все материалы, что называется, - под рукой… Нет, конечно, смесители и в ванной, и на кухне покупали. Но на базе. Немецкие! Однако хочу сразу оговориться: в Белгороде мы согласны только на квартиру улучшенной планировки, большей площади и

только на Харгоре. Дети-то, - сын и дочка, - уже взрослые! Им нужны отдельные комнаты… Моя мама живет в селе километрах в семи от Харгоры. Купим велосипеды. И хоть каждый выходной к ней можно будет ездить. Да-а-ача!»

Она обернулась на мужа. Тот кивнул.

- А вы в Москву до Казанского вокзала электричками добираетесь? - спросил я.

- Зачем? – пожала плечами хозяйка. Бойко объяснила: «Здесь до станции метро «Ждановская» - самое большее пятнадцать минут на электричке. Можно и на автобусе. Три номера ходят по Октябрьскому проспекту. Аккурат до метро. Но идут минут тридцать-сорок. Продуктовый магазин с промтоварным отделом – под окнами. Молочный, – совхозный, - в соседнем доме. А «молочка» – всегда свежая: каждое утро с фермы привозят. К нам за ней с другого конца Люберец специально приезжают. И к обеду все разбирают…

- Ваш вариант нас вполне устраивает! – с скрываемым восторгом проговорила Алла. Взглянула на меня. Надо же было искать размен на Харгоре: «Но раньше, чем весной нам переехать.., хм.., затруднительно… Дети в школу ходят… Вы подождёте?»

- Мы об этом же хотели и вас просить. Хотелось бы, чтобы наши дети учебный год тоже в Москве закончили… А тут к нам приходили одни обменщики. Так им надо срочно! Даже доплату предлагали, - покрутила головой хозяйка. Даже губы поджала: «А на что она нам. Ихняя доплата? Мы итак неплохо зарабатываем. Не хепуги! К тому же нам и Белгородский вариант посмотреть надо. Вот мы и думаем. Поедем в апреле-мае к маме картошку сажать, заодно и посмотрим. У вас-то ремонт сделан?

- Нет, но до весны сделаем обязательно, - уверила Алла. И опять с восторгом посмотрела на меня: «Только вы уж ни с кем больше не договаривайтесь.»

- Хорошо- хорошо! – улыбнулась хозяйка. И мы с Аллой отправились домой. На улице она спросила: «Ну, как тебе этот вариант?»

- Лучшего и желать нельзя. Теперь в Белгороде ремонт надо делать и одновременно искать вариант на Харгоре. Улучшенной планировки! Я думаю, что кто-нибудь хочет переехать в центр… В Москве, например, однокомнатную в центре можно обменять даже на трехкомнатную где-нибудь на Алтуфьевском шоссе или в бывших «промзонах»… Вот! Тут явно святой преподобный Сергий игумен Радонежский помог! Говорил же я тебе, что надо подождать. Помолиться! А может быть, и святитель Иоасаф Белгородский перед Престолом Божиим честную главу преклонил и словечко за нас замолвил.

- Да-да.., - задумалась Алла. И подытожила: «Тебе надо брать отпуск за свой счет. За неделю с ремонтом, думаю, управишься. Вадик поможет. Нам из нашей распашонки надо сделать три изолированных комнаты. С материалом мне помогут. У меня один пациент замначальника строительной базы работает. Ты только составь список всего необходимого.»

- А какие инструменты у тебя есть?

- Ну-у-у, пила, например. Несколько отверток. Молоток… Паяльник. У Вадика где-то завалились. Что-то еще там есть, - не знаю.

- Арсенал! – хохотнул я. И тут же предложил: «Им много не поработаешь. Позвони в Фатеж. Ты говорила, что оттуда в Белгород почти каждую неделю кто-нибудь на машине приезжает. Может быть, Евгений Федорович пришлет необходимый инструмент. Я составлю список.»

- Даже не знаю… Папе-то, бывает, инструмент каждый день нужен.

- Вообще-то хорошо было бы, если бы он сам подъехал. Я ведь никогда не занимался плотницкими

работами, ремонтом в таких масштабах. Ну-у-у, никогда не разгораживал комнаты. А вот Евгений Федорович…

- Ты что говоришь-то?! Когда ему?!

- Он же на пенсии!

- Ну и что?! Все хозяйство на нем! Две машины, два дома, два гаража… К весне готовиться надо! Я даже заикаться не буду!

- Ну, инструменты-то он может прислать?

- Конечно. Те, которые ему самому не нужны. Или Юрке. Он ведь постоянно у папы то электрорубанок, то «болгарку» берет. Так что, не знаю, не знаю…

- Ладно. Я список инструментов все равно составлю.

- Ты про отпуск не забудь!

- Такое не забывается! – засмеялся я. Но тут же серьезно добавил: «А ты на следующей неделе поезжай в ваше бюро по обмену. Посмотри варианты желающих переехать с Харгоры в центр Белгорода. Я-то ведь не смогу одновременно и ремонт делать и обмен искать.»

- У меня же – работа. И двое детей. Стирка! Готовка!.. Ну, ладно, так и быть, придумаю что-нибудь. А где мы сегодня ночуем? Как мне надоели эти «культпоходы» по знакомым! Уж лучше за деньги на ночь-две снимать у какой-нибудь бабульки! Скорей бы свое жилье! Так, где мы ночуем?

- Лидия опять в Нарофоминск «умотала». Или еще к кому-то. Во всяком случае, взяла с собой комплект постельного белья. Посему, сейчас – ко мне! Кстати, она требует разменивать комнату. Себе – двухкомнатную, мне - комнату в коммуналке. Даже маклера нашла.

- Так это же замечательно! – на минуту задумавшись, даже прихлопнула в ладоши Алла. Но тут же определила: «Соглашайся! Наташа поступит в институт. Станет устраивать личную жизнь. Вот и отдадим ей эту комнату. Только район надо побезопаснее выбрать!»

- А я мечтал о даче.

- Дача-кляча! Наша дача - в Фатеже! Кстати, ты все равно посматривай и другие варианты обмена. А ну, как эти, из Люберец, передумают! Или захотят все-таки получить доплату!..

Так, за разговорами, мы добрались до дома. Войдя в комнату, Алла, даже не снимая сапог, бросилась на диван. Простонала: «Я так устала! В вагоне сегодня не топили. Вторых одеял не выдавали. Иззяблась вся! Не выспалась! Если ты сейчас даже крепчайший кофе сваришь, я, наверное, все равно засну, как младенец. Свари! А?»

Я пожал плечами и подумал, что с удовольствием поухаживаю за женой. Ушел на кухню. Когда же я вернулся в комнату с парящим кофейником, собираясь сделать бутерброды, Алла уже похрапывала. Правда, сапоги стояли около диван-кровати… А вечером, после ужина, который приготовил тоже я, мы с Аллой сидели в обнимку на диван-кровати, отхлебывали из маленьких рюмочек коньяк и смотрели «Служебный роман». И на душе у меня было, как у Новосельцева-Мягкова в самом конце фильма...

В воскресенье я повел Аллу в Кремль. И у Царь-пушки она вдруг вздохнула: «Сейчас бы Вадика сюда, Наташу! Им было бы, наверное, интересно! Ведь сколько раз мы бывали в Москве, а видели одни лишь ГУМ, ЦУМ, «Детский мир», «Варну» другие магазины…»

- Центры… торговой культуры! – хохотнул я.

- Господи, – мотнула головой Алла, - ведь когда ехали в Москву, все знакомые давали заказы: одной колготки, другому сигареты «Ява», третьей кофе в зернах, - обязательно в зеленых! - четвертому какую-то запчасть для «Москвича», пятой джинсы, десятому шкурку беличью на воротник пальто жены купить… Кому-то – туфельки для дочки. Даже «следочек» давали с собой! Пятнадцатым.., двадцать пятым... А потом груженые, как верблюды, мы

тащились бы с этими покупками на вокзал. И ведь не откажешь! Все – люди нужные! Нет-нет, а приходилось к ним обращаться! Но ведь, как ты там говаривал, «пусти хлеб по реке, он вернется к тебе с маслом»?! Правда, один раз Наташа затащила меня в «Третьяковку». Но разве за час ее обойдешь? А больше времени не было! Надо было в ту же «Варну» бежать. Главврач заказал для жены подарок: духи «Быть может…». Или «Может быть…»… Я тогда и для себя несколько флаконов купила. А главное ведь, - недорогие! На подарки. Хорошо, что мы с Наташей вдвоем были, а то больше пяти флаконов в одни руки не давали. Вот я и говорю… Стоили-то они намно-о-ого дешевле наших. Рубль девяносто по-моему… А пахли приятно!.. Но мы хоть честно ездили «по магазиннам». А у Антонины в институте? Заказывали экскурсионный автобус по достопримечательностям столицы, а вместо них научные сотрудники убегали в те же ГУМ, ЦУМ и так далее.

- Да-да.., - выдавил я из себя. И вдруг вспомнил, как мы с однокурсником Серегой в военном училище капали этими духами в фильтры сигарет… Для вкуса и аромата!

…А вечером снова проводил Аллу на поезд до Белгорода. Только вернувшись домой, вдруг почувствовал, что какая-то туга наползла на меня. Но я отогнал ее, внушая себе, что должен радоваться: наконец-то «нарисовался» хоть один вариант достойного обмена!

И вдруг вспомнилась Елена. Подумалось: «Как-то она там? Одна! С сыном-младенчиком»… Но я налил себе полстакана коньяку и, выпив, легко отогнал эти мысли. Раздевшись, плюхнулся под одеяло. Однако скоро открыл глаза. За окном фонарь разливал вокруг себя желтый мутный свет. «То ли туман, то ли мелкий снег… С дождем?» - подумалось мне. Я хотел, было встать, перекурить, но вдруг увидел, что около стола на стуле сидит… офицер. И мундир его был далеко не советским, а словно из фильма

про Гражданскую войну. В полумраке на золоте погон тоже золотые звезды были незаметны. Поэтому звания я не различал. Только белый эмалевый крестик на груди, - кажется, *Георгиевский,* - светился ореолом, вокруг него. Хотелось, было, спросить, как он сюда попал и кто он такой, но офицер опередил меня, сказав: «Ох, Алексаша, Алексаша, и разладилась же твоя душенька! Разобраться бы тебе в ней!»

- Перекрестись! Молитву Честному и Животворящему Кресту Господню прочти! - нашелся я.

Ночной гость улыбнулся. Встав со своего стула. Обернувшись к иконам и трижды перекрестившись, исполнил мое требование. Снова опустился на стул. А я, вглядевшись в его лицо, вдруг поймал себя на мысли, что мы с ним похожи, словно близнецы. А внутри ощутил какую-то знакомую, но позабытую нервную, но какую-то радостную дрожь… Однако я взял себя в руки и спросил: «И в чем это душа моя разладилась? Да и какой разлад может быть, если живу по закону. По Божиему Закону!»

- А по благодати? – усмехнулся офицер.

- Что вы… Что ты хочешь сказать?

- Ты слушаешь не душу, а тело. Плоть! Страсти свои плотские. По ним живешь. А не по Закону Божиему! Прости за сию горькую правду. Впрочем, тебе об этом уже говорили… В Екатеринбурге.

- В самом деле, кто-то уже говорил мне это.

- А ты слушал, но не услышал…

- Тело? Плотские страсти? – недоумевал я. Встал. Закурил… Какие-то странные папиросы, предложенные гостем. На витиеватой пачке даже название было написано с твердым знаком. Но я продолжил: «Вы… То есть, ты хочешь что-то сказать против моего Святого Венчания с Аллой?»

- Я не против чего-то или кого-то. Я – за Господа нашего Иисуса Христа. А он – не только Закон, но и

Благодать. К тому же, напомню, что Святое Венчание совершается не столько на земле, сколько на Небесах. Однако, уж поверь: иной раз, совершенное на земле, в Обителях Небесных не совершается. В подобных случаях земные браки все одно распадаются. Рано или поздно… Через год, через пять, через пятнадцать лет…

- Но как тогда бла-го-дать Божия, почивающая на священниках? Она что? Незаконна?

- И-и-и, брат! Священники – тоже люди. И тоже грешны. Иной, кажется, служит Божественную Литургию или Всенощное бдение. Но Господь не принимает его служение по грехам оного. И посылает служить Своих Ангелов… А нерадивый священник становится тимпаном бряцающим. Я – не в осуждение, а в рассуждение толкую… К тому же, враг очень зол на тебя за твои труды в «Русском Вестнике». За твои стихи. Мстит. И будет дальше пуще прежнего мстить через слуг своих.

- Куда ты клонишь? Не к тому ли, что наше Святое Венчание с Аллой на Небесах не… Ну, не зарегистрировано, что ли?

- Этого я тебе не скажу. Время покажет. Тебе самому узнать надобно. А послан я к тебе, дабы сказать, что на тебя епитимия наложена. Пронесешь ее до конца достойно, будет одно, не пронесешь, - другое. Постарайся же. Потрудись! А покуда, прощай.

Он поднялся. А я вскинулся: «Погоди! Погоди! А если бы я.., ну-у.., сам понимаешь… с Еленой? Ты же, вижу все знаешь!»

- И-и-и! Все, да не все! – грустно улыбнулся он. Помолчал, словно не желая договаривать. Посмотрел на иконы. И все-таки сказал: «С Еленушкой было бы сложнее. Вас бы уже через месяц принялись бы разводить… Есть такие силы! Как и на тебе, на ней – тоже лежит родовое проклятие. Впрочем, как и благословение. Вот они между

собой и воюют. А кто победит, зависит только от вас самих. Ведь у каждого православного Христианина есть выбор: одно из двух. И от того, что он выбирает, Господь определяет дальнейшую судьбу. Елена – сильная! И хотя в Храм Божий не ходит, - отчасти оттого и многие ее беды. Но живет она по Закону Божиему! Он у нее – в душе! Он – образ ее жизни! Хотя… Далее мне говорить тебе не велено. Прости уж! Неси епитимию достойно! И прощай!»

Он исчез. А я открыл глаза по-настоящему. Досадливо подумал: «Приснится же! Лу-у-укавый, должно быть, крутит. Хотя ведь он молитву Кресту прочитал… Только почему говорил только про меня и Елену? Про нас с ней? Вместе? А не с Аллой?! Словно венчан я именно с Еленой… «Святое Венчание совершается на Небесах»…

Вечерняя туга сдавила сердце. Я встал. Желтый фонарь тщетно боролся то ли с туманом, то ли с изморосью. Почему-то вспомнилась строка Николая Рубцова: «…горит, но рассеивает мглу…». Я выпил еще сто граммов коньяку. Закусил долькой мандаринки. После них улегся опять в постель и мгновенно заснул. Без сновидений и видений. А утром, за завтраком, сон виделся мне в каком-то тумане. Даже лицо офицера вспоминалось акварельным рисунком по влажной пористой бумаге… Вдруг горько подумалось: «Как же давно я не был в церкви! Как давно не выстаивал всю службу от начала до конца! Даже не постился… А уж когда причащался Святых Таин, вообще не помню! Прости, Господи»! Вот с таким настроением я и отправился на работу…»

А там – опять рутина. Вечером, положив на стол главного отредактированные материалы, попросил его дать мне недельный отпуск за свой счет.

- Устали? – спросил Алексей Алексеевич.

- Есть немного. Хотелось бы сменить умственный труд на физический. В Белгороде квартиру жены надо к обмену подготовить: ремонт сделать.

- Нашли удачный вариант?

- В Люберцах. Станция Панки. Квартира – трехкомнатная. Точно такая же, как в Белгороде. До метро на электричке – пятнадцать минут. От станции до дома – десять тихим шагом.

- Повезло. Недели на ремонт хватит?

- Думаю, что хватит.

- Ну, что ж, Бог помощь.

- За свой счет?

- Езжайте ради Бога! Считайте неделю отгулами за работу в выходные, - устало вздохнул Алексей Алексеевич и опустил глаза в бумаги на столе. А Борис сверкнул золотым зубом: «Говорил тебе, Саша, не женись! Не надо было бы суетиться ни с обменом, ни с ремонтом!»

Я в ответ махнул рукой.

А в среду, словно ураган, в редакцию влетел Матвей Лаврентьевич. С порога выдохнул: «Слышали новость?! Дача, лаборатория… Мне позвонили… Сказали, что позавчера в Малаховке была страшная гроза… Это в ноябре-то!.. Аномалия какая-то! С некоторых дач крыши посрывало! А в лабораторию нашего Альфреда Ивановича попала молния. Все постройки сгорели. Сам он – в реанимации… Кинулся спасать свои реактивы, бумаги, так его горяшим перекрытием по голове прибило. Ожоги третьей степени… Неужели заземления не провели?! Быть того не может! Злоде все д»должен был предусмотреть!»

- Так что ж, все изыскания, вся документация уничтожены? – спросил я.

- Подчистую! Подопытные тоже сгорели. Даже обуглились, несчастные! - почти захлебывался словами Матвей Лаврентьевич. Его явно колотила нервная дрожь:

«Что ж это, как не промысел Божий? Нельзя идти против Господа! Хорошо, что до соседних дач огонь не успел дойти. Пожарные вовремя приехали. Да ливень шел приличный! Притушивал.

- Вот, Господь все и управил! – хмыкнул я. Это, к самом деле было удивительно: «Правильно отец Тихон сказал, что Бог поругаем не бывает. Против него Альфред Иванович пошел. И… получил соответственно.»

- Злой ты, Саша! – сверкнул золотым зубом Борис.

- А в какой больнице ваш биохимик сейчас лежит? – спросил Алексей Алексеевич.

- «Скорая» поначалу отвезла его в Малаховскую районную, а оттуда – в Москву, в ожоговый Центр института имени Склифосовского.

- А кто же вам позвонил?

- Дежурный врач. Альфред в безпамятстве называл некоторые номера телефонов. Но невнятно. Губы-то тоже обожжены! Отчетливо произнес только мой номер телефона. Жене Альфреда Ивановича я уже позвонил. Она обещала сразу выехать в ожоговый Центр.

- Вы располагаете временем, чтобы вместе с Александром, - кивнул на меня Алексей Алексеевич, - съездить туда?

- Да. Меня отпустили с работы. Ведь Альфред тоже в нашем институте трудился. Только… Только не наткнуться бы на этого мерзавца! Разумею Эраста Артуровича.

- А он-то откуда знает о пожаре?

- И-и-и! Этот колдун мно-о-огое может видеть в своем стеклянном шаре! Как в телевизоре! Я несколько раз видел его сеансы таких просмотров. А опыты Альфреда, полагаю, чуть ли не самая главная на сегодняшний день подлость, которую он подготовил против человечества. Поэтому к работе лаборатории у него – самое пристальное внимание.

- В подобных ситуациях отец Тихон рекомендует непрестанно молиться, - подал голос Володя Топорков, - Иисусовой молитвой. Господь-то - все равно сильнее всяких эрастов и прочих слуг врага рода человеческого вместе с их шарами и прочими инструментами бесовскими. А если б мы сами были безгрешны, или хотя бы на деле, всей своей жизнею стремились к этому, то были бы неуязвимы для колдунов, ворожей и иже с ними… Надо хотя бы молиться! Не-прес-тан-но! Именно Иисусовой молитвой!

- Вот именно, - спрятав в усах улыбку, кивнул Алексей Алексеевич, - я сейчас позвоню отцу Тихону и попрошу его с братией помолиться сугубо. Поезжайте с Богом. А увидите этого нелюдя, Эраста… Или как его… Пройдите мимо, словно он – пустое место.

- Только с молитвой! – опять подал голос Топорков. И, растягивая слова, наставительно добавил: «Желательно – Честному Животворящему Кресту Господню! *Да воскреснет Бог и расточатся врази Его*… Наверное помните, как дальше? Возьмите с собой молмивослов!»

- Да, чуть не забыл! – перебил своего зама Алексей Алексеевич. Даже строго взглянул на него: «Обязательно узнайте у лечащего врача: если наш биохимик выживет, останется ли он дееспособным? Почему меня это интересует? Нам надо твердо знать, будут ли продолжаться исследования по олилипучиванию людей… Надеюсь, этот несчастный Эраст.., - как бишь его? – Милостию Божией теперь не сможет найти замены еще более несчастному Альфреду Ивановичу… Вроде бы всё… Поезжайте с Богом. И не на вашей «Волге», а на общественном транспорте. Как знать, не обогнал ли вас этот Эраст Артурович. Машину-то вашу он знает и может напакостить с ней.

- Забавно получается то, что - невесело хмыкнул Матвей Лаврентьевич, когда мы вышли из редакции на улицу, - почему-то не органы государственной безопасности,

выполняя свои непосредственные обязанности по защиты соотечественников по охране их жизни и здоровья, занимаются обезвреживанием Альфреда и его кукловода, а журналисты.

- Что ж вы хотите?! – отозвался я. Высмотрел троллейбус: «Духовные наследники дзержинских-руфиных, и иже с ними! Тех же коганов, кацнельсонов, финкильштейнов, фридбергов, возглавлявшие ленинские лагеря смерти…»

- Не понял! – даже остановился Матвей Лаврентьевич.

- Я вам назвал только некоторые, сохранившиеся в памяти, фамилии начальников лагерей управлений тюрем на необъятных просторах нашего Отчества в двадцатые-сороковые годы. Точных дат, к сожалению не помню. Но лучших русских людей, малороссов, белорусов, кавказцев в том числе священников, монахов, монахинь уничтожали под их «чутким» руководством. Коган, например, был начальником Беломорских лагерей, а Финкельштейн – зверствовал в северных областях.

- Да-а-а! – опустив голову, проговорил Матвей Лаврентьевич. И, как будто, понял: «Сталинские лагеря… Но почему вы назвали их ленинскими?.. Кто придумал эти лагеря? При ком они расцвели…»

Я перебил его, воскликнув: - Сталинские?! Конечно, понятно: вы – человек науки. Волею судьбы вне ее, черпаете из официальных источников, документов… Но позволю себе заметить, что инициатором создания лагерей смерти для лучших представителей Российской Империи был… Ленин. Бланк-Ульянов-Ленин! И я не удивлюсь, если вдруг узнаю, что он действовал по заданию Главного Совета масонских лож, так называемого «мирового теневого правительства», для которого существование Российской Империи, ее развитие, грозили полным фиаско!

- И откуда у вас такие сведения? – вскинул Матвей Лаврентьевич.

- Это – моя работа! Секрета здесь нет никакого. Поэтому, ежели пожелаете, я ознакомлю вас с некоторыми документами. Но – как-нибудь потом. Сейчас у нас – другая задача.

Через четверть часа мы входили в Ожоговый центр. Пройдя по длиннющим коридорам, прошли на второй этаж. И там, перед стеклянной дверью с надписью «Реанимационное отделение» увидели заплаканную со следами былой красоты, немолодую женщину, неудобно усевшуюся на низенькую больничную скамеечку-банкетку.

- Антонина! – позвал ее Матвей Лаврентьевич, и почти подбежал к ней. Женщина вскочила. Взглянула на нас. И, подбежав сама, уткнулась влажным от слез лицом в грудь моего спутника. Тихо проговорила: «Надо же… А ты постарел… Сколько лет не виделись… А встретились при таких горьких, трагических обстоятельствах.»

- Ты видела Альфреда? – так же тихо спросил Матвей Лаврентьевич.

- И видела… И не видела… Мне разрешили посмотреть на него через стекло… Весь забинтован. Даже глаза. Оставили только рот с воткнутыми в него трубочками, через которые подается питание и дырочки ноздрей для дыхания.

- А что говорят врачи?

- Говорят, что положение - крайне тяжелое. Но надежда еще есть… Ох! И просила же я его, чтобы не уходил из института, не устраивался на эту «высоко-о-о оплачиваемую работу» в Малаховке… Но ты же знаешь, как фанатично Альфик всегда относился к своим исследованиям… А на малаховской даче над ним не тяготели ни директор, ни эти надутые «научные светила», ни партком, ни профком, ни «первый отдел», никто другой..,

- отстранясь от Матвея Лаврентьевича, но то и дело всхлипывая, выговаривалась жена Альфреда Ивановича.

- А чем он занимался в Малаховке, ты знаешь?

- Да нет же! Я никогда не интересовалась работой мужа… Так мы договорились еще много лет назад, перед самой свадьбой. Конечно, несколько последних месяцев мы жили, как у Христа за пазухой. Материально. Он на день рождения мне даже норковую шубу подарил! Ты только представь! Хотел покупать квартиру в «сталинском» доме на улице Горького! Пять комнат! Второй этаж!

- Кто-нибудь, кроме тебя, навещал его?

- Не-е-е-т… А кто должен? Я хотела, было, его начальству позвонить, но ведь все записи и телефонная книжка сгорели в Малаховке.

- Начальство само найдет Альфреда, - вздохнув, потупился Матвей Лаврентьевич. Но тут же вскинул голову. Из-за стеклянной двери в реанимационное отделение вышел молодой человек во врачебной распашонке и штанах салатового цаета.

- Это - его лечащий врач! Молодой, но все здесь говорят, что очень толковый! – шепнула жена Альберта Ивановича. И первой кинулась к молодому человеку. Всхлипнув, спросила: «Доктор, ну, как он?»

- Состояние стабильно тяжелое! Но делаем все возможное, чтобы спасти, – вздохнув, ответил тот. И скорбно добавил: «А что ж вы хотели? Чтобы на третий день после таких ожогов он ходить начал?! Учтите, что на его реабилитацию при самом благополучном исходе уйдет несколько лет! И не ловите меня, не спрашивайте через каждые пять минут! Мне уже итак телефон оборвали… Работать некогда! У меня же и другие больные есть!»

- Простите, доктор, - подошел я к нему, - А кто звонил?

- А вы кто? – в свою очередь спросил врач. Я предъявил журналистское удостоверение.

- Видать не простой пациент поступил к нам, если газетчики понаехали, - хмыкнул врач. И чеканя слова, пояснил: «А звонил мне его научный руководитель. Так, во всяком случае, он представился… Имя-отчество назвал… Нерусские какие-то… Немецкие, что ли…

- Не Эраст ли Артурович? – спросил Матвей Лаврентьевич.

- Во! Точно! Именно Эраст Артурович! – даже прихлопнул в ладоши врач. А мы с Матвеем Лаврентьевичем переглянулись.

- Простите за такой вопрос, - приблизившись почти вплотную к врачу, чтобы жена нашего биохимика не слышала, снова спросил я, - можно ли узнать, насколько дееспособен будет ваш больной после выздоровления, если Бог даст?

- Трудно сказать. Ожоги третьей степени тяжести. Травма головы, полученная от упавшей горящей балки. Перелом ключицы…

- Вы сказали это по телефону «научному руководителю»?

- Нет. Я сказал, что такие сведения мы даем только при личном общении и при предъявлении документа, позволяющего нам открыть врачебную тайну.

Матвей Лаврентьевич предъявил врачу свое институтское удостоверение и сказал: «Вы знаете, доктор, человек, назвавшийся Эрастом Артуровичем, вовсе не является научным руководителем… Он – проходимец, если не сказать хуже… Интересуется научными разработками вашего пациента, которые могут составить Государственную тайну. Так что, будьте с ним поосторожнее. Только откуда он узнал о случившейся трагедии?

- Как же?! – подала голос жена Альфреда Ивановича. Даже приложила ладони к покрасневшим щекам: «Ты, Матвей сам же позвонил мне по телефону. Сообщил о несчастии, случившимся с Альфиком. Потом позвонил этот… как его… Эраст Артурович. Тоже назвался научным руководителем. Я и рассказала то, что услышала от тебя.

- И стеклянных шаров не понадобилось! – тихо, чтобы, кроме меня, никто не услышал, пробурчал Матвей Лаврентьевич. И тут же спросил женщину: «Ты домой поедешь? Я бы проводил…»

- Нет-нет… Я останусь здесь.., - задумчиво проговорила та. Но тут же спросила врача: «Если нужна будет кровь, я могу сдать. У нас с мужем одна группа. Редкая… Четвертая!»

- Спасибо. Но крови в Центре достаточно. А вам сейчас самой нужны силы… Я бы рекомендовал все-таки поехать домой. Здесь вы все равно ничем не поможете. Ни мужу, ни обслуживающему персоналу. И не нервничайте! Извините, мне надо идти.

И он, слегка поклонившись, направился от нас по коридору.

- Ну, что, – еще раз повторил Матвей Лаврентьевич, - проводить?

- Нет-нет! – всхлипнула женщина. Резко помотала головой: «Я сейчас к сестре поеду. Одной тяжело оставаться. А там – родная кровь…»

На этом мы распрощались с ней. А когда шли у метро, Матвей Лаврентьевич вдруг, горько усмехнувшись, сказал: «А ведь я когда-то любил Антонину. Мы тогда только закончили свои институты. Вместе работали. Стали встречаться. А тут появился Альфред. И… отбил Антонину. Талантливая была девушка. Может быть, даже посильнее Альфреда. Они поженились. Вскоре она бросила работу, хотя как ученый подавала большие надежды. И целиком

посвятила себя семье, домашнему хозяйству, лишь бы только муж мог заниматься наукой.»

- Матвей Лаврентьевич, - заговорил я, пытаясь перевести разговор на другую тему. Дабы отвлечь его от грустных воспоминаний: «Но ради справедливости, нельзя не заметить преданности Альфреда Ивановича науке… Фанатичной преданности! Ведь далеко не каждый, рискуя, жизнию, кинется в полыхающий дом, чтобы спасти записи своих исследований, а может быть, и некоторые наработки.

- Не могу не согласиться! – кивнул мой спутник. Он шел, задумчиво опустив голову. Но от моих слов даже оживился: «Альфред всегда отличался, как вы сказали фанатичностью в науке. По молодости лет, во время экспериментов мог сутками ни спать, ни пить, ни есть… И представьте себе: не выглядел уставшим! Может быть, за эту фанатичность Антонина и полюбила его. И пожертвовала своей научной карьерой…»

- Но для этого и Антонине, - простите, отчества ее я так и не узнал, - нужно было обладать богатой духовностью, редкой самоотверженностью! Я таких женщин не встречал.

- Я тоже… Впрочем о духовности Антонины здесь говорить не приходится. Можно сказать только о ду-шевнос-ти. А сие – разные понятия! Богом Антонины был Альфред. А это, сами знаете, чем и кем попахивает…

- Человекоугодие! – хмыкнул я. А Матвей Лаврентьевич продолжал: «Вскоре после их свадьбы проект, где термодинамика соприкасалась с биохимией прикрыли. И мы с Альфредом, а тем паче с Антониной, долго не встречались. А когда случайно столкнулись на одном из симпозиумов, я узнал, что у них родились мальчик и девочка, двойняшки. Но… в десятилетнем возрасте они погибли… По-моему, автобус, на котором дети ехали в пионерский лагерь, столкнулся с самосвалом. По вине пьяного водителя последнего… Однако именно наука

отвлекла Альфреда от горьких переживаний. Антонину – тоже. Теперь она заботилась о муже, как заботилась бы о нем и двоих своих детях вместе взятых.»

- Простите, а вам не кажется, что это – своего рода психическое заболевание?

- Я как-то не думал об этом… Возможно, что вы правы… *Не сотвори себе кумира*… Нет, дорогой Александр, это – не психическое заболевание, а некая греховная одержимость… Что, впрочем, одно и то же. Первый термин – чисто медицинский, материалистический, оторванный от Православного Христианства, второй - вероисповеднический. А ведь как утверждает Виктор Иосифович Вейник, наука и вера неразделимы! Взаимосвязаны! И я с ним полностью согласен. Наука без Бога всегда работает во вред человеку. Возьмите хотя бы тот же «мирный атом», ставший ядерным оружием… Посему страшно даже подумать, какие генетические мутации ждали бы человечество, если бы Альфред Иванович завершил свои изыскания!

- Вот они, - рога! – и вылезли! – воскликнул я и, честно говоря, даже пожалел, что не смогу обо всем этом написать.

…Алексей Алексеевич выслушал нас. Покачал головой: «С одной стороны, хорошо, что наш биохимик не успел завершить свои изыскания, и все его наработки сгорели. Но с другой… С другой стороны, этот Орест.., простите Эраст Артурович может убить Альфреда Ивановича…»

- ?

- ? – одновременно удивленно вскинули мы с Матвеем Лаврентьевичем подбородки.

- Очень просто! – вздохнул Алексей Алексеевич. И, выдержав паузу, пояснил: «Представьте. Он узнает, что для реабилитации биохимика нужны годы. Но кукловода нет на

сие времени. К тому же, ведь пойдя на поправку, Альфред Иванович может в бреду или во сне проболтаться о своих исследованиях. И мало ли кто услышит…

- Что же делать?

- Да-а-а! Проблема! В компетентные органы не сообщишь! Не попросишь поставить охрану… Будем надеяться, что ваш сатанист не сразу пойдет на убийство. Не сам, конечно… Чужими руками. Ну, да ладно! Утро вечера мудренее. Придумаем что-нибудь. А пока… Пока предлагаю завершить рабочий день. На часах-то – половина девятого.

На улице Матвей Лаврентьевич определил: «Пойдемте-ка! Я подвезу вас до дома.»

- Но вам же – в другую сторону! – попытался возразить я.

- Повезу-то не я, а машина, - хохотнул он в ответ. Ну как тут возразишь?! И через полчаса мы были уже на улице Алексея Толстого, напротив подъезда моего дома. Я поднял голову и увидел в двух своих окнах тем-но-ту. Значит, Лидии дома нет. И навряд ли она решиться возвращаться в такое время. Поэтому, сходу придумав, предложил: «Матвей Лаврентьевич! А не зайдете ли на чашку чая? С бутербродами. Можно даже с коньяком!»

- С коньяком нельзя: – крутанул он головой, - я ведь – за рулем! А от чая с бутербродами, пожалуй, не откажусь. Мы ведь с вами сегодня не обедали. А у меня, знаете ли, диабет. Из последних сил держусь. Надо обязательно съесть хотя бы маленький кусочек хлеба. Кстати, вы «грозились» познакомить меня с фактами причастности Ленина к созданию концлагерей в России… Если, конечно, не слишком устали и не собирались по возвращению домой улечься почивать…

- Нет-нет! Я не устал. К тому же сегодня - столько впечатлений. Навряд ли я быстро засну, даже если улягусь за полночь. Пойдемте.

Еще через полчаса мы сидели у меня в комнате за столом и запивали бутерброды с колбасой крепким чаем из большого, - на полтора литра! – фарфорового заварного чайника, подаренного мне во время одной из командировок в Ташкенте. Когда же слегка насытились, я достал из письменного стола пухлую папку. Развязал тесемки. Перебрал несколько листов машинописного текста. Заговорил: «Вы упомянули так называемые «сталинские лагеря»…

- Ну, да, – перебив меня, кивнул Матвей Лаврентьевич, - этот термин и понятие нам вдолбили в головы в годы «хрущевской оттепели»…

- Надо было обосновать осуждение так называемого культа личности Иосифа Виссарионовича, - теперь перебил его я. Хотя и заметил, что называется, недополимание собеседника: «Именно Ленин организовал и возглавил репрессии и задал, тон на мно-о-о-гие годы. Судите сами! Превратить войну освободительную, - разумею освобождение православных сербов от захватчиков, - в войну гражданскую, в которой погибли миллионы наших соотечественников, - надо обладать дьявольской изощренностью. Ей равнозначны, пожалуй, только опыты нашего знакомца Эраста Артуровича! С его идеей олилипутовании русского народа! Но не то ли делали большевики, захватившие власть? А мы с вами знаем, кто является богом Эраста Артуровича… Кому он служит! Кому покланяется! И причем здесь Сталин? Он в те годы, после трагического семнадцатого года, командовал второй конной армией! В первый же год существования Совдепии, Ленин не только носил на субботниках бревна, но и ломал памятники русской истории. Ломал лично, своими руками. Зато не под руководством ли Сталина восстановлена страна, изменен геополитический баланс в пользу России?! Согласитесь, никогда Россия не продвинулась так далеко в

деле своего могущества, в деле охраны своих границ, как при Сталине. Никогда пояс так называемых буферных государств не уходил так далеко в Европу, как в советский период. И реально напасть на Советский Союз после нашей победы во Второй мировой войне было практически невозможно.

- В чем-то можно с вами согласиться – отхлебнул из чашки чай Матвей Лаврентьевич, - но вы обещали представить факты!

- Будут и факты. К нам в редакцию пришло открытое письмо Российского Имперского Союза-Ордена. И они именно с фактами в руках тоже пишут, что именно Ленин стоял у истока создания концлагерей, физического и духовного уничтожения крестьянства, казачества, священства, купечества, дворянства. И доказательно цитируют. Извольте сами прочитать. Вслух! – протянул я Матвею Лаврентьевичу лист из моей папки. Он надел очки и неуверенно прочитал: - ***11 августа 1918 г. 11.VIII.1918 г. В Пензу Т-щам Кураеву, Бош, Минкину и другим пензенским коммунистам***

Т-щи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь везде «последний решит. бой» с кулачьем. Образец надо дать…

- Надо ли вам говорить, - перебил я Матвея Лаврентьевича, - что кулачье – ни кто иные, как русские крестьяне и крестьяне других наций. Трудившиеся по заповеди Божией в поте лица. В большинстве своем они не имели батраков. А значит по определению самих же, прости, Господи, коммунистов не были эксплуататорами! Работали многочисленные сыновья, внуки, жены, дочери, зятья, невестки… Простите, я перебил. Читайте дальше.

Матвей Лаврентьевич поначалу пробежал текст глазами. Потом, покраснев, повторил написанное вслух: -

Первое. Повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не меньше ста заведомых кулаков, богатеев, кровопийцев. Второе. Опубликовать их имена. Третье. Отнять у них весь хлеб. Четвертое. Назначить заложников – согласно вчерашней телеграмме. Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц кулаков. Телеграфируйте получение и исполнение. Ваш Ленин.

Он вскинул на меня глаза. Выдохнул: «Боже мой! Здесь даже источник есть! *РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 6898 – автограф...* Можно я перепишу его… Чтобы не показаться многословным, когда расскажу коллегам в институте? Вы сами-то проверяли?

- А то! – пожал я плечами и протянул ему еще один лист: «А здесь - цитата из письма Троцкому от 22 октября 1919 года.»

Матвей Лаврентьевич, то и дело поднимая на меня глаза, прочитал опять вслух: «*Покончить с Юденичем (именно покончить – добить) нам дьявольски важно. Если наступление начато, нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских рабочих плюс тысяч 10 буржуев, поставить позади их пулеметы, расстрелять несколько сот и добиться настоящего массового напора на Юденича?* Позвольте, я перепишу и этот источник?»

Я кивнул: «Пожалуйста-пожалуйста!.. Но обратите внимание на слова «Дьявольски важно»!

Матвей Лаврентьевич кивнул, а, переписывая, как бы сам себе диктовал: «*РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 11480 – автограф.»*

Я подал ему еще один лист: «А вот, если угодно, очень показательная записка Склянскому.»

- А кто это?

- Эфраим Маркович Склянский. Родился в девяносто втором году прошлого столетия в Малороссии утонул в

озере Лонглейк, в Соединенных Штатах, где занимал какой-то важный пост, как представитель нашего Государства. Современные его подельники называют его видным военным деятелем Гражданской войны. Более того, утверждают, что утопить его приказал Сталин. А был он ближайшим сотрудником Троцкого, его заместителем на посту председателя Реввоенсовета РСФСР… Это известно из Большой советской Энциклопедии. Но зная кровожадную жестокость самого Лейбы Давидовича Троцкого с настоящей фамилией Бронштейн, не ошибемся, если назовем Склянского палачом. Но вы прочитайте, что приказывает ему Ленин!»

Матвей Лаврентьевич опять склонился над текстом. Прочитал: «*Конец октября – ноябрь 1920 г. …прекрасный план! Доканчивайте его вместе с Дзержинским. Под видом «зеленых» (мы потом на них и свалим) пройдем на 10-20 верст и перевешаем кулаков, попов, помещиков. Премия: сто тысяч рублей за повешенного.»*

И опять, проговаривая, записал источник «записки» - *РГАСПИ, ф. 2, оп. 2, д. 380 – автограф.*

Поднял на меня глаза. Спросил: «Прости, Александр, мою дремучесть, но что такое РГАСПИ?»

- Это вовсе не дремучесть! – засмеялся я в ответ. Вспомнил поговорку про «пирожника» и сапожника. Про то, что у каждого – свои обязанности: «В термодинамике, я – вообще питекантроп! Тогда, как вы в ней, словно на своей кухне… А РГАСПИ – всего лишь Российский Государственный архив социально-политической истории.

- Серьезная контора! – крутанул головой Матвей Лаврентьевич. Отхлебнул чаю: «Но, может быть, расскажете еще?»

- Еще? – пожал я плечами. Помахал в воздухе папкой: «Подобных документов у меня хватит на увесистый том энциклопедии. Возможно, и не на один! Но власти никогда

не пустят их в печать, дабы не уподобиться унтер-офицеровой вдове… Да и эрасты-артуровичи не допустят этого. Однако со временем обнародования я могу ошибаться! Документы непременно будут опубликованы после восстановления в России Православного Самодержавия. А возвращаясь к теме нашего разговора, замечу, что прочитанное вами происходило за-а-адолго до прихода к власти Иосифа Виссарионовича.»

- А вот… Фамилии, с позволения сказать, «видных советских государственных и военных деятелей», которые вы приводили, все, как одна, - нерусские! Немцы? Евреи? – спросил Матвей Лаврентьевич.

- Могу сказать только, - вздохнул я, - ни русских, ни малороссов, ни белорусов среди правящих подонков не было! Конечно, пушечным мясом оказались худшие представители и тех, и других, и третьих. Так, одним из палачей, расстрелявших Царскую Семью с верными их слугами, был некто Ермаков. У-го-лов-ник! К слову, Янкель Моисеевич Свердлов, создававший на Урале боевые революционные дружины, а как сейчас бы их назвали, террористов, подбирал в оные именно из уголовников. Оплачивал их кровавый труд. Откуда, простите, он брал денежки?.. Но мы отвлеклись… Хотите ли узнать, какие семена бросили в землю пассажиры опломбированного вагона, прибывшего из Германии с Лениным и иными. Могу даже перечислить…

- Ну-ка, ну-ка? – вскинул подбородок Матвей Лаврентьевич.

- Извольте! – протянул я очередной машинописный лист. А мой гость зачитал: - Ульянов Владимир Ильич, - ну, это понятно… Сулишвили Давид Сократович, - явно грузин, как и Сталин… Ульянова Надежда Константиновна. Хм… Тоже понятно: жена – за мужем!

- Кстати, – неожиданно вскинулся Матвей Лаврентьевич, - а какая у нее девичья фамилия?

- Крупская! - засмеялся я, - Отец – офицер! Но поддерживал антирусское польское восстание 1863 года. Мать – бывшая гувернантка… А вообще: достойная наследница прожженной кухарки, считавшей себя способной править Российской Империей!

Матвей Лаврентьевич опять опустил глаза в бумагу. Продолжил, уже сам читать, чуть ли не декламировать: «Арманд Инеса Федоровна, Сафаров Георгий Иванович, Морточкина Валентина Сергеевна, Харитонов Моисей Мотьков, Константинович Анна Евгениевна, Усиевич Григорий Александрович, Кон Елена Феликсовна, Раввич Сарра Наумовна, Цхакая Михаил Григорьевич по кличке Миха, Сковно Абрам Анчилович, Радомысльский - Овсей Гершен Аронович…»

- Простите, перебью! – подал голос я. И неожиданно удивил собеседника: «Сей субъект известен нам, еще как Григорий Зиновьев. Родился в богатой еврейской семье. И получил, к слову, домашнее образование под непосредственным руководством отца… В декабре двадцать пятого года на четырнадцатом съезде партии большевиков Зиновьев, поддержанный Каменевым и ленинградской делегацией, выступил против Сталина. Через год Зиновьева сняли со всех постов, отстранили от руководства Ленсоветом и вывели из Политбюро. Участницами «ленинградской» оппозиции были и две жены Зиновьева – упомянутая нами Равич и Лилина…. Еще раз простите.»

- Радомысльская Злата Эвновна, Радомысльский, Стефан Овсеевич, - должно быть сын, коли родился в 1908 году…

- Да-да, – кивнул я, - расстрелянный своими же в тридцать восьмом…

- Какие-то у них баночно-паучные законы… Если вспомните, «революция пожирает своих детей»…

- О том и речь! Политика обрезки «сухих ветвей»… А что ж может быть еще у поклонников лукавого?!

Между тем, Матвей Лаврентьевич, гадливо скривил губы: «Ривкин, Слюсарева, Гоберман, Абрамович, Линде, Бриллиант (Сокльников), Мирингоф Илья Давыдович с супругой Марией Ефимовной, Розенблюм Давид Мордухович, Пейнесон, Гребельская Фаня, хм.., из Бердичева, Поговская Буня Хемовна с сыном Рувимом, Айзенбунд Меер Кивов… Однако, не все они – с характерными фамилиями и именами…

- Вы не учитываете, что следом за так называемым «ленинским» вагоном в Россию прибыли еще три! А в мае семнадцатого года из Америки – целый пароход с Троцким-Бронштейном… Перечислять фамилии его пассажиров-революционеров придется до утра!

- Да-да, – закивал Матвей Лаврентьевич, - так может быть, прервемся. Вам надо отдыхать!

- Мне-то – ничего. Я нередко пишу ночами.

- Ну, вот видите! Я тоже работаю иной раз до утра. Так что давайте продолжим. Вы хотели рассказать о плодах плевел, посеянных Лениным и компанией в России. - Кровавый «красный террор» начался сразу после захвата власти большевиками. В ответ на него русский народ восстал! Наиболее крупными были Вандейский мятеж, Муромское, Ижевско-Воткинское, Ярославское, Зазейское восстания. Все они были жестоко подавлены. Приведу пример только одного знаменитого и самого массового Антоновского мятежа на Тамбовщине. Антонов был членом партии эсеров… Оговорюсь, я категорически против всякой «эсеровщины», прославившейся своими террористическими актами против законной Царской власти задолго до семнадцатого года. Но восстание-то подняли простые

крестьяне, доведенные до отчаяния драконовскими законами советской власти против них.

- Отчаяние – тяжкий грех! – крутанул головой Матвей Лаврентьевич.

- Вот-вот! А если бы восставшие выступили не под лозунгом «вся власть учредительному собранию», а За Веру, Царя и Отчество, глядишь и победили бы. Так вот. Первые успехи «антоновцев» описывать не буду. Зачитаю только приказы полномочного представителя особой комиссии ВЦИКа Антонова-Овсеенко, - это - другой Антонов, - и командующего красными войсками Тухачевского. Вот, послушайте: *Приказ Полномочной комиссии ВЦИК о начале проведения репрессивных мер против отдельных бандитов и укрывающих их семей. N 171, г. Тамбов от 11 июня 1921 г. Уполиткомиссиям 1, 2, 3, 4, 5*

Начиная с 1 июня решительная борьба с бандитизмом дает быстрое успокоение края. Советская власть последовательно восстанавливается, и трудовое крестьянство переходит к мирному и спокойному труду. Банда Антонова решительными действиями наших войск разбита, рассеяна и вылавливается поодиночке.

Дабы окончательно искоренить эсеро-бандитские корни и в дополнение к ранее отданным распоряжениям Полномочная комиссия ВЦИК приказывает: Первое. Граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте без суда.

Второе. Селениям, в которых скрывается оружие, властью уполиткомиссии или райполиткомиссии объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия.

Третье. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

Четвертое. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается без суда.

Пятое. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

Шестое. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать.

Седьмое. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно.

Далее идут подписи уже названных мною палачей и требование «прочесть на сельских сходах».

- Да-а-а! – только и вымолвил Матвей Лаврентьевич.

- А вы теперь сравните! Какие репрессии применял Государь Император, святой Царь великомученик и искупитель Николай Второй Александрович после подавления мятежа 1905 года, на броненосце «Князь Потемкин Таврический» и на «Очакове»… Расстреляны-то были е-ди-ни-цы, - главари мятежа и убийцы капи тана! Хотя все, включая офицеров, изменили Присяге! Воинской Присяге! В военное время!

- Офицеры? – удивленно откинулся на спинку стула Матвей Лаврентьевич.

- Да! Они ничего не сделали, дабы предотвратить мятеж! Хотя, даже будучи под арестом, оставались при личном оружии. Но вернемся к репрессивным приказам Антонова-Овсеенко и Тухачевского. Вот еще один, написанный двенадцатого июня двадцать первого года: ***Приказ Командующего войсками Тамбовской губернии № 0116/оперативно-секретный г. Тамбов***

Остатки разбитых банд и отдельные бандиты, сбежавшие из деревень, где восстановлена Советская власть, собираются в лесах и оттуда производят набеги на мирных жителей.

Для немедленной очистки лесов ПРИКАЗЫВАЮ: Первое. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось.

Второе. Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов.

Третье. Начальникам боевых участков настойчиво и энергично выполнять настоящий приказ.

Четвертое. О принятых мерах донести.

Подписи Тухачевского и начальника штаба войск Генштаба Какурина.

- Даже не верится! – выдохнул Матвей Лаврентьевич. Как будто вспоминая, наморщил лоб: «Ведь даже фашисты, по-моему, отравляющих веществ не применяли. А тут… Против своего же народа! Господи, помилуй! Где эти данные можно найти?»

- Против чуждого для большевиков народа. Русского, Православного народа! В Российском государственном военном архиве. Вот конкретные указатели: Ф.34228. Оп.1. Д.292. Л. Можете переписать в свой блокнот. И, наконец, последний приказ: *ПРИКАЗ Полномочной Комиссии ВЦИК № 116, г.Тамбов, 23 июня 1921 г.*

Опыт первого боевого участка показывает большую пригодность для быстрого очищения от бандитизма известных районов по следующему способу чистки. Намечаются особенно бандитски настроенные волости и туда выезжают представители уездной политической комиссии, особого отделения, отделения военного трибунала

и командования вместе с частями, предназначенными для проведения чистки.

По прибытии на место волость оцепляется, берутся 60-100 наиболее видных лиц в качестве заложников и вводится осадное положение. Выезд и въезд в волость должны быть на время операции запрещены. После этого собирается полный волостной сход, на коем прочитываются приказы

Полномочной Комиссии ВЦИК №№ 130 и 171 и написанный приговор для этой волости.

Жителям дается 2 часа на выдачу бандитов и оружия, а также бандитских семей, и население ставится в известность, что в случае отказа дать упомянутые сведения заложники будут расстреляны через два часа. Если население бандитов и оружия не указало по истечении двухчасового срока, сход собирается вторично и взятые заложники на глазах у населения расстреливаются, после чего берутся новые заложники и собравшимся на сход вторично предлагается выдать бандитов и оружие. Желающие исполнить это становятся отдельно, разбиваются на сотни и каждая сотня пропускается для опроса через опросную комиссию (представителей Особого отдела и Военного трибунала). Каждый должен дать показания, не отговариваясь незнанием. В случае упорства проводятся новые расстрелы и т.д. По разработке материала, добытого из опросов, создаются экспедиционные отряды с обязательным участием в них лиц, давших сведения, и других местных жителей и отправляются на ловлю бандитов. По окончании чистки осадное положение снимается, водворяется ревком и насаждается милиция.

Настоящее Полномочная Комиссия ВЦИК приказывает принять к неуклонному исполнению.

Приказ подписали опять Антонов-Овсеенко и Тухачевский… Последний, знаю точно, как говорится, «был не без ложек в крови».

На несколько минут в моей комнате воцарилось молчание. Матвей Лаврентьевич сидел опустив голову и сжав ладонями виски… Наконец, он хрипло проговорил: «Боже мой! Боже мой! Это же настоящий геноцид! Фашизм! Даже – хуже! Только – по отношению к своему народу! Ну-у-у, про Тухачевского я знаю. Его расстреляли свои же в тридцать седьмом или в тридцать восьмом… Впрочем… Впрочем, такому ведь не пожелаешь Царствия Небесного!»

- И-и-и! Матвей Лаврентьевич! Я как бывший офицер всегда интересовался военной историей. И, конечно же, попал под пресс советской, лживой пропаганды: мол, Тухачевский – самый молодой маршал и чуть ли не гениальный военачальник… Но Господь свел меня с одним исследователем. А тот, также, как я вам сейчас, опираясь на архивные сведения, развенчал миф об этом мерзавце. Я записал его рассказ…

- Ну-ка, ну-ка! Очень интересно! – даже подался вперед Матвей Лаврентьевич.

- А вот послушайте! – достал еще одну папку. А из нее - я несколько прошитых листов: «Зачат Михаил Тухачевский по одним сведениям в блудном грехе разорившегося Смоленского дворянина Николая Николаевича и неграмотной крестьянки по имени Мавра. Отец будущего маршала с детских лет воспитывал в своих детях… ненависть к Богу. Грех, как понимаете, имеет свойства снежного кома, катящегося с горы… Можете ли вы себе представить, что у детей этого атеиста было три собаки, которых звали Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Святой Дух. Прости, Господи! И это – только один пример богохульства, воспитанный в Михаиле, его братьях и сестрах. Согласно воспоминаниям последних, «самым воинственным

безбожником стал Михаил. Он выдумывал всяческие антирелигиозные истории и подчас даже «пересаливал».

По свидетельству одного из гимназических товарищей Тухачевского, тот «не верил в Христа и на уроках закона Божьего допускал некоторые вольности в отношении к преподавателям. За это его несколько раз наказывали и даже удаляли из класса… За пять лет учебы он ни разу не исповедался и не причащался Святых Таин…

- Розгами надо было! Розгами! – вдруг выпалил Матвей Лаврентьевич. А я, улыбнувшись такой горячности гостя, продолжал: «Уже позже на службе у большевиков Тухачевский вырезал из цветного картона чучело Перуна и на глазах у сослуживцев, якобы, в шутку поклонился ему. Позднее даже собственноручно написал и подал в Совнарком проект постановления об отмене Христианства и замене оного язычеством, якобы, на пользу революции. Но мне кажется, он в языческих идолов не верил тоже, а пропагандировал их с целью разрушить Православное Христианство…

***«Латинско-греческая культура,* - как-то объявил Тухачевский, - *это не для нас. Я считаю Ренессанс наравне с христианством одним из несчастий человечества. Гармонию и меру - вот что нужно уничтожить прежде всего. Мы выметем прах европейской цивилизации, запорошившей Россию, мы встряхнем ее, как пыльный коврик, а потом встряхнем весь мир. Я ненавижу Владимира святого за то, что он крестил Русь и выдал ее западной цивилизации. Надо было сохранить в неприкосновенности наше грубое язычество, наше варварство. Но и то, и другое еще вернется. Я в этом не сомневаюсь!».* Не случайно же в годы Гражданской войны Тухачевского прозвали «демоном революции». А придумал это прозвище – Лейба Давыдович Троцкий-Бронштейн, которого самого называли именно так.**

- Образ этого, прости Господи, героя в кавычках, даже в самом начале вашего рассказа вдруг напомнил мне Эраста Артуровича, его мировоззрение, - задумчиво проговорил Матвей Лаврентьевич.

- Я как-то не задумывался об этом, но, очевидно вы правы… Дальше мы ясно увидим эту связь поколений, ведущую назад к обезьяне Бога… И вот еще одно доказательство беснования: богоборчество сочеталось в Тухачевском с ненавистью к Помазанику Божиему, Государю Императору. По свидетельству сестер будущего маршала-палача, *«однажды во время прогулки няня повела нас посмотреть приехавшего в Москву царя. Когда Миша узнал об этом, он принялся объяснять нам, что царь - такой же человек, как всякий другой, и специально ходить смотреть на него глупо. А потом через стену мы слышали, как Михаил в разговоре с братьями называл царя идиотом».* И представьте, будущий демон революции с детства мечтал о военной карьере! Казалось бы, что в такой мечте плохого?! Однако вы сейчас поймете! Свояченица Тухачевского Лидия Норд вспоминала, как сам маршал рассказывал ей, что еще в юном возрасте любовь к военному делу перешла к нему от двоюродного деда, генерала. Цитирую самого Тухачевского: *«Я всегда смотрел на него с восторгом и с уважением, слушая его рассказы о сражениях. Дед это заметил, и раз, посадив меня к себе на колени, - мне было тогда лет семь-восемь, - он спросил: «Ну, Мишук, а кем ты хочешь быть?» - «Генералом», - не задумываясь, ответил я. «Ишь ты! - рассмеялся он. - Да ты у нас прямо Бонапарт - сразу в генералы метишь».* Можно представить себе мировоззрение деда, который привел в пример и образец для подражания не святых благоверных Великих Князей Александра Невского или Димитрия Донского, ни Суворова или Кутузова, ни генералов Скобелева, Гурко или Драгомирова… Далее Тухачевский вспоминает: *«И с тех*

пор дед, когда приезжал к нам, спрашивал: «Ну, Бонапарт, как дела?» С его легкой руки меня дома и прозвали Бонапартом... В Бонапарты я, конечно, не метил, а генералом, сознаюсь, мне очень хотелось стать». **Кое-кто свидетельствовал, что Тухачевский еще в ранней юности становился перед зеркалом в наполеоновскую позу и подолгу так позировал. А в одиннадцатом году Михаил Тухачевский поступил в Первый Московский Императрицы Екатерины Великой кадетский корпус. Через год он уже учился в Александровском военном училище в Москве. Юнкер Тухачевский ста-а-арался: надо было закончить курс одним из лучших, дабы после учебы служить в гвардейском полку. И этим дать, так сказать, старт карьере. Уже в училище он усердно «налегал» на военные дисциплины, нацеливаясь на поступление в Академию Генерального штаба.**

Скоро его, как одного из лучших представили Царю. И сцена этой встречи выявила лицемерие, как одно из главных качеств души будущего совдеповского маршала. Вытягиваясь во фронт перед Государем, Тухачевский уже через час оскорбительно высказывался о нем. А скоро выявилось ещё одно качество Тухачевского: карь-е-ризм. В воспоминаниях его однокашников можно прочитать: *«по службе у него не было ни близких, ни жалости к другим. Все твердо знали, что в случае оплошности ждать пощады нельзя. С младшим курсом Тухачевский общался совершенно деспотически».* **Тоже самое писал хорошо знавший Тухачевского по плену Реми Рур:** *«У него была холодная душа, которую разогревал только жар честолюбия. В жизни его интересовала только победа, а ценой каких жертв она будет достигнута, его не заботило. Не то, чтобы он был жестоким, просто он не имел жалости».*

В четырнадцатом году Михаил Тухачевский закончил Александровское военное училище первым по успеваемости

и дисциплине. Его произвели в подпоручики и, по правилам, предоставили свободный выбор места службы. Тухачевский, как ему завещал дед-генерал, пожелал распределиться в Лейб-Гвардии Семеновский полк.. Служить в таком полку было большой честью. Но для Тухачевского это было лишь ступенькой к достижению его честолюбивых целей. Полковник Балкашин, дядя будущего маршала свидетельствовал о племяннике: *«Он был очень способен и честолюбив, намеревался сделать военную карьеру, мечтал поступить в Академию Генерального штаба».*

Положенный после окончания училища отпуск пришлось прервать: началась Вторая Отечественная для России, или, как нам вдалбливали, Первая Мировая война. Тухачевский догнал свой полк под Варшавой. И тут же был назначен младшим офицером Седьмой роты, которой командовал капитан Веселаго. Вскоре полк перебросили в район Ивангорода и Люблина против австро-венгерских войск. Второго сентября четырнадцатого года рота капитана Веселаго у местечка Кржешов с боем форсировала реку Сан по подожженному австрияками мосту, а потом благополучно вернулась на восточный берег с трофеями и пленными. Командир роты за этот подвиг получил орден Святого Георгия 4-й степени, а Тухачевский - орден Святого Владимира 4-й степени с мечами. Затем последний участвовал в боях с австрийцами и немцами, за что, по его же словам, удостоился всех орденов «от Анны IV степени до Владимира IV степени включительно». Некоторые исследователи считают, что Тухачевский приписал себе часть орденов. Возможно, это так и есть... Бог весть… В ноябре этого же года Тухачевский в бою у местечка Скала был ранен и отправлен в госпиталь в Москву. Но уже в феврале пятнадцатого года, вернувшись на фронт, в бою под Ломжей попал в плен. Как это случилось, до сих пор неясно. Историк Лесков, например, пишет: *«Поручик Тухачевский*

пошел на фронт не воевать за Россию, как многие другие, а, по его же собственным словам, просто делать карьеру, блестящую карьеру. Он твердо намеревался выйти в генералы - уже в тридцать лет! И вот такая незадача, - конец всем честолюбивым мечтам! Поскольку в настоящей отчаянной ситуации «светили» не генеральские погоны или хотя бы орден, а немецкий штык или пуля, он решил проявить благоразумие, утешая себя вполне понятной мыслью: «Из плена еще можно, брат, сбежать, а с того света уже не удастся». К тому же за то, что Тухачевский сдался добровольно, говорят два факта, совершенно неоспоримых: во-первых, он не получил ни одной раны, ни одной царапины, и во-вторых, его начальник, командир роты Веселаго, участник Русско-японской войны, имевший за храбрость Георгиевский крест, и сражавшийся в упомянутом бою до конца, был заколот штыками четырех немецких гренадеров. На теле доблестного капитана позже насчитали более 20 пулевых и штыковых ран».

Плен, конечно, - не конфетка. Но тем не менее, пребывание в оном - одна из самых тёмных и загадочных страниц биографии Тухачевского. Большевистские историки после реабилитации «красного маршала» рисуют нам его постоянные героические попытки побега. Однако известно, что усских офицеров содержали в тюрьме Ингольштадт не в оранжерейных, конечно, условиях, но вполне сносно. Даже прогулки по окрестностям разрешали. Правда, с условием: пленные офицеры давали честное офицерское слово из плена не бежать. Тухачевский, якобы при пятом побеге, не моргнув глазом, слово своё нарушил. Это о многом говорит! Один из офицеров-узников Ингольштадта вспоминал позднее: *«Тухачевский и его товарищ, капитан Генерального штаба Чернявский сумели как-то устроить, что на их документах расписались другие. И в один из дней они оба бежали. Шестеро суток скитались*

беглецы по лесам и полям, скрываясь от погони. А на седьмые наткнулись на жандармов. Однако выносливый и физически крепкий Тухачевский удрал от преследователей... Через некоторое время ему удалось перейти швейцарскую границу и таким образом вернуться на Родину. А капитан Чернявский был водворен обратно в лагерь». **Однако, опять неясно, как Тухачевскому удалось без документов, без бумаг перейти германо-швейцарскую границу? Во время войны?! Ведь его искали немецкие жандармы. И почему после его побега немцы в Ингольштадте поспешили объявить узника-офицера погибшим, оправдывая это тем, что в одной швейцарской газете появилась заметка о найденном на берегу Женевского озера трупе русского офицера? Как они определили, что это - именно их сиделец?**

- Вы хотите сказать, что Тухачевского завербовала немецкая разведка? – даже крутанул головой Матвей Лаврентьевич.

- Это не доказано… Но странно, как Тухачевский снова без документов и без денег переходит франко-швейцарскую границу, а затем появляется в Париже?! Да-да! Капитан Чернявский ошибся в воспоминаниях. Не на Родину подался его товарищ по побегу. И как вы думаете, куда он поехал? А приехал он к русскому военному агенту в Париже графу Алексею Игнатьеву. Тремя годами позже этот изменник Присяги, Веры и Царя перешел на службу к Советам и даже написал книжку «50 лет в строю». А тогда он, говоря современным языком, был легальным резидентом русской разведки во Франции. Но представлял из себя личность довольно тёмную. Как утверждают некоторые историки был, по сути, ренегатом и двурушником. И ничем, с нравственной точки зрения, не отличался от Тухачевского. Судите сами, как ему пришлось выслуживаться перед большевиками, чтобы в Красной армии заслужить потом у них генеральскую пенсию и генеральское звание? На этот

вопрос пытается ответить Анатолий Львович Марков, много посвятивший Русской истории в эмиграции. По его мнению, через руки Игнатьева *«прошли миллиарды русских денег, в погашение сделанных военным министерством во Франции заказов, и из этих громадных сумм к его рукам прилипло столько, что к концу войны, Игнатьев был уже не в состоянии представить отчёта».* Растратчик Государственных денег! Где ж ему не прибиться к большевикам?!

- Простите, Александр, – мягко перебил меня Матвей Лаврентьевич, - но здесь же невооруженным глазом видна логическая цепочка: немецкая разведка - запломбированный вагон - революция семнадцатого года… Другая веточка от той же разведки: имитация побега Тухачевского из тюрьмы – сановитый вор Игнатьев, ведь именно к нему, через две воюющие между собой страны кто-то отправил первого! А тут, словно рога, вылезает и дальнейшая служба в большевистской России, во главе которой стояли пассажиры запломбированных в Германии вагонов… Вы не находите?

- Пойду-ка, на кухню. Поставлю еще чайку! – улыбнулся я. Что и сделал. А вернувшись в комнату, разлив заварки покрепче, усевшись за стол, снова полистал прошитые листы, посвященные Тухачевскому. Продолжил: «Здесь много неясностей. Нет доказательств. Понятно только одно: Игнатьев и Тухачевский работали не на Россию. Хотя некоторые историки утверждают, что вербовка немецкой разведкой Тухачевского – слишком просто! Поэтому и ставят вопрос: почему после Государственного переворота в феврале семнадцатого будущий «красный маршал», вопреки всякой логики, едет не в Россию, а в… Лондон! Да еще с рекомендательным письмом Игнатьева на имя его коллеги в Великобритании, тоже военного агента, генерала Ермолова? Читаем: *«По*

просьбе бежавшего из германского плена гвардии Семеновского полка подпоручика Тухачевского мною было приказано выдать ему деньги в размере, необходимом для поездки до Лондона. Прошу также не отказать помочь ему в дальнейшем следовании».

- И почему Лондон? – слушая, Матвей Лаврентьевич, даже рот приоткрыл.

- Тот же вопрос могут задать и наши соотечественники, мало-мальски умеющие думать и не обожествляющие Тухачевского. Более того, те, кто знает историю войн, могут недоумевать: мол, проехать в Лондон из Франции в упоминаемые годы было практически невозможно. Действительно! Бельгия и часть северной Франции находились под немецкой оккупацией. Ла-Манш контролировали германские крейсера и подводные лодки. А чтобы попасть из Англии в Россию, следовало пересечь на корабле два моря, - Северное и Балтийское! Но и они кишели минами, боевыми вражескими судами! А Тухачевский, выехав из Лондона двенадцатого октября, уже шестнадцатого числа того же месяца, то есть через четыре(!) дня, был в Петрограде! Уж не уподобился ли он Гоголевскому кузнецу Вакуле, пролетев над объятой войной Европой? Сверхзвуковых истребителей тогда тоже еще не было! Ведь даже путешествие Ленина из Швейцарии в Россию весной семнадцатого года, причём путешествие сухопутное и кратчайшее, напрямую через территорию Германии, - но опять же через пламя кровопролитных боев! - заняло целых десять суток. И еще вопрос: за какие такие заслуги уже в марте восемнадцатого никому неизвестного подпоручика Тухачевского принимали у себя в кабинетах Свердлов, Куйбышев, Ленин, Троцкий? А ведь доказана связь некоторых главарей большевизма с немецкой разведкой. Но причем здесь Англия? А может быть, нельзя разделять эти и другие европейские страны в заговоре

против Российской Империи? Но если, как говорится копнуть глубже, то - против Православного Христианства?!

- Вы полагаете, что это все - дело рук масонов? – тихо выдохнул Матвей Лаврентевич.

- Да. Я предполагаю козни международного «теневого правительства». А активное участие в них подпоручика Тухачевского. Есть свидетельские показания сотрудничества Тухачевского с большевиками и их хозяевами ещё во время немецкого плена. Так, французский офицер - Пьер Ферваке, - в книге воспоминаний, изданной в двадцать восьмом году, написал, что Тухачевский еще в лагере военнопленных сказал ему: *«Если Ленин окажется способным избавить Россию от хлама старых предрассудков и поможет ей стать свободной и сильной державой, - я пойду за ним».* Но здесь, на мой взгляд, громкие слова о «свободной и сильной державе», как говорится, надо разделить на них же. Вспомним, что еще в юности Тухачевский вставал перед зеркалом в позу Бонапарта!.. Однако как бы там ни было, но после встречи с главарями большевизма военная карьера Тухачевского, что называется, взмыла ввысь. Менее, чем через полгода после октябрьского переворота Тухачевский вступил в партию большевиков. Его назначают комиссаром. Теперь его первостепенной обязанностью стала слежка за генералами русской армии, которые перешли на службу к большевикам. А менее, чем через полгода он становится командующим Первой – в революционной армии, действовавшей против восставшего чехословацкого корпуса. Вы только представьте, Матвей Лаврентьевич, кто и как, что называется, подкинул командира полуроты, подпоручика – в командующие Армией! Великий Георгий Константинович Жуков, чтобы стать полководцем, прошел все ступени служебной лестницы, начиная от рядового! А тут?!.. А тут Тухачевский начал с агитации знакомых бывших офицеров

вступать в Красную Армию. Тех, кто отказывался – в расход. Но даже у согласившихся изменить Присяге и стать «красными командирами», брали в заложники членов семей. Да и с простыми красноармейцами Тухачевский особо не цацкался. Военно-полевые суды времен Петра Аркадьевича Столыпины – детский лепет! Расстрелы для «красного маршала» стали делом привычным. А приговаривая к смертной казни солдата или офицера, нередко цитировал приказ Троцкого-Бронштейна: *«Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор, пока гордые своей техникой злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армии и воевать, командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади».*

- Вот, оказывается, как! Русские люди, по мнению этих бронштейнов – «злые, безхвостые обезьяны»! – горько усмехнулся Матвей. И тут же скорбно проговорил: «Вспоминая трагическую историю Галины, - Царствие ей Небесное, - поневоле подумаешь, что именно такими, «злыми, безхвостыми обезьянами» нас видел Эраст Артурович… Омерзительно!.. Простите, перебил! Продолжайте, Александр!

- Это – к вопросу о репрессиях. Только причем здесь Сталин?! Повторюсь: он тогда всего лишь командовал Второй конармией… Офицеров-монархистов, в их большинстве, к тому времени расстреляли. А «белые»?! Что ж, они уже один раз изменили Присяге: вместо лозунга «За Веру! Царя! И Отчество!» приняли другой, «деникинско-алексеевский» «За Россию единую и неделимую». Словоблудие какое-то! С кем «единая»? На что «неделимая»? Разве Кавказ, Средняя Азия, Прибалтийские губернии, Молдавия – Россия. Их-то можно было назвать только составляющими окраины Российской Империи!

Посему мно-о-огие «белые» генералы и офицеры, поначалу приняв «присягу» Временному правительству, потом, привлеченные Тухачевским и иже с ним, легко переходили в Красную Армию, как *предавшие единожды*… Это уже – духовный вопрос! Большинство их, конечно, потом расстреляли, как «врагов народа», как «бывших». Как «отработанный материал»! Что ж, во все времена предателей казнили именно те, кому они предавали своих… Но в начале двадцатых годов именно они в штабах при разработке боевых операций применяли свои знания, полученные при Государе Императоре в той же Академии Генерального штаба. И этим способствовали разгрому чехословаков, соединений Колчака, иных, раздуванию мифа и Тухачевском как о «великом полководце»!

- Так неужели же этого не понимали большевистские вожаки? Или Тухачевский был на каком-то особом положении? И, как говорится, вели его? – спросил Матвей Лаврентьевич.

- Считается, что покровителем Тухачевского был именно Троцкий. В начале гражданской войны он ставил в пример другим командармам «славное имя товарища Тухачевского», хвалил его «стратегический талант». Поощрял его энергию, распорядительность, тем паче родственную этому зверю-наркому жестокость, как к врагу, так и к своим подчиненным. Между тем этот хитрый палач-нарком ясно видел, насколько падок Тухачевский на лесть, любит роскошь, стремится к власти. Раскусил он и бонапартистские замашки «красного командарма». И, похоже, сам подстроил переименование уральского города Миасса в Тухачевск. Это при жизни-то тезоименинника!.. Стоит ли говорит о жестокости Тухачевского, после того, как мы час назад узнали о его зверствах на Тамбовщине.

Но вот Гражданская война закончилась. Ленин, будь он не к ночи помянут, умер. Троцкий играл близкого друга

Тухачевского. А подготавливая государственный переворот, рассчитывал на него, как на «пахана» «красных генералов» и всей подчиненной им армии. Однако, если бы переворот удался, первый тут же уничтожил бы второго… Хотя есть мнение, что они договорились: Троцкий должен стать гражданским, а Тухачевский – военным диктатором.

- Но ведь такое, если оглянемся на историю человечества, невозможно! – помотал головой Матвей Лаврентьевич.

- Согласен. Тем паче, Тухачевский совсем не желал видеть Троцкого главной совдепии. Он мечтал о собственной единоличной власти в стране! Власти во всей бывшей империи! Одной шестой части света! И даже после отъезда Троцкого за рубеж, заговор продолжал существовать.

- Вы хотите сказать, что так называемый троцкистско-зиновьевский заговор все-таки был? Но почему же тогда Троцкого отпустили за границу, а остальных поставили к стенке?

- Вы забываете, откуда Троцкий прибыл в Россию. Из Америки… Есть предположение, что Сталина принудило к этому «теневое правительство». И, может быть, в обмен на кого-нибудь нужного России в тот исторический момент… Но я как-то этим не интересовался…

- А этот? Антонов-Овсеенко?

- Его тоже расстреляли в тридцать восьмом… - ответил я. И даже от брезгливости поморщился: «Его личность мне неинтересна. Блудный сын, не вернувшийся к отцу и не покаявшийся! А ведь был из очень добропорядочной семьи. Но порвал с родителями в ранней юности… А знаете ли, я почему-то думаю, что человек, отказавший от кровных отца и матери, на духовном уровне отказывается от Бога. Ведь родителей дает Создатель. А такой отказ, пожалуй, греховнее измены Присяге. И за него…

- *Мне отмщение. Аз воздам..,* - выдохнул Матвей Лаврентьевич. Он взглянул на часы. Собрался. Воскликнул: «Ну и засиделись же мы! Утомил я вас своим присутствием… Третий час ночи! К тому же, наверное, хватит информации. Мне, полученную от вас сегодня, до-о-олго еще «переваривать» придется! Но, надеюсь, разговор-то не закончен? А?»

- Конечно. Тем более у меня есть интересные документы про главаря ОГПУ Ягоду, который, к слову, вместе с Тухачевским зверствовал на Тамбовщине во время подавления там мятежа, – кивнул я, листая свои бумаги. И вдруг остановился на одном листе. Остановил гостя: «Матвей Лаврентьевич! Погодите! Я нашел документ, подтверждающий мои слова о принадлежности уголовников к действиям большевиков и участии в них. Вот-с, извольте, *жалоба И. Ф. Белова из села Мердуши Темниковского уезда В. И. Ленину на применение насилия местными органами власти к его семье. 3 мая 1919 г.:*

…Обращаясь к Вам, товарищ Ленин, как к защитнику высшей справедливости, я от себя и от имени своих братьев прошу Вас оградить отца и брата от нападок и оскорблений, которые они не заслуживают, и обратить внимание на то, что в ячейке коммунистов засели и командуют трудовым крестьянином люди с настоящим и прошлым темным, бывшие убийцы, хулиганы, пьяницы, картежники и лодыри, которым неизвестно, что такое честный труд, как в виде Алексея Барсова, который ещё при Н[иколае] II отбывал тюремное заключение — 3 года за убийство в Орехово-Зуево, где им и было совершено убийство. И эти лица, прикрываясь великим именем коммуны, держат в страхе все трудовое крестьянство. О последующем, что будет сделано, убедительно прошу Вас по вышеуказанному адресу дать знать мне, Вашему меньшему брату, который просит Вас с полной уверенностью, что Вы не откажете протянуть свою

сильную руку помощи во имя той справедливости, которая становится как воздух необходимый больше, чем когда-либо, в переживаемую эпоху измученному русскому народу, ожидающему в награду себе за вековые страдания счастья и свободы. При сем прилагаю список подписавшихся крестьян. И. Ф. Белов.

А через несколько минут, проводив Матвея Лаврентьевича на улицу, до его «Волги», я улегся на диван-кровать. И мгновенно заснул. Без всяких видений и сновидений.

Ночевать опять пришлось в штабе. А утром Чухнину доложили, что в городе избран первый Севастопольский Совет матросских, солдатских и рабочих депутатов. И что возглавил его Воротницын.

– Надо же! – покачал головой Филипп Владимирович. Даже закашлялся: «Сын заслуженного боевого полковника… Но… в семнадцать лет ушёл из дома делать, прости Господи, ре-э-эволюцию! Еще один блудный сын! Право слово, блудный сын! Грех-то какой! Силен бес: горами колышит, а людьми, что вениками трясет! Еще в прошлом году сей несовершеннолетний юноша за распространение крамольной литературы был выслан в Холмогоры, но тут же бежал! В Берлин, потом - в Женеву… И нате, пожалуйста, объявился у нас, в Севастополе. Нелегально. Куда полиция смотрит?»!

- Куда мы смотрим, сударь?! – в сердцах воскликнул Станислав Валерианович. Он листал свою записную книжку: «Сей, с позволения сказать, господин, прибыл из заграницы. И разве в Берлине не мог быть завербован германской разведкой? Стало быть, именно контрразведка вправе его арестовать! Вот, у меня занимательная заметочка имеется…»

Ротмистр посмотрел на Чухнина, и тот согласно кивнул. Но в эту же секунду в кабинет порывисто вошел адъютант и скороговоркой доложил: «В городе началась всеобщая забастовка. Часть матросов флотской дивизии и солдат Брестского полка поддержали мятежников. И все мятежники вооружены… Штатным оружием. Какие будут приказания? »

Мы все переглянулись. А Филипп Владимирович безсильно всплеснул руками: «Теперь арестовать Вортницына можно, только расстреляв большую часть забастовщиков.»

Между тем адъютант продолжал: «Из полиции поступило донесение о том, что сейчас проходит первое заседание Севастопольского Совета.»

- Что будем делать, господа? Ваши предложения? – тяжело опустил кулаки на столешницу Чухнин.

- Предлагаю подождать! – неожиданно хохотнул Станислав Валерианович. Уж его усмешки никто из присутствующих не ожидал. А он продолжал: «Зато будем знать, что у мятежников на уме… Арестовать главарей мы еще успеем. Только к прошлым обвинениям прибавим новые!.. Ваше превосходительство, я предлагаю сейчас вызвать сюда самых боевых, верных офицеров. Вместе с ними по карте «разбить» город на участки. Закрепить их за офицерами. А тех поставить во главе верных воинских подразделений. Отдать приказ о разрешении открывать огонь на поражение… По Уставу, конечно!»

Григорий Павлович кивнул. И скоро в его кабинете, как говорится, яблоку негде было упасть. Чухнин, глядя на карту города и одновременно в список офицеров, производил назначения. Станислав Валерианович, а за ним и мы с Филиппом Владимировичем записывали чины, фамилии назначенцев, подразделения и районы, в которые те направлялись.

- Ваше превосходительство, – вдруг воскликнул один капитан второго ранга, - а почему меня – в квартал еврейских богатеев? На него же мятежники все одно нападать не станут! И носу туда не покажут!

- А потому, Петр Петрович, - хохотнул другой офицер, - что ты – двойной тезка нашему болящему Шмидту…

- Господа, – повысил голос Чухнин, - не время для шуток! А вас, Петр Петрович, я посылаю в тихое относительно место, потому что у вас – четверо детей, мать лежачая больная, вдова заслуженного офицера флота, - Царствие ему Небесное… Вы, все остальные, господа, должно быть, слышали, что мятежники застрелили штабс-капитана Штейна и капитана Черкесова, - Царствие им Небесное! Ранили контр-адмирала Писаревского… Так что, повторюсь: не время для шуток! Посему приказываю: при нападении на вверенные вам подразделения, попытки разоружить, согласно Уставу, после предупредительного выстрела в воздух открывать огонь на поражение.

- Петр Петрович! – вдруг подал голос Станислав Валерианович. И никакой шутливости в его тоне я не услышал: «Я бы не советовал вам благодушествовать. Скорее наоборот! Будьте предельно бдительны. Ведь именно в этот квартал могут направляться связные от мятежников. С отчетами и за инструкциями. Пополнение оружия, боеприпасов.»

Между тем на улице, перед штабом, выстраивались различные воинские, жандармские подразделения, и назначенные Чухниным офицеры уводили их в закрепленные за ними районы дислокации…

К вечеру Филипп Владимирович, встретившись со своим агентом, принес список требований пресловутого Совета. И по просьбе Григория Павловича зачитал. Восставшие требовали созыва Учредительного собрания, установления восьмичасового рабочего дня, освобождения

политических заключенных, отмены смертной казни, снятия военного положения, уменьшения срока воинской службы…

- А кто подписал этот, с позволения сказать, документ? – нахмурившись, спросил Чухнин.

- Матросская комиссия, так сказать, исполнительный орган Совета, - хмыкнул Филипп Владимирович.

- Если комиссия «матросская», значит, там подписались матросы?! Кто? - повысил голос вице-адмирал.

- Кассесинов и Кудымовский из двадцать восьмого флотского экипажа, Рыбалка – из двадцать девятого, Фоменко и Щепетков из учебного отряда.

- Командиров их ко мне. Немедленно! Впрочем.., - Чухнин помотал головой. Позвонил в серебряный колокольчик. Вошедшему адъютанту повторил приказ. Тот, прежде, чем исполнить оный, спросил разрешения доложить. Вице-адмирал кивнул. Адъютант, краснея, заговорил: «Сегодня с раннего утра на мачте в дивизии подняли позывные «Очакова» и сигнал: «прислать депутатов».»

- Сие означает только одно: мятежники дивизии желают объединиться с командой «Очакова», - раздумчиво проговорил Чухнин.

- Как доложили в штаб по телеграфу, старший офицер разрешил послать двух депутатов в дивизию. Для этого матросы выбрали Гладкова и Декунина. И те вместе с мичманом Городысским отправились в дивизию. Во флотской дивизии, - согласно рапорту последнего, поданному несколько минут назад, - они никого не нашли и пошли в Брестский полк, где в этот момент происходил митинг. По дороге в полк они встретили ехавшего на извозчике арестованного мятежными матросами коменданта крепости. Шедшая вокруг повозки толпа кричала: «своим судом!». На митинге в полку депутаты

увидели большое количество матросов и солдат. Там были выдвинуты и требования мятежников, в основном сводившиеся к улучшению условий прохождения службы, амнистии для политических заключенных матросов и солдат, вежливое обращение с нижними чинами, увеличение жалования, отмена смертной казни и так далее.

Но Григорий Павлович остановил. Обратился к нам: - Видите, господа? Мятежники на берегу уже согласовали свои действие с командой «Очакова»?!

Он снова взглянул на адъютанта: «Докладывайте дальше, голубчик!»

Тот продолжил: «Гладков и Декунин после митинга переговорили с матросами, узнали их требования и, убедившись, что ничего плохого с ними не происходит, вернулись на крейсер. Команда стала успокаиваться, но часть матросов продолжали ее волновать, требуя немедленного исполнения требований. Особенно бесновался матрос Чураев. Он прямо заявил лейтенанту Винокурову, что является убежденным соцъялистом и что на флоте много его единомышленников. Тогда командир крейсера обратился с вопросом к нижним чинам: «*Кто не колеблясь стоит за Царя, пусть остается на корабле. Кто не желает выполнять Присягу Вере Царю и Отечеству или сомневается, то те могут сойти на берег».* Капитан второго ранга Соколовский повторил: «Кто за Царя?». Команда ответила: «все!», а на приказ выйти вперед тем, кто за мятеж, не вышел ни один человек. Тем не менее, волнение продолжается и сейчас.»

- Пишите приказ по Черноморскому Флоту, Севастопольскому гарнизону и городу. Брестскому полку сегодня же ночью форсированным маршем отбыть в летние лагеря Белостокского полка. Пусть остынут немножко! Во всем городе вводится военное, а в крепости – осадное положение. Во всех воинских подразделениях, - уточните

повторно, - вводится полная боевая готовность. Офицеры переводятся на казарменное положение. Так же вводится комендантский час. Все задержанные во время комендантского часа, - с двадцати двух часов до шести утра, - арестовываются до выяснения личности и доставляются в полицейские участки. Задержанные с оружием направляются в городскую тюрьму. Те, кто попытаются применить оружие против патрулей, расстреливаются на месте без суда и следствия. И еще. Приказываю немедленно найти и арестовать Шмидта… Может быть, это спасет его от безумных поступков… И… от виселицы или расстрела. Телеграф – флагману: на «Очаков» с другого корабля эскадры послать офицера с предупреждением: если с крейсера еще раз ответят на сигналы мятежников из гарнизона, то по нему будут стрелять. Всё. Ступайте, голубчик. Готовьте приказ на подпись. Потом надо будет телеграфировать его во все инстанции…

Остатки вечера и ночь мы, - Станислав Валерианович, Филипп Владимирович, Андрей Иоаннович, я и еще несколько штабных офицеров, - провели в разъездах по местам дислокации наших вооруженных отрядов. Кое-где постреливали… А если наступала тишина, то была она какой-то тяжелой, гнетущей. Словно перед грозой. Я даже хмыкнул про себя: «Очищающей или истребляющей?.. Как-то там Еленушка?»…

Вернувшись под утро в штаб, мы устроились на диванах, в креслах. Прикорнули… Но вскоре повскакивали от шума и криков. И узнали, что на «Очакове» начался мятеж… Слава Богу, бунтовщики позволили убыть на берег всем офицерам и кондукторам. Живыми! Не так, как на «Потемкине»… Помяни, Господи, души убиенных во Царствии Твоем… От прибывших мы узнали, что мятеж возглавили нижние чины Частник, Антоненко, Декунин, Чураев и Гладков. Несмотря на гнетущую тишину, за ночь в

городе задержали десятка три человек. Половину - с оружием. И Станислав Валерианович отправился в тюрьму на допросы. А уходя, обратился ко мне: - Еще раз поезжайте-ка, сударь, к супруге. Попросите милейшую Елену Васильевну на улицу не выходить.

Что я и сделал. И застал Еленушку в прихожей. Там она, подоткнув подол, … мыла пол! Я даже застыл в дверях от неожиданности. А Елена улыбнулась. Подошла. Поцеловала. И сказала: «Меня еще маменька учила, что непраздным женщинам очень полезно наклоняться и распрямляться много-много раз. Ее саму, когда она мной ходила, бабушка заставляла собирать рассыпанный по полу горох! По одной горошине!»

Около часу я пробыл с женой. Выпил чашку кофе. Она – травяного взвара. А когда, распростившись с Еленой, вышел на улицу, увидел, что множество народа разного возраста, пола, сословия бегут в сторону набережной. Естественно, я – за ними. На берегу яблоку негде было упасть. Все, - кто из под ладони, кто в подзорные трубы или бинокли, - смотрели на море. Там виднелся красавец-корабль… В толпе я несколько услышал: - «Очаков»…

- Пришел, спаситель!..

- Ты щё кощуннишь! Спаситель у нас один! Иисус Христос!

- Та я ж – про другого спасителя… Христос – на небесах! А «Очаков» пришел на земле нас спасать…

- Слава Тебе, Господи!..

- Пора этих богатеев-кровопийцев – к ногтю!

- Да и офицерье всякое!..

- Матросы смогут, ежели десант высадят.

- А мы поддержим…

- Ага! Смогут! Как в Одессе! Это вас, крамольников, надобно – к ногтю!

- Да что вы без адмиралов и офицеров смогете?!

- То-о-очно… Тут грамоте морской разуметь надо! Академии всякие кончать!

- Вот-вот! А твои академии не на воловьей ли подстилке… Тоже мне: «смо-о-огут»!

- Я вот по сусалам тебе сейчас смогу…

- А ну, попробуй!..

- Гляньте-ка! Флаг-то – не Андреевский!..

- Ну да!..

- Кра-а-асный!..

- Мятежники!..

- Фармазоны!..

- Креста на них нет!..

- Опять безвинные гибнуть будут…

- Маменька, а что там еще за флажки, словно игрушки на Рождественской елочке?..

- Не знаю, сыночка…

Я подошел к группе флотских и сухопутных офицеров, разглядывающих «Очаков» через бинокли. Спросил: «Что там, господа? Я во флотских значках ничего не разумею!

Оторвавшись от окуляров, ко мне обернулся молоденький капитан-лейтенант с *Георгием* на груди. Поначалу с ног до головы окинул меня взглядом. Вздохнул. Дернул головой в сторону «Очакова». Сказал: «Поднят сигнал, - «Командую флотом. Шмидт».»

- От, дурень! – крутанул головой сухопутный подпоручик.

- Не дурень! Не-э-эт! – опустив свой бинокль, откликнулся капитан третьего ранга. Процедил сквозь зубы: «Иуда! Он же Присягу давал. А командиров Флота Государь Император назначает. Стало быть, предал Шмидт и Царя, и Флот. Господа Бога!»

- Да-да! В первую голову, именно Бога он предал! – воскликнул в сердцах мичман.

- Ежели Бог желает наказать, то лишает человека разума. А тут ходят упорные слухи, что этот Шмидт – припадочный! Эпилептик! – подал голос кто-то еще из офицеров.

- Одержимый он! Бесноватый! Впрочем, как и все революционеры! – ответил ему другой.

- Господа! Не будем столь категоричны! – нараспев заговорил флотский лейтенант. Этот даже покраснел, словно девица: «Мы не врачи и не священники, чтобы ставить диагноз эпилепсии, а уж тем паче – беснования! Надо ознакомиться с теорией, - ежели желаете, с идеологией, - Шмидта. Ведь действия восставших обоснованы неглупыми людьми с университетским образованием. Теми же князем Кропоткиным, дворянами Плехановым, Ульяновым, иными. Мы никого не победим, ежели не научимся уважать твердость взглядов противника, как сказал некогда великий философ Вольтер…»

- Дворянство, сударь, – не привилегия, но обязанность служить при Дворе Его Величества! Служить верой и правдой, а не оправдывать и тем паче не пытаться научно обосновать мятежи и бунты! Так учил меня мой покойный папенька, капитан первого ранга, - Царствие ему Небесное

- То-то вы – при Дворе! А не на Тихоокеанском флоте – тем паче! – хмыкнул лейтенант.

- Опять же повторюсь: не важно место службы, важно то, что в душе! Душою важно быть при Дворе! Душою служить Государю Императору, Вере Православной и Отчеству

- Ваш Вольтер, сударь, - христоненавистник! – подхватил еще кто-то из офицеров.

- Не скажите! Ведь даже Государыня Императрица Екатерина Вторая Алексиевна Великая преклонялась перед ним! Переписывалась!

- До поры, до времени! Пока не поняла сатанинскую сущность этого, не к ночи будь он помянут, «великого философа»!

- Я про то и говорю: надо изучить идеологию восставших. А уж потом и бунт подавлять! А вдруг они по-своему правы!

- Вот именно! По-своему! А значит, не по-Божиему! – воскликнул мичман.

- Пока станете изучать, они вам горло перережут! – горько хмыкнул капитан-лейтенант с *Георгием* на груди.

- Господа, – перебив спорщиков, проговорил сухопутный штабс-капитан, - полагаю, нам надо отправляться в расположения своих частей и подразделений! Наверняка, сейчас придет приказ генерал-губернатора на какие-то ответные мятежникам действия.

И все офицеры, - а вслед за ними и я, - принялись пробиваться сквозь толпу зевак, скопившихся на набережной. В штабе я узнал, что все собрались в большой зале, где офицеры, вернувшиеся с «Очакова» рассказывают о последних мятежных событиях на крейсере. Я поспешил на совещание. Там говорил капитан Первого ранга: «Матросы продолжают сноситься с берегом. Сегодня, на крейсер прибыли с берега два депутата. Я попытался не дать им встретиться с матросами, но команда не слушала. Депутаты сказали матросам, что на стороне восстания весь Брестский полк, крепостная артиллерия, Белостокский полк, несколько экипажей и другие воинские подразделения.»

- Это сильное преувеличение! - подал голос Чухнин. Выступавший кивнул, но возразил: «Ваше превосходительство! Однако одно на команду подействовало. Депутаты сказали матросам, что те должны поддержать восставших. Команда ответила утвердительно. Тогда мы, офицеры, решили покинуть крейсер,

перебравшись на «Ростислав». После спуска флага, на «Очаков» прибыл капитан I-го ранга Александр Димитриевич Сапсай с флаг-офицером. Первый убеждал матросов прекратить мятеж. В конце речи потребовал, что бы те, «*кто хочет служить верой и правдой Государю Императору вышли вперед*». Вновь, как и в первый раз, вперед вышла вся команда. Тогда Александр Димитриевич потребовал, чтобы были выданы те, кто не хочет служить дальше. Команда ответила, что служить хотят все. Но в то же время, кто-то из нижних чинов спросил: «А как наши требования?» Александр Димитриевич ответил, что они будут направлены в Петербург и там рассмотрены. Матросы просили переговорщика, чтобы офицеры вернулись на крейсер. Он пообещал, но только в том случае, если команда даст честное слово не участвовать в мятеже и слушаться своих офицеров. Матросы обещали. Окрыленный капитан Первого ранга Сапсай появился на «Ростиславе» и сказал нам, что можем возвращаться. Мы вернулись и потребовали от матросов сдать бойки от орудий. Команда уже хотела вернуть бойки, но кто-то крикнул: «*Оружия не отдавать – ловушка!*». Матросы отказались отдавать бойки, и тогда мы снова отправились на «Ростислав». А оттуда – сюда. В штаб. Сейчас на крейсере командует кондуктор Частнин. Вот, собственно и все, что я хотел доложить.

Я, до сих пор стоявший у стены, заметил свободное место. И тихонько прошел к нему. Усевшись, шепотом спросил соседа, капитан-лейтенанта: «А кто такой Сапсай?»

Тот пожал плечами, мол, как я могу не знать… Но ответил: «Очень грамотный, боевой офицер. Умнейший, добрейший, милейший человек! Его любят и нижние чины, и офицеры! Не гляди, что еврей!.. Зато крещеный! А у нас вон, русские на «Очакове»… Иуды!..»

В это время в зал вошел дежурный офицер. Прошел прямо к столу, за которым сидел командир Флота и что-то

прошептал тому на ухо. Чухнин побагровел. Встал. Поднял руку, требуя тишины. Объявил хриплым голосом: «Депутаты матросов со всех кораблей - уже на пристани! И направляются в самое гнездо мятежа! Кто принял преступное решение отпустить матросов эскадры в город? Оно свидетельствует только о нашей слабости… Всё! Разговоры закончены. Пора переходить к подавлению мятежа…»

Но тут вошел еще один офицер и, с разрешения вице-адмирала Чухнина, уже громко объявил, что депутаты с эскадры отправились не в гарнизон, а… на квартиру Шмидта. Чухнин еще гуще побагровел. Почти закричал: «Ка-а-ак? Шмидт еще не арестован? Его искали по всему городу, а он – на собственной квартире?! Немедленно туда отправить караул. Арестовать! Да-да! Вторично! Приказ о его увольнении с Флота подписан… В кандалы!»

С мест послышались голоса собравшихся офицеров: «С какой стати матросы пошли к нему? Он же уволен с флота!..»

- Действительно, почему именно к нему?

- Как же ловко и умело его распропагандировали среди нижних чинов!

- Кому сие надобно?

- Помяните мое слово, господа, Шмидт станет козлом отпущения!

- Он не понимает того! У него же мания величия!

- Несчастный! Сам сует голову в петлю!..

- Бо-а-алящий! Не ведает, что творит!..

- Иуда – он и есть иуда!.. И нечего кивать на его недуги… А петля действительно по нему плачет!..

- Он же позорит всех офицеров Флота!..

- К слову, и память родителей…

Григорий Павлович поднял руку. Объявил: «Вот такая, господа, обстановка-с! Посему приказываю усилить

охрану штаба, арсенала, пороховых складов, тюрьмы, гауптвахты. Туда направить верных матросов и «белостокцев», поставить конных казаков и жандармов. Установить пулеметы. Обо всех происшествиях немедленно докладывать мне. Прошу приступить к выполнению своих служебных обязанностей. Господин начальник штаба Флота, каждому караулу приставьте штабного офицера и троих вестовых. Тоже с оружием.»

Удивительно, но офицеры расходились молча, сосредоточенно… Словно перед наступлением. Но когда в душе надо каяться, молиться… В приемной командира Флота, несмотря на множество народа, стояла тишина. Когда появился Чухнин, все вытянулись. А он подошел ко мне. Тихо, но строго спросил: «Где господин ротмистр?»

- В тюрьме, ваше превосходительство, допрашивает арестованных ночью, - ответил я.

- Поезжайте, голубчик немедля за ним. Никто не объяснит ему более толково создавшуюся ситуацию.

- Слушаюсь! – резко опустил и вздернул я голову. Прищелкнул каблуками. И вышел из приемной. Долго объяснять Станиславу Валериановичу мне ничего не пришлось. И через час мы оба были уже в штабе Флота. Почти одновременно с нами флотский лейтенант и двое матросов с винтовками в руках ввели в приемную унтер-офицера. Тот мял в руках форменную фуражку, которой время от времени вытирал со лба пот, испуганно озирался…

- Вот-с, - кивнул лейтенант адъютанту на унтера. На весь его вид усмехнулся офицер: «Просит срочно увидеть лично его превосходительство… Говорит неотложное дело.»

- Обыскали? Оружие при нем имеется? – смерил взглядом унтера адъютант.

- Никак нет-с. Оружия не нашли.

- Сейчас доложу.

И адъютант ушел в кабинет командира Флота. Но скоро вернулся. Кивнул: «Пусть войдет.»

Следом за унтером вошли и мы с ротмистром. Григорий Павлович устало кивнул нам. Унтера спросил: «Что у тебя, голубчик, за срочное дело?»

- Осмелюсь доложить, ваше пре..ство, был выбран командой «Памяти Азова» депутатом… Мы-то на нашем корабле не очень поддерживаем мятежников, но решили узнать, что они задумывают. Вот и выбрали меня. Но все, прибывшие на берег почему-то не пошли в гарнизон, а отправились на квартиру энтого.., как его…

- Шмидта?

- Точно так-с. Ну, я, конечно, - тоже со всеми. Но то, что увидел и услыхал… Прости, Господи! Спаси и сохрани! Выйдя ж на улицу, сразу направился сюда в штаб… Доложить-с. Потому, как не могу-с пойти супротив Веры, Царя и Отчества! Супротив Присяги! Ни-и-икак! Присяга-то раз в жизни принимается! Как Святое Крещение! Так-с меня покойный тятенька наставлял. А ведь он на Балтике, на катере пограничной стражи служивал! Царствие ему Небесное!

- Что же ты увидел и услыхал? – спрятав улыбку в усы, спросил Чухнин.

- Беззаконие! Мерзость запустения! Энтот, как его… Ну-у-у, Шмидт встретил нас очень приветливо. Прочитав требования матросов, разразился суесловием, ругал Государя Императора, всю власть Державную, данную, как я понимаю, от Бога, - стало быть, прости, Господи, Божию власть! Долдонил о другой, якобы более справедливой… Как ее… Об Учредительном собрании. Кощунил, мол, в противном случае Россия-Матушка погибнет… Эвона как! Сколь столетий не погибала, а тут - погибнет! Вот я и разумею: от лукавого все суесловия мятежников. Вот нам бы только самим не оплошать!

Перебив унтера, Григорий Павлович взглянул на нас. Сурово проговорил: «Обратите внимание, господа! Как умело Шмидт подменил наивные и, в целом, не существенные, бытовые, другими слова, экономические требования матросов политической программой революционных партий. Как поднаторел в бесовском словоблудии!»

Чухнин снова повернулся к унтеру: «Продолжай, голубчик.»

Тот вытер лоб скомканной фуражкой. Судорожно сглотнул. Заговорил: «Вот и я подумал, что господин Шмидт – бесноватый… Но подумал, что навряд ли эдакого болящего флотское начальство поставило бы офицером… А уж когда он объявил себя соцъялистом, я сумлеваться перестал. А господин Шмидт, прости Господи, сказал, мол, надобно искать офицеров, признающих революцию, из них выбрать командиров, а остальных арестовать… Дальше – больше! Сказывал нам, мол, когда все команды флота дружно поднимут мятеж на своих кораблях, он возглавит флот и пошлет Государю Императору телеграмму, в которой объявит, что флот, мол, перешел на сторону революции… Перед тем, как выпроводить нас, у всех на глазах достал из шкапа мундир капитана Второго ранга. Усмехнулся так нехорошо… Глаза – злые, в красных ободках… Бегают… Не по-Божески! Не по-русски сие! Душа не терпела!.. А еще энтот Шмидт сказал, что завтра утром сам поднимет над «Очаковом» красный революционный флаг… Вот-с, ваше прев…ство, и всё… Прощевайте уж… Може, что и ненужное ляпнул…

- Нужное, братец! Очень нужное! Жизненно нужное! – встал и вышел из-за стола Григорий Павлович. Пожал унтеру руку. Вызвал адъютанта. Приказал тому: «Перепишите данные унтер-офицера. Накормите. После того, как мятеж захлебнется, напомните мне о его верности

Присяге. Я сумею наградить согласно своим полномочиям. А сейчас помогите ему добраться до гарнизона. Только так, чтобы никто из мятежников не заподозрил его появления у нас… !»

- Слушаюсь! – резко опустил и поднял голову адъютант, прищелкнул каблуками и вышел вместе с унтером из кабинета. Григорий Павлович прошелся вдоль стен. До хруста в суставах повел плечами. Повернулся к Филиппу Владимировичу: «У вас есть свои люди на «Очакове»?»

- Так точно! Тоже унтер, – отозвался тот.

- Однако.., однако, если придется расстреливать крейсер, надо как-то перед этим эвакуировать агента…

- Так точно… Знать бы только, когда…

- Вы, господин капитан третьего ранга, узнаете одним из первых…

В кабинет опять вошел адъютант. Доложил: «Ваше превосходительство, только что с «Ростислава» прибыл капитан Второго ранга Данилевский. Он побывал на «Очакове». И теперь просит принять.»

- Зови! – кивнул Чухнин.

В кабинет вошел плотный, даже, пожалуй, полный флотский офицер. Представился по форме. Но Чухнин усадил его в кресло. Спросил: «В самом пекле побывали… Чаю? Кофе?»

После отрицательного ответа, приказал: «Тогда докладывайте. Что там Шмидт?»

Кап-два сокрушенно покачал головой: «Уж и не знаю, ваше превосходительство… Двойственное чувство… Шмидт принял меня в капитанской каюте. Добродушно. Даже ласково. И сразу же заявил, что он прибыл на крейсер с целью повлиять на команду, что главная его задача успокоить ее и вернуть крейсер в нормальное, верноподданическое состояние. Так же заметил, что считает

пропаганду в военное время очень опасной. Я вернулся на «Ростислав» в полной уверенности, что «Очаков» в надежных руках и никакого мятежа не будет. Однако, со мной на катер погрузили обожженного кочегара и двоих больных матросов, дабы на флагмане им оказали необходимую медицинскую помощь. Корабельный-то врач-то с «Очакова» отбыл с другими офицерами. Один из матросов оказался просто зверски избитым. И, как я выяснил, «темную» ему устроили за то, что он отговаривал новобранцев поднимать мятеж…

- Слава Богу, что не убили, за борт не выбросили, как было на «Потемкине», - подал голос Станислав Валерианович. А Данилевский с благодарностью ротмистру за поддержку продолжал: «Так вот, этот матрос показал, что Шмидт, прибыв на корабль, заявил, мол, прибыл он, дабы командовать всем Черноморским Флотом. Мол, Москва и весь Русский народ согласны с ним. Обещался: и Одесса, и Ялта способны поставить все необходимое для мятежного Флота, команды всех кораблей которого готовы поднять восстание, а на берегу их поддержат взбунтовавшиеся рабочие, гарнизон крепости и войска. Мол, произойдет сие, как только на «Очакове» будет поднят красный флаг.»

- Каков лукавый лжец! – возмущенно проговорил Филипп Фладимирович.

- И что же? – спросил Андрей Иоаннович. При этом перекрестился: «Команда поверила этим бредням?»

- Так точно. По словам матроса, команда отозвалась многократным, громовым «ура»!

- Несчастные! – покачал головой Филипп Владимирович.

- Флаг поднят, но корабли не поддержали, - хмыкнул Андрей Иоаннович, - Брестский полк удалось вывести из города в летние лагеря. Гарнизон города и крепости, за

редким исключением, верен Присяге. Главари бунтовщиков, в большинстве своем – в тюрьме и на гауптвахте, под охраной казаков.

- Да-с, господа, – снова заговорил Филипп Владимирович, - Создается впечатление, что экзальтированный, пораженный величием открывающихся перед ним целей, Шмидт не столько руководит событиями, сколько упивается, вдохновляется оными.

- Да нет же, господа, – помотал головой Станислав Валерианович, - ведь он совсем другое говорил господину капитану Второго ранга! Экзальтация, как вы изволили выразиться, Филипп Владимирович, всего лишь прикрытие подлости, хитрости и двоедушия!

- Итак, какие будут предложения? – обвел нас взглядом Григорий Павлович. Но тут в кабинет вошел адъютант. Доложил: «Полтора часа назад на берег прибыл Шмидт. Он направился на заседание депутатов. И там открыто призвал ко всеобщему восстанию в армии и на флоте. Заявил, что хочет захватить «Ростислав», арестовать адмирала, затем от его имени дать команду всем офицерам собраться в адмиральской каюте, где также их всех арестует…»

- Негодяй! – не сдержался Андрей Иоаннович. Даже прихлопнул ладонью по столешнице: «Да его самого пора арестовывать… А вы, господин капитан Третьего ранга изволите говорить про какую-то экзальтацию…

- Господа! Уймитесь! – теперь прихлопнул ладонью по столешнице Чухнин. Повернулся к адъютанту. Приказал: «Немедленно вызвать сюда обер-полицмейстера, генерала Неплюева, контр-адмирала Спицкого, командиров гарнизона, Белостокского полка, коменданта крепости. Порт оцепить. На причалы вывести орудия… Начало совещания в двадцать два часа. А пока… война – войной, но ужина никто не отменял.

…На совещании прибывшие сидели, понурив головы. Григорий Павлович доложил сложившуюся обстановку. Спросил: «И какие у вас будут предложения, господа?

Неплюев только развел руками. Спицкий предложил: «Может быть, начнем выполнять самые простые требования бунтовщиков, а там, глядишь, и Меллер-Закомельский с войсками подойдет?»

- Нет-нет, господа! – поднявшись со своего места повысил голос уже знакомый и почему-то неприятный мне командир гарнизона, - надо принять все меры, чтобы обошлось без кровопролития! Де-мо-кра-тич-но! Так сказать, в свете Высочайшего Манифеста.

- У нас, ко всеобщей скорби, есть опыт Одессы! Там тоже уповали на де-мо-кра-ти-ю! А известно ли вам, господин полковник, количество жертв в Одессе? Среди них были женщины, дети.., – перебил его Станислав Валерианович. Его тоже явно раздражал «сторонник демократических методов». Но, конечно же, он себя сдерживал: «Чем больше будем попускать мятежникам, тем больше прольется крови! Этим мерзавцам любых уступок будет мало! Протянешь палец, они не то, что руку, целиком заглотить нас всех и сразу пожелают! Надо немедленно отправить наряды полиции, казаков, верных матросов в казармы флотской дивизии, иных подразделений, на заводы, фабрики, бастующие учебные заведения. Безо всякой жалости арестовать агитаторов и местных их подпевал. Попытавшихся оказать сопротивление, расстреливать на месте, согласно законам военного положения…»

В кабинет вошел адъютант и протянул Чухнину телеграфную ленту. Тот прочитал ее. Побагровел. Потряс лентой в воздухе. Хрипло заговорил: - Только что ударные отряды мятежников овладели минным кейсером «Гридень», миноносцем «Свирепый», миноносцами за номерами 265, 268 и 270 и несколькими мелкими судами, а в

порту захватили немало оружия. Тогда же к восставшим присоединились экипажи канонерской лодки «Уралец», миноносцев «Заветный», «Зоркий», учебного корабля «Днестр» и минного транспорта «Буг». Они даже не дождались ответа на их требования. Так что, вы, Станислав Валерианович, правы. Приказываю окружить мятежные корабли и не пропускать их мимо себя даже под угрозой столкновения с ними…»

…К утру казематы тюрьмы и гауптвахты были переполнены. Казалось, что нижние чины, из подразделений крепостных артиллерии и саперной роты, а также матросы дежурной роты броненосца «Синоп», посланной Чухниным для усмирения восставших, в большинстве своем, находились в явном замешательстве, выглядели какими-то затравленными: должно быть, агитаторы не до конца выжгли из их сердец понятие Присяги. Зато последние вели себя вызывающе нагло. Я даже отвернулся, когда казак-урядник из отряда, посланного для ареста мятежников, в ответ на бранные слова одного из агитаторов ударил того в ухо… У многих из оных были немецкие, английские, французские и даже турецкие паспорта. Я смотрел на арестованных статских, одетых, как говорится, по-господски, и диву давался: они поначалу выглядели вполне добропорядочными людьми. Но кое у кого были обнаружены револьверы, бомбы, всякого рода листовки… И в глазах большинства я увидел… ненависть! А сами глаза сверкали красноватым огоньком! «Какое-то массовое беснование! Или сие – действительно, глас народа?! - кольнула мысль. Я помотал головой. Но мысль не уходила: «А может быть они правы? Прости, Господи! Что за гниль лезет в голову! Похоже и меня начинает бес крутить… *Да воскреснет Бог и расточатся врази его*»!»

Где-то вдали слышались выстрелы. Потом, вернувшись в штаб, я узнал, что отряд, которым

командовал Станислав Валерианович, наткнулся на вооруженное сопротивление. И подавив оное, ротмистр приказал расстрелять агитаторов, некоторых из нижних чинов, застигнутых еще с горячими стволами револьверов и винтовок. «Не мы первыми подняли меч!» - вспомнилось мне… И я, наконц, утвердился в нашей правоте»

…Утром на всех мятежных кораблях были подняты красные флаги. С «Ростислава» пришел телеграф: оказывается сам Шмидт на миноносце «Свирепый» обошел всю эскадру. Призывал офицеров и матросов присоединиться к мятежу. Затем этот несчастный направился к тюремному транспорту «Прут». Возглавив отряд матросов, освободил находившихся там потемкинцев. Зато на «Очаков» были привезены арестованные в гарнизоне офицеры с крейсера «Гридень» и миноносца «Заветный». Эти несчастные поехали в гарнизон за провизией, где и были схвачены мятежниками. Среди них оказался даже генерал-майор Сапецкий, решивший навестить больную дочь. Шмидт приказал разместить арестованных по каютам. Затем по его приказу был захвачен пассажирский пароход «Пушкин». Спустя еще какое какое-то время, в другом телеграфе сообщалось, что к мятежникам присоединилась команда «Пантелеймона», переименованного «Потёмкина». Однако последний уже не представлял никакой угрозы, так как все вооружение по приказу командира Флота было снято с него еще до начала мятежа.

- Плохо служим, господа! – вздохнул на последнее известие Григорий Павлович. Желваки заходи на его скулах: «Не всю «матюшенковщину» вывели в команде! Пожалели «бе-э-эдных» матросиков! Жалость – прерогатива Государя Императора! А мы с вами должны действовать по Закону и по Уставу! Согласно военному положению. Впредь будем умнее.

И, повернувшись к командиру гарнизона, хмыкнул: «Вот-с, господин полковник, до чего доводит ваша дем-мо-но-кра-тия!»

Тот дернул усами и опустил голову. Тут, за окнами раздались какие-то веселые крики, шум, ржание лошадей. А в кабинет вошел подтянутый, но в запыленном, далеко не свежем мундире, тоже веселый, лысоватый, с лихо закрученными кавалерийскими усами, по-юношески подвижный, но с опухшими, должно быть, от безсонницы глазами генерал-лейтенант… Григорий Павлович стремительно вышел к нему из-за стола. Протянул обе руки: «Барон! Александр Николаевич! Голубчик! Наконец-то! Слава Богу! А мы-то заждались! Как добрались? Как ваше семейство? Всели – в добром здравии?»

И они с гостем после крепкого рукопожатия обнялись. Похристосовались…

- Вот-с, господа! Кто не знает, прошу любить и жаловать, – барон, генерал-лейтенант Александр Николаевич Меллер-Закомельский, ученик Михаила Димитриевича Скобелева, гроза всякого рода крамольников, мятежников, революционеров!

- Вы не очень-то привечайте меня, Григорий Павлович! – засмеялся гость.И копируя голос бывшего предателя-министра с прибалтийским легким акцентом проговорил: «А то ведь сам господин Витте сказал недавно в мой адрес: *«Если бы Меллер-Закомельский не был генералом, то по своему характеру он был бы очень хорошим тюремщиком, особенно в тех тюрьмах, в которых практикуются телесные наказания; он был бы также очень недурным полицейским и хорошим обер-полицмейстером, в смысле поддержания внешнего порядка», был бы «человек, не брезгающий средствами».*

- Господи! – даже улыбнулся Чухнин. Воодушевленно воскликнул: «Если вы дословно цитируете, то господин

Витте в гимназии со-а-авсем не дружил со словесностью! Да и полно вам, Александр Николаевич! Мы-то вас знаем и по Польской кампании шестьдесят третьего года, и по экспедициям в Среднюю Азию и по боям в победоносной Русско-турецкой войне. Одним словом по службе Вере, Царю и Отчеству, а не по шарканью на дворцовых паркетах! А Витте?! К нам бы сюда этого американского подмастерья! На «Очаков»! К взбесившимся матросам! Посмотрел бы я на него!»

- Он бы мигом заключил перемирие с бунтовщиками, отдав им на откуп весь Крым! И нас с вами! Как недавно пожелал исполнить все грабительские требования япошек на заключении мирного договора в Портсмуте!.. Даже американцы не одобрили его, с позволения сказать, покладистости в этом предательстве!.. Но, не будем о грустном! Расскажите-ка лучше и попордробнее, что у вас здесь происходит. Право же, мне приходится впервые усмирять бунты не кораблях. Будем приобретать и оный опыт!

Сие Григорий Павлович и сделал. Внимательно выслушав его, Меллер-Закомельский на минуту задумался. Потом весело объявил: «Всё - по Закону! Первый выстрел в воздух сделан! Теперь будем приступать к решительным действиям. Для начала предъявим мятежникам ультиматум.»

- И что вы предлагаете написать в нем?

- Всего несколько слов. А именно: освобождение заложников, немедленная капитуляция, выдача нам главарей, сдача оружия и орудийных замков, наконец, передача кораблей законному командованию Флота. Время на раздумье – два часа. В противном случае, мятежные корабли будут расстреляны, как и сами мятежники, которые попытаются спастись вплавь. Из пулеметов! Всё! И передать его надо немедленно!

Я заметил, как согласно заулыбались почти все присутствующие в кабинете командира Флота. Адъютант Чухнина записал ультиматум. Григорий Павлович подписал. А барон вдруг спросил: «А нельзя ли позавтракать? Со вчерашнего дня маковой росинки не было во рту!»

- Ради Бога! – воскликнул Григорий Павлович. И снова кивнул адъютанту: Здесь рядом – отличный ресторан! Пойдем туда? Или приказать доставить завтрак в штаб?

- В дороге, знаете ли, верхом, ноги затекли. Пройдемся сами…

- Пойдемте же, господа! – обратился Чухнин к нам. Обеими ладонями, словно гостеприимный хозяин, пригласил нас он: «Мы, кажется, тоже еще не завтракали сегодня. А время уже - обеденное!»

За столом в ресторане Григорий Павлович представил Меллер-Закомельскому своих подчиненных и нас со Станиславом Валериановичем, заметив, что мы оба образцово проявили себя в создавшейся ситуации.

- И представьте! – разрезал отбивную Чухнин. И пояснил: «Будучи уполномоченными товарищем министра внутренних дел, и господин ротмистр, и господин поручик наравне с моими офицерами выполняли самую черновую службу!»

Александр Николаевич обратился ко мне: «А вы, господин поручик, - тоже в военной контрразведке служите?»

- Никак нет, ваше превосходительство. После ранения в Порт-Артуре назначен офицером по особым поручениям при генерал-майоре Трепове. По его приказу и прибыл в Севастополь.

- Димитрий Феодорович! Димитрий Феодорович! – словно вспоминая что-то хорошее, заулыбался Меллер-Закомельский. Но тут же помрачнел: «Неугоден он

внутренним врагам Отечества и Престола! А ведь если бы хотя бы половина министров, их товарищей, обитателей Двора, генералов, офицеров, статских чиновников были такими, как он, мы победили бы япошек! Да и о революции в нашей некогда великой Державе никто не смел бы даже заикнуться… Рад познакомиться с вами, господин поручик. Абы кого Димитрий Феодорович в порученцы не взял бы. Надеюсь, мы с вами еще вместе послужим Вере, Царю и Отчеству!»

…Вернувшись с обеда, мы узнали, что вместо ответа на ультиматум, с «Очакова» был отправлен катер, на котором мятежники пытались доставить на «Пантелиймон» замки к орудиям. Но канонерка «Терец» расстреляла его. Тогда миноносец «Свирепый» попытался атаковать ее и "Ростислав". Но перекрестным обстрелом был подожжен и выведен из строя. Хотя и остался, что называется, на плаву. Чухнин тут же подписал приказ о награждении офицеров и нижних чинов канонерской лодки.

- Не мы первыми подняли меч! – спокойно заметил Александр Николаевич. Спросил Чухнина: «Начинаем?»

Тот кивнул: «С Богом!»

- Прикажите открыть орудийный огонь со всех кораблей и береговых орудий! – посоветовал Александр Николаевич. Что тут же Чухнин и сделал. Но вдруг дежурный офицер доложил, что на «Очакове» взвились сигнальные флажки: «*Я имею много пленных офицеров и статских пассажиров с «Пушкина», то есть заложников. Шмидт*».

- Ба-а-андит! Как есть бандит! Заложников! Статских захватил! Ему только с ними и воевать! Ну ничего! Отольются кошке мышкины слезки! – выдохнул кто-то из офицеров. А Григорий Павлович вопросительно взглянул на Меллер-Закомельского. Тот крутанул головой. Сказал: «Они, наверняка, заперты в нижних каютах. Если стрелять

по палубе, никто из заложников не пострадает. Но спасательные отряды должны быть готовы.»

…И через несколько минут по «Очакову», другим мятежным кораблям ураганный огонь открыли все башенные орудия «Ростислава», «Терца», «Памяти Азова», а также береговая артиллерия крепости. Мятежная команда крейсера бросилась в воду. «Очаков» поднял белый флаг. Остальные корабли спустили красные флаги. А скоро донесения о завершении боя стали поступать одно за другим. В Южной бухте сама команда затопила минный заградитель "Буг". Но высадившись из шлюпок на берег, в полном составе была арестована «семеновцами», которых привел Александр Николаевич. От полученных повреждений затонул миноносец номер 270. В нашей эскадре потерь не было, если не считать легкие повреждения рангоута на крейсере "Память Меркурия"…

Наконец, орудийные залпы стихли. С «Ростислава» просигналили: после двухчасового боя мятежники сдались.

- А Шмидт? – спросил адъютанта Чухнин.

- Пытался бежать… Отрока-сына, мерзавец, зачем-то притащил с собой на «Очаков»… Но сейчас на катере с «Ростислава» доставлен на флагманский корабль, где и находится под арестом, - доложили ему.

…В Севастополе нам пришлось задержаться еще на несколько дней. Во-первых, наступившей после разгрома мятежа на море ночью мне пришлось с отрядом казаков и «семеновцев» осадить казармы флотской дивизии, где засели взбунтовавшиеся солдаты, матросы, примкнувшие к ним статские… На предложение сдаться они ответили безпорядочным огнем из винтовок и пулеметов. Полковник-«семеновец» поднял людей в атаку. Что мне оставалось делать? Как и остальные офицеры, я подбежал впереди солдат… И тут что-то чиркнуло по волосам. Фуражка моя слетела… Наша атака, что называется, «захлебнулась». И

потери оказались значительными: один офицер, восемнадцать «семеновцев», десять казаков. Два десятка раненных. Тогда пожилой есаул, командовавший последними, заметил: «Еще прадед мой, вспоминая благословение митрополита Московского Филарета, - Царствие им обоим Небесное, - говаривал: возлюби врагов своих, гнушайся врагов Христовых и бей врагов Отчества. Так, что полагаю, господа, перед нами враги и Христа, и Отчества. А коли они не сдаются, их надо уничтожить! Однако жаль: не ведают, крещеные, что творят!

- Заводилы-то у них – навряд ли наши, крещеные! – подал голос молоденький прапорщик. На это есаул только махнул рукой. Хмыкнув, продолжил: «Задницу им надрать мы не можем. Идти в открытую атаку, под пули… Нету резону. Людей сколько потеряли… Царствие им Небесное… Если пойдем снова в атаку, еще больше положим. Да и сами… Посему предлагаю вызвать пару пушечек! Пальнем, глядишь и сдадутся…»

Все офицеры согласились. Часа через полтора прибыли легкие орудия. И действительно, после нескольких их залпов, мятежники сдались… Кто-то из них выходил, гордо вскинув подбородок, у кого-то бегали глазки, а иные выглядели нашкодившими щенками. Матросов и солдат построили и под конвоем конных казаков повели в городскую тюрьму. Я проверил документы у статских. Двое оказались приехавшими из Одессы.

- Состоите в партии БУНД? – спросил я одного из них.

- Я вас умоляю, господин офицер! Какой БУНД? Приехал к сроднику… С гостинцами… И оказался запертым в казарме с этими разбойниками! – забрызгал слюной он.

- Всё понятно! – невольно сделав шаг назад, вздохнул я. Обернулся к есаулу. Указал ему на статских: «Этих надо бы в контрразведку. Окажите милость, выделите для конвоя казаков.»

Что и было сделано. А тут и какой-то казак протянул мне фуражку: «Не ваша ли, ваш бродь? Обронили…»

Фуражка оказалась продырявленной… Есаул, стоявший рядом, хохотнул: - А ты, поручик, в рубашке родился!»

Когда же мы, офицеры, час спустя, прибыли на доклад к Чухнину и Меллер-Закомельскому, последний, пройдя вдоль нашего строя, вдруг остановился напротив меня. Вгляделся в глаза. Перевел взгляд на простреленную фуражку. Но ничего не сказал… Всех просто поблагодарил.

Остальные несколько дней мы со Станиславом Валериановичем допрашивали агитаторов, арестованных на мятежных кораблях и в городе. И кого здесь только не было! И анархисты! И БУНДовцы! И эсеры! И социал-демократы! Свою принадлежность к политическим партиям многие не скрывали. Держались гордо. Иногда даже нагло, вызывающе. Большинство из них были отправлены специальным поездом в Санкт-Петербург. Генерал-лейтенант Меллер-Закомельский со своими «семеновцами» остался, дабы завершить наведение порядка в Крыму. А я с Еленушкой и ротмистром после торжественного товарищеского ужина во флотском офицерском собрании отправились восвояси.

Колеса вагона бойко отстукивали на стыках рельс. И хотя у Станислава Валериановича было свое, отдельное купе, я по настоянию жены попросил его составлять в пути нам компанию.

- Чтобы господину ротмистру не было скучно и одиноко… Повспоминаем, как вместе добирались в санитарном поезде из Порт-Артура… Не хватает только мичмана Алеши и милейшего, несчастного штабс-капитана Василия Петровича! Встретиться бы с ними! Узнать: как-то они теперь поживают?.. - объяснила свою просьбу супруга.

Сейчас Елена весело уплетала очередной соленый арбуз. Станислав Валерианович, глядя на нее, умиленно и снисходительно улыбался. А я любовался женой. Хотя живота еще не было видно, Елена зарумянилась, даже немного округлилась. И явно была довольна завершением моей командировки, а заодно и счастливым концом мятежа. Первый день поездки мы с ротмистром решили в разговорах не касаться служебных вопросов. Но я все-таки не выдержал. И когда мы вышли в коридор вагона покурить, я сказал: «Какой же все-таки мерзавец этот Шмидт! Но неужели сие – следствие его явного психического заболевания?»

- Никакого заболевания, собственно, и нет! – вдруг ответил Станислав Валерианович. Глубоко затянулся дымом папиросы: «Есть бесноватость! Она выразилась в чрезмерном честолюбии в самом дурном понимании этого слова. А сие делает человека подлым, двоедушным. И за это Господь лишает человека разума. Судите сами! Отправившись на миноносец «Свирепый», Шмидт стал в рупор призывать матросов других судов переходить на его сторону, так как, якобы, «*с ним Бог, Царь и весь русский народ*». Ложь! Сатанинская придумка! И ею он подтвердил свое служение отцу лжи. Дальше - больше. Хотя Шмидт с каждой минутой убеждался в провале своих планов, он не оставлял оных. Лгал и дальше! А малая ложь всегда возрастает, подобно снежному кому, который катится с горы. Но заметьте, ком сей всегда разбивается! Так вот… Захватив «Пантелеймона» и арестовав всех офицеров, Шмидт выступил перед ними с речью.

Станислав Валерианович зашел в наше купе, но скоро вернулся со стопкой бумаг. Полистав их, вслух прочитал: «*Здесь, в Севастополе, собраны лучшие революционные силы. Меня поддерживает весь свет. Ялта даром снабжает меня провизией. Ни одна из обещанных свобод не осуществлена до*

сих пор. Государственная Дума – это пощечина для нас. Теперь я решил действовать, опираясь на войска, флот и крепость, которые мне все верны. Я потребую от Царя немедленного созыва Учредительного собрания. В случае отказа, я отрежу Крым, пошлю своих саперов построить батареи на Перекопском перешейке, и тогда, опираясь на Россию, которая меня поддержит всеобщей забастовкой, буду требовать, просить я уже устал, выполнение условий от Царя. Крымский полуостров образует за это время республику, в которой я буду президентом и командующим Черноморским флотом. Царь мне нужен потому, что без него темная масса за мной не пойдет. Мне мешают казаки, поэтому я объявил, что за каждый удар нагайкой я буду вешать по очереди одного из вас, и моих заложников, которых у меня до ста человек. Когда казаки мне будут выданы, то я заключу их в трюме «Очакова», «Прута» и «Днестра» и отвезу в Одессу, где будет устроен народный праздник. Казаки будут выставлены у позорного столба и каждый сможет высказывать им в лицо всю гнусность их поведения. В матросские требования я включил экономические нужды, так как знал, что без этого они за мной не пойдут, но я и депутаты матросы смеялись над ними. Для меня единственная цель – требования политические».

- Он собирался что-то требовать от Государя Императора?! От Помазанника Божия! Ну, Шмидт просто-напросто повторил самонадеянность Денницы! – воскликнул я, - Но какая прямо-таки сатанинская, прости, Господи, ненависть у него – к своим же соотечественникам! К офицерам, к тем же казакам! Только за то, что они оказались верны Присяге!

- Забонапартился! – хмыкнул Станислав Валерианович. Закурил новую папиросу: «А такое никогда в истории человечества добром не заканчивалось!

- Как это?

- *«Революция, как Бог Сатурн, пожирает своих детей».* Сии слова принадлежат некоему французскому революционеру Верньо. Однако эту же фразу нередко приписывают Дантону перед его казнью или Демулену. Эти стали одними из многих жертв, погибших от рук недавних соратников. Робеспьер казнен с братом и с двадцатью сторонниками. Все они, возмечтавшие о вершинах государственной власти, закончили свои дни под ножом гильотины! И поверьте мне, дорогой друг, ежели нынешние мятежники и совращенные ими наши соотечественники возьмут власть в России, - упаси нас, Господи, от этого, - то все они со временем будут уничтожены своими же нынешними, но более подлыми подельниками и последователями. Однако, сие - только внешняя, поверхностная сторона. Я же полагаю, что погибнут они не властью революции, но *отмщением Божиим*! Шмидт, в своей болезненной самонадеянности, всегда выдавал желаемое за действительное. Никакой помощи мятежникам ни из Ялты, ни из Одессы, ни из всего Крыма, а тем паче из России и «всего света», быть попросту не могло! А в его словах об отделении Крыма разве не слышны чаяния фридманов и иже с ними о создании так называемой Южной республики? То-то и оно! Вот, где выставились рога отца лжи! Однако, когда в Севастополь прибыл его превосходительство генерал-лейтенант барон Меллер-Закомельский с верными частями, когда остальные корабли Черноморской эскадры сохраняли полную верность Присяге, до Шмидта, наконец, дошло, что часы его, с позволения сказать, власти сочтены. И он, что называется, начал блефовать, рассуждая о республике, отделении Крыма, своем президентстве и так далее. Опять же заметьте: понятие, да и сам институт «президентства» выдуман не русскими. А кем?! И где?! На западе! Не оттуда ли растут

рога идеологии, которой заражен Шмидт? Далее: даже не плененных им офицеров с болезненной горячностью он убеждал в своем могуществе, а… самого себя. Однако не следует думать, что Шмидт был невменяем и действовал в полубреду. Нет, друг мой! Увы! Из протоколов допросов, свидетельств очевидцев и пострадавших от мятежа, мы можем сделать вывод, что и методы и тактика Шмидта четко и вполне определенно продуманы, а возможно, как мы с вами почти доказали, продиктованы извне. Именно Шмидт собирался на самом деле вешать заложников, своих товарищей офицеров, верных Присяге нижних чинов. И при этом прикрывался матросами, обманывал их, смеялся над их наивностью и доверчивостью, подставлял их во имя собственной гордыни под преступление, за которое по Закону рядовым мятежникам грозила смертная казнь. А обещания расправы над казаками?! Всё сие – известные нам с вами методы и тактика террористов всех времен и народов. Посему вывод один: Шмидт – заурядный «забонопартившийся» террорист. А террористы, стоит их обезоружить, по сути, все – трусы. Ведь когда на палубу «Очакова» обрушились снаряды из орудий эскадры и береговой артиллерии, весь бонапартизм слетел со Шмидта. Он, как баба-истеричка с Одесского Привоза, визжал, что перевешает всех арестованных им офицеров, статских пассажиров с «Пушкина», если не прекратится артиллерийский огонь. И, первым, словно крыса с тонущего корабля, - прости Господи, - сбегая с «Очакова», опять же лукаво объявил своим матросам: «иду принимать смерть»… Представьте себе такого капитана крейсера! Такого в истории Российского Флота никогда не было! Капитан покидал корабль последним. В том же Порт-Артуре! А тут?! Уму непостижимо!

- И что же теперь с ним будет? – спросил я, закуривая очередную папиросу.

- Военный суд решит… Но по Закону его должны повесить… В лучшем случае, расстрелять… А как вы полагаете, что бы сделали в подобном случае власти любой другой державы мира? Хотя они теперь, захлебываясь слюной, единогласно опять объявят Российскую Империю тюрьмой народов…

Я хотел что-то сказать, но из открывшейся двери в наше купе появилась Елена. Совершенно не свойственно для нее надула губки: «Что ж это вы, господа, оставили даму в одиночестве?»

- Почему ж в одиночестве? – засмеялся Станислав Валерианович. Кивком головы показал лакомство жены: «С соленым арбузом наедине! Вы так его аппетитно вкушали, что у нас слюнки потекли! А просить вас поделиться с нами – как-то неловко! Язык, ха-ха, не вворачивается. Поэтому и вышли, дабы табачным дымком перебить чревоугодие!»

- Да ради Бога, Станислав Валерианович! – вскинув брови, зарделась жена. И одновременно потупила взор: «Сказали бы! Я бы поделилась! В вагонном подполе еще три арбуза лежат! Алексаша вчера купил. И велел проводнику в холодке держать… А мне столько жидкости нельзя! После соленого еще и пить захочется! Так что, я лучше пока воздержусь! А вы достаньте себе арбузик! Да и съешьте на здоровье!»

- Нет-нет! Спаси Господи! – засмеялся Станислав Валерианович. Посмотрел на часы: «А не пора ли нам сходить в вагон-ресторан пообедать? Я бы сейчас за милую душу эскалопчик или хор-р-рошую отбивную съел бы, борщичку похлебал бы со сметанкой да с куском телятинки…»

На лице Елены возникло страдальческое выражение: - Ох, сударь, смилуйтесь! Не говорите мне про мясо!.. Вы с Алексашей сходите. Пообедайте. Коньячку выпейте. Только немного. Не усердствуйте… А мне, если можно, принесите

фруктов! Яблок, груш, персиков, абрикосов… Почему-то сливы очень хочется. Вместо питья! Или еще чего-нибудь на ваше усмотрении…»

- А ты, дорогая, запрись в купе изнутри, - подал голос я.

- Зачем? Мятеж-то закончился! – хмыкнула Елена.

- Мятеж закончился! – поддержал меня Станислав Валерианович. Даже неодобрительно помотал головой: «Но на свободе осталось немало мятежников… Послушайте супруга, Елена Васильевна. Закройтесь изнутри. А мы, вернувшись из вагона-ресторана, купе своим ключом откроем.

Когда мы шли по вагонам к ресторану, я сокрушенно покачал головой: «Не узнаю Елену! Такая капризная стала! Плаксивая! Полная противоположность сестре милосердия санитарного поезда, каким мы ее знали!»

- Чего ж вы хотите, друг мой! Сие – естественное состояние всякой непраздной женщины. Но ваша Елена Васильевна – еще ангелочек! На коньячок благословила… А видели бы, слышали бы вы мою благоверную, когда она сыном ходила! Вот где капризы-то были! Всем капризам капризы! – улыбнулся, должно быть, воспоминаниям Станислав Валерианович. На миг задумался: «У милейшей Елены Васильевны они пройдут… Через месячишко-другой. Так что, дорогой мой, господин поручик, набирайтесь терпения!»

Когда скорый поезд «Москва-Белгород» отошел от Курского вокзала, я даже с облегчением вздохнул: «Наконец-то! Слава Богу»! Но неожиданно, словно свинец, в тело начала вливаться то ли усталость, то ли какая-то истома… Как будто я только что разгрузил вагон картошки. Глаза слипались. Соседей по купе не оказалось. И я обрадовался этому: никто не будет мешать, раскладывать чемоданы, узлы, сумки под нижние полки, наверх, потом

ужинать, потом хлопать дверью, переговариваться. Высплюсь! Впереди – неделя ремонта! Однако пожилая проводница, пришедшая за билетом, объявила, что свободные места моего купе забронированы, и что в Туле подсядут еще трое пассажиров. «Вот, и выспался! - в сердцах хмыкнул я про себя, - Часа через три мое блаженное одиночество закончится»! А вслух попросил проводницу принести стакан чаю. Когда же она вышла, я развернул фольгу с бутербродами. Безо всякого желания, через силу проглотил. И, не дожидаясь чаю, расстелил постельное белье на своей полке. Не раздеваясь, растянулся не ней. Казалось, уснул мгновенно. Но тут вдруг увидел подругу Аллы Антонину. Ту самую, которая, по словам и Аллы, и Игоря Андреевича и его супруги, увлекалась всякими аномальными явлениями, астрологией, гаданиями, магией…

Стены купе вдруг раздвинулись в безконечность. Потолок исчез где-то в вышине. Соседняя полка, замерцавши красным светом, обрела подобие сцены. А на ней Антонина, одетая в прозрачный балахон, похотливо извиваясь всем телом, покачивая в движениях бедрами и грудью, танцевала. Длинные, золотистого цвета, волнистые волосы, колыхаясь, казалось, полыхали… А у кулис этой сцены стояла… Наташа. Дочка Аллы! Она заворожено смотрела на Антонину и как-то даже неосознанно, неуверенно, несмело, как бы намеками, пыталась повторить движения Антонины. А последняя все ближе подтанцовывала ко мне. Звала жестами и глазами… Когда же я перекрестился, Антонина вдруг кувыркнулась назад, через спину, и превратилась в… черную волчицу с извращенно удлиненным, словно змеиным, телом. Теперь из ее раскрытой, светящейся, словно раскаленная топка печи, пасти доносился хриплый рык и капала розовая пена. Шерсть на загривке вздыбилась, а на переносье сложилась в

складки. Уши прижались к голове. А верхняя губа дернулась вверх, обнажая пропитанные кровью клыки. Волчица медленно, слегка присев на лапы, подкрадывалась ко мне. Вдруг приостановилась. Взглянула на Наташу. И та… повторила кувырок Антонины, став после него волчонком… Или щенком-подростком, обросшим грязной серо-бурой шерстью. И этот, - или эта, - оскалив пастенку, принялась подскуливать рычанию черной волчицы.

Вдруг откуда-то извне моего то ли сна, то ли видения раздался грохот. Волчица застыла на несколько секунд. Рыкнула. И произнесла голосом… Эраста Артуровича, - его-то я ни с чьим до конца своих дней не перепутаю: «Ты думаешь, мы тебя забыли? Не-э-э-т! И не мечтай!.. Мы тебя за-а-акроем, как журналиста! Только не сразу! Ме-э-эдленно! И это будет для тебя мучительнее любой пытки, от которой страдали наши соратницы еще в средневековье, во времена инквизиции! Да и потом..»

А Наташа-волчонок, резко и часто, даже, пожалуй, несколько карикатурно почесав задней лапой за ухом, вдруг пронзительно взвизгнула: «Я все равно разведу вас!!

Но вдруг все виденное исчезло. А в проеме открытой двери медленно, словно акварель по мокрой бумаге, нарисовалась проводница со стаканом чаю в руке. И я понял, что грохот «извне» - от двери, открываемой в купе проводницей. А она, хохотнув, спросила: «Что ж это вы, пассажир? Чай просили принести, а сами спите? С вас двадцать копеек. Всё дорожает…»

- Так я и ждал, когда принесете… Ждал-ждал.., - помотал я головой, отгоняя сон.

- У меня ж – не десять рук! – обиженно проворчала она. И звонко поставав стакан на столик.ю пробурчала: «Билеты собери, по кармашкам разложи. Деньги за постель получи. Чай завари. И по два стакана в каждой руке разнеси всем тридцати шести пассажирам!»

- Вас же, проводников, - двое в вагоне.

- И-и-и! Размечтался! Губы раскатал!.. Эт-т-т когда было?! Теперь, как говорится, «по просьбам трудящихся» везде сокращение идет. И нас аккурат оно коснулось. Таперича на два вагона – три проводника. Как начальство-то отговаривается?! «Экономия должна быть экономной»! Мол, всё дорожает. А где брать гроши, что бы тем же проводникам соответственно нынешним ценам зарплату увеличить? И-и-и-эх-ма! Жить стало лучше, жить стало веселее: шея стала тоньше, но зато длиннее! Вот и крутимся за счет сокращенных товарок! Двое – до двух ночи, потом одна – до шести утра на два вагона. Чай-то будете пить?

- Да-да! Давайте…

Проводница вышла. А я, сделав глоток темно-желтой жидкости, вспомнил армейскую шутку: «чай был холодный, но… несладкий»… Встал. Вышел из купе. Прошел в тамбур. Перекурил. Вернулся в купе. До Тулы оставалось ехать еще часа полтора. Поэтому я снова завалился на свою полку. Но только прикрыл глаза, как вспомнил недавнее видение. Попытался осмыслить его. Но ничего не получалось. В душу опять начала вползать та же, недавняя истома. И сон не шел. Тогда я встал. Достал фляжку коньяку. Налил в складной стаканчик граммов сто пятьдесят. Выпил. Сходил еще раз в тамбур перекурить. А вернувшись, вдруг вспомнил, как уморительно, по-щенячьи, Наташа-волчонок чесала задней лапой за ухом. Я даже рассмеялся вслух. Подумал: «Ну-у-у, если Эраст Артурович со своей черной волчицей ничего не смогли со мной сделать, то эта щенячья нечисть тем паче не сильнее Господа Бога! Щенячья нечисть… Нехорошо так-то про девочку-подростка… Не по-добром! Да и не может Наташа так подличать! Я ничего плохого ей не сделал… Должно быть, лукавый пугает, путает»! Поэтому, улегшись на полку, я мгновенно заснул.

Разбудил меня лязг открываемой двери. Я открыл глаза и увидел, что в купе вошли двое мужчин и женщина. Все трое были в военной форме. В полумраке я не различил званий.

- Добрый вечер, - увидев, что я не сплю, сказал женщина. Мужчины же только кивнули. Их багаж составляли лишь пузатые портфели. Ну, у женщины еще - дамская сумочка. «По-а-анятно! – подумал я, - Командировочные. Едут на несколько дней».

- Мы пойдем, покурим. А ты, Анастасия Петровна, пока переоденься, - сказал один из мужчин и выразительно посмотрел на меня. Я понял его взгляд и поднялся со своей полки. Вышел за ними. Пройдя в тамбур, увидел на плечах одного моего соседа майорские, на плечах другого – капитанские погоны. Они покурили, не проронив ни одного слова. Не навязываться же мне к ним в собеседники?! А когда мы вернулись в купе, там уже тускло рассеивал темноту синий свет ночника. И на нижней полке под одеялом угадывалась фигура женщины. Мужчины запрыгнули на свои верхние полки. И скоро в нашем купе слышалось только посапывание и легкое похрапывание кого-то из троих моих соседей. Но оно, слава Богу, не мешало спать. Вот как бы самому не захрапеть.

…А проснулся я от голоса проводницы, должно быть, проходившей мимо моего купе по коридору: «Пассажиры! Поднимаемся. Сдаем постельное белье. Получаем билеты. Через час – Белгород. Через сорок минут начнется санитарная зона, и я закрою туалеты. Поторопитесь.»

Я рывком поднялся и, прихватив полотенце, мыльницу, зубную щетку и пасту, отправился умываться… Конечно, ни о каком утреннем чае или кофе не могло быть и речи. «Ничего! – подумал я, - Кофейку попью дома… Дома..?». И опять в голове вспыхнули воспоминания о вчерашнем видении и Наташе. «Ну, ладно, Антонина! –

ворочал я в голове тяжелые мысли, - Все знают, что эта дама занимается магией и прочими непотребствами… Но Наташа… Она-то причем? И эти слова про то, что разведет нас с Аллой»? Но тут вдруг вспомнилось, что Наташа дружна с Антониной! При такой-то разнице в возрасте! Вспомнилось и то, что в роду у Аллы были колдуны, что и бабушка, и Клавдия Ивановна, да и она сама умели и умеют гадать. А ведь это тоже противно Богу! Вспомнилось и то, как однажды со смехом Алла рассказывала: мол, Наташа как-то объявила, что мечтает стать колдуньей… Мол, еще ребенок!

«А! – незаметно для соседей по купе перекрестился я, - Нечистый путает. Пугает! *Да воскреснет Бог и расточатся врази Его*… А то, что «дом» пока не стал моим.., может быть - и к лучшему. Это лишний раз подтверждает необходимость скорейшего переезда Аллы с детьми в Москву».

Таким образом, успокоив себя, я скоро вышел на привокзальную площадь Белгорода. Хотел, было, взять такси, но как-то неосознанно запрыгнул в троллейбус. Еще не рассвело. Однако уличные фонари были пригашены. Что называется, чуть теплились. Но улицы как бы сами светились свежевыпавшим снегом, облепившим крыши домов, деревья, палисадники. А минут через двадцать Алла открыла мне входную дверь и, подставляя губы под поцелуй, прижалась всем телом. Спросила: «Завтракать?»

- Да, - слегка отстранился я от нее, - только сначала – кофе! А то в поезде даже «титан» к утру не затопили. А еще называют поезд «фирменным»!

- Ой, – увлекая меня в кухню, махнула рукой Алла, - у меня один пациент – железнодорожник. Он рассказывает, что с этой «перестройкой» никакого порядка не стало! К тому же все от проводниц зависит. Одни стараются. Другие бояться перетрудиться.

Проходя по прихожей, я заметил вдоль ее стен несколько больших, - метра два на два, - листов ДСП, фанеры, оргалита. В углу стояли длинные бруски. Такие же, - только покороче, - вперемежку с широкими плинтусами лежали на полу. Целый штабель! Алла, проследив за моим взглядом, довольно хмыкнула: «Как видишь, я времени зря не теряла! Материал для ремонта заготовила. А ты только на выходные приехал?»

- Нет. У меня – неделя отгулов. Так что осталось начать и кончить. А как дела с инструментом? Ты папу не просила подкинуть?

- Да ладно тебе! Своим инструментом управимся! Вадик поможет… К тому же ты в прошлый раз чего-то покупал. Пойдем пить кофе.

Что мы и сделали. А когда уселись за стол, из глубины квартиры раздался голос Наташи: «Ма! Ну когда ты уберешь эти деревяшки? Пройти невозможно! Как на строительном складе! Идешь – спотыкаешься! Жили ведь, как люди! Чего еще от добра добра искать?! А тут… Напридумывала какой-то переезд! Когда этот твой муж приедет и ремонт начнет? Или опять завтраками кормит? Затеял «великое переселение народов». А сам палец о палец не ударил…

«Этот твой муж… Завтраками кормит… Затеял… Сам палец о палец не ударил…», - поморщился я и сразу вспомнил свой вчерашний то ли сон, то ли видение… А на кухню вошла Наташа. Непричесанная, надувшая губки бантиком. Без лифчика под расстегнутым халатиком… Увидев меня, даже не смутилась только что сказанного. Даже не прикрылась. Зато, небрежно кивнув, скривила губки: «Здрасьте…»

Я промычал что-то невразумительное и отвернулся к окну. Наташа же, не дожидаясь ответа, ушла в ванную. Алла явно смутилась. Деланно хохотнула: «Не обращай

внимания! Подростковый максимализм… Гормоны играют. А ведь сама она только вчера перед телевизором мечтательные планы строила: как будет жить и учиться в Москве…»

- Ты бы ей сказала, чтобы она не ходила в таком виде. Все-таки - взрослая девочка! – покачал головой я. И вдруг услышал в ответ: «А ты что? Возбудился?! Загляделся на ее прелести?»

- Как ты можешь говорить такое?! – сдержал я себя. Отвел глаза, чтобы не выдать возмущение: «Ты могла бы и сама заметить: я даже отвернулся, чтобы не смотреть на нее!»

И тут же, взглянув на Аллу, вдруг увидел, как один уголок ее губ резко вздернулся вверх, другой опустился вниз. А в глазах сверкнул недобрый огонек. «Где я уже видел такую гримаску?.. Не помню!»... Я поднялся. Обошел стол. Склонился к Алле и поцеловал ее в губы: «Не думай о плохом. Мы же венчаны! Поэтому заглядываюсь я только на твои прелести. И возбуждаешь меня только ты! А ревностью ты оскорбляешь не столько меня, сколько себя. Сама себя ставишь хуже тех, к кому ревнуешь!»

- Ладно! – сменив гнев на милость, выпрямила губы Алла. Улыбнулась: «Ты, как журналист, мастак зубы заговаривать! Я сейчас тебе яичницу на сале приготовлю. И бутерброды с колбасой и сыром. Ты привез какой-нибудь вкуснятинки? А сигарет мне?

- Конечно! Салями. «Рокфор». Твоя любимая «Магна». Растворимый кофе. Икорка.., - принялся я выкладывать из сумки гостинцы. Алла тут же нарезала колбасу и сыр, открыла банку с икрой. Сделала бутерброды. Налила по стопке самогона. А Наташа, выйдя из ванной и увидев накрытый стол, плотоядно облизнулась: «О-о-о! Сколько деликатесиков! Эт-т-то я люблю!

Она достала из буфета тарелку. Сложила в нее больше половины бутербродов и унесла, как я понял, в свою комнату. Вернулась и заварила себе кофе. Перед тем, как уйти, сказала Алле: «Ма! Мы с девчонками после школы пойдем гулять в парк… Может быть, в кино сходим. Так что, буду дома вечером.

- Погоди, – вскинула брови Алла, - а уборка? А стирка? Дяде Саше надо будет что-нибудь с ремонтом помочь…

- Уборка… Стирка… Помочь.., - передразнила Аллу дочь. И скривила губы: !Скажешь, тоже, ма! Что я, пилить фанеру должна?! Или в бруски гвозди вколачивать?! Вадик поможет! Должен же он когда-нибудь мужиком становиться! А я все-таки имею право хотя бы на половину выходного! Завтра будет тебе и уборка, и стирка. Кстати, сама могла бы машинку бельем зарядить… Включить… Не руками же ты стирать собираешься! Пусть машинка крутиться, а ты дяде Саше помогай. Вадика после школы заставь. Все равно сычом дома сидит. Ох, ма! Заболтала ты меня! Кофе остывает!»

- Возвращайся не позднее восьми! Сейчас темнеет рано…

- Ой, ма! Мне – не десять лет! Вернусь, когда все девчонки расходиться начнут.

И Наташа ушла из кухни. Алла вздохнула: «А что же делать?! Другие девочки из класса, все гулять идут… А ее что ж, дома держать? Заставлять хозяйством заниматься. Еще успеет, когда своя семья появится…»

Я в ответ только крутанул головой. И мы принялись за завтрак… Появился Вадик. Увидев меня, что-то пробубнил. И тоже пошел умываться. Алла вскочила и принялась разбивать штук пять яиц в шкварчащее на сковородке сало. Крикнула: «Вадик! Умывайся быстрее! Опоздаешь в школу… Иди завтракать!»

Вадик пришел на кухню все еще заспанный. И опять по выражению его лица казалось, что он вот-вот заплачет… Но, склонившись над своей тарелкой, повеселел. Звонко и часто застучал вилкой по фарфору, словно подскребая что-то. И только стукнув так раз десять, накалывал и отправлял в рот очередной кусок… Съел бутерброды с икрой, салом, колбасой и сыром. Запил кофе с молоком из большой, - граммов на триста! – кружки. Вставая из-за стола, удовлетворенно и громко рыгнул. Словно выполнил какой-то обряд… Даже подобие улыбки появилось у него на лице.

А меня покоробило. Но я промолчал. Только подумал: «Ну и воспитаньице дал ему биологический отец! Разве можно сравнить его с Митей?! А ведь Алла развелась с бывшим мужем, когда Вадику было… Стоп! Он же по рассказам Аллы, уже учился в школе. И его спрашивали, с кем он хочет жить. Стало быть, на время бракоразводного процесса Вадику уже исполнилось десять лет! Сейчас ему четырнадцать… Как же Алла говорит, что не живет с мужем уже десять лет? Может быть, я что-нибудь напутал? Или суд был уже после того, как Алла перестала жить с мужем? Ладно, уточню при случае. А Господь все устроит»…

Когда же Вадик и Наташа ушли, Алла хитро прищурилась. Спросила: «Ну? Что? Отдохнешь с дороги немного?»

…Поднялись мы с ней часа через два. Алла спросила: «С чего начинать собираешься?»

- Надо сначала все на бумаге нарисовать. Измерить… Разметить. Как ты видишь раздельные комнаты? Где двери? Сколько метров планируешь выделить для большой комнаты? Нарисуй.

Больше часа мы потратили на планировку. Рисовали. Перерисовывали. Спорили… Едва не поссорились. Я пытался доказать, что, имея инженерное образование, какие-то навыки в практике, могу распланировать

правильно. И тут Алла воскликнула: «Но это все-таки – моя квартира!»

Ох! Как же больно меня кольнули эти слова! Но я опять мысленно оправдывал жену: «Столько лет жила одна. Хозяйничала и за мужчину, и за женщину. Мы с ней просто не притерлись друг ко другу, как шестеренки в совершенно новом механизме»… Поэтому я решил не спорить, но ее план во время ремонта приблизить к моему.»

Наконец, новая планировка квартиры была, как говорится, утверждена нашим «семейным советом». И я отправился искать по помойкам доски, которыми можно было бы забить существующую дверь в комнату Вадика. А вернувшись, принялся прорубать стену для новой двери. Слава Богу, стена оказалась гипсовой. И к приходу Вадика отверстие в ней для новой двери было готово. А в прихожей выросла гора камней, арматуры, гипсовой крошки.

- Есть место подвигу! – подмигнул я Вадику. Сдал полытку как-то приблизить его к себе: «Тебе придется выносить эти обломки на помойку в мешке. А я схожу в хозяйственный за цементом и штукатуркой.»

- Сначала обедать! – крикнула из кухни Алла…

Часам к восьми вечера старая дверь была забита досками, а на новом месте установлена «коробка». Алла подошла. Придирчиво осмотрела. Довольно хмыкнула: «Ну, вот вам и раздельная комната! Только сейчас надо подмести пыль. Протереть пол… У Наташеньки-то - астматический синдром. Как бы он не обострился от пыли… Она весной, в период цветения тополей так кашляет… Глаза – красные! Носовых платков не напасешься!.. И вообще, давайте-ка на сегодня закругляться. Завтра сможешь зашпаклевать, а потом вместе с Вадиком и дверь повесите… Скоро по «ящику» сериал начинается…»

Утром я по привычке проснулся в семь часов. Повернув голову, увидел, что Алла лежит рядом с

открытыми глазами. Потянулся к ней. Поцеловал. В ответ она сказала: «Я думаю, что надо сделать совсем по-другому, чем мы с тобой вчера запланировали…»

И принялась объяснять… Но по ее плану выходило, что новую дверь надо было прорубать в другом месте.

- Поздно! – хохотнул я.

- Но давай эту дыру заколотим, как ту, что из-под старой двери?! А новую пробьем. Ты же вчера на это всего лишь какой-то час потратил.

- Это же – «мартышкин труд»… Во-перых… А во-вторых, просто стена, став решетом, может не выдержать. А завтра у тебя – новые идеи появятся… Давай уж лучше делать так, как решили в самом начале! Как говорится, первая мысль – от Бога, все остальные, чтобы сбить с толку, - от лукавого. К тому же опять гипсовая пыль поднимется. А для Наташи это вредно. Ты сама вчера говорила.

Алла недовольно скривив губы. Буркнула: «Делай, как знаешь!»

Потом резко поднялась, накинула халат и вышла из комнаты. До самого завтрака мы с Аллой не перекинулись ни словом. И опять все это время один уголок ее губ был резко вздернут вверх, другой опущен вниз. А я мучился, пытаясь вспомнить, где уже все-таки видел это выражение лица. Но спросил: «Ты Вадика поднимать собираешься? Работы – невпроворот!»

- Ты что? У мальчика – единственный день на неделе, когда поспать можно. К тому же он вчера наломался. А если стучать начнете, Наташеньку разбудите! Ей тоже за всю неделю выспаться надо!

- И до которого же часа они у тебя обычно спят по воскресеньям? - раздражение вползало в мою душу.

- Часов до одиннадцати…

- Ну-у-у… Я даже не знаю, успеем ли мы такими темпами за неделю моих отгулов ремонт сделать.

- Придумай что-нибудь. Ты же – мужик!.. Неужели обязательно сейчас стучать? Неужели нет других работ? Тихих?

- Почему? Есть, конечно. Но мне тогда понадобится твоя помощь. Можно разметить пол, стены, листы ДСП, фанеры… Сделать своеобразный конструктор, который потом легко будет сложить.

- Размечай. Только на мою помощь не рассчитывай! Мне надо постирать, приготовить обед.

- А рулетка у тебя есть?

- А у тебя?

- Ну.., это же, как ты сказала, - твой дом! А я, как бы, - ни причем…

- Не цепляйся к словам!.. Или ты уже передумал с моим переездом в Москву?.. Ну, ладно-ладно! Я сказала, не подумав… Это – наш с тобой дом! Я просто неправильно выразилась… И у меня есть «сантиметр». Тебе же – не пять и не десять метров измерять…

И я принялся мелом на полу размечать места будущих стен. Потом подсчитал их метраж. Расчертил пазы и стыки листов. Разметил ДСП… Показал Алле: «Тебя устраивает?»

- Сойдет! – мельком взглянув, махнула рукой она.

- Только ДСП не хватает, чтобы стены поставить до потолка. Сантиметров сорок вверху, под потолком, закрывать нечем.

- И не надо! Наоборот, будет смотреться оригинально! А заодно - проветриваться! А почему ты не хочешь использовать фанеру? Оргалит?

- Они же с ДСП - разные по толщине! Поэтому станут другой стеной. Но и их опять же не хватает до потолка. Разве что… Верх можно застеклить… Это будет действительно оригинально. Или застеклить…Отргстеклом, конечно.И в прихожую свет будет попадать из комнаты.

- Вот еще! Ты знаешь, сколько стекло стоит?! А сможешь ли сам разрезать его? Я второй раз обращаться к пациенту не стану… Он итак весь материал безплатно привез. И за доставку денег не взял! И за разгрузку! И за то, что рабочие затащили весь стройматериал на второй этаж. Так что, теперь самим надо покрутиться!

- А дверь есть?

- Конечно! Я тут, как видишь, всё достала! Посмотри в кладовке.

- А косяки?

- Какие?

- Ну-у-у, для рамы, в которую надо дверь надо вставить, - показал я на куханную дверную коробку.

- Придумай что-нибудь! Поставь обычные бруски. В конце концов, в них можно выдолбит… эти.., как их?.. Ах да, па-а-а-зы! Ладно. Мне надо детям завтрак готовить. И на обед курицу пожарить. Картошку почистить, чтобы потом потушить… Салат нарезать

И она ушла на кухню. А я подумал: «Халтура!.. И как она собирается ее для обмена предлагать? Да еще - на квартиру улучшенной планировки»! Но, как говорится, глаза страшатся, а руки делают. И я полез в кладовку за инструментом. Ножовка оказалась тупой. В армии про такой инструмент говорят: «как караульный валенный сапог»… Зубцы ножовки оказались сточенными до овальности… И почти – до самого полотна! «Что этой пилой делали?» – вздохнул я. И мысленно горько себе ответил: «Похоже, рубили дрова!»… В коробке с инструментом отыскал почти «лысый» трехгранный напильник и здесь же, в прихожей, уселся точить и разводить ножовку. Крутанув головой, подумал: «К моим четырнадцати годам дедушка и отец уже научили меня всему этому»! Однако тут же укорил себя: «А ты сам-то научил Андрея или Митю»?

Часа через два из своей комнаты появился Вадик. Сонно, едва не задевая углы, он прошел в туалет, потом в ванную… «Ни тебе – «здравствуйте», ни тебе – «доброе утро»! Воспитанный мальчик!» - хмыкнул я про себя. Но тут же осекся: «А кому было воспитывать? Его можно только пожалеть! Безотцовщина! А мать «пашет» на две ставки»! От этих мыслей настроение мое с каждой минутой ухудшалось. Наташа вышла из своей комнаты на этот раз в запахнутом халатике, бросила на ходу «здрасте». Зайдя в туалет, громко хлопнула дверью. Таким же грохотом повторился ее заход в ванную. А потом из-за закрытой двери на кухню можно было только услышать: «бу-бу-бу». Это Алла о чем-то тихо переговаривалась с детьми. Наконец, они втроем вышли ко мне.

- Мы готовы помогать! – весело объявила Алла. Даже, казалось бы, незаметно подтолкнула детей в мою сторону - Давайте, командуйте, товарищ гвардии поручик! Что делать каждому?

- Вот, - сверил я эскизы. Показал их Вадику и Наташе. Пояснил: «На полу мелом отмечены границы будущей комнаты. По этим размерам надо отпилить плинтусы. Потом – бруски. Восемь штук. На длину высоты от пола – до потолка. Пазы – для стыковки с горизонтальными брусками. Я сейчас отмечу. Вертикальные бруски лучше сделать чуть подлиннее, чтобы, устанавливая, вбивать их в распорку. Понятно? Ножовку я развел и наточил… Да! Чуть не забыл. Плинтусы пилить под углом в сорок пять градусов… У вас есть ученические транспортир и угольник?

- А то! – хмыкнула Наташа. И скривила губы: «Что ж мы, в церковно-приходской школе учимся!»

Она ушла в свою комнату. И через несколько секунд раздался ее крик: - Вадик! Ты опять у меня в столе рылся! Где угольник?

- Я взял. Уроки делал. Сейчас принесу, - пробурчал Вадик и ушел к себе в комнату. А когда появился с угольником в руках, Алла спросила его: «А твой где? Я ведь вам с Наташей обоим покупала.»

Вадик лениво и безразлично пожал плечами: «Не знаю. В школе, наверное, потерял…

- А я-то, дура, думаю, куда у меня ластики, карандаши, тетради, шариковые ручки пропадают!.. – недобро буркнула Наташа.

- Так, дети, – прикрикнула Алла, - а ну-ка, не ссорьтесь! Наташа, напиши список необходимых для учебы канцелярских принадлежностей. Мы с дядей Сашей завтра поедем за обоями. Купим. А сейчас давайте-ка работать. Вадику задача поставлена. А что нам делать? Машинку я запустила. Картошку почистила. Курица размораживается.

- Вам? Работа – очень простая. Надо часто-часто, но не до конца забить маленькие гвозди в доски, которыми мы заколотили вчера бывшую дверь в комнату Вадика.

- Эт-т-то еще зачем? – брезгливо поведя плечами, спросила Наташа.

- Чтобы потом эти гвозди обмотать тонкой проволокой… Ну-у-у, как паутиной… А по ней размазать смесь из цемента и штукатурки. Проволока и гвозди будут держать эту смесь. Так на Руси клали штукатурку в монастырях, чтобы потом, еще по сырой писать фрески…

- Тоже мне, пример для подражания! – фыркнула Наташа. Но я сделал вид, что не услышал ее слов. Продолжил: «Когда штукатурка застынет, на нее можно будет клеить сначала газеты, потом обои. И если мы аккуратно сделаем это, то никто не догадается, что в этом месте когда-то была дверь. В два молотка, с двух сторон вы быстро справитесь. Работа-то – не тяжелая.

- Интересно, а что вы будете делать? – сузила глаза Наташа.

«Так и старается подкузьмить!» - подумал я и вдруг вспомнил недавнее видение про черную волчицу… Но постарался, как можно спокойнее, ответить: «А я займусь разметкой брусков, плинтуса. Ведь прежде, чем Вадик один раз отрежет, - то есть отпилит, - мне надо будет семь раз отмерить… С одной стороны плинтус нужно распилить под строгим углом, чтобы состыковать его с другим отрезком… И все это подогнать по размеру. Погоди, Наташа, мы сделаем, тогда сама увидишь…

- Ну, ладно.., - крутанула головой девушка. Повернулась к Алле: «Ма! Пойдем распинать доски!»

Меня аж передернуло от этого «распинать»… Но я отогнал недобрые мысли: «Ну, ляпнула девочка, не подумав! Прости ее Господи!»… Когда же Алла с Наташей ушли, я отметил карандашом место распила плинтуса и взялся, было за другой. Но Вадик всего несколькими, какими-то нервными, даже яростными движениями отпилил так, что посыпались, - не опилки! – щепки. Плинтус лопнул вдоль…

- Вадик, – вздохнул я, - не надо резких движений. Пили спокойно. Мягко… На всю длину полотна пилы. Сначала - с одной стороны, потом - с другой… Чтобы щепок, продольных отколов не было. С одной, потом – с другой… И надпил получится ровным.

- Так медленнее! – хмыкнул Вадик.

- Зато аккуратнее! А поспешишь – людей насмешишь.

Вадик кивнул. Но второй раз отпилил просто неровно, мимо карандашной линии… Недовольно буркнул: «Пила так пошла… Вот, если бы была «болгарка»! Вжик, - готово!»

Я понял, что делать все, - или почти все, - придется мне самому. И чему только его учил дед, Евгений Федорович. Если учил… Мозговую косточку крепко держать? И я взялся за ножовку. А Вадик просто смотрел. Слушал мои объяснения. Но снова выглядел так, словно

вот-вот расплачется. Часа через полтора все плинтуса и бруски были распилены по размерам, нужным для сборки. Осталось только в последних выдолбить продольные пазы, чтобы потом вставить в них листы ДСП. А тут и Алла с Наташей, выйдя к нам, объявили, что доски подобны… «ощетинившемуся ежику». Еще раньше я заметил в ящике для инструментов несколько разбитых катушек от каких-то трансформаторов. И теперь достал их. Но Алла заявила, что ей и Наташе пора готовить обед. И мы с Вадиком отправились накручивать проволоку, словно паутину, на гвоздики. Слава Богу: хоть здесь он, от старания высунув язык, сделал все нормально. А скоро Алла позвала нас обедать.

За столом я спросил, стоит ли нам сегодня штукатурить? Алла взглянула на Наташу, а та замахала руками: «Вы что? С ума сошли? Цемент! Штукатурка! Да я задохнусь! И окно не откроешь! Холодрыга! А простужаться мне тоже нельзя! Скажи, ма!»

Алла поддержала дочь: «Да-да! Простуда и осложнения Наташе ни к чему! У нее в этом году выпускные экзамены! Завтра дети уйдут в школу. А ты без них сделаешь раствор и заштукатуришь. К их приходу смесь схватится. Не будет густых испарений…

- Но мне еще в брусках пазы долбить! – попытался возразить я.

- Ну и что?! Вадик во-о-он, как аккуратно распилил всё. И пазы, значит выдолбит. Зо-а-а-алотые руки!

Я взглянул на Вадика. Подумал, что он расскажет, кто на самом деле «аккуратно распилил всё». Пусть даже не упоминая свое неумение… Но он, опустив глаза в тарелку, промолчал.

- Саша! – улыбаясь, продолжила Алла, - Мы сегодня «пахали» шесть часов! Целый рабочий день. А у детей он - сокращенный, как у несовершеннолетних… Четыре часа.

КЗОТ надо чтить! Тем более, мне завтра - к восьми. У меня – прием больных. А после обеда – вызовы на дом. Так что, давай сегодня отдохнем. У тебя впереди еще целая неделя. Если продолжишь в том же темпе, то мы еще и к Игорю Андреевичу в гости успеем съездить.

- Хорошо. Но проволоку накручу.

- А я предлагаю другое! – хохотнула Алла. Испытующе оглядела детей: «Мы с тобой поднялись в семь утра. А Вадик спал до половине двенадцатого. Пусть он сегодняэту проволоку и накрутит. А Наташа после обеда помоет посуду. Ей ведь еще уроки делать!

Она снова обвела взглядом детей. Наташа недовольно, но согласно пожала плечами. Вадик, глядя на сестру, повторил ее движение…

- Погоди, – подал голос я, - ты же говорила, что мы пойдем покупать обои и канцтовары для Наташи.

- Ну да! Обязательно пойдем. Я приду домой после приема. Быстро перекусим. Ты ведь приготовишь что-нибудь к моему приходу?! Яичницу на сале… Бутерброды… Кофе… Потом мы с тобой съездим по магазинам. А если задержимся, выйду на участок немного попозже. Там-то мое время никто не контролирует! Сейчас, правда, многие гриппуют. Но это, с другой стороны, и хорошо. Не надо вдаваться в подробности заболевания. Если есть кашель, насморк, а тем более, температура, значит – грипп! И времени на пациентов меньше тратишь. Получается, что оно уходит только - на выписку больничных листов.

- А если кто-то симулирует? – удивился я.

- У меня не посимулируешь… Правда некоторым приходится иногда… помогать. Не за деньги, конечно! Ну-у-у, представь! Перепьет тот же человек, который помог нам со стройматериалами. Как ему идти с похмелья на работу? С перегаром?! Выгонят! Но с другой стороны, он ведь на самом деле болеет. И какая разница, чем! Гриппом ли,

похмельем ли. Да и с другой точки зрения, так сказать, с производственной: какой он работник в эдаком состоянии?! Один вред от него на рабочем месте! А то и авария с человеческими жертвами. У нас, в Белгороде, в прошлом году на железной дороге был такой случай! Со смертельным исходом. По вине бригадира, явившегося на работу с похмелья и не проследившего за выполнением правил техники безопасности! Так что, дорогой мой муженек, к выписке больничных листов я подхожу по-государственному!.. Ладно. Пойдем-ка после обеда в нашу комнату отдыхать. А то скоро сериал начнется.

От услышанного в голове у меня мысли путались, наползали друг на дружку, словно льдины в ледоход… Казалось, с хрустом и скрежетом… Осколки от них больно ударялись в виски. И я, пытаясь привести мысли в порядок, послушно поплелся на кухню.

…Заснеженный холм, уходя высоко и далеко, казалось, в этом полусумраке вырастал перед моими глазами светло-серым, почти белым, зимним, затянутым облаками небом. Я огляделся, в надежде увидеть какое-нибудь жилье или хотя бы дерево, куст… Но тщетно. Одна серо-белая безконечность окружала меня. Нет! Холодно мне не было. Но было о-ди-но-ко! Я чувствовал, что вокруг нет ни души! Ни человеческой, ни звериной, ни растительной… Я попробовал закричать. Но голоса своего не услышал. Однако почувствовал, как дрогнула под ногами земля. Нет, не земля, а снег… Мокрый, липнувший к подошвам… С запахом влажной гнили. И за этим дрожанием я услышал гул. Нарастающий. Двигающийся прямо на меня… Поначалу стало интересно: а вдруг этот гул издает какое-то живое существо. Но потом стало жутковато. Если так, то каким огромным должно быть это существо! И гул от него не обещал ничего хорошего…

Я перекрестился. И вдруг увидел вдалеке небольшой, - всего-то около метра в диаметре! – снежный ком, скатывающийся то ли с вершины холма, то ли с неба прямо в мою сторону. А может быть, он только казался мне небольшим, потому что был еще далеко? Но теперь, приближаясь, рос на глазах… И был уже не меньше какого-нибудь воздушного шара, на которых путешествуют смелые люди в приключенческом фильме… А может быть, ком рос, потому что катился по глубокому мокрому снегу, накручивая на себя все новые и новые слои, как это бывало в детстве при лепке снежной бабы. Тогда было весело… А теперь, при виде кома высотой с пятиэтажный дом, я испытывал уже, пожалуй, ужас: ведь он катился прямиком на меня!

Я попробовал двинуться с места, но не смог шевельнуть ни рукой, ни ногой, ни даже пальцем. А крик просто-напросто застрял в моем горле. И у меня не было сил вытолкнуть его наружу. Вот, сейчас ком сомнет меня, закружит и покатится дальше вниз, закатывая в себя каждым новым слоем. Всё глубже! И я не смогу дышать! И задохнусь… Снег-то был влажным.

Но ведь где-то есть самый низ, где ком, в худшем случае, остановится… И станет для меня чем-то вроде фараоновой пирамиды. И никто не найдет моих останков до всемирного потепления, когда ком растает. В лучшем случае, он разобьется о какую-нибудь огромную скалу… По инерции, вместе с кусками рассыпавшегося кома, я вылечу наружу. Тогда есть надежда, что кто-нибудь найдет меня, может быть, еще живого! Выходит! Спасет!

Но вот ком уже - в двух шагах! Огромный! Я не могу даже увидеть его размеров. Он закрывает собою и небо, и холм, по которому только что катился… Он поглощает их… И… меня вместе с ними…

…Я проснулся. И с облегчением понял, что это был всего лишь сон. Рядом в свете фонаря за окном блеснули встревоженные глаза Аллы.

- Что с тобой? Ты так метался! – спросила она. Потрогала ладонью лоб: «Нет. Холодный… Температура – в норме. Покажи язык… Тоже нормальный… Но тогда что же случилось?»

- Сон дурной приснился… Принеси, пожалуйста, что-нибудь попить…

- Может быть, лучше – граммов сто самогонки?

- Да. Только закусить… Яблоко, что ли…

- Моченое?

- Да! Это – то, что надо!

Алла рывком поднялась. Накинула халат. Выбежала из комнаты. Но скоро вернулась с двумя стопками, полной детской молочной бутылочкой, прозрачным, светящимся яблоком. Мне и себе налила самогонки. Чокнулась со мной… Мы выпили. Закусили яблоком.

- Ну, как ты себя теперь чувствуешь? – спросила Алла.

- Отлично! – рывком поднялся я.

- А Вадик использовал все гвозди. И проволоку.

- Пойду, посмотрю…

- Я - с тобой.

Вадик лежал на своем диване и читал какую-то книжку. Я осмотрел доски… Гвоздей было набито маловато. Впрочем, как и проволоки намотано на них. На вопросительный взгляд Аллы, кивнул: «Нормально…»

Но у Вадика спросил: «А еще проволока есть? Надо бы побольше накрутить «паутинки».

Он поначалу замялся. Потом ответил: «Ну-у-у, есть у меня пару катушек… Только… Только я думал, что они мне могут для чего-нибудь пригодиться… В хозяйстве.»

- Например? – хмыкнул я.

- Ну-у-у, не знаю…

- Вот что, сынок! – подала голос Алла. Голос ее был серьезный. Даже суровый: «Сейчас у нас одно самое важное дело: обменяться. Поэтому отдай-ка дяде Саше всю проволоку. А для «чего-нибудь» себе еще достанешь.»

Вадик встал. Нехотя полез под кровать. Достал три катушки. Протянул мне. И отвернулся. А на лице у него опять возникло выражение желания поплакать. Я протянул, было, руку к молотку. Но Алла, прикоснувшись ладонью к моему локтю, остановила меня: «Может быть, завтра займешься? Ты по-моему сегодня переутомился. Это я как врач тебе говорю.»

Я махнул рукой: «Действительно… Надо еще и гвоздей прикупить… Завтра – так завтра!»

- Пойдемте смотреть телевизор! – с какой-то торжественностью продекламировала Алла.

…Ночь я проспал прекрасно! Безо всяких сновидений и видений. И, как всегда, открыл глаза в семь часов. Алла уже звенела посудой на кухне. И когда я, прочитав краткое Серафимово молитвенное правило, пришел туда, она, отхлебывая из чашки кофе, поцеловала меня и тут же начала командовать: - Детям - по куску курицы. Они – на сковороде. По вареному яйцу. Они – в ковшике. И бутерброды. Пусть сами делают, какие хотят… На обед – суп из пакетика и пельмени.»

- А ты? – укоряя себя в душе за то, что раньше не встал, спросил я.

- Поела ту же курицу, яйцо всмятку, бутерброд. И как видишь, запиваю кофе. Ты поешь с детьми то же самое, что и они. У меня времени остается только накраситься. Но я очень не люблю, когда кто-то подглядывает за мной во время этого процесса. Так что, пожалуйста, посиди на кухне. Выпей кофе. Покури. А я пойду в комнату, приведу себя в порядок.

Я согласно пожал плечами. Налил себе чашку кофе и закурил… Потом простился с Аллой. А как только за ней захлопнулась входная дверь, в коридор вышла Наташа. Я, не глядя на нее, уже из комнаты Аллы передал наставления по поводу завтрака. И плюхнулся в кресло с первой попавшейся под руку книжкой. Она оказалось томиком стихов Байрона в переводе Маршака. Но не читалось. В голове я пытался увязать сон про черную волчицу и Наташу в поезде с последним сном про снежный ком. Но ничего не получалось. Очнулся я только после того, как за Вадиком и Наташей захлопнулась входная дверь. Тогда я отправился на кухню. Позавтракал. Помыл посуду. И пошел разводить цемент со штукатуркой. А потом их раствором замазывал доски, которыми был забит дверной проем. В общем-то, получилось неплохо. Но раствор ушел весь без остатка… И только на одну сторону. Значит, надо было еще докупить сегодня и цемент, и штукатурку… А взглянув на часы, увидел, что Алла должна вот-вот придти на обед. Поэтому помчался на кухню, жарить яичницу на сале.

После обеда мы с Аллой пробежались по магазинам. А когда она ушла на участок, из школы вернулся Вадик. Хмурый. И, казалось, опять готовый расплакаться. Я спросил: «Что-нибудь случилось?»

- Ни-че-го! – пробурчал он в ответ. И на предложение сначала сделать уроки, а потом набивать гвозди и накручивать на них проволоку, он сказал, что домашние задания обычно делает после ужина. Я заварил ему суп из пакетика и сварил пельменей. Съев свою порцию, он отрезал шмат сала, который оказался вдвое толще куска хлеба, на который был положен. Теперь его лицо приобрело выражение благодушия и удовлетворения. Он даже заулыбался. За этим последовал бутерброд с колбасой. Затем - с сыром… А я ушел в комнату, чтобы не следить за тем, что он будет есть дальше. Почему-то вспомнилось, что в

армии у нас таких называли «желудками»… И тут же вспомнил тоже армейскую шутку: «А может быть, у него - глисты»… Я же взялся выдалбливать продольные пазы в брусках. Но только часа через полтора из комнаты Вадика послышался стук молотка.

А тут и Наташа пришла. Ей готовить обед я не стал. Только передал, что сказала Алла, и снова взялся за бруски. Конечно, действуя продольной пилой, которую купил вместе с обоями и гвоздями, стамеской и молотком, я до вечера продолбил один единственный паз. И понял: недели на ремонт мне не хватит. Поэтому продолжение сериала смотреть не стал. А взялся за второй брусок…

…До обеда следующего дня я опять штукатурил. А Вадику, после его возвращения из школы, поручил пробойником в потолке подготовить гнезда для пробок под шурупы, которыми можно будет крепить самый верхний горизонтальный брусок. Благо, здесь не нужно было особой точности и скурпулезности. А грубой физической силы, как я понял, ему хватало. Вот он и долбил бетонные перекрытия. Сам же я снова взялся за пазы в брусках.

Только в четверг мы из листов ДСП принялись устанавливать одну стену… Теперь работать стало легче. Листы ДСП легко вставали в пазы и между двух плинтусов на полу. За счет их прочно держались вертикально. Потом я крепил листы к брускам шурупами. Но вечером из комнаты Вадика вдруг послышался крик Аллы: «Ах, ты – гадость такая! За неделю – три «двойки»! Ты что же, уроки совсем делать перестал? А я-то, дура, надеялась, что тебя дядя Саша и ремонт хоть немного дисциплинируют!»

Что бурчал в ответ Вадик, я не слышал… Но тут раздался стук во входную дверь. Алла выскочила в прихожую. Бросила мне на ходу: «Опять звонок сломался. Ты бы завтра утром посмотрел… Или новый легче купить?!»

А открыв дверь, заворковала: «О-о-о! Тонечка! Наконец-то осчастливила своим посещением! Ты у нас – солнышко в ненастную осеннюю погоду… Проходи-проходи! Не обращай внимания на грязь! У нас – ремонт. Но он не помешает посидеть в моей комнате, почитать стихи. Да и нам с Сашей тоже надо отдохнуть. Горбатимся с утра до ночи… Сапоги можешь не снимать!.. Саша! Поухаживай за Антониной! Помоги снять шубу! А я пока журнальный столик в своей комнате накрою… Саша! Поставь на проигрыватель какую-нибудь пластинку… Хотя бы, ту, которую ты мне подарил… Ну-у-у, Жанну Бичевскую!.. Про «белую» армию. Тонечка! Послушаешь, - с ума сойдешь! Настоящие КаэСПэшные песни! Таких на Старооскольком море не услышишь!

Антонина, словно не слушая, достала из сумочки бутылку коньяку и коробку с пирожными. Протянула Алле. Объявила: «Студенты подарили! Они мне сегодня зачет по древне-русской литературе сдавали. Сильная группа попалась. Молодцы! Все сдали! Вот я и подумала: что ж, в одно горло пить буду? Муж-то, как ты знаешь, Аллочка, совсем «завязал»… Допоздна пропадает на работе. А вернувшись, клеит свои модельки. Или читает свои подшивки «Искателя»…»

Я помог гостье снять шубу… Она, скосив на меня глаза, встав перед зеркалом в прихожей, вдруг потянулась всем телом. От этого соски и даже пупок заостренно проступили сквозь мягкую, тонкую, должно быть дорогую ткань длинного, обтягивающего платья. Минут через десять мы втроем сидели за столиком, уставленным тарелками, блюдцами с бутербродами, мочеными яблоками, пирожными, стопками, коньяком. Алла сняла с проигрывателя пластинку. Воззвала: «Саша! Ну, что же ты сидишь? Ухаживай за дамами! Наливай!

- Неплохие песни! – медленно кивнула Антонина, - На злобу дня! Сейчас, знаешь ли модно ругать партию, правительство, остальные власти, зато хвалить Царя Николай… Дашь на недельку послушать? Чтобы в одиночестве, в тишине… Проникнуться, так сказать! На магнитофон перепишу. Может быть, и своим студентам на практическом занятии вместо диктанта прокручу… Пусть познакомятся! Так ты дашь этот диск мне на недельку?

- Конечно-конечно, любимая подружка! Тебе – хоть сережку из ушка, - сделав ударение на первом слоге последнего слова, засмеялась Алла. И задорно, даже как бы напоказ, тряхнула большими, словно браслеты, тонкими, золотыми серьгами.

- Давайте тогда, за вас с Сашей и выпьем! За вашу, так сказать, молодую семью! – подняла свою стопку Антонина. Мы с Аллой поддержали. Выпили. Закусили. Но мне было несколько странно: за глаза Алла не очень-то жалует Антонину, а в глаза бисером перед ней рассыпается… После третьей стопки Алла хохотнула: «Что-то мы быстро все выпили!»

И сходила на кухню за самогонкой. Выпив еще стопку, Антонина блаженно закатила глаза: «Ох, и напьюсь же я сегодня! Аллочка! Оставишь ночевать в Наташиной комнате?»

- Пфи! – хмельно кивнула Алла, - Нет проблем! Только ты, ха-ха, дочку колдовать не учи!

- Да ладно тебе! Я ж не по своей воле! Дочка твоя сама просит… Но так и быть! Не буду! Да и не смогу! Я уже захмелела! За два месяца – в первый раз! Но это – хорошо! Все стрессы снимутся!.. Но почему ты просишь? Что плохого в колдовстве, в гадании?

- Саша против! – кивнула в мою сторону Алла.

Антонина даже голову назад откинула, тряхнув при этом водопадом золотистых, слегка вьющихся волос: «Почему?

Древние праславяне, другие народы всегда и гадали и колдовали. На добро, конечно!»

- Потому что в язычестве поклоняются не Создателю, не Творцу всего сущего во вселенной, а созданиям: солнцу, ветру, воде, огню… Дереву, например… Тому же камню, - пожал я плечами. И торжественно от того, хмель ударил в голову, объявил: «А Православие, истинное, исконное вероисповедание наших предков, наставляет поклоняться Единому, во Святей Троице славимому Богу! Отцу и Сыно и Святому Духу!»

- А вот тут я не соглашусь! – засмеялась Антонина. И глубоко затянулась привезенной мною «Магной»: «Исконное, истинное вероисповедание наших предков сегодня называют язычеством… Но я именую его по-другому: ве-да-ни-е. Знание! Всеохватывающее знание и себя, и окружающего мира! Взять, к примеру слово «ведьиа», ставшее ругательным! А на самом деле это мудрая – женщина, которая ве-да-ла некии тайны!.. Отсюда, к слову, - и название основного философского, историко-литературного памятника, завещанного предками нам, ариям: *Веды*! Предки-то наши могли повелевать силами стихии, передвигаться в пространстве и времени, легко перемещать тяжести, которые сегодня не под силу самым даже совершенным механизмам, летать не то, что на другие континенты, но и в космос на другие планеты безо всяких самолетов, ракет… Арии, а я как раз про них говорю, были, заметь, наравне со своими богами, хозяевами мира! Иной раз могли и высечь изваяние Даждь-бога, например, за неурожай или засуху… И называли себя не рабами, а гордящимися собой детьми Даждь-бога…»

- Дети могли высечь родителей? Хм… Ты не последовательна! – возразил я. И подумал, не отсюда ли пошли отцеубийцы, позволившие себе такие грехи, родившие кощунственно «восстанет сын на отца»: «Как это

можно: поднять руку на отца? Или на мать? Но сейчас ты говоришь безотносительно. А что бы сказала, если бы твои дети подняли на тебя руку за оплошность?»

- Я же сказала, что на деле, по жизни они были равны-ми своим богам… Могли угадывать прошлое, предсказывать будущее! Словно дети, радовались жизни! Именно это сейчас полуграмотные попы и называют колдовством, ворожбой и так далее… Боятся! Боятся потерять свои кормушки и влияние на нас, потомков ариев! Боятся того, что мы перестанем чувствовать себя ра-а-абами! Ты, Саша, слышал ли что-нибудь о гипербореях?..

Как хотелось мне ответить, что не только слышал, но и видел их в Чертовом, прости Господи, Городище. Однако я только неопределенно пожал плечами. Этим, казалось, Антонина воодушевилась. И вдруг выдала: «А Христианство… Это – религия слабых! Повторюсь! Религия рабов!»

- Тоня! Тоня! – повысила голос Алла. Она в поисках поддержки мельком взглянула на меня: «Ты заговариваешься! Мы с Сашей венчаны в христианской православной церкви. Ты можешь говорить про свое язычество все, что угодно, но не оскорбляй Православное Христианство!»

- Я и не оскорбляю! У нас идет просто мировоззренческий спор… Но, наверное, ты, Аллочка, права: «под шафе» ему – не время и не место! Слишком святая тема! Хотя я, Саша, вызываю тебя на философскую дискуссию! И уверена: смогу развенчать твое Христианство, придуманное слабыми, немощным, порой больными людишками! Что за унизительная манера в каждой мысли, в каждом слове, в каждом поступке чувствовать видеть только грехи… И плакать, плакать, безконечно плакать о них! Бр-р-р! Тогда как боги, - возможно даже, пришельцы из космоса, - даровали нам, ариям, силу, знание, ум, разные

таланты, которые почти не встречаются ни у монголоидов, ни у негроидов!.. Но мы подискутируем потом как-нибудь. А теперь, повторяя за великим Вольтером, безо всякого лукавства скажу, что уважаю, Саша, тебя за твердость твоих убеждений. А пока давайте, выпьем еще по одной и почитаем стихи!

Я видел в глазах Антонины, слышал в ее словоизвержениях не азарт, не одухотворенность, а какую-то одержимость. Снопы красноватых искр метались из них. Но главное: в ее словах я вдруг услышал интонацию Эраста Артуровича. Почувствовал его напор, давление, которым трудно сопротивляться. Если не знать о ловушках расставленных этим негодяем… Конечно, у него был более спокойный тон. Но именно спокойствие подчеркивало, многократно умножая его силу… И вдруг я понял, почему недавно в поезде видел во сне, как Антонина превратилась в черную волчицу!..

В мои размышления железом по стеклу врезался хмельной голос Аллы: «Саша! Ты только послушай, какие замечательные, талантливые, необычные стихи пишет Антонина! Может быть, тебе удастся, как говорится, «протолкнуть» их в «Русский Вестник»?

- Послушаю с удовольствием, - помотал я головой. Но приэтом мне пришлось отгонять свои размышления: «Но опубликовать не обещаю. Я не в одиночку решаю такие вопросы. Надо мной «стоит» еще главный редактор. Последнее слово о любой публикации – всегда за ним.»

…Антонина начала читать в манере Белы Ахмадулиной. С завыванием. Но смысла рифмованных строк я не улавливал. Или это хмель так подействовал на меня?

- А вот – «белый стих»! – объявила Антонина и прочитала несколько четверостиший. А после них провозгласила свои «верлибры»… Заметила: «Я пробую экспериментировать с

формой… Хочется написать что-нибудь в «хоку»… «Танки» тоже манят к себе… Ну, что скажешь, Саша?»

Я слукавил, прости Господи: «На слух любые стихи трудно оценитвать. Хотелось бы прочитать, что называется, с листа. Перепиши или перепечатай на машинке. Передать можешь хотя бы через неделю Аллу. И я приеду в Белгород, или она в Москву. Я прочитаю. Тогда и поговорим.

- Хорошо. Я перепечатаю. Только ты, Саша, больше никому не показывай мои стихи. Я хочу, чтобы их читали только близкие мне люди! Пока… До публикации.., – прошептала Антонина, кокетливо опуская глаза. И тут же весело добавила: «Ну-с! Теперь очередь Аллочки удивить нас своим творчеством.»

- Нет-нет, – покачала головой Алла, - новых стихов я не писала. Голова была забита другим: ремонтом, обменом на Москву, переездом, устройством детей на новом месте… А вот вечерами…

Она не договорила. Обвела всех заговорщическим взглядом. Взяла гитару. Несколько минут подкручивала колки… И, наконец, настроив, слегка фальшивя. Должно быть от коньяка и самогона, - запела: «*Заунывные песни летели в край березовой русской тоски*…»

Так и пропела почти все песни с пластинки Жанны Бичевской. А когда закончила, одна, не дожидаясь нас, опрокинула в себя стопку самогона. Закусила кусочком моченого яблочка. Обвела нас вопросительным взглядом. Антонина захлопала в ладоши: «Молодчинка! Даже лучше, чем Бичевская! Кстати он тоже одно время язычеством увлекалась!»

И тоже, не дожидаясь меня, опрокинула в себя стопку самогона… Встряхнула волосами. Вздернула подбородок. Громко, тоном профессионального конферансье, объявила: - А теперь я хочу танцевать!.. Саша почитает свои стихи, что

называется, под занавес… Все согласны? Где там у тебя, Аллочка, моя любимая пластинка?

Вскочила. Порывисто подошла к книжному шкафу, где лежали пластинки. А найдя искомое в высокой стопке, включила проигрыватель. Поставила пластинку. И под начальные аккорды сделала несколько первых «па». Теперь Алла захлопала в ладоши: «Просим! Просим!»

И Антонина принялась извиваться! А я вдруг вспомнил, что именно такие движения проделывала она в моем недавнем сне на полке вагона. И снова она часто прогибалась, словно натянутый лук, выпячивая под тонкой тканью соски и пупок… Но мне это было неприятно: я почему-то поймал себя на том, что ожидаю, когда Антонина перекувырнется назад через спину и превратится в черную волчицу… А в дверях, опершись плечиком на косяк, стояла Наташа. Она впивалась в Антонину глазами. Блаженно улыбалась. И почти незаметно, слегка двигала руками, ногами, частями тела, словно порывалась повторить выкрутасы нашей гостьи. Но, слава Богу, ни черной волчицы, ни щенка с грязной серо-бурой шерстью так и не появилось… «А может быть, это всё – лишь мое больное воображение?!» - обожгла меня мысль. Другая принялась успокаивать: «Но ведь Эраста Артуровича, Матвея Лаврентьевича, мою бедную Галину, - Царствие ей Небесное! - стеклянные шары, хрустальные черепа, фолианты по черной магии и масонскому руководству, мохнатых существ, - а попросту, бесов, - в пещере Чертова Городища я не выдумал! А старик-корень с его черной волчицей, невеселые приключения, благодаря их козням, тоже были настоящими! Невыдуманными!»...

Мои мысли прервались возгласами Аллы: «Браво! Браво! У тебя, Тонечка, талант! Талант во всем! И в поэзии, и в твоей преподавательской деятельности, и в танце!»

…«Талант стриптизерши!» - хмыкнул я опять мысленно. И опрокинул в себя так и не выпитую стопку самогонки… Потом мы пили чай с тортом, за двумя кусочками которого не преминула зайти Наташа. Они с Вадиком, как я понял, сами поужинали на кухне… За чаем Антонина потребовала, чтобы я почитал свои стихи. Алла поддержала: «Я хоть все их слышала и не один раз, все равно почитай. Мне они нравятся! Пусть и Антонина оценит!»

Что мне было делать? Я прочитал «Август», «Сон Тамерлана», «Тверской бульвар». Антонина, совсем захмелев, хлопала в ладоши, восторгалась, хихикала… Наконец, почему-то погрустнев, попросила: «Аллочка! Ты обещала оставить меня ночевать… Что-то я совсем захмелела! А завтра – к первой паре! Семинар! Покажи, пожалуйста, где я могу бросить свое бренное тело?»

Алла увела подругу в комнату Наташи, а когда вернулась, скривила губы, вздернув один их уголок вверх, а другой вниз. Недобро прошептала: «Ну? Что?! Понравилась тебе Антонина?»

- Как раз, нет! – тоже шепотом хмыкнул я.

- А что ж ты тогда пялился на нее? На ее соски, на пупок, выпирающие под платьем? Она, по всем признакам, возбудилась! Глаз на тебя положила! Ведьма! Ведь ни одного мужика мимо своей юбки не пропустила. И сегодня танцевала только для тебя… Уж я-то знаю!»

- Зачем тогда ее приваживать? – пожал я плечами, а сам подумал: «Ревнует, значит любит». Но вслух заметил: «Да и Наташу, как я понял, она развращает… Духовно…»

- Ну-у-у, не выгонять же! Сам говорил, что каждый гость – от Бога!

- Или по попущению Божиему…

- Это как? Ладно. Потом расскажешь, если я не забуду. А ведь Антонина - кандидат филологических наук!

- Интересно! Как она диссертацию защитила?! Я по стихам сужу! Такая безграмотность! Бездарность!

- Как диссертацию защитила? Ха!.. Переспала со всеми членами ученого совета… И с молодыми, и со стариками…

- Со стариками?

- Ну, да… Там одному профессору - восемьдесят лет! Уж и не знаю, что она делала с ним…

- Может быть, стриптиз показывала…

- А что?! И это было… Мне Миша рассказывал, что ребята из литературной студии решили отметить какой-то праздник. Я тогда не смогла пойти на эту вечеринку. А когда там все перепились, Антонина вскочила на стол. Разметала ногами посуду. И устроила стриптиз… Правда только до трусов… Так ты правда, не поддался ее чарам?

- Нет, конечно! – и я, должно быть, слишком сильно захмелел. Но где-то в глубине души понимая, что грешу, перекрестился: «Вот те Крест!.. Н я сейчас пойду на кухню. Перекурю и помолюсь… Пора бы и тебе начинать читать молитвенные правила.»

- А это нормально под «шафе»! Молиться? Тогда я стелю постель. А молиться я начну в Москве. Давай ложиться! – нетвердо, качнув головой вперед и в сторону, кивнула Алла.

- А посуда?

- Да плюнь ты! Завтра вымоем. Мне утром – на участок. К восьми сбегаю в поликлинику. Возьму вызовы. И – домой… Завтра… Завтра… Все за-а-втра! Вставать-то ра-а-ано!

И она, расстелив постель, повалившись на диван, засопела… Утром Алла и Антонина ушли вместе. А я, выпив стопку самогонки, закусив моченым яблоком, взялся за продолжение ремонта. И «пахал» пятницу, субботу и даже половину воскресенья. Зато стены были поставлены.

Оставалось зашпатлевать щели, установить дверь, поклеить обои…

- Ну-у-у, - прощаясь вечером в воскресенье, решил я и тут же озвучил, - это ты, Алла, с детьми сможешь сделать и без меня. А дверь повесим на петли в мой следующий приезд.

Наташа недовольно сложила губки бантиком и, не прощаясь, ушла в свою комнату. Вадик последовал ей. Я видел, что Алла устала и попросил ее не провожать меня на вокзал. Она облегченно вздохнула. Но, наставительно подняв указательный палец, напутствовала: «В сумку я положила тебе половину жареной курицы, два вареных яйца, бутерброды с салом и пол-литра самогоночки. Так что, завтрак у тебя есть… Как приедешь, сразу позвони по телефону. Лучше - с вокзала. Я еще буду дома.

Как только поезд «Белгород-Москва» отошел от перрона, я застелил полку. И завалился на нее. Проспал до самой Москвы. Без сновидений и видений.

Вечером Елена собралась укладываться спать. Станислав Валерианович, прежде чем пойти в свое купе, предложил покурить. Выйдя с ним в коридор, я, пытаясь придать своему тону безразличную веселость, спросил: «Интересно, *что пир грядущий нам готовит* в Питере?»

- Что? – переспросил Станислав Валерианович. Глубоко затянулся дымом папиросы: «Думаю, что Димитрий Феодорович уже передал дела своему приемнику… Господин Дурново вступил в права Министра внутренних дел… И как всякая «новая метла», начинает «мести» по-новому.»

- Ваш прогноз для меня неутешителен. Думаю, что останусь не у дел.

- Увы, друг мой! Мне действительно нечем утешить вас… Но вы ведь и мечтали вернуться в полк! А может

быть, все-таки мне походатайствовать о вашем переводе в контрразведку?

- Право же, не стоит… На всё – воля Божия! Займусь своим делом! Но что за человек этот Дурново?

- Дурново? – усмехнувшись, переспросил Станислав Валерианович. И продолжил: «Самое занятное заключается в том, что Петр Николаевич Дурново, по сути, человек одних взглядов и настроений с Димитрием Феодоровичем Треповым. Им бы сотрудничать! Но кто-то очень умело сталкивает их, используя при этом своенравность нынешнего, нового Министра внутренних дел, его вспыльчивость, а порой и болезненную нетерпимость противоречащих ему, иной раз доходящую до самодурства…»

- Но простите, Станислав Валерианович! Как же тогда Дурново допустил, что на посты товарищей Министра назначены откровенные враги Российской Империи? Тот же Урусов…

- И-и-и, дорогой мой поручик! Политика – дама подлая, продажная! И если урусовы назначены на свои нынешние посты, то сие означает только одно: Дурново не смог сделать ничего против их назначения. Предполагаю, что протекция сих господ, исходит из тайных сборищ Лондона, Берлина или Парижа… И слава Богу за то, что урусовы подчинены Петру Николаевичу, а не наоборот! Сам же Дурново, выпускник Морского кадетского корпуса, участник многих военных и научных экспедиций, между последними блестяще выдержал выпускной экзамен в Александровской военно-юридической академии. После оного служил помощником прокурора при Кронштадтском военно-морском суде. А уволен был с награждением чином коллежского асессора для определения к статским делам в связи с переходом его в Министерство юстиции. Заметьте еще одну деталь! Из Министерства Дурново отправляется не

на придворные паркеты, а – товарищем прокурора Вла-а-адимирского окружного суда. По сути, в глубинку! В этой же должности он практиковался в Первопрестольной. И через несколько лет отправился уже прокурором в Рыбинск. Потом – опять во Владимир. В Киев.

- Конечно, сие делает ему честь! – кивнул я.

- Вот-вот! И только приобретя определенный опыт на нижних ступенях служебной лестницы, Петр Николаевич становится управляющим Судебным отделом Департамента государственной полиции Министерства внутренних дел, а через два года и вице-директором департамента полиции.

- А не слишком ли быстрый «взлет»?

- Нет, друг мой! Если вы подразумеваете протекцию масонских лож, то докладываю: в моих архивах нет сведений о принадлежности Дурново к оным. Скорее, наоборот. Мировоззрение Петра Николаевича очень близко взглядам Константина Петровича Победоносцева. И сие – не пустые слова. В годы моей учебы, я зачитывался заметками Дурново, написанными во время его поездок в Париж, Берлин, Вену, дабы ознакомиться с устройством тамошней полиции, со способами надзора за антигосударственными элементами… Но не для копирования их в России, а для поиска в них отдельных рациональных зерен. И… тех ошибок, которые привели, например, Францию к республиканскому строю. Одним словом, Петр Николаевич искал не только положительные примеры, но и то, как не надо служить Российскому сыску! Обо всем этом, повторюсь, я прочитал в пространной записке, поданной им в те годы на Высочайшее Имя. И поверьте, читал я записку, словно увлекательный роман! Пером Петр Николаевич владеет очень даже недурственно! Возможно, что, прочитав оную записку, Государь и назначил Дурново на пост директора департамента полиции, который занимал до сих пор.

- Вы, господин ротмистр, меняете мое мнение о Петре Николаевиче! - крутанул я головой и закурил вторую папиросу.

- Я просто хочу показать вам, что Дурново – живой человек! Это, кстати отличает его от зашоренных «вольных каменщиков». Человеческое, живое в том же князе Урусове, образно говоря, пробивается наружу только в его кутежах… Но, конечно же, Сам Петр Николаевич не без греха. Силен бес, горами колышит, а людьми, что вениками трясет! Что называется, оный подловил и Дурново! Не осуждая, не обсуждая, не сплетничая, приведу тому один пример. В самом конце прошлого века случился скандал весьма интимного характера… Вы, должно быть, не знаете, что в подчинении Департамента находился в те годы так зазываемый „чёрный кабинет“, контролировавший переписку некоторых граждан. И вот, однажды, в руки его чиновников попали весьма откровенные письма некой питерской дамы любовнику — бразильскому послу в России. О них доложили Дурново. Но тут оказалось, что упомянутая дама одновременно была любовницей и… самого Петра Николаевича. Ревнивая ярость подвела неудачливого ловеласа! Мало того, что Петр Николаевич примчался к ветренице… Мало того, что отхлестал по щекам и швырнул ей в лицо письма, копии которых уже были, по сути, документами для служебного пользования. Мало того, что забыл эти письма, когда выскочил из квартиры. Он злоупотребил служебным положением, лично произведя обыск у бразильца в поисках других посланий интимного характера. Посол, естественно, пожаловался Государю Императору Александру Третьему Александровичу: мол, что за дикие нравы в стране, если шеф полиции читает чужие письма, избивает любовницу, обшаривает квартиру иностранного дипломата, забыв о его неприкосновенности. Как вы понимаете, назревал

международный скандал… Но Государь все уладил. Правда, Петру Николаевичу пришлось подать в отставку.

- А знаете ли?! Мне жаль его! – хмыкнул я.

- ? – вздернул брови Станислав Валерианович.

- Мы с супругой как-то заговорили об одном докторе, ее сослуживце по госпиталю, у которого тоже была любовница из числа фельдшериц… И вы только представьте, что мне заявила Елена Васильевна! Она сказала, что если женатый мужчина заводит любовницу, то виновата в этом только его жена! И пояснила: значит, она где-то, когда-то крепко налгала мужу. А ложь имеет свойство снежного кома, катящегося с горы и закатывающим в свои недра всё, попавшееся на пути… Таким образом, именно жена своей пусть даже самой малой ложью, которую чувствует душа мужа, соединенная Святым венцом с душой супруги, толкнула оного на грех прелюбодейства… Не сумела или не захотела такая дама, жена создать очаг, у которого можно было бы отогреться после жизненных и служебных невзгод, неприятностей… Так что, жаль мне Петра Николаевича… Несчастлив он в семейной жизни! Может быть, поэтому и подвержен, как вы сказали, своенравию, вспыльчивости, болезненной нетерпимости противоречащих ему. Вы правы: слаб человек!..

- Наша милейшая, добрейшая, очаровательная сестра милосердия не по-женски мудра! – даже крутанул головой ротмистр. Подумал. Кивнул головой, должно быть, соглашаясь со своими мыслями. Утвердился в них: «А вот господин Дурново так и не смог сдружиться с Димитрием Феодоровичем, должно быть, по своей личной греховности!

- Но ведь тем интимным скандалом карьера Петра Николаевича не закончилась?

- Государь Император очень высоко ценил его деловые качества, преданность Вере, Царю и Отчеству и

сразу после упомянутого скандала назначил его сенатором. А в самом начале наступившего столетия Петр Николаевич стал товарищем Министра внутренних дел. На этом посту он служил и при Сипягине, и при Плеве, и при Святополк-Мирском и, наконец при Булыгине. К слову, он – ярый противник Витте. Однажды во всеуслышание заявил, что тот тайно потворствует революционерам. Каков вызов! Впрочем, сие, на мой взгляд, было сказано небезосновательно…

- Это радует… Однако получается, что Дурново, по сути, соперничал с Треповым? – воскликнул я.

- Сие, очевидно, и станет одной из причин его неприятия вас, как сотрудника Министерства внутренних дел. Уж простите за печальную откровенность. И пойдемте по своим купе отдыхать… Елена Васильевна, должно быть, не спит. Заждалась. Волнуется за вас… Она – ваше истинное утешение во всех перипетиях службы и частной жизни.

…Всю оставшуюся дорогу я старательно скрывал от Елены свое состояние какой-то подвешенности в настоящем. И волновался не за себя! Нет! Волновался за нее!

…Явившись в Министерство для отчета о командировке, Николаши в бывшей приемной Трепова я не застал. А за его столом восседал почему-то хорунжий. К тому же.., - непривычно! - без чуба и усов. Однако, просмотрев мои документы, он широко, добродушно улыбнулся, представился адъютантом товарища Министра внутренних дел и объявил, что мне надлежит лично представиться самому его превосходительству Петру Николаевичу Дурново. Выходя из приемной, я спросил у хорунжего про Николашу.

- И-и-и! Сударь! Он – в Царском Селе. Вместе с генералом Треповым укатил. Теперь по дворцовым паркетам шаркает… Кстати! Его повысили в чине! - опять непонятно чему улыбнулся адъютант.

В приемной Дурново очередь оказалась более, чем неутешительной. Военные, прокурорские, статские терпеливо скучали, тихо переговариваясь между собой, листая какие-то свои бумаги, просто рассматривая потолок, стены или еще что-то в широких и высоких окнах. И только часа через четыре адъютант предложил мне войти.

В глубине огромного кабинета, под портретом Государя Императора, за широким столом сидел худощавый, седой, коротко стриженный человек. Холодным, ничего не выражающим взглядом он смерил меня с головы до ног. Я, резко опустив и подняв голову, прищелкнув каблуками, представился.

- Давайте ваш отчет, - почти не разжимая губ, произнес Дурново. Теперь он даже не смотрел на меня. Из этого я понял, что моя судьба решена, и я более не надобен ему: «С вашей докладной запиской я позже ознакомлюсь… На вас написана хорошая характеристика. Скажу более того, вам присвоен очередной чин. Поздравляю, господин штабс-капитан. Где хотели бы служить дальше?»

- Где прикажете, ваше превосходительство, - чуть не поперхнувшись, опять прищелкнул каблуками я.

- Видите ли, господин штабс-капитан, я считаю, что любой офицер, чиновник ли статский не должны подолгу сидеть на одном и том же месте, чтобы, образно говоря, не закиснуть… Ваш пост офицера по особым поручением уже занят другим. Вы, конечно, могли бы вернуться в свой полк… Но мне хочется отблагодарить вас за службу. Посему я предлагаю вам продолжить свою офицерскую карьеру в лейб-гвардии Семеновском полку. Это - не простая гвардейская воинская часть. Ей мы отводим особое место в подавлении революционной заразы, поразившей нашу бедную Державу. Учитывая ваш боевой опыт в Порт-Артуре и по возвращению из него, - похлопал он ладонью по папке, лежавшей перед ним на столе, и, как я понял, содержавшей

мое «личное дело», - хочу надеяться, что вы с честью выполните свой долг по месту нового вашего назначения. Итак, выбираете ли вы службу в своем бывшем полку или желаете продолжить оную в прославленном лейб-гвардии Семеновском?

Я растерялся. Прав оказался Станислав Валерианович, предвещая мою отставку из Министерства. Но, как я не был готов к такому повороту событий, как не говорил, что мечтаю вернуться в полк, к строевой службе, сердце зашлось. От обиды ли? От воспоминаний о службе под началом Трепова? Или еще от чего?.. Однако, взяв себя в руки, я спросил: «В какой должности мне назначено служить в лейб-гвардии Семеновском полку?»

- Это решит командир. Можете быть свободны. Документы о переводе, копию приказа о присвоении вам нового чина получите в канцелярии. И завтра, перед разводом, извольте представиться командиру лейб-гвардии Семеновского полка полковнику Георгию Александровичу Мину. Ступайте.

Что я и сделал. Время еще даже не подошло к полудню. И я, получив в канцелярии документы, отправился в контрразведку к Станиславу Валериановичу. Надо было рассказать обо всем, спросить совета. Ротмистра я застал в его кабинете, листающим какие-то бумаги. И явно не в лучшем расположении духа. Обменявшись со мной рукопожатием, он хмуро кивнул на свое чтиво: «Вот-с! Полюбуйтесь! Пока мы с вами занимались крымской камарильей, в остальной России началась настоящая гражданская война. Только за октябрь месяц более, чем в сотне населенных пунктах произошло около семисот столкновений, жертвами которых стало пять тысяч сто шестьдесят шесть человек.»

- Убитыми? – удивленно спросил я, вспоминая потери в самых жестоких боях под Порт-Артуром.

- К счастью нет. Но все равно: тысяча шестьсот двадцать два человека погибли, три с половиной тысячи ранены. Худо другое! Почти все Российские газетенки тявкают на Государя Императора, называя события еврейскими погромами. По их статейкам получается, что за организацией погромов стояли Царские власти, а их исполнителями, якобы выступали члены черносотенных организаций. Им подтявкивают и зарубежные издания. Хотя, по моему мнению, именно западные гроссмейстеры затеяли очередную бо-а-а-льшую игру, пешками в которой являются наши соотечественники. Да и мы с вами! Здесь имеют место быть оба иезуитских постулата: *разделяй и властвуй*, затем, - *клевещите, клевещите, что-нибудь да останется*… Помните кишиневский погром девятьсот третьего года? Как там БУНДовские боевики из-за заборов особняков еврейских банкиров расстреляли мирную верноподданическую манифестацию? Ах да… Вы же там не был… Но все равно… Как, наконец, бурлит весь православный Кишенев, узнав, что еще один христианский младенец, подобно Гавриилу Белостокскому или Андрею Ющинскому, жертвенно обезкровлен иудеями… И по этому поводу велось следствие… Правда, зашедшее в тупик! Но кто знает об этих фактах?! Кто знает, что банкир, еврейский деятель Якоб Шифф, памятный нам с вами обоим, не будь он к ночи помянут, открыто выступил с обвинением нашего Государя Императора в попустительстве погромов? Что он же написал американскому президенту Рузвельту несколько писем, в которых просил его выступить в Конгрессе США в защиту евреев в России… А сам, как говорится, втихаря способствовал размещению в Соединённых Штатах японских государственных займов во время Русско-японской войны и успешно противодействовал аналогичным устремлениям нашего правительства. Именно с его подачи Япония на полученные средства смогла

продолжать дорогостоящую военную кампанию, что в определенной степени решило исход войны… Однако простите за многословие. По нынешним же событиям скажу: национально-конфессиональная принадлежность половины, - подчеркиваю! – половины или чуть больше пострадавших включала в себя семь сотен убитых и тысячу двести раненых иудеев. Но в то же время среди православных убито около пяти сотен, тысяча двести сорок шесть были ранены! Об этом, что наши доморощенные демократы, что западные газетенки молчат-с! Ни гу-гу они и о том, что сейчас в России ведется следствие по делу причастности к событиям тысячи восемьсот шестидесяти человек! Предстоит более двухсот процессов! Заметьте! Над православными! И еще одна вопиющая ложь: черносотенные союзы и организации только-только официально создаются! И именно после недавних октябрьских событий! Как же можно клеветать, да еще печатным словом, что погромы совершались членами правомонархических структур, - Союза русского народа, Союза Михаила Архангела? Прости Господи! Поневоле вспоминаются слова святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова о семени сатанинском… Этого мало! На днях в Москве началась стачка. Под прикрытием требования экономических уступок борьба ведется за политическую власть. Сегодня забастовка охватывает всю Державу Российскую! И участвует в ней, - представьте только! – более двух миллионов! Возбуждены уголовные преследования против редакторов либеральных газетенок «Вечерняя почта», «Голос жизни», «Новости дня», против откровенно социал-демократической газеты «Московская правда». В Первопрестольной арестованы девять, - слышите, де-э-эвять! – номеров легальной большевистской газеты «Борьба», средства на которую выделил издатель Сергей Скирмунт. Причем последний ее номер вышел с воззванием «Ко всем рабочим, солдатам и труженикам!»,

призывающим к всеобщей политической стачке и вооружённому восстанию. Как по этой, что называется, наводке, в подмосковном поселке Люберцы некий машинист Ухтомский возглавил банду налетчиков! С ними он полностью овладел линией Москва—Голутвин, разоружив на ней полицию, перерезав телеграф и разоружая возвращавшиеся из Маньчжурии воинские эшелоны. И, несмотря на две устроенные ему засады и массированный пулеметный огонь, сумел вывести подельников в Перово. При этом только он застрелил несколько десятков разоруженных фронтовиков: офицеров, нижних чинов… Да и тех же жандармов…

- Разоружать воинские эшелоны?! – не смог удержаться от восклицания я, - Это же – Государственное преступление! Измена! Эти ухтомские – хуже японцев! И банкиров из-за заборов которых в Кишиневе расстреливали священников, женщин, детей…

- Вот именно! А разве не преступление – убийства генералов, офицеров, жандармов, чиновников? Счет уже давно перевалил за сотни! Теперь под приказом запрещено государственным служащим и военным заходить без соответствующей охраны в безлюдные места, в рабочие кварталы… Да и с нравственной точки зрения: сколько женщин овдовело! Сколько детей осиротело!.. Но теперь, что запад, что наши доморощенные короленки, пешковы-горькие и прочие, пардон, правозащитники, забрызжут слюной, обвиняя власти в жесткости, если не в зверстве… Ох, простите, друг мой! - сменив тон, вдруг мягко сказал Станислав Валерианович. Участоиво вгляделся в меня: «Совсем заработался! И вас заговорил! Простите, ради Христа!.. Как ваши дела? Были у Дурново?»

- Так точно! – кивнул я. И рассказал о своем визите в Министерство внутренних дел.

- Я вас поздравляю! – неожиданно весело воскликнул ротмистр. Даже прихлопнул ладонью о столешницу: «Командир полка Георгий Александрович Мин – мой давний знакомец! И завтра утром я, как раз, по служебной надобности должен быть у него. Так что, не волнуйтесь. Там и увидимся! Надеюсь, служба в лейб-гвардии Семеновском полку не будет сильно отличаться от той, которую вы несли под командованием генерала Трепова…»

- Станислав Валерианович! Если у вас сейчас есть время и возможность, окажите милость! Расскажите о Мине! И поверьте! Не корысти ради! – попросил я.

- Верю! Верю! – засмеялся он. Закурил: «Что с вами прикажете делать?! А знать о Георгии Александровиче очень полезно! Хотя бы для того, чтобы иметь перед собою пример для подражания! Чтобы знать, чьи приказы выполнять приходится! Его пращур приехал в Отчество наше еще при Государе Императоре Петре Первом Алексиевиче Великом! Принял Православие. Поступил на военную службу… Так сказать, *птенец гнезда Петрова*! А сам Георгий Александрович службу свою начал сразу после окончания гимназии рядовым на правах вольноопределяющегося второго разряда в лейб-гвардии Семеновском полку. В Русско-турецкой войне семьдесят седьмого-семьдесят восьмого годов уже прапорщиком набирался ума-разума под командованием Карла Румынского, а затем – и генерала Гурко. К концу войны Мин командовал ротой. С театра боевых действий вернулся украшенный орденами святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом. В России служил полковым адъютантом, а скоро стал членом полкового суда. Согласитесь, последнее свидетельствует о его авторитете и высоком уровне доверия сослуживцев. Многие рассказывали мне, что Мин всегда по-отцовски, со вниманием относился к нуждам и мнению даже

нижних чинов, нередко на равных, - вне службы, конечно, - беседовал с оными. По должности своей, снимая пробу пищи, любит садиться за столы к подчиненным. И вместе с ними так вкушает… Еще и ложку после обеда облизывает! Мне один раз пришлось обедать с ним в полковой трапезной!.. Сорока трех лет от роду Георгий Александрович произведен в полковники. В составе экспедиции принца Ольденбургского в Среднюю Азию тоже отличился. За что и был назначен командиром Двенадцатого Гренадерского Астраханского Императора Александра Третьего Александровича полка. В нем же стал председателем полкового суда. Год назад Георгий Александрович получил в командование свой родной Семеновский полк. А недавно назначен флигель-адъютантом Его Императорского Величества… Вот, собственно и все… Так что, друг мой, считаю: вам повезло служить под началом Георгия Александровича. Впрочем, в правдивости моих слов вы скоро сами убедитесь… Поздравляю вас с присвоением нового чина! Когда звездочки из хрустального стакана с коньяком без помощи рук доставать будете?.. Ну-ну! Я шучу! Передавайте нижайший поклон Елене Васильевне. Думаю, и она обрадуется вашему назначению.

…Так оно и вышло, когда я, вернувшись домой, сообщил Елене о направлении меня в лейб-гвардии Семеновский полк. Она, узнав, что я стал штабс-капитаном, словно гимназистка, даже запрыгала и захлопала в ладоши: «Какой ты у меня замечательный! Надо гостей приглашать! Отмечать твое повышение по службе и почетное назначение! Ур-р-ра!»

И вдруг она остановилась. Наморщила носик. Крутанула головкой: «Но ведь тебе срочно нужен новый мундир! Завтра же пошлю за портным!.. Только не подумай! Я совсем не о тратах на шитье размышляю! Я говорю о том,

что надо бы поскорее все скроить и сшить… Ну, ничего! Можно и переплатить за срочность!.. Ой! Так волнительно! Как-то тебя командир полка встретит?!»

Я успокоил жену, сообщив, что Станислав Валерианович тоже будет в расположении полка по своим делам. Пообедав, мы с Еленой отправились в Лавру на Всенощное бдение. Заказали Благодарственный и заздравный молебны, панихиду по близким. А вернувшись домой, поужинали. Устроились у камина. Елена – с шитьем, а я взялся читать Историю лейб-гвардии Семеновского полка… Большие напольные часы пробили девять раз.

- Давай-ка, укладывайся! – ласково повелела жена. Ласково погладила меня по голове: «Тебе вставать затемно! Я приказала подготовить парадны мундир… Пока – не Семеновский!»

В спальне мы оба встали на молитву. Прочитали вечернее Правило. Вдруг Елена открыла Молитвослов и медленно воззвала: «*Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняяй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша.*

Благослови, Господи, и помоги нам, грешным, совершить начинаемое нами дело, во славу Твою.

Господи, Иисусе Христе, Сыне Единородный Безначальнаго Твоего Отца, Ты бо рекл еси пречистыми усты Твоими, яко без Мене не можете творити ничесоже. Господи мой, Господи, верою объем в души моей и сердце Тобою реченная, припадаю Твоей благости: помози нам, грешным, сие дело, нами начинаемое, о Тебе Самом совершити, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, молитвами Богородицы и всех Твоих святых. Аминь.»

«Надо же! – мысленно восхитился я, - Она не отделяет себя от моей службы! Благодарю Тебя, Господи! Слава Тебе»!... Всю ночь я проворочался в каком-то нервном

возбуждении, как в отрочестве, перед поступлением в кадетский корпус. А утром задолго до развода явился в полк. К удивлению своему, от помощника дежурного, подпоручика, узнал, что командир уже давно приехал и теперь вместе с дежурным и каким-то офицером из контрразведки обходит казармы нижних чинов… В ту же минуту, как я увидел в окно «дежурки», на самую середину плаца выбежал горнист и протрубил побудку. А еще через некоторое время ровные ряды нижних чинов выстроились там же для гимнастических упражнений под командованием… офицеров. И это было не самом деле красиво. Но тут же помощник дежурного громко шепнул: «Командир…»

Я вышел из «дежурки», чтобы в коридоре штаба доложить о своем прибытии. Высокий статный, но плотный полковник, с яркой проседью в темных волосах,- как я понял, Георгий Александрович Мин, - шел навстречу, что-то бурно обсуждая со Станиславом Валериановичем и дежурным капитаном. Увидев меня, приостановился. Прервал разговор. Вгляделся. Я строевым шагом подошел. По форме представился. Полковник несколько иронично улыбнулся. Повернулся к Станиславу Валериановичу, словно безмолвно спрашивая его о чем-то. Ротмистр едва заметно кивнул. А полковник вдруг строго проговорил: «Долго почиваете, господин штабс-капитан! Мои офицеры с шести утра - в расположении. На первый раз сделаем скидку на ваше незнание распорядка дня полка. Ладно… Пройдемте в кабинет. Введу вас в курс дел.»

Я взглянул на ротмистра. Он, ободряюще, кивнул. И пошел вслед за Мином. А дежурный капитан вдруг улыбнулся мне. Протянул руку для рукопожатия. Назвался: «Фон Сиверс. Феодор Яковлевич. С прибытием!»

В своем небольшом кабинете полковник Мин взглянул на часы. На миг задумался. Обратился к

дежурному: «Голубчик! Пригласите ко мне полковника Римана.»

- Слушаюсь! – козырнул капитан и исчез, плотно затворив за собой дверь. А командир полка теперь обратился ко мне: «Ваше личное дело прислали вчера. Но я успел с ним ознакомиться. Вижу, служили вы похвально. Однако доложу вам, что в полку, вверенном мне, – железная дисциплина. В первую голову, изучите распорядок дня… Где вы проживаете?...»

Я доложил. Георгий Александрович крутанул головой: «Хм… Придется вместе с супругой переехать в служебную квартиру, рядом с расположением. Таков у нас порядок… Дабы не утруждать господ офицеров абы как добираться до места службы. Разрешено иметь в услужении одну горничную. В исключительных случаях – две. И денщика.»

- Ваше превосходительство! – подал голос Станислав Валерианович. Наклонился через стол к командиру и тихо пояснил: «У господина штабс-капитана, как раз, - исключительный случай: супруга – непраздна…»

- Согласен, – вдруг как-то по свойски, даже со смирением отозвался командир полка, - значит, две… Как у вас с материальными средствами? Спрашиваю, потому что после возвращения с Русско-японской нам, Преображенцам, Измайловцам ввели новую форму одежды. Извольте взглянуть.

И он достал из стола несколько листов плотной бумаги, на которой изображались красавцы в мундирах, схожих с русским обмундированием восемьсот двенадцатого года. Довольно заулыбался: «Похвастаюсь!»

Станислав Валерианович, разглядывая эскизы, хмыкнул: «Кивера… Аксельбанты… Эполеты… Нашивки на обшлагах, отворотах… Отличительные полковые знаки… Недешевое удовольствие!»

Георгий Александрович сначала взглянул на него, потом обратился снова ко мне: «Надеюсь, новая экипировка не разорит вас, господин штабс-капитан? Посему утешу: Государь лично оплачивает половину расходов на новую форму. Но и требования к нам, гвардейцам ужесточаются: надо быть достоянными славных, героических предков, прославивших свои мундиры, в подобие которым облачается нынешняя гвардия. К тому же офицерское собрание полка решило нанять артель портных и заказать им пошив мундиров сразу на всех… Оптом, так сказать. Сие получится дешевле.»

…В дверь кабинета постучали. На разрешающий ответ Мина, вошел высокий, сухощавый офицер представился: «Полковник Риман по вашему приказанию прибыл.»

- Николай Карлович! Голубчик! Заходите. Вот-с, познакомьтесь!-, – указал Мин на меня, - отдаю сего штабс-капитана в ваше распоряжение. Возьмите личное дело. Почитайте… Но…

Он взглянул на часы. Воскликнул: «О-о-о! Как бы нам на завтрак не опоздать! Неловко с нижних чинов требовать пунктуальности, а самим ее не блюсти! Пойдемте!»

И, заговорщически улыбаясь, обратился к Станиславу Валериановичу: «Приглашаю отведать нашей простой, солдатской трапезы!»

Нижние чины уже подходили к своим столам. Но не садились за них. Полковник Риман пригласил меня с собой. А Станислав Валерианович оказался за одним столом с командиром полка. Но и за каждый другим на десять человек, рядом с нижними чинами я увидел по два-три офицера. А в углу, за несколькими маленькими столами -… престарелую даму, троих гимназистов и двух девочек лет семи. Полковник Риман, проследив за моим взглядом,

пояснил: «Старушка – мать одного прапорщика, погибшего недавно от рук эсеров. Отроки и отроковицы – дети офицеров, тоже положивших души свои *за други своя* в прошлом году. Георгий Александрович, как только вступил в должность, приказал поставить их на довольствие. Пенсии-то невелики!»

В это время прозвучала команда «на молитву»! Старенький священник, повернувшись к большим иконам Спасителя и Божией Матери в восточном углу, затянул: - *Отче наш, Иже еси на небесех! ..*

И несколько сотен голосов дружно подхватили. А когда закончили пение, батюшка повернулся к столам и, накладывая Крестное знамение на три стороны, пропел*: «Господи, Иисусе Христе, Боже наш, благослови нам пищу и питие молитвами Пречистыя Твоея Матере и всех святых Твоих, яко благословен во веки веков. Аминь…»*

Я удивленно спросил полковника Ритмана: «Что же?! У вас так – каждый день?»

- Точно так! – кивнул тот. И добавил: «Не просто – каждый день! Трижды в день! Трапеза, знаете ли, своеобразное богослужение… А там где двое или трое собрались во Имя Господне, там и Он с ними. Трапеза сближает офицеров с нижними чинами.

Дежурные по кухне развезли на тележках по столам бачки. А старшие бачковые раскладывали их содержание по мискам. Нам с полковником, как и другим офицерам, подчерпнув из общего солдатского бачка, подали в первую очередь. В глубоких медных мисках оказалась гречневая каша с тушеной говядиной. Как раз то, что я детства любил!

- А разве сегодня праздник какой? – спросил я своего будущего начальника. И удивленно посмотрел на увесистые куски, облепленные гречневой кашей: «Мясо подают…»

- У нас всегда так! С незапамятных времен в двух верстах отсюда, за вещевыми складами – коровники,

свинарники, птичники, погреба, огороды… Даже пруды. Рыбку вкушаем по средам и пятницам. А квашенная капустка какая! В обед попробуете! С клюквой и антоновкой!

- С клюквой?! – удивился я.

- Точно так!.. В полку традиция – жить семьей! Вот, каждый и вносит свой вклад. У кого-то из офицеров имение - под Курском. Оттуда в полк везут, к примеру, те же яблоки. Возами! Из Лифляндии и Минской губернии – клюкву… Из Романова-на-Коле – селедочку… Бо-о-очками!.. Другую рыбку… И так далее! Толкую же: полк для нас всех – одна семья.

А я подумал, что теперь не надо будет Еленушку занимать завтраком… Но тут же вспомнил, что нам с ней придется переезжать в служебную квартиру в расположении полка… Спросил Римана: «А как питаются семьи офицеров? Где? Ведь они же – служебных квартирах.»

- Тоже из общего полкового котла… Только у себя дома. Им категорически запрещено появляться на глаза нижних чинов. Дабы не смущать последних… Только на полковых праздниках. На некоторых построениях, если командир разрешает. Да и той стоя в отдалении, за спинами нижних чинов

Я едва успел доесть и сделать несколько глотков травяного чаю, как прозвучала команда: «Закончить трапезу. На молитву.»

И опять старенький священник запел: «*Благодарим Тя, Христе Боже наш, яко насытил…*»

И опять сотни голосов стройно подхватили: «*…не лиши нас и Небеснаго Твоего Царствия, но яко посреде учеников Твоих пришел еси, Спасе, мир даяй им, прииди к нам и спаси нас. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь. Господи, помилуй. Господи, помилуй. Господи, помилуй. Благослови.*»

Когда же мы направились на плац, где должен был после завтрака происходить развод, я опять с некоторым недоумением спросил полковника Римана: «Почему кое-кто из офицеров не крестится?»

- Ну-у-у, не все же – Православные Христиане… Тот же капитан фон Сиверс – лютеранин. Но сие совсем не мешает ему быть отменным служакой! На трапезах он присутствует. Во время молитвы встает… Глядишь, Господь и вразумит… Приведет в нашу Святую церковь… Чую, вам, господин штабс-капитан, не терпится спросить меня о моем вероисповедании. Мне посчастливилось! – заулыбался он уголками губ.Вздохнул. Перекрестился: «Ну, да, папеньку моего звали Карлом. Царствие ему Небесное! Фамилия у нас тоже – немецкая… Однако пращуры мои из рода Риманов, как и предки Георгия Александровича, прибыли в Россию еще во времена Государя Императора Петра Первого Алексиевича Великого вслед за Лефортом вместе со многими немцами, лифляндцами, иными. Но в большинстве своем они крестились в Православную Веру! С тех пор сие и повелось в нашем роду. Папенька мой Карл Феодорович начал службу в Литовском полку субалтерн-офицером, а закончил спустя полвека в чине генерала от инфантерии… И поверьте, не хлопая по голенищу, скажу, что служил он нашему с вами Отечеству, Российской Империи, верой и правдой. Что и нам с братом Александром сие завещал. Братец-то мой кровный, Алексаша, ваш тезка, тоже в нашем полку служит! Познакомлю! Он немного взбалмошный… Маменькин, да и общий любимчик на весь полк… Но и служака – тоже добрый!»

- Но разве Карл – православное имя?

- Конечно! Император Карл Великий жил и прославился за два столетия до откола католиков от Истинной веры Христианской! Просто наши священники, -

и в первую голову, богословы! – мало уделяют внимания таким святым… А ведь сие могло…

Риман не договорил, потому что по плацу разнеслось: «Ста-а-ановись!»

И тут же, повторяясь: «Взво-о-од…»

-Ро-о-ота…

-Ба-атальо-о-он…

- Сейчас вас представят личному составу полка! – проговорил Николай Карлович. И даже слегка подтолкнул меня: «Пойдемте. Я тоже должен быть в свите командира.»

Ряды «семеновцев» застыли. Из парадного входа в штаб вышел полковник Мин в сопровождении своих заместителей и Станислава Валериановича. Уже знакомый мне дежурный по полку Феодор Яковлевич фон Сиверс скомандовал: «Смирно! Равнение на сред-дину…»

Оркестр заиграл марш лейб-гвардии Семеновского полка. Дежурный, приложив руку к папахе, отчеканил шаг, поднимая ногу едва ли не до пояса. «Строевик»! – мысленно восхитился я. А он доложил командиру полка о построении… После приветствия и обыденных объявлений, Георгий Александрович, наконец, представил меня. Вкратце рассказал о моей военной карьере. Попросил, как говорится, любить и жаловать… Опять под звуки оркестра полк прошел мимо нас торжественным маршем. С плаца подразделения разошлись по местам занятий и хозяйственных работ. А меня полковник Риман пригласил в свой кабинет, где подробно расспросил об основных, на мой взгляд, событиях биографии, семейном положении, особенностях предыдущей службы. Что-то записал к себе в блокнот. Спросил: «Как вы представляете, какой хотели бы видеть свою дальнейшую службу?»

- Как сочтете нужным и полезным для Отчества, господин полковник, - вскочив со стула, вытянулся я.

- Похвально! – кивнул Николай Карлович. Задумался на миг. Проговорил: «Садитесь, голубчик. Ознакомьтесь с приказами по полку за последний год. А я, как старший офицер полка, пока пойду проверю ход занятий и работ личного состава. Командира зачем-то вызвал сам Государь… Чует мое сердце: неслучайно! И не по пустякам! Но вы работайте с приказами. Бог в помощь.»

И он протянул мне пухлую папку с подшитыми в нее бумагами. Я и не заметил, как время подошло к обеду. Но и после него я взялся за приказы, изучать которые по моим подсчетам, предстояло еще дня два. За окнами стемнело по-зимнему рано. Но и после ужина я вернулся к документам. Полковник Риман, заглянув в кабинет, спросил: «Не собираетесь домой?»

- Хотелось бы побывать в каком-нибудь подразделении на вечерней поверке и отбое, - ответил я, сжимая и массируя двумя пальцами переносицу.

Николай Карлович удовлетворенно улыбнулся. Кивнул. Кликнул дежурного унтер-офицера. Попросил принести чаю. А мне, озабоченно крутанув головой, сказал: «Георгий Александрович до сих пор не вернулся. Что-то случилось… Он никогда так не задерживался. Всегда к вечерней поверке приезжал.»

- Так, может быть, мне сегодня переночевать в казарме? – спросил я.

- Ежели что, я вышлю вестового.

И мы прошли по казармам. Нижние чины уже улеглись. Дежурные по ротам докладывали Риману о том, что никаких происшествий не случилось… И через час я вышел из расположения полка. К счастью, извозчик попался сразу. И минут через сорок его возок подвез меня к дому. Однако я насторожился: сразу за воротами топтался молодой лакей с винтовкой в руках. От парадного входа к боковому прыгал, должно быть, от холода другой.

- Что случилось? – спросил я этого.

- Ох, ваш бродь! Светопреставление! Тут мимо нашего дома та-а-акая демонстранция фланировала! С красными тряпками! С богохульными криками! Даже солдаты были… С винтовками… Пьяные! Барыня Елена Васильевна перепужались… Велели караул нести цельную ночь напролет! Через час меня Макарыч сменить должён…

- Отставить! - улыбнулся я. Радостно было видеть усердие домочадцев: «Оба ступайте в дом. Караул можно и в тепле нести. Один у парадного, другой – у бокового входа.»

- Слушаюсь! - вытянулся лакей. Крикнул тому, что топтался у ворот: «Семен! Подь сюды! Их благородие велели в дом идтить. Караул тама теперича нести с тобой будем.»

…Елену я застал в молельной. Увидев меня, она вскочила с колен, подбежала ко мне. Прижалась всем телом. Прошептала: «Слава Богу! Я вся извелась… Тут такое было…»

- Знаю, дорогая моя, – как можно мягче сказал я, - лакеи уже доложили. Ничего не бойся! Войска в городе приведены в боевую готовность и пресекут любые безпорядки.

- Ну, как твой первый день в полку? – уже спокойным голосом спросила жена. И я, под руку проводя ее в кабинет, рассказал всё.

- Переезжать в полковую квартиру? На новом месте? – удивилась она. Даже губки поджала: «А на кого же дом оставим?»

- Я вот тоже думаю… На слуг! Назначим, как в деревне, управляющего. Раз в неделю можно приезжать сюда, проверять его… А на полковой квартире тебе спокойнее будет. Безопаснее.

Елена задумалась. Потом опять прижалась ко мне. Поцеловала в щеку. Улыбнувшись, сказала: «Так, значит, так. Когда переезжаем?»

- Ты завтра начинай потихоньку готовиться. Только сделай милость: не переутруждайся! Побереги себя и наше чадо…

- А ты?.. Завтра?..

- Мне надо – на службу.

- Надо, так надо! – вздохнула она. И засуетилась: «Приказать накрыть ужин?»

- Спаси Господи. Я сыт!

- Где это ты поужинал?

И я рассказал Елене об обычае в полку офицерам трапезничать с нижними чинами. Она засмеялась: «Но ты уж окажи милость, не наедайся до отвала, чтобы со мной хоть за десертом потрапезничать!»

- Так и договорились! – в тон жене ответил я.

- Примешь ванну?

- Хорошо бы! - блаженно потянулся я. Но тут в дверь постучали. Вошедший лакей по-военному доложил: «Ваш бродь! Там приехали господин ротмистр… Станислав Валерианович… Спрашивают вас…»

- Так поздно?! – удивился я.

Взглянул на Елену и даже при тусклом свете свечей заметил, как она побледнела. Но тут же твердым голосом велела лакею: «Проси их благородие, господина ротмистра сюда.»

Лакей исчез, а вместо него появился Станислав Валерианович. Приложившись к руке Елены, виновато объявил: «Простите меня великодушно, сударыня! Но я вынужден похитить вашего супруга, дабы срочно ехать в расположение Семеновского полка. Возок ждет у ворот.»

- И надолго? – отвернувшись, прикрыла намокшие глаза Елена.

- Боюсь, что да… Сегодня под утро полк выезжает в Москву.

- В Мо-а-аскву? – даже привстала из своего кресла Елена.

- Так точно. Там вспыхнули безпорядки…

- А здесь у нас? Разве тишь да гладь?

- Нет-с! Но ваш дом будет под охраной. Я уже позаботился. Только как-нибудь приютите казаков.

- Спаси Господи! – вздохнув, смирилась Елена. Перекрестилась: «Вы только мужа моего в Первопрестольной берегите!»

- Увы, Елена Васильевна, я остаюсь в Питере. Дабы принять все меры для предотвращения московских безпорядков у нас. Но обещаю, что каждый день буду навещать вас.

- Еленушка, – покачал я головой, - ты про меня рассуждаешь, словно про безпомощного младенчика… Лучше собери мне в дорогу все необходимое! Ты сама разумеешью

- Да-да, Елена Васильевна! Окажите милость! Поторопитесь!..

И через полчаса мы со Станиславом Валериановичем скользили в его возке по темным, безлюдным улицам Санкт-Петербурга. Ротмистр рассказал, что был сегодня у Государя вместе с полковником Мином, и тот сам вызвался командовать подавлением мятежа в Первопрестольной.

- А что там все-таки произошло? – спросил я.

- Седьмого декабря на многих крупных фабриках и заводах Москвы рабочие не вышли на работу. Состоялись митинги и собрания под охраной вооружённых мятежников, организованных в так называемые дружины. На следующий день московский генерал-губернатор Дубасов объявил в Москве и всей Московской губернии чрезвычайное положение. Девятого декабря на Пресне появились первые баррикады, а на следующий день их строительство развернулось повсюду. К двенадцатому декабря большая

часть города, все вокзалы, кроме Николаевского, оказались в руках мятежников. Правительственные войска удерживают лишь центр города. Наиболее упорные бои вот уже несколько дней ведутся в Замоскворечье, Рогожско-Симоновском районе. Особенно - на Пресне. С нашей стороны – немало убитых и раненных офицеров, нижних чинов. Есть жертвы и среди мирного населения. Мятежники жестоко расправляются с теми, кто отказывается им помогать… Не жалеют ни женщин, ни детей! Особенно - семьи офицеров, жандармов, прокурорских…

- В полку уже, наверное, все готовы! – посетовал я.

- Никак нет, - вздохнул Станислав Валерианович, - полковник Мин выехал из Зимнего вместе со мной. Думаю, что сейчас занят вопросами обеспечения отряда боеприпасами, провизией и так далее… К тому же и приказ еще надо подготовить. И офицеров вызвать. Так что, друг мой, мы успеваем к построению полка.

И Станислав Валерианович оказался прав. К нашему приезду трубач только-только сыграл «тревогу» и «сбор». Когда же полк с личным оружием, в полной экипировке был построен, Георгий Александрович призвал к необходимой защите Святой веры Православной, Отчества, Престола. Рассказал то же, что я слышал в возке от Станислава Валериановича.

- А теперь представьте, братцы, что содеяли бы мятежники с вашими домочадцами, узнав о том, что вы служите в лейб-гвардии Семеновском полку! И ежели придется вам лишить какого-нибудь разбойника живота, то не скорбите! Вспомните наших славных предков! Вспомните, как святой благоверный Великий Кнгязь Александр Ярославич Невский лично вырезал глаза у предателей-боляр, сдавших крепость ворогам, как отдал на растерзание народу воеводу Твердилу, открывшему ворота Пскова рыцарям-захватчикам… Вспомните Великого Князя

и Царя Иоанна Четвертого Васильевича, Грозного для врагов Отчества, наказавшего новгородцев и псковичей за их попытки расколоть Отчество наше, перейдя своими городами к шведам и полякам! Вспомните, сколько предателей Отчества переметнулось к Тушинскому вору в годы Великой Смуты и что с ними делали ратники князя Димитрия Пожарского и Кузьмы Минина! Вспомните, наконец, как благочестивые предки наши, - каждого, здесь стоящего! - целовали Святые Крест и Евангелие на верность Дому Романовых до скончания века. До Второго Пришествия Господа нашего Иисуса Христа! И ведь давали клятву не только за себя, но и за нас, за наших детей, внуков, потомков. И проклинали тех, кто нарушит сию клятву! Мятежники нарушили сию клятву! Предали предков! И теперь убивают тех, кто верен! Верен клятве, данной Богу нашими предками! Что же остается нам, православные воины, как по слову святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, выполнить свой воинский долг, как по заветам святителя Иоанна Златоустого, преподобного Иосифа игумена Волоцкого, не освятить свои длани пощечинами, а если надо, то и убить безбожников, иноверцей и инородцев враждующих на нас! - срывающимся голосом закончил полковник Мин свое обращение. И уже тише спросил: «Выполним свой долг? Выполним приказ Государя Императора?»

По рядам нижних чинов прошелся одобрительный гул, переросший троекратное «ура»…. Георгий Александрович зачитал приказ по полку: по Высочайшему повелению немедленно выдвинуться в Москву. Вслушался в ряды «семеновцев». Ропота не было. Наконец, он зачитал еще один приказ: «15-го декабря 1905 г. № 349. Дополненіе къ приказу по лейбъ-гвардіи Семеновскому полку.

16-го сего декабря назначается экспедиція по Казанской желѣзной дорогѣ н станціи: Перово, Люберцы и Коломна.

Начальникомъ отряда назначается полковникъ Риман I.

Составъ отряда отъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка:

9 рота: капитанъ Швецовъ, подпоручики Альбертовъ 2-й и Макаровъ.

10 рота: капитанъ фонъ-Сиверсъ 1-й, поручикъ Поливановъ и подпоручикъ фонъ-Фохтъ.

11 рота: штабсъ-капитанъ Назимовъ 2-й и подпоручики Шарнгорстъ и Романовскій.

12 рота: капитанъ Зыковъ и подпоручикъ Шрамченко.

14 рота: капитанъ фонъ-Тимротъ 1-й, подпоручики фонъ-Крузенштернъ и фонъ-Минихъ.

15 рота: капитанъ Майеръ, подпоручики Фалеевъ и Никаноровъ.

2 орудія—2-й батареи л.-гв. 1-й артиллерійской бригады.

2 пулемета 5-й туркестанской пулеметной роты.

Цѣль и назначеніе отряда захватить станцію Перово, обыскать мастерскія и строенія по указанію станового пристава князя Вадбольскаго и жандармскаго подполковника Смирницкаго.

Отыскать главарей Ухтомскаго, Котляренко, Татаринскаго, Иванова и другихъ, по указанію князя Вадбольскаго и подполковника Смирницкаго. Уничтожить боевую дружину. Исполнивъ задачу, оставить на ст. Перово одну роту, поручивъ ей охрану станціи и окрестнаго района. Оказывать содѣйствіе правительственнымъ желѣзнодорожнымъ агентамъ для возстановленія движенія. Затемъ слѣдовать въ Люберцы, гдѣ занять станцію,

произвести обыски селенія завода, въ остальномъ дѣйствовать такъ же, какъ въ Перовѣ.

Общія указанія: *арестованныхъ не имѣть и дѣйствовать безпощадно*. Каждый домъ, изъ котораго будетъ произведенъ выстрѣлъ, уничтожать огнемъ или артиллеріею.

По возможности щадить и охранять всякія желѣзнодорожныя сооруженія, необходимыя и полезныя для обслуживанія желѣзной дороги.

На станціи «Сортировочная» оставить одну роту, назначеніе которой—не допускать движенія поѣздовъ въ Москву, загораждая путь шпалами, выбрасывая сигналъ «остановка», и въ случаѣ неповиновенія открыть огонь.

Имѣть строгое наблюденіе за телеграфными аппаратами.

Далѣе отряду двинуться на ст. Коломна, гдѣ произвести обыскъ и осмотръ и остаться впредь до особаго распоряженія.

Перевязочные пункты устроить: одинъ пунктъ на ст. Перово (одинъ врачъ и одинъ фельдшеръ) и второй на ст. Люберцы (одинъ врачъ и одинъ фельдшеръ).

О дѣйствіяхъ отряда и о результатахъ его начальнику отряда полковнику Риману 1-му представить мнѣ подробное донесеніе.

Подлинное подписалъ: командующій полкомъ, флигель-адъютантъ полковникъ Минъ.

Вѣрно: полковой адъютантъ, подпоручикъ фонъ-Брюммеръ».

Полковник Риман, стоявший в общем строю рядом со мной, не поворачивая головы, тихо произнес: «Ну-с, господин штабс-капитан! Тяжелехонькая нам предстоит работенка. Наконец-то! С Богом! А? Не мы первыми подняли меч! Не на безоружных идем… Не мы были убийцами лучших людей России!»

- С Богом! – выдохнул я… И ту увидел, как из парадного входа в штаб двое унтер-офицеров вынесли большую в золотом окладе икону Спасителя. Оркестр грянул *Боже, Царя храни*. Все на плацу сняли папахи. И запели Гимн... Когда же трубы и голоса стихли, полковник Мин, так и не надевая папаху, развел руками, просто сказал: «Помолимся, братцы!»

И первым вышел перед иконой. Встал спиной к строю. Опустился на колени. «Семеновцы», как один, последовали ему. Священник, вставший рядом с полковником Мином, начал было что-то говорить. Но Георгий Александрович жестом остановил его. И сам громко воззвал: -

- Боже крепкий, в руце Своей содержай судьбы человеков!

Не помяни грехов моих, и укрепи мя свыше силою Твоею на супротивныя нам. Даруй ми бодр ум и сердце безтрепетно, да страха их не убоюся ниже смущуся, но в сени священных хоругвей воинства нашего пребуду верен воинской клятве моей до конца.

Во имя Твое, Господи, гряду, и да будет воля Твоя.

Пресвятая Богородице, спаси нас!

Святый Архистратиже Михаиле, споборствуй нам!

Святый Ангеле хранителю, не отступи от мене!

Вси святии, молите Бога о нас!

Я не смотрел по сторонам. Опустив голову, повторял слова молитвы. И чувствовал, как щиплет в глазах, в носу и в горле…

Все поднялись с колен. На минуту над плацем нависла тишина. Но ее разорвал хрипловатый голос командира полка: «К торжественному маршу! Поротно! На одного линейного дистанции. Первая рота прямо. Остальные направо! Шаго-о-м марш!»

Оркестр грянул марш лейб-гвардии Семеновского полка. А хор нижних чинов, стоявший рядом, с уханьем и присвистом запел:

Мы верно служили при русских Царях,
Дралися со славою-честью в боях,
Страшатся враги наших старых знамен,
Нас знает Россия с петровских времен.

Царь Петр покрыл нас славою побед,
И помнит бой, Полтавский бой помнит швед.

Шли мы тогда в смертный бой, в смертный бой.
Так и всегда мы пойдем, мы пойдем,
Верные клятве святой
Всюду за нашим Царем!

Да будет же свят сей завет вековой
Семеновской славной семьи полковой.
Да будут потомки потешных полков
Надеждой для Руси, грозой для врагов.

Царь Петр покрыл нас славою побед,
И помнит бой, Полтавский бой помнит швед.

Ни смерть, ни страдания в дальнем краю
Не страшны нам в жарком бою.
Мы твердо и смело под пули пойдем
В могиле за храбрость награду найдем.

Семеновцы были всегда впереди,
И смерть дорога им как крест на груди.
Всегда погибнуть для Руси семеновец рад,
Не ищет он славы, не ищет наград.

Мы верно служили при русских Царях,
Дралися со славою-честью в боях,
Страшатся враги наших старых знамен,
Нас знает Россия с петровских времен.

Царь Петр покрыл нас славою побед,
И помнит бой, Полтавский бой помнит швед.

С развернутым полковым знаменем полк чеканно двинулся к воротам. Несколько раз повторялся марш, пока последняя шеренга не прошла мимо Святой Иконы и командира полка. Георгий Александрович догнал нас. И встал в голове колонны. Так, под звуки марша, через весь город полк дошел до вокзала, где нас ждали эшелоны.

- Вот и наши зимние квартиры на несколько дней! – хохотнул кто-то из офицеров, указывая на вагоны.

- Потому-то Георгий Александрович и выхлопотал «второй класс» для нижних чинов! И только для штаба – «первый»! Не на перроне же служебные совещания проводить! – ответил ему Николай Карлович.

- А офицеры тоже поедут во «втором»? – спросил еще кто-то.

- Батальонные, ротные, взводные и полувзводные начальники поедут со своими подчиненными, - опять пояснил Риман. Загибая пальцы, пересчитал вагоны. Указал на один из них мне. Даже в ладоши прихлопнул: «Я лично, например, еду с девятой ротой.»

Обернулся ко мне. Засмеялся: - И вы, господин штабс-капитан, - тоже. А пока, сударь, пройдемте, посмотрим, как идет погрузка орудий, пулеметов, как снабженцы приготовились.

Что мы и сделали… И уже через два часа колеса нашего вагона застучали на стыках рельс.

Поезд из Белгорода опоздал на полтора часа. Поэтому еще в купе я успел позавтракать, попить чаю. А приехав в Москву, сразу отправился в редакцию. Но там в такую рань никого не оказалось. Я заварил кофе. И принялся разбирать материалы, расписанные мне главным редактором за неделю и дожидавшиеся меня на моем рабочем столе.

Алексей Алексеевич и Борис пришли одновременно. Главный редактор, поздоровавшись, спросил: «Ну, как ваш ремонт?»

- Ох.ю – улыбнувшись, вздохнул я, - напилился, надолбился, нарубился так, что до сих пор ломит и руки, и ноги, и спину.

- Говорил тебе, Саша: не женись! – сверкнул золотым зубом Борис. И весело проговорил: «Жил бы себе сейчас спокойненько! Занимался бы любимым делом… Ничего бы не ломило! А то ведь придумал себе приключение.»

Главный редактор, тронув его за локоть, покачал головой. А мне вдруг сказал: «У меня для вас новость. И не самая лучшая… В пятницу вечером позвонил Матвей Лаврентьевич и сказал, что наш подопечный биохимик скончался в реанимации ожогового центра. Но смерть наступила при странных обстоятельствах… Звоните Матвею Лаврентьевичу. Он обещал отпроситься с работы, чтобы быть как бы… представителем института при получения тела покойника и при организации похорон. Встретитесь, и он вам все подробно расскажет. Одним словом, проведите журналистское расследование. К слову, к похоронам подключилась даже Академия наук… Непростым ученым был ваш Альфред Иванович.

- Или.., - задумавшись, тихо и медленно, почти по слогам, проговорил я, - или Эраст Артурович заметает следы…

- Не гадайте на кофейной гуще, а лучше созвонитесь с Матвеем Лаврентьевичем. И поезжайте в Склифосовского. Кремация-то – сегодня.

Но в это самое время дверь в редакционную комнату открылась. И на пороге я увидел Матвея Лаврентьевича. Он порывисто вошел. Энергично пожал всем руки. Обвел нас взглядом. Громко и жарко произнес: «Как хорошо, Александр, что вы приехали. Надо срочно, пока тело не увезли в крематорий, поговорить с лечащим врачом, начальником отделения, дежурной медсестрой… Может быть, даже задержать кремацию… Вы готовы ехать?»

Я согласно пожал плечами. И через десять минут мы мчались в ожоговый центр. Я поинтересовался: что Матвей Лаврентьевич успел разузнать. Тот, как-то даже судорожно вцепившись в руль своей «Волги», помотал головой: «Ничего толком. Супруга Альфреда позвонила мне в пятницу вечером… Ну, что она могла в таком потрясении объяснить… Сказала только, что почему-то отказал аппарат искусственной вентиляции легких… Еще какое-то оборудование… Ругала, на чем свет стоит, нашу медицину… Говорила, что на Западе такого «светилу науки» обязательно спасли бы…»

- Светилу? – переспросил я, - Но ведь наш биохимик больше года, как не работает в государственном НИИ… Так сказать, пробивается «на вольных хлебах»… Да и освещал ли он что-нибудь? Скорее - наоборот… Те-э-эмнило! Прости, Господи! Можно ли за такого молиться…

- Ну, да! Только, оказывается, жене он говорил, что работает над государственным проектом. Особо важным! Совершенно секретным!.. Ложь, знаете ли, - будь она даже микроскопичной, - имеет свойство снежного кома, скатывающегося с горы… А вдову Альфреда Ивановича теперь можно только пожалеть! Она же около года нигде не работает, - покойный обеспечивал! Зачем же самой

напрягаться?! Благо, прости, Господи, этот урод, Эраст Артурович, хорошо оплачивал дьявольские исследования ее супруга. Теперь же она оказалась без средств к существованию… А «светило»? Я просто процитировал слова вдовы. Но вы хорошо поправили меня: «темнило»! В самую точку!.. Впрочем, давайте не забывать, что о покойниках – либо хорошо, либо ничего.

Мы с Матвеем Лаврентьевичем вышли из машины и скоро оказались перед новым многоэтажным корпусом, в котором и располагался ожоговый центр. И тут вдруг мой спутник судорожно схватил меня за рукав. Резко дернул в сторону.

- Что случилось? – недоумевая, спросил я и попытался высвободить локоть.

- По-а-асмотрите! - дернул он подбородком в сторону входа в здание. И я увидел… Эраста Артуровича, который под руку выводил из корпуса молодящуюся, полнеющую женщину в дорогой норковой шубке и такой же шляпке.

- Вдова! – только и выдохнул Матвей Лаврентьевич.

- А наш пострел везде поспел! – невесело хмыкнул я. И тут же увидел, как Эраст Артурович, якобы скорбно, прикрыв глаза и покачивая головой, показушно, даже оглянувшись вокруг, опустил в сумочку вдовы пухлый пакет… И в это время, как я заметил, невесть откуда взявшийся молодой человек несколько раз щелкнул затвором фотоаппарата… «Как будто затвором винтовки!» - вспыхнула во мне мысль…

- Пойдемте-пойдемте, – услышал я голос Матвея Лаврентьевича, - я не хочу, чтобы этот нелюдь видел нас с вами…

И мы под прикрытием колонн перед фасадом здания поспешили в подъезд корпуса. А когда оказались внутри, я все-таки обернулся. И вдруг через стеклянную стену фойе увидел, что Эраст Артурович, продолжая сочувственно

беседовать со вдовой, смотрит в нашу сторону. И, словно в окулярах бинокля или подзорной трубы, приставленных к моим глазам, его лицо… приблизилось. Словно он стоял шагах в трех от меня. Мне показалось, что он видит нас… Тонкие губы его искривились в недоброй ухмылке... Один их уголок дернулся вверх, другой опустился вниз… Однако в этот миг Матвей Лаврентьевич увлек меня к лифту. Мы поднялись на нужный этаж. И через несколько минут из двери, отделявшей нас от отделения реанимации, к нам вышел молодой, худой до болезненности, бледный молодой человек с орлиным носом, большими, миндалевидными, темными, но какими-то тусклыми глазами, в бордовом врачебном халате, таких же шапочке и марлевой повязке, спущенной с лица. Он долго вчитывался в мое журналистское удостоверение. Вернув его мне, вопросительно уставился на меня. Я попросил его рассказать о причине смерти Альфреда Ивановича. Глаза врача, что называется, забегали. Он замямлил: «Вообще-то, это, знаете ли, – врачебная тайна… Я давал клятву Гиппократа… Вы можете обратиться к паталогоанатому… Ознакомиться с его заключением…»

- Мы хотим знать: как, почему и кем реанимационная аппаратура было отключена от покойного? – перебил я лепет лечащего врача. А он вдруг осмелел. Вздернул вверх выбритый до синевы, острый подбородок и отчеканил: «Я же сказал, что это – медицинская тайна. Обратитесь к заведующему отделением. Советую вам предварительно запастись официальным запросом, скрепленным гербовой печатью вашего издания. Извините, меня ждут больные.»

И врач, не прощаясь, резко развернулся. Скрылся за дверью, ведущей в отделение. А мы услышали, как в ней повернулся ключ…

- Пойдемте к главному врачу! – предложил я Матвею Лаврентьевичу.

- Безполезно! – вздохнул тот, всплеснув руками. И, словно бросив, опустил их в безсилии: «Даже если у вас будет официальный запрос редакции, ни-и-икто здесь вам ни-и-и-ичего-о-ошеньки не скажет. Кое-чему я все-таки научился у Эраста Артуровича и вижу, что он хо-о-ор-р-рошо поработал с медицинским персоналом. Вы видели тусклые глаза лечащего врача?»

- Вы полагаете, что именно Эраст Артурович убил Альфреда Ивановича?

- Без сомнения!

- Но зачем?

- Видите ли, Александр, очевидно, несчастный Альфред уже не смог бы работать на этого негодяя. Но, - во сне ли, в бреду ли, наяву ли, как я уже говорил, - мог разболтать о своих изысканиях. И тем паче, об открытиях! А этого Эрасту Артуровичу со-а-авсем не надо!

- Вы считаете, что именно Эраст Артурович отключил аппаратуру?

- Ни в коем случае! Он на это не станет «размениваться»… Этот субъект все пакости чужими руками делает! Вы же знаете о его обладании гипнозом, другими более искусными бесовскими методами. Я не исключаю даже того, что именно лечащий врач стал палачом Альфреда Ивановича. И даже не подозревал, что сам совершил убийство. Неосознанно! А то, что он так вел сегодня с нами, - верный признак противления его души. Ведь последняя находится в противодействии с телом! Врач – либо маловер, либо вообще атеист! Еще вариант, что но – единоверец на к ночи будь помянуто Эраста Артуровича. Заете ли: семя сатанинское! Но душа-то все равно в нем существует! Вот и мучается бедняжка… Не согласуется она с телом! В подобных случаях три выхода…

- ?

- Либо тело подчиняется душе, и тогда их обладатель понимает, что насовершал злодейства, кается и становится подвижником Православия. Но это происходит лишь тогда, когда за человека молятся сонм святых, праведные души пращуров. Второй вариант: при порабощении души телом, человек становится злодеем, деяниям которого ужасаются даже бесы! Наконец, может произойти раздвоение личности, что официальная наука называет психическим недугом… Да что ж это я вам все объясняю, словно вы не помните болезнь и гибель Галины, - Царствие ей Небесное?!

- Эраст Артурович и сам мне признался в своей причастности к ее убийству, – опустив голову и перекрестившись, тихо проговорил я, - даже мне угрожал…

- Как я понимаю, отпевания Альберта Ивановича в храме Божием не состоится. А на кремации стоять рядом с Эрастом Артуровичем я не хочу. Да и сожжение тела покойника – не христианский обряд проводов в последний путь. И быть свидетелем этого языческого действа тоже совсем не хочется. Здесь огню земному предается земная сущность человека, а там – душа… Только пламени адскому… Прости, Господи, за дерзновенность!.. Не пойду я на кремацию! - проговорил Матвей Лаврентьевич. И тут же спросил: «А вы?»

Я в ответ только покачал головой.

- Тогда могу подвезти вас до редакции, - уже почти весело сказал он. И пояснил свое состояние: «Эрасту Артуровичу теперь до-а-алгонько придется подыскивать нового биохимика. К тому же, все наработки, - разумею, записи, - покойного сгорели! И даже если он найдет приемника Альфреда Ивановича, придется начинать все заново! Так сказать, с отправной точки исследований. А она была только в голове и в рукописях несчастного.

- Рукописи не горят! – усмехнулся я. Даже вспомнил «Мастера и Маргариту»: «И уж кому, как не Богу, а ведь

иногда, должно быть, и не врагу рода человеческого знать их содержание?!»

- Горят рукописи или не горят, знать врагу рода человеческого или не знать их содержание, - всё происходит по воле Божией! И на пользу нам. Как по Его же воле случилась и гроза, спалившая и лабораторию, и рукописи несчастного Альфреда Ивановича. Всё – по воле Божией! – теперь перекрестился Матвей Лаврентьевич. И через полчаса, «подброшенный» им, я вернулся в редакцию. Рассказал о своей поездке, о «бегающих» глазках лечащего врача, о встрече с Эрастом Артуровичем, о размышлениях Матвея Лаврентьевича Алексею Алексеевичу. Тот, задумавшись на миг, кивнул: «Наш ученый друг прав. Оставим всё на волю и суд Божии… А вы смените сферу деятельности: займитесь пока редактурой авторских материалов, которые я в течение недели расписал на вас.»

Что я и сделал… А вечером возвратился в пустую комнату. Лидия опять куда-то увезла Митю… Непонятная, какая-то липкая тоска медленно, неотвратимо вползала в сердце. Все валилось из рук. Ни читать, ни есть, ни пить, ни спать не хотелось. И тут раздался телефонный звонок. В трубке я услышал голос Матвея Лаврентьевича: «Александр, как вы себя чувствуете?»

- Тоскливо, - ответил я.

- Сдается мне, что Эраст Артурович увидел нас сегодня около ожогового центра. И теперь колдует… Точнее: не увидел, а почувствовал. Мне сейчас просто невмоготу. Все валится из рук. Попробовал, было, написать о Панине для вашей газеты, но авторучка буквально выпала из рук. В голове – броуновское движение мыслей!

- Знаете что? – вдруг нашелся я, - Приезжайте-ка ко мне! Я ведь вам собрался рассказать еще об одном палаче русского народа. О Ягоде… Попьем чайку… Что окрепче не предлагаю: вы – за рулем… Я привез из Белгорода

прекрасное сало, домашнюю колбасу… Хотя, может быть «возьмете» такси? И мы, что называется усугубим коньячку иим самогоночки мой тещи?

- Замечательно! А то, признаюсь, в холодильнике у меня, как в одной каэспэшной песне, – *зима, пустынная зима*… Еду! Помолимся вместе! Ведь там, где двое или трое собрались во Имя Господне, там и Христос посреди них! Еду-еду!

И минут через сорок Матвей Лаврентьевич был уже у меня. Помыв руки, достал из кармана толстую, потрепанную записную книжку. Подмигнул мне: «Есть у меня замечательная молитва. Но на нее нужно особое благословение духовника… Я часто читаю ее, когда нападение лукавых, как говорится, зашкаливает. А сие бывает, как я понимаю, когда Эраст Артурович поминает меня. Недобрым словом, конечно! Впрочем, добрым оно у него просто быть не может… Но вот, как вам быть? Без благословения?

- Не Молитва ли задержания? – хмыкнул я. – Если она, то докладываю вам: меня благословил на нее первый мой духовник, отец Валерий, - Царствие ему Небесное… Но, каюсь, все время при искушениях забываю прибегать к ее помощи.

- Замечательно! - даже удивительно вскинул брови мой гость, - Давайте же тогда прочитаем ее вместе!

Я раскрыл свой Молитвослов, в который был вклеен листок с машинописным текстом Молитвы задержания. Матвей Лаврентьевич, повернувшись к иконам в восточном углу моей комнаты, трижды перекрестившись, медленно выдохнул: - *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа*…

Я последовал ему. И Матвей Лаврентьевич, откинув голову назад, прикрыв глаза, изредка открывая их, опуская, чтобы свериться с текстом молитвы, нараспев принялся читать: - *Яко неплодную смоковницу, на посецы мене, Спасе,*

грешнаго, но на многая лета пождание ми даруй, напаяя душу мою слезами покаяния, да плод принесу Ти, Многомилостиве.

Милосердный Господи, Ты некогда устами служителя Моисея, Иисуса Навина, задерживал целый день движение Солнца и Луны, доколе народ Израильский мстил врагам своим.

Молитвой Елисея пророка некогда поразил сириян, задерживая их, и вновь исцелил их.

Ты некогда вещал пророку Исаии: вот, Я возвращу назад на десять ступеней солнечную тень, которая прошла по ступеням Ахазовым, и возвратилось солнце на десять ступеней по ступеням, по которым оно сходило.

Ты некогда устами пророка Иезекииля затворил бездны, останавливал реки, задерживал воды.

И Ты некогда постом и молитвою пророка Твоего Даниила заграждал уста львов во рву.

И ныне задержи и замедли до благовремения все замыслы вокруг стоящих мя о моем перемещении, увольнении, смещении, изгнании.

Так и ныне, разруши злые хотения и требования всех осуждающих мя , загради уста и сердца всех клевещущих, злобствующих и рыкающих на мя, и всех хулящих и унижающих мя.

Так и ныне, наведи духовную слепоту на глаза всех восстающих на мя и на врагов моих.

Не Ты ли вещал апостолу Павлу: говори и не умолкай, ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла.

Смягчи сердца всех противоборствующих благу и достоинству Церкви Христовой. Поэтому да не умолкнут уста Мои для обличения нечестивых и прославления праведных и всех дивных дел Твоих. И да исполнятся вся благая начинания наши и желания.

К вам, праведницы и молитвенницы Божии, наши дерзновенные предстателие, некогда силою своих молитв сдерживающие нашествие иноплеменников, подход ненавидящих, разрушившие злые замыслы людей, заграждавшие уста львов, ныне обращаюсь я с молитвою моей, с моим прошением.

И Ты, преподобный великий Елий Египетский, некогда оградивший в круге крестным знамением место поселения ученика своего, повелел ему вооружиться именем Господним и не бояться отныне демонских искушений. Огради дом мой, в коем я живу, в круге молитв твоих и сохрани его от огненного запаления, воровского нападения и всякого зла и страхования.

И ты, преподобный отче Поплие Сирийский, некогда своею непрестанною молитвою десять дней демона державший неподвижным и не могущим идти ни днем, ни ночью; ныне окрест келии моей и дома (моего) сего удержи за оградою его вся сопротивныя силы и всех хулящих имя Божие и презирающих мя.

И Ты, преподобная девственница Пиама, некогда силою молитвы остановившая движение шедших погубить жителей тоя деревни, где жила, ныне приостанови все замыслы врагов моих, хотящих изгнати мя из града сего и погубити мя: не допускай им приближатися к дому сему, останови их силою молитвы своей: "Господи, Судия Вселенной, Ты, которому неугодна всякая неправда, когда приидет к Тебе молитва сия, пусть Святая Сила остановит их на том месте, где постигнет их".

И Ты, блаженный Лаврентий Калужский, моли Бога о мне, как имеющий дерзновение пред Господом предстательствовать о страждущих от козней диавольских. Моли Бога о мне, да оградит Он мя от козней сатанинских.

И Ты, преподобный Василий Печерский, соверши свои молитвы запрещения над нападающими на меня и отжени все козни диавольские от мене.

И вы, вси святии земли Российстей, развейте силою молитв своих обо мне все бесовские чары, все диавольские замыслы и козни - досадити мне и погубити мя и достояние мое.

И Ты, великий и грозный страже, архистратиже Михаиле, огненным мечом посекаяй все хотения врага рода человеческого и всех приспешников его, хотящих погубити мя. Стой нерушимо на страже дома сего, всех живущих в нем и всего достояния его.

И Ты, Владычице, не напрасно именуемая "Нерушимой стеной", буди для всех враждующих против меня и замышляющих пакостная творити мне, воистинну некоей преградой и нерушимой стеной, ограждающей мя от всякого зла и тяжких обстояний. Аминь!

Несколько секунд Матвей Лаврентьевич простоял с закрытыми глазами. Молча. Потом как бы встрепенулся. Улыбнулся. Глубоко вздохнул: «Полегчало! Право слово! А вам?

Я, тоже облегченно вздохнув, кивнул. На это Матвей Лаврентьевич весело и плотоядно облизнувшись, проговорил: «Ну и где ваш чай? Где домашние сало и колбаса? Почревоугодничаем! А вы мне про Ягоду поведаете.»

Я нарезал хлеб, сыр, сало, колбасу. Достал из холодильника сливочное масло. Разлил по чашкам чай. И, слегка утолив невесть откуда появившееся чувство голода, раскрыл уже знакомую Матвею Лаврентьевичу папку. Сказал: «Настоящее имя того, кого в официально-лживой советской истории принято называть Генрихом Григорьевичем Ягодой, на самом деле звали Иегодой, по одной версии, Енохом Гершеновичем, по другой - Генахом

Гиршевичем. Происходил он из еврейской семьи. С юности проявились его безнравственность и другие дурные наклонности. Что, впрочем, присуще этому народцу… Так, например, в двадцатилетнем возрасте он жил в Москве по подложному паспорту у сестры-анархистки… За что был арестован. И… предал членов революционных организаций, встречавшихся в доме сестрицы. Это учли в суде. И дали всего-навсего два года ссылки в Симбирск, где будущий палач проживал в комфортабельных условиях дома своего деда.»

Нам известно, что с восемнадцатого года Иегуда работал в Петроградской ЧК. Это было время всплеска так называемого «красного террора». В это время он служил в Высшей военной инспекции РККА. А с начала двадцатых годов Иегуда-Ягода - член коллегии Народного комиссариата внешней торговли и управляющий делами управления Особого отдела. Затем вошел в Президиум ВЧК, и коллегию ГПУ. Именно в данном качестве он зверствовал при подавлении Антоновского мятежа. И тогда же, что называется, выплыли на свет Божий некоторые дурные наклонности и качества. Приведу один пример. Так в тридцатом году его заместитель по фамилии Трилиссер исследовал биографию своего шефа. И выяснил, что в автобиографии, написанной тем по требованию Оргбюро ЦК, как говорится, ложь на лжи и ложью погоняет. Иегуда-Ягода писал, что он вступил в партию большевиков в девятьсот седьмом, и за свои «подвиги в деле революции» в одиннадцатом году был отправлен царским правительством в ссылку. На самом же деле этот мерзавец примкнул к партии только летом семнадцатого, а до того не имел с большевиками ничего общего… Но благодаря своей лжи Иегуда-Ягода в двадцать третьем году становится уже вторым заместитель председателя ОГПУ. Карьерный взлет – прямо, как у Тухачевского! Интересно, с чьей протекции?!

История об этом умалчивает… В тридцать третьем за строительство Беломоро-Балтийского канала ему дали орден Ленина. В тридцать четвертом году он возглавляет только что образованный народный комиссариат внутренних дел и Главное управление государственной безопасности. Под руководством Иегуды-Ягоды был учреждён ГУЛАГ и увеличилась сеть так называемых советских исправительно-трудовых лагерей, началось строительство уже упомянутого мною Беломоро-Балтийского канала силами политзаключённых. К лживому освещению положения дел на этой стройке, - огромной братской могиле! - было привлечено более тридцати продажных, прикормленных большевиками писателей во главе с Максимом Горьким-Пешковым. Я сам не читал их записок, но могу представить в каких жизнерадостных красках *страха ради иудеска* описана та «стройка века»… Не с их ли, простите, легкой руки Иегуду-Ягоду тогда официально называли «первым инициатором, организатором и идейным руководителем социалистической индустрии тайги и Севера». Нашлись и другие блюдолизы: на последнем шлюзе Беломоро-Балтийского канала был воздвигнут специальный памятник в виде тридцатиметровой пятиконечной звезды, внутри которой находился гигантский бронзовый бюст этого палача. Однако, сколько веревочка не вейся… В апреле тридцать седьмого Иегуда-Ягода был арестован. Его обвинили в совершении антигосударственных и уголовных преступлений. Думаю, что такое обвинение было небезосновательным: при обыске у этого подонка, согласно протоколу, были найдены фильмы, открытки, фотографии порнографического характера, резиновый искусственный половой член, - у мужчины-то! -троцкистская литература и протчая, и протчая. А также… две расплющенные пули, которыми были убиты Зиновьев и Каменев, с надписями на

оных. Все упомянутые вещдоки задбрал в личное пользование новый нарком НКВД… Ежов. Он тоже - тот еще поддонок! Созавалось впечатление, что тогдашние чекисты не только патологические палачт, но и стодь же патологические извращенцы, что опять же присуще упомянутому народцу. Особенно его вождям…

- Бр-р-р! Откуда известно, что именно в личное пользование Ежов позаимствовал столь Богопроьтвные предметы у Ягоды? Да и зачем? – хмыкнул Матвей Лаврентьевич.

- Они и были изъяты при аресте последнего. А зачем?.. Полагаю, - простите, не к столу будет сказано, - повторюсь, для личного пользования… Нам-то с вами, например, подобные экспонаты не нужны! – усмехнулся я. Отхлебнул коньяку: «По непроверенным данным вся верхушка власти тех времен, за редким исключением, – извращенцы! А по мнению некоторых исследователей, масон выше третьего градуса при посвящении в более высокий проходит через акт содомии… Опять же, простите: не к столу. Заметьте также, что во время следствия против Иегуды-Ягоды, дабы спасти свои шкуры, свидетельствовали его бывшие протеже и чекисты-подельники Агранов, Заковский, Фирин, Реденс, Эйхманс, Кацнельсон, Леплевский, мно-о-огие другие. Помнится, вы сами как-то очень точно сравнили этих ублюдков с пауками в банке.

- Да-а-а! Архив у вас – завидный! И… опасный! – вздохнул Матвей Лаврентьевич. Скривил губы в брезгливой усмешке: «И чем закончилась карьера этого негодяя, лжеца, извращенца?»

- Расстрелом! В тридцать седьмом! Но скажите мне, у какого честного человека повернется язык осудить Сталина за расстрел упомянутого подонка? Или за то, что Иосиф Виссарионович позволил провести расследование деятельности эдакой, прости, Господи, мрази?

- Наверное только у духовных наследников Иегуды-Ягоды… А Ежов?

- Этот сменил Иегуду-Ягоду на его посту. Единственно полезное, на мой взгляд, что он сделал, это уничтожил так называемую ленинскую гвардию, палачей цвета нашей нации, малороссов, белорусов. Уничтожил убийц генералов, офицеров, простых жандармов и чиновников в начале века, до делателей «красного террора», убийств священства, монашества, раскулачивания, расказачивания… Период его кровавого разгула называют в народе «ежовщиной»…

-- Прямо по Священному Писанию: *убивший кровию, кровию да умрет*… Но ежовские злодеяния успешно делал и Иегуда-Ягода… По-моему, Дантон сказал, что революция пожирает детей своих… И после собственноручного подписания смертных приговоров французским аристократам сам лег под нож гильотины. Как и «неподкупный» Робеспьер… А я бы вспомнил другое! Не революция пожирает. Нет! Господь сказал: *Мне отмщение Аз воздам*! И воздал! И воздает! И до скончания века будет воздавать!

- К слову, мы у Ежова встречаемся с той же грязью, что и Иегуды-Ягоды. Вы, Матвей Лаврентьевич, спросили, почему порнографию и иные предметы первый присвоил себе… Отвечаю: на допросах Ежов признался, что является приверженцем… гомосексуализма.

- На допросах… Ах, да, его же тоже расстреляли… Однако до чего же все они омерзительны!

- Совершенно верно. Ежова арестовали в тридцать девятом, а расстреляли в начале сорокового.

- А этот? Как его..? Ну-у-у, который изучал биографию Ягоды? И установил ложь в его биографии?

- И-и-и! Трилиссер Меер Абрамович – личность уникальная. Изучать биографию Иегуды-Ягоды он обязан был по долгу службы, а уж никак не по собственной

инициативе или «по зову сердца»… Если не по желанию, то, что называется, дабы подсидеть шефа… Этот деятель родился в Астрахани в еврейской семье сапожника, окончил Астраханское городское училище, - вот так у нас притесняли евреев! «Не давали учиться»! После окончания училища Толисссер отправился в Одессу поступать… в университет…

- Вот вам и Россия! Тюрьма народов! – хохотнул Матвей Лаврентьевич. Но смешок его был горьким: «У сына бедного еврейского сапожника нашлись деньги и на поступление в Университет, и на учебу, и на проживание в Одессе. Спрашивается, откуда?!»

- Вот-вот, я тоже спрашивал себя! Но ответ, думается, лежит, что называется, на поверхности! Именно в Одессе юный Меер Абрамович вступил в РСДРП, участвовал в мятеже пятого года на броненосце «Князь Потемкин Таврический». Но, надо отдать ему должное, оставался в тени. Не то, что БУНДовцы, прибывшие на «Потемкин» и нарядившиеся в матросские форменки… После разгрома Одесского мятежа Трилиссер бежал в Питер. Там стал членом военного, - заметьте! – военного комитета Петербургской, потом финляндской организации РСДРП. Интересно, сколько на его руках налипло крови невинно убиенных верноподданых, ограблений банков, других преступлений?! И кто оплачивал ему оружие, боеприпасы, другие расходы? Папа – сапожник?

- Наверное тот, кто оплачивал и запломбированный вагон с Лениным и компанией!

- Вот, вы сами и ответили на свой вопрос о финансировании трилиссеров и компании. Но дальше – больше! После того, как Трилиссер способствовал побегу с гауптвахты Выборга группы солдат, арестованных за бунт, в шестом году он уже, как теоретик с богатым практическим опытом, выступил на Таммерфорсской конференции в Финляндии, - опять же, заметьте! - военных и боевых

организаций РСДРП. А это была первая конференция большевиков! Но через год Трилиссера арестовали и приговорили к восьми годам каторги в Сибири. После октябрьского мятежа и государственного переворота семнадцатого года он стал одним из организаторов и руководителей советских спецслужб… Например, внешней разведки… Представьте себе, каких разведчиков-резидентов он готовил, если мы «проспали», а потому и проиграли Финскую войну. Если не верили в надвигающуюся Великую Отечественную!.. Не потому ли в первые же дни ее потеряли миллионы солдат, офицеров, генералов, огромное количество техники… А если и случались штирлицы, то были они удачливы только благодаря своим, русским способностям и талантам! Но и Трилиссера, будь он не к ночи помянут, тоже расстреляли «свои» же в начале сорокового года.

- Однако, судя по вашим словам, первые вожди революции поначалу очень даже высоко ценили этого «товагища»! – хохотнул Матвей Лаврентьевич. И вдруг серьезно спросил: «А вы никогда не задумывались над словом «революция»? Пад этимологией слова?»

Я пожал плечами. На что мой гость покачал головой: «А надо бы, Александр! Надо бы! Тем более, что вы работаете со словом!.. Я, конечно, не филолог… А я вот однажды задумался. «Полазил», что называется, по словарям… И пришел к поразившему меня выводу! Слово «прогресс», например, по словарю Ожегова толкуется, как поступательное движение, улучшение в процессе развития. Под словом «регресс», в том же словаре, мы понимаем упадок в развитии чего-либо, движение назад… Я провел аналогию. Слово «эволюция» - толкуется как процесс постепенного непрерывного количественного изменения, подготавливающий качественные изменения, вообще - развитие. А «революция»? Как же я был поражен, когда

прочитал у того же Ожегова, что «революция - коренной переворот в жизни общества, который приводит к ликвидации отжившего общественного и политического строя и передаче власти в руки передового класса. Очень мягко, но вполне понятно сказано! Пример: Пролетарская (социалистическая) революция свергающая буржуазный строй и устанавливающая власть рабочего класса в союзе с трудовым крестьянством под руководством коммунистической партии. Буржуазная революция (свергающая феодальный строй и устанавливающая власть буржуазии). Великая Октябрьская социалистическая революция, Великая французская революция». Но это толкование «растет» из марксистско-ленинских измышлений… И второе толкование: - «коренной переворот, резкий скачкообразный переход от одного качественного состояния к другому». Во всех остальных словарях – то же самое! Что это? Реверанс ученых перед советскими властями? Но разве рабочие и крестьяне пришли к власти в семнадцатом году? Разве они решали проводить «красный террор», раскулачивание, расказачивание?.. Или нет? Тогда, может быть, толкование, приведенное мною - происки цензуры?! Опять – «ре-е-е»! Не-э-э-эт, думаю. Стоп! Я – старый воробей! Меня так просто так, на мякине не проведешь! И стал искать значение приставки «ре»- в тех же словарях. Оказалась, что искомое имеет сразу три значения, а именно: «обратный процесс, противоположность действия или повторность, возобновление действия». Какое же из трех толкований имели ввиду теоретики всех революций? Путаница какая-то! Но я вдруг подумал, что главный лжец у нас и путаник… Ну-у-у, понятно, кто! Потому и слова подбирает такие, у которых несколько значений, дабы запутать простого полуграмотного человека. Фабричного рабочего, крестьянина… Решил я тогда посмотреть по словарям

значение слова «пролетариат». И что бы вы думали?! Оказывается, у этого слова – тоже несколько значений! Во-первых, proletarius — «производящий потомство». Это значение произошло от латинского *«proles» — «pro* плюс *alo» — «для»* плюс *«выращивать, воспитывать»*. Корень слова я нашел и в других сочетаниях: *proles postuma* — отпрыск, потомок, детище, дитя. Аналогично - *proles futurorum hominum*. Это значение переводится как «*род, потомство*». Есть более широкое толкование: *proles ferrea* — племя, раса. В то время, как *proles equitum peditumque* переводится словом «молодёжь». Кроме того, словом *proles* обозначались мужские половые органы или мужская сила вообще. Второе значение: *proletarius sermo* — «простонародный». Есть и третье значение: proletarius *civis* — это римские граждане, по системе Сервия Туллия, - центуриатной системе,... -

Мне захотелось вдруг спросить: что означает «центуриатная система». Но Матвей Лаврентьевич говорил, прикрыв глаза, покачивая вперед и назад головой, словно замечтавшись. И я решил, что не стоит останавливаться на терминах. Поэтому промолчал. А Матвей Лаврентьевич даже не заметил моей заминки. И продолжал, должно быть, о римских гражданах, стоявших: «… по имущественному цензу ниже граждан пятого класса, то есть с имуществом менее, чем в десять тысяч ассов. Такое их название в обществе объяснялось тем, что единственное значение пролетариев для государства выражалось в производстве потомства — будущих граждан Рима. Как писал Тойнби, в Древнем Риме при проведении переписи населения те люди, у которых не было собственности, в графе об имуществе писали — «дети», - *proles*. Отсюда и возникло их название — «пролетарии». Это была беднейшая часть народа, - пауперы. Другое их обозначение было *capite censi*, то есть в списках граждан они фигурировали с обозначением только их частноправовой самостоятельности - *caput*. Первоначально

пролетарии были свободны от военной службы и податей, однако позднее они в случае необходимости зачислялись в войска, преимущественно во флот. Для несения ими военной службы был установлен особый ценз, сперва в четыре тысячи ассов, с двести восемьдесят первого года — в полоторы тысячи, а когда цензоры стали налагать подушный налог, - *tributum,* - и на пролетариев, минимум имущества для взимания подати и отправления военной службы был определен в триста семьдесят пять ассов. Комплектация римского войска из пролетариев стало обычным делом со времён Мария. В случае поступления на военную службу пролетарий получал от государства оружие — щит и меч. Участие пролетариев в государственной жизни было весьма ограничено: они составляли при подаче голосов в комициях всего одну центурию из ста девяноста трех, учрежденных Сервием Туллием.

Многие пролетарии в поисках источников пропитания составляли клиентуру влиятельных лиц и занимались оказанием им мелких услуг, восхвалением и рекламированием их, а одновременно — давлением на них с целью получения средств к существованию, которые выделялись пролетариям в качестве социальной помощи неимущим и средств для решения социальных проблем…

Матвей Лаврентьевич, похоже, пришел в себя. Перестал покачиваться. Открыл глаза. Как-то даже отстраненно посмотрел на меня. И… вдруг засмущался. Тихо попросил: «Простите меня, ради Христа! Занаучил я вас… Занаученность – беда всей нашей науки! А потом еще сетуем на то, что простые люди не понимают ученых с их объяснениями… Простите! Но мы опять столкнулись с разными значениями… Опять запутались! Стало быть, такая путаница кому-то очень нужна! И опять нам понятно, кто этот путаник! Лжец и отец лжи! Однако, позвольте,

приведу теперь изначальное русское толкование согласно «Толковому словарю живого Великорусского языка» Владимира Иоанновича Даля: «пролетарий — бобыль, бездомный или безземельный, бесприютный, за-хре-бет-ник»… А?! Каково?! За-хре-бет-ник! Так, скажите мне на милость, какое толкование вкладывали вожди революции в слово «пролетарий»? Если не русское, то кто они сами? Да и разумеют ли Великорусский живой язык хотя бы на «троечку»?! И кому подчиняются в своем словоблудии? А если они - русские, то кого имеют в виду под призывом к пролетариям? Бобылей? Бездомных? Безземельных? Бесприютных? Или захребетников? Представляете, как зазвучал бы сейчас их лозунг?! «Бобыли! – или захребетники! - всех стран соединяйтесь!» Нет-нет! Делатели всех бунтов, мятежей, революций в России определенно были не русскими людьми! Они были у России за-хре-бет-ни-ка-ми!

И мы с ним оба, в полный голос, захохотали! До-о-о-лго смеялись. До слез. Матвей Лаврентьевич сквозь смех вдруг признался: - А знаете?! Я сейчас с превеликим удовольствием выпил бы рюмку коньяка! Но… увы! Не могу! Мне еще садиться за руль. Ничего! Вернусь домой, обязательно выпью! За ваше здоровье! Да-а-авненько я так не веселился!

- Написать бы об этом в «Русском Вестнике»… - вздохнул я, - Да, боюсь, Алексей Алексеевич скажет, что рано публиковать подобные изыскания в словесности… Действительно, у нас примерно одна треть читателей - убежденные, но преданные властям коммунисты. На Бланка-Ленина, прости, Господи, молятся! Считают, что бронштейны-свердловы его обманывали! И между тем, такие наши читатели, будучи в коммунистической партии рядовыми, - настоящие патриоты!

Матвей Лаврентьевич взглянул на часы. Воскликнул: - И-и-и! Времени-то опять - за полночь!.. Признайтесь, вы все-таки, на деле убедились, как действует Молитва задержания?! Верное средство! Не забывайте про нашу замечательную Молитву… Но, как видите, не только вы меня просвещаете, но и я, в некоторой степени, - вас! Давайте прощаться! Спаси Господи за угощение! Давненько я такого сала не пробовал! Но самое главное, спаси Господи за совместную молитву, а также за интересную беседу.

Я, одарив Матвея Лаврентьевича добрым шматом сала, опять проводил его до машины. А вернувшись домой, убрал со стола в холодильник недоеденные продукты, помыл чашки, ложки, ножи, блюдца. И… выпил граммов сто коньяку. Закусил кусочком сыра. Покурил в открытую форточку. И, постелив себе на диван-кровати, улегся спать.

А проснувшись, не смог вспомнить, снилось ли мне что-нибудь. Но настроение у меня было прекрасное. Значит, если и снилось, то что-то хорошее… Я с удовольствием прочитал Утреннее молитвенное Правило. Принял душ. Позавтракал яичницей на сале с жареной колбасой. И вышел из дома. Но не успел сойти с тротуара, чтобы перейти улицу Алексея Толстого, как услышал за спиной визг автомобильных тормозов. Я инстинктивно шарахнулся подальше от проезжей части и поближе к стене дома. Обернулся. Нет, бояться, конечно, было нечего. Просто, красивая иномарка резко затормозила напротив моего подъезда. Я хотел, было отправиться дальше, но дверь автомобиля открылась, и молодая женщина, словно сошедшая с обложки «Бурды», улыбаясь, то ли утвердительно, то ли вопросительно, окликнула: «Саша?!»

Я остановился. Пригляделся. Лицо показалось мне знакомым… Но оно было каким-то типовым… Блестевшим под слоем косметики. Опять же, словно со страниц «Бурды».

- Не узнал? – хохотнула женщина. И повернулась в разные стороны, словно показывала саму себя: «Спасибо! Богатой буду!»

Она подошла почти вплотную. Неожиданно чмокнула меня в щеку. Опять засмеялась, словно подразнила: «Не узнал… Не узнал… А я-то почему-то думала, что влюбила тебя в себя…»

- Анжела? – вдруг всплыло в моей памяти имя. Я потер ладонью щеку, к которой женщина прикоснулась губами. Она засмеялась еще звонче: «Не грузись… От моей помады следов не остается! Я ведь не какой-нибудь совковой «Еленой» крашу губы. Франция! А ты что в этом доме делал? Был у какой-нибудь очередной пассии? Вспоминал меня? Почти напротив моего бывшего дома. Да и этот - неплохой домишко… Старорежимный! Я люблю такие. Вот в этом, пожалуй, я и куплю второй, в крайнем случае, третий этаж… Но не сейчас… Поближе к пенсионному возрасту! Ну, так что? Теперь вспомнил, как ты жил в квартире дяди Святослава, - пусть земля ему будет пухом? Как я ночью пришла к тебе? Как мы с тобой.., хм.., резвились? Как я потом отца своего шуганула. Как привела тебя на встречу с бывшими одноклассниками?..

- Где у вас намечалась «групповушка»! – выдохнул я.

- Ну, да! Ну и что? Подростковые шалости! А ты неожиданно сбежал… Вот я и подумала, что влюбился в меня и никакую другую или других не хочешь! – опять звонко засмеялась Анжела.

- У тебя же еще был брат? – спросил я и взглянул на часы.

- Тебе на работу? Ведь ты вовсе не в «конторе» работаешь, как я, дурочка, полагала… Впрочем, мне все равно. У меня есть пару свободных часов… Давай подвезу… По дороге поговорим. Куда?

Я хотел, было, отказаться, но она цепко взяла меня под руку и увлекла к машине. Пришлось подчиниться. Когда мы уселись, Анжела положила на руль узкие ладони, обтянутые лайковыми безпалыми перчатками. Как в каком-то западном фильме… Повернула лицо ко мне. Вопросительно дернула подбородком: «Ну, и куда мы едем, шеф?»

Я хотел, было, назвать адрес, но подумал, что не стоит ей знать место моей работы. Поэтому сказал: «Метро «Кировская»…

Когда же машина тронулась, я, дабы избежать расспросов, спросил первым: «Как ты живешь?»

- Как и планировала. Что называется, упакована! Работаю в Штатах. Вышла замуж за атташе. Детей пока решила не заводить. Еще не нагулялась… Муж старше меня на десять лет. Вдовец. Но нашему-то брату за кордоном без супругов нельзя! А вообще, он - тихий. Мягкий. Покладистый. Секретаршу в любовницах держит. Так что, и я живу, как хочу!

- А брат? Родители? – опять поспешил с вопросом я.

- А! – махнула она рукой. Поморщилась: «Этот козлина всю нашу семью опозорил. Работал в Италии. Но там связался с девицей. Влю-у-у-убился, придурок! А эта шлюшка оказалась специальным агентом ЦРУ… Естественно, его отозвали в Москву. Было служебное расследование. Если бы не папа, его бы - под зад коленом со службы! В какую-нибудь тьмутаракань засунули бы. В первый отдел развалившегося оборонного завода! Папа, конечно, вытащил сыночка из дерьма. Но сам через год умер… Наш козлорогий «ромео» сейчас служит в Новой Гвинее… Прикинь! Променял Италию на Папуа! Цивилизацию – на сборище дикарей! И просветов у него в карьере не предвидится!»

- Не женился?

- Живет там с двумя какими-то папуасками… Кобель! Хорошо, хоть по борделям не шляется. Там столько заразы всякой подхватить можно… А какие были перспективы по службе?! Мама тоже болеет. Пришлось ее устраивать в пансионат для ветеранов дипломатического корпуса. Там и уход, и питание, и медицинское обслуживание – достойные! Мы-то с братцем, ха-ха, – вдали от Родины… Не можем с ней нянчиться. Но на подарки врачам, медсестрам, нянечкам я не скуплюсь. Вот подвезу тебя, и – к ней. В пансионат…

- С одноклассниками-то видишься?

- Ко-а-агда?! Я в Россию-то раз в год прилетаю! На неделю!.. Да и вся компания наша как-то развалилась… Наташка выскочила замуж за француза… Пишет, что под Парижем теперь у нее - целое поместье! А-а-аристократка! Все хочу к ней заехать… Катька после Плехановского уехала в Китай. А староста наш… Помнишь? Он - партайгеноссе теперь… Как говорится, в верхних эшелонах власти… Правда, мальчиками увлекся… С женщинами ему неинтересно. А я и не навязываюсь… Но что это ты прямо-таки допрос с пристрастием мне устроил?! Про себя расскажи!

- А что? У тебя отпуск - всего неделя? – продолжал я уходить от ее вопросов.

- Зачем же. Просто я тоже имею право на отдых. Послезавтра лечу на Мальдивы. На две недельки. Но ты чего это от ответов на мои вопросы увиливаешь? Давай, колись! С кем живешь, не спрашиваю. А где работаешь?

- Что увиливать? Ты же все равно, если захочешь, по своим каналам узнаешь. Я женился. Есть сын. Работаю политическим обозревателем в одной газете…

- О-о-о! Взлетел! Я всегда верила в тебя! Ну-у-у, жена, как и муж, - не стенка, можно подвинуть… А в какой газете подвизаешься?

- В «Русском Вестнике».

- Ничего себе! Вообще-то кое-кто во властных структурах считает его фашистским изданием. Но ты не безпокойся… Я вредить тебе не стану.

- А что? Другого мнения о «Русском Вестнике» ты не слышала?

- Почему же. На одном приеме у князя Шереметьева вашу газету даже безплатно раздавали гостям… Там я, оказывается, и твою статью видела. Ехидную такую! Но подумала, что автор – твой однофамилец… А ты, вот как оказывается, вырос! Рада за тебя!

- У князя Шереметьева? – переспросил я.

- Ну, да! Он сын эмигрантов… Профессор антропологии. Преподает в каком-то университете. Руководит лабораторией. Его иногда даже в Пентагон для исследований приглашают! Какое-то открытие сделал… Муж рассказывал, что методом Шереметьева теперь по останкам можно определить все анкетные данные погибшего человека… Но я в этом не разбираюсь… Бр-р-р!.. В трухлявых костях трупа копаться! А по жизни Шереметьев - та-а-акой антисоветчик! Шовинист! Антисемит! Последнего Царя Николая боготворит. И жену его. И детей. И еще кого-то там… Нелепо! В гостиной на стене портрет Николая Второго в полный рост повесил. А в красном углу даже икона Николая Второго рядом с Христом висит. Когда же говорит о России, у него слезы на глазах выступают. И вообще, - живой такой, забавный старичок! Минуты на месте не сидит!

Анжела резко повернула в сторону и «подрезала» какой-то «москвич»… Тот засигналил. А она, открыв окно, крикнула: «Ко-а-азел! Мог бы и дорогу даме уступить!»

- Слушай! – хмыкнул я. Ис опаской поглядел по сторонам на другие машины: «Но пока мы с тобой едем, по-моему, нет ни одного правила дорожного движения, которое бы ты не нарушила…»

- Но я же – женщина! К тому же на «красный» ездит тот, у кого много «зеленых», – дернула Анжела плечами. И резко затормозила. Сказала, скосив глаза влево и вниз: «Вот и твоя станция метро «Кировская»… Я после девятнадцати буду на Алексея Толстого. В пустой квартире родителей. Заглядывай на огонек… Молодость вспомним… У меня припасена бутылочка хорошего, дорогущего Виски… Я одну главврачу пансионата, где лежит мама, отвезла. Вторую брала на всякий случай. В самом дорогом бутике… Как чувствовала, что встречу тебя… Вот и отметим нашу встречу!»

- Дорогущую? Интересно: почем? – хмыкнул я…

- Ла-а-адно! Не буду цену называть, чтобы не смущать тебя… Придешь?

- У вас в подъезде такие «бычки» на охране стоят… Тот же «Мишенька» меня наверняка запомнил…

- Мишенька? – засмеялась Анжела. Показала ладонью наверх: «Да он уже да-а-авно на повышение пошел. Сидит где-нибудь на Лубянке… Или, - бери выше! - в службе безопасности какого-нибудь нашего посольства «за бугром»… Правда, маху с твоим исчезновением он дал. И еще какого маху! Но мой папа его отмазал. Это я попросила. Не ради Мишеньки, а ради тебя! Так что, цени!.. Да и консьержки все поменялись. Ты, когда вечером пойдешь ко мне, паспорт с собой прихвати. Я запишу тебя в гостевом журнале.»

- У меня журналистское удостоверение с гербовой печатью всегда с собой, - похлопал я ладонью по внутреннему карману куртки.

- А вот его припрячь подальше. Ни к чему нашим, как ты метко назвал их, «бычкам» знать, что ко мне сотрудник «Русского Вестника» пришел. Эти тут же доложат по инстанции. А я не знаю, как наша служба внутренних расследований посмотрит. Значит, я жду?

- Ну-у-у.., - искал я вескую причину для отказа. Нашел. И солгал: «Во-первых, я не знаю, в котором часу освобожусь. Могут и в командировку отправить. Во-вторых, дома – жена, ребенок…»

Про себя же подумал: «Почему же солгал? Жена есть. Сын есть. В редакции, действительно, в любую минуту могут отправить хоть в местную, хоть в дальнюю командировку»!

- Жене можно и наврать что-нибудь про срочное ночное редакционное задание, - хмыкнула Анжела. Хитро прищурилась: «Мне же ты врал, что работаешь в «конторе».

- Не-э-эт, – резко помотал я головой, - врала ты сама себе про это. А я просто не отрицал. Но и… не соглашался. Вспомни!.. Ладно. Прости. Мне пора. А то итак уже опоздал! Если смогу, зайду.

Она, перегнувшись с водительского места через никелированную рукоятку коробки передач, слегка приобняла поцеловала меня в щеку. Отклонилась. Подмигнула. Наконец, оценивающе оглядела. По-голливудски улыбнулась и помахала ладошкой: «Бай-бай!»

А я, выйдя из машины, уже знал, что вечером, конечно, не пойду к ней. И молил Бога, чтобы Он нашел в редакции для меня какое-нибудь неотложное дело до позднего вечера. А лучше – до завтрашнего утра! Я не хотел лгать Анжеле… И боялся.., оказавшись с ней наедине в пустой квартире, поддаться искушению прелюбодеяния. А потом, шагая по Чистопрудному бульвару, вдруг подумал: «А не через нее ли Старик-корень или Эраст Артурович обещались «закрыть» меня как журналиста?»… Мурашки пробежали у меня по спине. И я, чтобы унять дрожь, принялся читать Девяностый Псалом. Но, только дойдя до редакционного подъезда, почувствовал облегчение. Почти беззвучно прошептал: «Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Господи! Слава Тебе!»

Поднявшись в редакцию, увидел, что все сотрудники - на своих рабочих местах. Поймав на себе вопросительный взгляд Алексея Алексеевича, вздохнул: «Простите за опоздание.»

- Доброе утро! – кивнул главный. Улыбнулся. Сняв очки, показал ими в сторону моего рабочего стола: мол, работайте. Что я и сделал… Весь день, как оказалось, мне предстояло провести в рутине редактирования чужих материалов. А в памяти то и дело вспыхивали картины знакомства и встреч с Анжелой. Я, опустив голову и прикрыв глаза, не разжимая губ, одним языком читал Девяностый и Двадцать шестой Псалмы, которые помнил наизусть, Молитву Честному и Животворящему Кресту Господню. На какое-то время блудные воспоминания оставляли меня. Но скоро накатывались снова, охватывая все тело своим пламенем.

- Что с вами? Вам нездоровится? – вдруг услышал я голос Алексея Алексеевича.

- Да вроде бы нет… Все в порядке, - пожал я плечами.

- Может быть, отправитесь домой? Отлежитесь?

- Я итак отдыхал неделю. Куда уж больше?!

- Тогда соберитесь. Сейчас подъедут казаки с нотами и текстами песен. Я подумал раз в месяц публиковать полоску под рубрикой *Наши песни*. Вы и в стихах разбираетесь, и, помнится мне, музыкальную школу заканчивали… Вот и посмотрите качество. Обратите особое внимание на написание нот. Они должны быть выполнены очень четко, на листах ватмана, форматом А-4, черной тушью. Я казаков уведомил об этом нашем условии.

И действительно минут через десять в редакционную комнату вошли пятеро молодых людей в казачьей форме. Старший, с погонами хорунжего, поклонился на три стороны. Перекрестился на иконы. Поприветствовал: «Здорово ночевали, братия и сестры?»

- Слава Богу, - вставая и улыбаясь, ответил Алексей Алексеевич. И скоро по редакции, из динамика магнитофона, принесенного казаками, напевно разлилось:

- Ой, ты, Россея, матушка Россе-е-е-е-е-я,
Ой, да вот-ы ты, Россея, матушка наша земля, е-е-е-е-е,
Ой, да вот-ы ты, Россея, эх, матушка наша земля.

Эй, ты, Россейскавая наша земля, о-е-е-е-е-е,
Ой, да вот-ы много, много горя, нужды приняла, е-е-е-е-е,
Ой, да вот-ы много, много горя, нужды приняла.

Эй, много горя, нужды приняла, о-е-е-е-е-е-е,
Ой, да вот-ы много, много крови а ты проляла, е-е-е-е-е,
Ой, да вот-ы много, много, эх, крови а ты проляла.

Эй, много крови а ты проляла, о-е-е-е-ой, да,
Вот-ы много, много, ей, славы, славы про тебя, е-е-е-ой, да,
Вот-ы много, много славы, славы про тебя.

Много, много славы про тебя, о-е-е-е-е-е,
Ой, да вот-ы много, много господ, господ жалвала, е-е-е-е-е,
Ой, да вот-ы много, много господ, господ жалвала.

Эй, много господ ты яты жалвала, э-е-е-е-е,
Ой, да вот-ы себе сына, эй, сына а ты родила, а-е-е-е-е-е,
Ой, да вот-ы себе сына, сына-а ты родила.

Эй, себе сына её ты родила, а-е-е-е-е,
Ой, да вот-ы его Платовым, Платовым его назвала, а-е-е-е-е-е,
Ой, да вот-ы его Платовым, Платовым его назвала.

…Щелчок от выключателя магнитофона в наступившей на несколько секунд тишине прозвучал, словно выстрел. И тут раздался негромкий, мягкий женский голос: «Песня, -

словно река… Широкая, тихая, но скрывающая в своей тишине силу, способную горами двигать! Божию силу!..»

Все обернулись на голос. Это, оказывается, сказала наша машинистка, которая беззвучно, незаметно пришла из своей коморки и стояла теперь, опершись худеньким плечиком на косяк двери. И снова на несколько секунд наступила тишина. Но ее прервал хорунжий: «Река эта – Дон-батюшка… Кормилец наш! Но у нас есть еще и другие песни…»

- А кто исполняет? – спросил Юра.

- Мы! – повел рукой хорунжий вдоль выстроившихся по стеночке казаков. Весело хмыкнул: «У нас-то каждый казак, каждая казачка песни играть – ве-э-эликие мастера и мастерицы!»

Юра молча поднял большой палец правой руки вверх.

- А ноты? – спросил Алексей Алексеевич.

- Е-э-эсть! – достал из ученического портфеля несколько ватманских листов стандартного, - А-4, - формата. Как вы, Алексий Алексиевич и благословили, - кивнул хорунжий.

- Давайте. Эту песню мы опубликуем первой… Вот – наш сотрудник, с которым будете работать, - указал главный на меня. Потом обвел рукой собравшися: - И Татьяна, ответственная за народное творчество, поможет… Правда, она – на два дня отъехала в краткосрочную командировку. Но послезавтра вернется. Остальные песни выберем коллегиально перед публикацией. Оставьте, кассету редакции… Мы предварительно послушаем.

Когда же я, после часа совместного казаками просмотра нот, написал на ватманском листе «В печать» и расписался, Алексей Алексеевич сказал мне: «Вижу, вы пришли в себя. Тогда поезжайте-ка на собрание военно-исторического клуба… Оно начнется в девятнадцать

часов… Адрес и телефоны я записал для вас. Попросите у председателя подготовить самое большее через неделю тексты и ноты маршей лейб-гвардии Преображенского, Семеновского и Измайловского полков. Их мы опубликуем на одной полосе вместе с казачьей *Россией* в Рождественском номере.

И он протянул мне блокнотный листок бумаги с адресом, телефонами, фамилией, именем, отчеством председателя военно-исторического клуба. Я, скрывая радость, прикрыл глаза. Прошевелил языком: «Благодарю Тебя, Господи! Услышал Ты мою молитву! Слава Тебе!..»

Хорунжий же довольно хлопнул в ладоши: «То – любо! Аккурат к годовщине блаженной кончины его превосходительства графа, генерала от кавалерии, атамана Матвея Иоанновича Платова, которую мы будем отмечать пятнадцатого января. Мы тогда купим у вас газет пятьсот. И отправим их на Дон!»

- Если в вашем землячестве есть казак владеющий пером, пусть он напишет очерк об атамане Платове на пять страниц машинописного текста. Поставим в этот же номер. В Рождественский - предложил Алексей Алексеевич.

- Любо! – опять кивнул хорунжий. То – доброе, а главное – полезное дело: «Надо казаков на местах просвещать, просвещать и просвещать… А то ведь появились у нас раскольники… Что твои коммуняки… Ведь и на газетенки свои поганые где-то гроши достают! Казакам головы мутят. Послухайте, Алексей Алексеевич, что кропают эти шелкоперы…»

Хорунжий достал из портфеля потрепанную газету и громко продекламировал: - *«Сегодняшнее поколение донских казаков критически относится к атаманам Войска Донского, сотрудничавшими с русскими оккупационными властями в период с 1708 по 1917 годов. После оккупации Российской империей в 1708 году Всего Великого Войска*

Донского свободолюбивый народ Дона был превращён в военных рабов. А атаманы, которых назначал русский царь, так называемые наказные атаманы, были предателями своего народа, марионетками русского самодержавия. Одним из них был донской казак, «русский граф», атаман Матвей Платов. Русская, советская и российская историографии воздали должное этому человеку, столько сделавшему для дома Романовых. Донское же казачество двести с лишним лет гнуло спину на русское самодержавие, под руководством таких атаманов как Платов, даже и, не помышляя о свободе. Но международное историческое сообщество дало его деятельности свою оценку…».

- Тьфу, прости, Господи! – хорунжий, в сердцах скомкал. Засунул газету обратно в портфель: «Дальше читать, все равно, что в куче коровяка обваляться!.. По самые ноздри!»

- Ишь, ты! – крутанул головой Юра. Даже дунув в «Беорморину», выдул ее целиком на письменный стол: «Не за «красных», не за «белых», не за Царя! Прямо анархисты какие-то…»

- Хуже! Меж-ду-на-род-но-е сообщество! – хмыкнув, сверкнул золотым зубом Борис.

- Вот и я гутарю: треба, - ой, как треба! – разгорячился хорунжий. Даже покраснел: «Треба этим масонюгам отповедь в «Русском Вестнике» дать! Ведь, что творят, вши тифозные?! На Государей Императоров, псы шелудивые, прости, Господи, на Помазанников Божиих, тявкают! А значит, против Святой Церкви-Матушки! Против Господа Бога – Батюшки Небесного! Опять, как в семнадцатом годе, казачество разделяют! А потом что? Мы это уже проходили! Потом казачество в лице Сводного Царского конвоя предало святого Царя-мученика Николая Второго Александровича… За что и было, прости, Господи, «осчастливлено» свердловским Декретом о поголовном

истреблении казачества! Нам, современным казакам, женкам нашим, деткам, внукам за этих, да других иудушек, навроде Подтёлокова или Буденого, изменивших Присяге, не один десяток лет каяться и каяться! Епитимию нести!»

- Буденый-то не был казаком! – густым басом перебил хорунжего высокий, худой, но явно жилистый урядник: «Он хоть и родился на хуторе Козюрин, что у станицы Платовская, но сам-то – из иногородних! Ка-а-азак, прости Господи! Голь безпартошная!»

- Однако всех *Георгиев* был удостоин! – хмыкнул еще один казак.

- Тем подлее его иудство! – отрезал хорунжий. Он хотел еще что-то сказать, но Алексей Алексеевич перебил его: «Вы не могли бы оставить нам эту газету? Наш ксерокс сломался. Мы завтра в типографии копию снимем. В следующую нашу встречу оригинал вам вернем.»

- Алексий Алексиевич! За милую душу! Берите-берите! – развел руками хорунжий. И снова достал газету из портфеля. Отдал ее главному. Кивнул: «А статью про Матвея Иоанновича Платова мы напишем! Можете не сумлеваться! В понедельник пришлю вестового со статьей… Можно подумать, Буденый, а не Платов героические рейды в тыл французам в тысяча восемьсот двенадцатом году совершал… А этот Буденый стариков, казачек и детов малы расстреливал, поджигая станицы с четырех сторон…»

И тут вдруг молоденький, еще безусый казак с погонами рядового, покраснев, словно девушка, подал голос: «А можно мне написать заметку про моего предка, полковника Василия Михайловича Чернецова, подло, без суда и следствия, зарубленного Подтёлковым? У него как раз день рождения будет двадцать второго марта. Я, когда учился в школе, писал для стенгазеты.»

- Ну, что ж, - улыбнулся Алексей Алексеевич, - попробуйте…

…Прощаясь, казаки дружно резко опустили и подняли головы. Прищелкнули каблуками. Хорунжий, вскинув руку к козырьку фуражки, за всех отчеканил: «Честь имеем…»

После визита казаков я почувствовал себя просто прекрасно! И скоро выехал из редакции. А через час входил в Музей Вооруженных сил. Там, на третьем этаже, в комнате номер 314 и должен был заседать военно-исторический клуб…

**В вагоне было тихо. В его начале и в конце, мерно покачиваясь, тускло горели фонари. В их свете плавали клубы табачного дыма. Никто из нижних чинов не спал. Да и офицеры - тоже. Капитан Швецов и подпоручик Макаров ехали в других вагонах, в которых разместились остальные нижние чины девятой роты. Я с полковником Риманом уселись в купе при входе в наш вагон. В другом его конце подпоручик Альбертов 2-й, собрав вокруг себя десяток нижних чинов, при свете свечки читал вслух, как я сразу понял, главу из «Тараса Бульбы»: - «*...Разогнался на коне Андрий и чуть было уже не настигнул Голокопытенка, как вдруг чья-то сильная рука ухватила за повод его коня. Оглянулся Андрий: перед ним Тарас! Затрясся он всем телом и вдруг стал бледен, как школьник, неосторожно задравший своего товарища и получивший за то от него удар линейкою по лбу, вспыхивает, как огонь, бешеный вскакивает с лавки и гонится за испуганным товарищем своим, готовый разорвать его на части, и вдруг наталкивается на входящего в класс учителя: вмиг притихает бешеный порыв и упадает бессильная ярость. Подобно тому, в один миг пропал, как бы не бывал вовсе, гнев Андрия. И видел он перед собою одного только страшного отца.*

- Ну, что ж теперь мы будем делать? — сказал Тарас, смотря прямо ему в очи.

Но ничего не мог на то сказать Андрий и стоял, потупивши в землю очи.

- Что, сынку! помогли тебе твои ляхи?

Андрей был безответен.

- Так продать? продать веру? продать своих? Стой же, слезай с коня!

Покорно, как ребенок, слез он с коня и остановился ни жив ни мертв перед Тарасом.

- Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью! — сказал Тарас и, отступивши шаг назад, снял с плеча ружье.

Бледен как полотно был Андрий; видно было, как тихо шевелились уста его и как он произносил чье-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьев — это было имя прекрасной полячки. Тарас выстрелил.

Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почуявший под сердцем смертельное железо, повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубийца и глядел долго на бездыханный труп. Он был и мертвый прекрасен: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобедимого для жен очарованья, все еще выражало чудную красоту; черные брови, как траурный бархат, оттеняли его побледневшие черты.

- Чем бы не казак? — сказал Тарас, — и станом высокий, и чернобровый, и лицо как у дворянина, и рука была крепка в бою! Пропал! пропал бесславно, как подлая собака!

- Батько, что ты сделал? это ты убил его? — сказал подъехавший в это время Остап.

Тарас кивнул головою...».

- Их, ты, – послышался голос кого-то из нижних чинов, - родного сына застрелил! Кровиночку свою!..

- А што?! – отвечал ему другой. В полумраке говоривших нельзя было различить. А хотелось бы: «Этот

Андрейка Отчество предал! Батьку, брата кровного предал!»

- А твой бы сын из пулемета по нам¸ по тебе бы палить начал? Ты бы что с ним соделал? Анедрейка-то как своих рубал! Сво-а-а-аих! Из-за бабы! Тьфу!

- Иуда!..

- Точно! Срам-то какой!..

- За срам и предал!..

- Так только кобели за сучкой бегают!..

- Ага! И про службу забыть готовы!.. Даже про миску, в которой кости, а то и добрый кус мяса лежит…

- Таких кобелей у нас на селе сразу пристреливают…

- На цепи таких держать надо! Тогда и не сбегут. Не человеки же! Скот!.. Для них Отечество там, где пожрать дадут…

- Агитаторы мятежникам тоже златые горы обещают… А те и уши развесили. Хуже твоих кобелей…

- Не ска-а-ажи! У моего тятеньки был кобель, Брехуном прозванный… Хотя и брехать-то он, по обыкновению, не любил… Лису, а то и волка втихаря брал!.. Ростом-то Брехун едва до годовалого теленка не доставал… Меня самого один раз, когда я на уток еще мальцом пошел, из болота выудил…

- Ты на охоту-то разговор не переводи!.. Не о том толкуем!..

- А я и не перевожу… Так вот, без соизволения тятеньки Брехун и шага со двора не делал. Ну-у-у, погулять-то надо! Вот и крикнет, бывало, тятенька, мол, беги, Брехун, погуляй. Так тот, пока дойдет до плетня, разов десяток оглянется: а ну, как хозяин передумает… А ну, как послужить в чем надобно…

- Може, порченный был Брехун твой?..

- Сам ты порченный! Прости, Господи!.. Приплод Брехунов по кажному соседскому двору бегал! Конечно, там,

где сучек держали. В соседние села и деревни кутят от нашего Брехуна отдавали! Топить-то их грех! Твари Божии, как-никак. Так что, братцы, что у собак, что у людей, всякие встречаются… Грешно из-за андреек, про которого только что читывали, кобелей собачить! Людишки-то иной раз – хуже их будут! Тот же Андрейка…

- Вот-вот! Как тот Андрейка… Из книжки… Гнилой человечишка! Образом – Божий, а подобием – хуже кобеля шелудивого да похотливого….

- И-и-иуда!.. – слышались голоса нижних чинов. Я, взглянув на полковника Римана, сидевшего напротив меня, увидел, что тот внимательно вслушивается в разговор. И… одобрительно улыбается.

- Как говаривал еще наш батюшка, отец Николай, пестовавший меня в сельской церковно-приходской школе, - раздался еще один голос кого-то из нижних чинов, - в бурном море житейском есть у нас эдакий тройной, что ли, маяк. И прозывается он *Вера, Царь и Отечество*! Как Бог во Святей Троице, он – триедин! А посему, коли баба, али еще кто иной мешает твоей Вере, Христовой Православной, брось бабу! Коли Отчество – без Царя и Веры, то и не Отчество это вовсе! А мерзость запустения!..

- Так что ж? Тоже бросать? Отечество-то? - ответствовал вопросами ему другой.

- А ежели Царь против Веры? Как с Присягой-то быть? – включился в разговор еще один. Вкрадчивый: «А потом, наш полковой батюшка давеча толковал, что и святые Великомученики Георгий Победоносец, Димитрий Солунский, Сорок мучеников Севастийских, иные, даже будучи навроде наших господ генералов и других воинских начальников служили языческим царям. С честью служили! Врагов били за милую душу! Так, что перья летели! А цари, коим святые служили, стало быть, языческие идолопоклонники христиан при сем лю-у-у-уто мучили,

казнили! Однако не бросали святые ни царя, ни Отечества! Ну, бабу бросить ради Веры, Царя и Отечества, - понятно! Я бы и сына-иуду тоже собственными руками порешил бы… Но про Царя и Отчество что-то не то ты буробишь! Тут как-то мудренее всё… Даже не знаю!

Я заметил, как полковник Риман неслышно стукнул в сердцах кулаком себе по колену. Но смолчал.

- Та-а-а-ак, братцы! – раздался строгий голос подпоручика Альбертова 2-го, - Давайте разбираться! Вера – есть Вера! Предать ее – значит, придать себя, и всех своих потомков, - детей, внуков, правнуков и еще дальше в будущем, - проклятию! Как Иуда, предавший Христа. Как иудеи, кричавшие «Распни, распни Его! Кровь Его – на нас и на наших детях»! Разумеете ли? Са-а-ами прокляли себя, внуков, правнуков, и дальше – до Второго Пришествия Спасителя! До Страшного Суда! Согласны?

Негромкий одобрительный гул собравшихся вокруг него был ответом. Подпоручик продолжил: «А вот, скажите-ка мне: что вы слышите в слове *Отечество*? А? О-о-отец! Так? Так! Неужели же вы не будете считать отца отцом, бросите его, если он вдруг тяжко занедужит, если он лишится рассудка, - все равно, что Отчество, не дай Бог, конечно, лишится Царя, Помазанника Божиего? Благословленного на Царство наше Отцом Небесным! Опять же, повторюсь, Отцом всего сущего!.. Бросите ли кровного отца, опять же данного Богом?

- Ни-и-икак! – в один голос ответили несколько нижних чинов.

- Но и дабы сего не случилось, вы, как верные, любящие чада, все силы и средства отдадите за исцеление отца… А в нашем случае, - Отечества! То есть защитите Царя, Государя Императора от всякой заразы! А вспомните, как призывал Козьма Минин соотечественников, чтобы собрать деньги на вооружение ополчения? А? Призывал он

продать не только все имущество свое, но и жен, и детей! А вы бы так сделали?

- Так точно, ваш бродь…

- Что ж, мы – нехристи, что ли…

- Мы присягали!

- Да-а-а! А Присяга – то же, что и Символ Веры при Святом Крещении.., - раздались голоса нижних чинов.

- Ну, вот, мы и потолковали по душам! А теперь, братцы, отдыхайте! Завтра ночью будем в Москве. А там нам предстоит нелегкая служба, дабы защитить Отчество от заразы безумия! Помните о полковнике Тарасе Бульбе! Или кто-то хочет о чем-нибудь еще спросить? – уже совсем мягко проговорил подпоручик. Но вопросов, как видно, не было. Николай Карлович крутанул головой. Тихо сказал: «Молодец Альбертов! Правильно готовит нижних чинов к делу. Пожалуй, напишу рапорт на его поощрение…»

Скоро по вагону раздался крепкий, заливистый солдатский храп. Не снимая сапог, улеглись на свои полки и мы с полковником. Правда, сон мой оказался всего лишь прозрачной дремотой… Что называется, в один глаз… Ночь закончилась без приключений. Нижним чинам дали поспать до полудня. Потом они, умывшись, со своими котелками потянулись в последний вагон эшелона, где по приказу командира полка была оборудована полевая кухня. Помощник дежурного по вагону принес завтрак и нам с полковником Риманом и подпоручиком Альбертовым. После хорошо протушенной картошки с мясом и крепкого чая сонливость как рукой сняло. Послышались солдатские шутки, смех… Кто-то рассказывал байки… Табачный дымок снова принялся стелиться под потолком. За окнами вагона показались избы, каменные строения, амбары, сараи, склады, занесенные снегом по самые окна. Проплыла деревянная церквушка… Будто нарисованная на Рождественской почтовой карточке…

Но вдруг поезд остановился. А откуда-то из глубины населенного пункта послышались одиночные выстрелы.

- Бологое! – объявил седой, всю дорогу до этого молчавший проводник с какой-то, - я не разглядел, - медалью на груди.

- Взвод! В ружье! – послышалась команда подпоручика Альбертова. Я взглянул на полковника Римана. Тот, прикрыв глаза, кивнул: мол, все правильно. И, поднявшись, без шинели, направился к выходу из вагона. Я – за ним. Но в тамбуре мы столкнулись с каким-то капитаном, запрыгнувшим к нам вагон. Тот козырнул. На что Николай Карлович протянул ему предписание. Капитан опять козырнул. Представился: «Капитан Овечкин…»

- Что у вас здесь за стрельба? – строго спросил Риман. Капитан развел руками: «Я дал команду пропустить ваши составы без проволочек. Два ваших эшелона успели проскочить: первый – два, второй – полтора часа назад. Даже караул на платформе выставил. Но тут деповские бузу учинили. Виноват… Там эсеры воду мутят… Деповское начальство в шею выгнали. Хорошо еще не поубивали. Господин полицмейстер послал туда наряд жандармов. Но мятежники открыли по ним стрельбу. Двоих убили, - Царствие им Небесное! - пятерых ранили… Виноват! Но пришлось мне мой караул, - взвод, - в депо отправлять…

- А почему сами здесь?

- Виноват. Мне приказано ваш поезд встретить и проводить. Я-то – военный комендант станции. А нижних чинов на мятежников повел командир взвода подпоручик Черноусов.

- Почему тогда стоим?

- Виноват. Эти мерзавцы пытались разобрать пути… Но успели только гайки отвернуть… Рельсы, костыли - на месте. Через десять минут дам отправление вашему эшелону.

- Может быть, помощь нужна, дабы умирить мятежников?

- Сами справимся. Их там - душ пятнадцать всего засело. Остальные бузотеры разбежались. Оставшиеся вооружены револьверами... Пока отстреливаются, мерзавцы! Но туда уже должен прибыть господин обер-полицмейстер. Я за ним вестового послал…

- У вас же есть гранаты! Пулемет, наконец! Почему не применили?

- Так точно… Есть и гранаты и пулеметы… И орудия. Но… Виноват… Как-то.., господин полковник… Право же… Неловко… Без решения господина прокурора… Чтобы по закону… К тому же… Мятежники-то - вроде, как свои, русские… Крещеные!

- Неловко?! Русские?! По закону?! Крещеные?! – даже скрипнул зубами Николай Карлович. Нервно крутанул головой: «А им по какому закону ловко было убить двоих жандармов? Ранить пятерых? Или они – нерусские?! Или нерусских детей осиротили, жен овдовили?! Или они у прокурора на свое злодейство разрешение ждали и спрашивали? Разблагодушествовались, как гимназистка, вы, господин капитан! Осталось слезу пустить по врагам Веры, Царя и Отчества! Посему приказываю! Заметьте! При свидетелях приказываю! Немедленно применить против мятежников гранаты и пулемет. А тех, кого плените с оружием в руках, отправляйте в холодную, в кандалах! Заодно, посмотрите, ка-а-акие русские стоят во главе мятежников!

- Виноват… Но на кого я сошлюсь, когда вышестоящее начальство, господин прокурор спросят? На чей приказ?

- На мой приказ! Я - полковник лейб-гвардии Семеновского полка Риман Николай Карлович. Или, может быть, вы желаете, чтобы я по возвращении в Санкт-

Петербург доложил о вашем попустительстве в Генеральном штабе?.. Так-то вот! Исполняйте!

- Слушаюсь! – козырнул побледневший капитан. И, соскочив с подножки, пустился бегом вдоль нашего состава. Минут через десять поезд, действительно, тронулся. Но весь оставшийся путь в нашем вагоне царила напряженная тишина. А подъезжая к ночному Николаевскому вокзалу, за окнами в свете разведенных костров я заметил довольно большое число нижних чинов, офицеров, жандармов, казаков. Орудия… На крышах железнодорожных строений – силуэты пулеметов, их расчетов. Стволы же были направлены от железнодорожных путей в сторону города. Поезд замедлил ход и теперь едва тащился. Наши нижние чины, что называется, прилипли к окнам вагона. Послышались тихие, даже, пожалуй, скорбные голоса: «Да, братцы, видать нешуточное дело нам с вами предстоит… Видать крамольники в конец распоясались.»

- Уж ежели гарнизон Первопрестольной не справляется, тут – не до баловства!..

- Гляньте-ка! Казаки ведут кого-то…

- Душ пять…

- Связанными ве-э-эдут…

- По виду – фабричные…

- В депо завели…

- Слухайте! Слухайте! Никак орудия грохочут…

- Точно…

- И пулеметная стрекотня пошла…

Действительно, даже сквозь вагонные стены и окна были слышны отдаленные залпы орудий, частые одиночные выстрелы и короткие пулеметные очереди.

- И-и-и! Де-э-эла! Точно в Порт-Артуре.., - продолжали толковать промеж собой «семеновцы».

- Но здесь-то, поди, - не япошки…

- Господин капитан давеча сказывал, что немецкие шпиёны понаехали! Вот, воду и мутят…

- Какие немецкие шпиёны?! Жи-ы-ы-ыды!..

- А что ж наши-то, фабричные, к им в услужение пошли?..

- Заколдовали болезных… Да так, что они про «нашенство» позабыли!

- Жиды тоже разные бывают! Во-о-он, у нас в пятой роте господин поручик – из них! Тут и к бабке ходить не надо. Я и женку его видел, и маменьку… А служит он построже, поприлежней иных русских! И нашего брата жалует. И посты соблюдает. И причащается Святых Таин. И свинину ест…

- То-о-очно! И ни одной службы церковной не пропускает…

- И молится завсегда со слезами на глазах. Я сам видел!..

- Энто – та-а-ак! Господин капитан сказывал, что есть жиды, а есть евреи. Последние-то, вроде как даже крещеные! Ну-у-у, как наш поручик из пятой роты…

- Да-а-а, братцы! В Порт-Артуре по япошкам стрелять пришлось. А тут… Что ж, по своим, по русским, по крещеным палить?

- А ты вспомни! Андрейка–то, про которого господин подпоручик вчерась читывал нам, тоже крещеным был. Сы-ы-ынком полковничьим! А как своих-то рубил, иуда!.. Вспомни-вспомни! Особливо когда крамольники, называвшиеся русскими, по тебе из «максима» строчить зачнут!

Поезд остановился. Я опять взглянул в окно и увидел, что стоит он на запасном пути. А рядом – другие эшелоны, на которых прибыли две тысячи «семеновцев». И тут же в вагон вбежал адъютант полковника Мина. Козырнул Риману, мне и подпоручику Альбертову. Весело доложил:

«Его превосходительство, господин командир полка просит всех только что прибывших господ офицеров немедля явиться в штабной вагон…»

Николай Карлович кивнул и тут же приказал подпоручику отправить вестовых за остальными офицерами, а за старших в вагонах оставить подпрапорщиков и фельдфебелей. На воздухе винтовочная, пулеметная и оружейная пальба стала слышна отчетливей. Я даже на слух определил, что ведется она на расстоянии не более одной-двух верст от нашего месторасположения.

…В вагоне командира полка, что называется, яблоку негде было упасть. В небольшой зальце, переоборудованной из пяти-шести купе, собрались все наши офицеры. Рядом с Георгием Александровичем стояли незнакомые адмирал, несколько генералов и старших офицеров, жандармские начальники, статские. На большом овальном столе пестрела большая карта Москвы.

Мин, дождавшись тишины, Представил нам контр-адмирала. И тихо проговорил: «Господа! Сейчас его превосходительство, градоначальник Москвы, контр-адмирал Феодор Васильевич Дубасов обрисует оперативную обстановку в городе и окрестностях. Потом определим наши задачи. Скажу сразу: дело нам предстоит нелегкое. Посему прошу всех внимательно выслушать, дабы потом не переспрашивать. Не тратить попусту время.»

Дубасов кашлянул. Оглядел собравшихся. И, водя указкой по карте, заговорил: «Проведу, господа, некоторый исторический экскурс. В октябре-ноябре прошли ставшие уже привычными митинги, забастовки и демонстрации. Поначалу выдвигались только экономические требования. Посему бывший градоначальник Первопрестольной не уделил безпорядкам особого внимания. Однако в ночь на восьмое декабря произошла первая перестрелка мятежников с городовыми. В три часа ночи первые

разграбили оружейный магазин Биткова на Большой Лубянке. Днём на Тверской тремя револьверными выстрелами убит фруктовщик Кузьмин, не пожелавший подчиниться требованиям мятежников. В ресторане «Волна», что в Каретном ряду, зарезан швейцар, не пожелавший впустить пьяных погромщиков их фабричных и студентов. Вечером того же дня в саду «Аквариум» полиция попыталась разогнать многотысячный митинг, разоружив присутствовавших на нём дружинников. Однако действовала она очень нерешительно, и большинство бандитов сумели скрыться, перемахнув через невысокий забор. Несколько десятков арестованных на следующий день были отпущены.»

Феодор Васильевич укоризненно взглянул на жандармского начальника. Тот развел руками и опустил голову. Дубасов продолжал: «Сие попустительство более чем вредно! Потому как через отпущенных жандармами по столице поползли лживые слухи, якобы, о массовом расстреле митинговавших. И они явились поводом для нескольких эсеровских боевиков совершить первый серьезный террористический акт: в окна охранного отделения, в Гнездниковском переулке, были брошены две бомбы. Жертвы: один убит, несколько ранены. Двое из последних уже в госпитале все-таки отдали души Богу… Царствие им Небесное… В городе уже воцарилась почти полная анархия, искусно спровоцированная антигосударственными силами и бездействием прежнего генерал-губернатора. Говорю не в осуждение, а дабы объективно обрисовать создавшуюся далеко не радужную обстановку в Москве и окрестностях. Итак, после упомянутых событий, начались бесконечные грабежи, происходили каждодневные убийства ни в чем не повинных людей. Женщин! Детей! Из-за непрекращающихся

беспорядков произошли перебои с продовольствием, электроэнергией.»

- Женщин! Детей!.. Сограждан… Без суда и следствия! Чистейшая уголовщина! – услышал я шепот полковника Римана.

Феодор Васильевич, между тем, рассказывал: «Вечером девятого декабря в училище Фидлера собралось около двух сотен террористов-эсеров, большевиков, гимназистов, студентов, учащейся молодежи. Обсуждался план захвата Николаевского вокзала с целью перерезать сообщение Москвы с Петербургом. После собрания дружинники хотели пойти разоружать полицию. К девятом часу по полудни, по моему приказу, это осиное гнездо было окружено войсками…»

Дубасов обернулся к казачьему есаулу: «Сергий Викентьевич лично руководил захватом. Прошу его, как очевидца, рассказать о сем деле.»

Есаул вытянулся. Одернул мундир. Вздохнул. Но тут же заговорил, как на докладе у начальства: «После того, как дом был окружен, мы предъявили засевшим ультиматум о сдаче. Мятежники отказались. Тогда по моей команде были произведёны несколько предупредительных артиллерийских залпов. С собой мы прихватили одно орудие… После артиллерийских выстрелов мы заняли вестибюль. Вверх шла широкая лестница. Бандиты расположились в третьем и четвертом этажах. Из опрокинутых и наваленных одна на другую школьных парт и скамей внизу лестницы была сооружена баррикада. Я еще раз предложил забаррикадировавшимся сдаться. На что мятежники дружно отвечали, что, мол, будем бороться до последней капли крови! Мол, лучше умереть всем вместе! Особенно яростно бесновались кавказские боевики. Тогда я предложил уйти всем женщинам. Две сестры милосердия хотели было уйти, но дружинники им пригрозили: мол, все

равно их на улице растерзают! Корнет Соколовский, командовавший подразделением улан, простите, совсем по-мальчишески умолял уйти двух юных, - совсем отроковиц! - гимназисток. Но те в ответ только посмеялись: «Нет, нам и здесь хорошо»… Тут ко мне подошел жандармский ротмистр и передал приказ, полученный по телефону: «Начать штурм»! В это время подвезли еще несколько орудий и наставили их на дом. А на верхних этажах слышался смех. Главари убеждали рядовых мятежников, что мы не решимся действовать, что повторится то же самое, бывшее накануне в «Аквариуме», что в конце концов всех отпустят. Мы дали еще час на размышление, пообещав, по истечении ультиматума, открыть огонь… Виноват… Оттянул я штурм… Но, право же, так не хотелось кровопролития! Жалко было обманутых… Когда же время истекло, по мятежникам был дан холостой залп из орудий. Было видно и слышно, как на четвёртом этаже поднялась страшная суматоха. Потом мы узнали, что две сестры милосердия упали в обморок, некоторым санитарам сделалось дурно — их отпаивали водой. После боевого залпа окна на этаже со звоном вылетели. Мятежники принялись стрелять, как попало. С четвёртого этажа бросили пять бомб — из них разорвались только три. Одной из них был убит жандармский офицер. Царствие ему Небесное! Мы прекратили стрельбу и снова предложили сдаться. Но опять получили отказ. К нам вышел сам Фидлер и принялся уговаривать солдат не стрелять… Но его самого тут же ранили в ногу. Кто? Не могу знать… Не видел… Но вернее всего – мятежники. Они что-то кричали из окон о его предательстве… Во всяком случае, так доложили мне те нижние чины, к которым он подошел. Я приказал арестовать его и увезти. И открыть огонь из орудий и пулемётов. Мы продолжали обстрел до часу ночи. Наконец, мятежники все-таки сдались. К этому моменту в доме

оставалось более полутора сотен человек. Около тридцати мятежников, - главным образом рабочие-железнодорожники, солдат-дизертир, смогли сбежать через забор… Около сотни вышли из дома и тут же были арестованы. Потом на четвертом этаже мы нашли тринадцать бомб, восемнадцать винтовок и пятнадцать браунингов. Почти все оружие оказалось иностранным. Среди мятежников трое были убиты, пятнадцать ранены…»

- Всего-то?! – хмыкнул кто-то из наших.

- Это ж, как из пушки – по воробьям! – поддержал его еще один. Офицеры в недоумении крутили головами: «Плохо стреляли…

- Пожалели убийц!..

- Они бы вас не стали бы жалеть…

Есаул сделал вид, что не услышал. И продолжал: «После падения дома Фидлера по Москве поползли слухи, подхваченные некоторыми либеральными газетенками, что, мол, около двадцати сдавшихся мятежников по приказу корнета Соколовского были зарублены уланами. Но это, хочу заявить со всей ответственностью, – гнусная ложь! Изощренная ложь! Перестановка факта, что называется, с ног на голову! Корнет Соколовский действительно приказал зарубить двадцать мятежников! Но только после их попытки напасть на нижних чинов, назначенных в конвой арестованных, захватить их оружие и бежать! Так что, ваше превосходительство, считаю, что корнет Соколовский проявил расторопность, находчивость. Вовремя дал команду. Первым выхватил саблю. Спас подчиненных. И вполне достоин поощрения. А возможно и повышения в чине».

Есаул резко опустил и вскинул голову. Прищелкнул каблуками: «Ваше превосходительство! Господа! У меня - всё.»

- Благодарю за доклад, - кивнул Дубасов. И снова сам обратился к нам: «Против девяносто девяти мятежников из дома Фидлера возбуждены уголовные дела. Сам Фидлер арестован и находится в Бутырской тюрьме… Но к следствию подключились очень сильные, влиятельные адвокаты… Упомянутые газеты закрыты… Я позволю себе продолжить свой экскурс. До вашего приезда, начиная с десятого декабря, возведение баррикад развернулось по всей Москве. Топография оных такова: через Тверскую улицу протянуты проволочные заграждения. Из-за баррикад всякое движение прекращено от Трубной площади до Арбата. В частности, это - Страстная площадь, Бронные улицы, Большой Козихинский переулок… По Садовой — от Сухаревского бульвара и Садово-Кудринской улицы до Смоленской площади. По линии Бутырской, Долгоруковской и Лесной улиц. На Дорогомиловской заставе. А также - на пересекающих их улицах и переулках. Отдельные баррикады возведены и в других районах города, например в Замоскворечье, Хамовниках, Лефортове. А те, которые войскам удалось разрушить, сейчас восстановлены. Мятежники, вооружённые, как правило, иностранным, - заметьте, господа! - оружием, нападают на солдат, полицейских и офицеров. Имеют место факты мародёрства, ограбления складов и убийства обывателей. Мятежники нередко выгоняли горожан на улицу и заставляли строить баррикады. А ведь вооружённых мятежников не более полутора тысяч. Но они применяют тактику партизанской войны! А именно, не стараются удержать свои позиции, стремительно и порой хаотично перемещаются с одной окраины на другую. Действуют небольшими подвижными группами, сами называя оные «летучими дружинами».

- Но ведь таких расстреливать надо. На месте! Без суда и следствия! – теперь не выдержал даже полковник Мин.

- Увы! – вздохнул Дубасов. Перекрестился: «Пока что это делают они… Два часа назад мне доложили, что сегодня ночью такой «летучей дружиной», возглавляемой так называемым эсером-максималистом Владимиром Мазуриным, злодейски, на глазах у жены и детей застрелен тридцатисемилетний помощник начальника сыскной полиции Войлошников. Царствие ему Небесное! А ведь он по роду службы не имел никакого касательства к политическим делам! Знаем мы и других главарей этих нетопырьих шаек! Извольте записать! Сергей Коненков, художник, скульптор. В конце прошлого столетия на казенный кошт учился в Италии, Франции, Германии… Теперь гадит в руку, вскормившую его. Другой – Клычков. Тоже Сергей. Из старообрядцев. Но - попроще… Правда стишки, - весьма дрянные! - кропает… И оба души христианские губят! Поневоле вспомнишь слова Александра Сергеевича Пушкина про несовместимость гения и злодейства! Это я – по поводу их творчества… Как поступать с ними при задержании, решайте сами. Но скажу: по сводкам после нападений ихних «летучих дружин» на отдельные воинские посты и городовых в этом месяце уже убито шестьдесят только московских полицейских. Про офицеров, солдат и обывателей я уж и не говорю!.. Но вернемся к дому Фидлера, господа. После допросов арестованных в нем, выяснилось, что мятежники планировали, повторюсь, захватить Николаевский вокзал, дабы перекрыть сообщение с Питером. И плацдарм уже был подготовлен: бои шли у Красных ворот и на Каланчевской площади. А затем - завладеть зданием думы, государственным банком и объявить о создании так называемого временного правительства.

- Похоже, здесь не обошлось без профессиональных военных, юристов, - задумчиво произнес полковник Мин.

- Так точно, Георгий Александрович, - кивнул Дубасов. И уточнил: «Говорю сие, чтобы вы знали, что имеете дело не с аморфной массой полуграмотных пьяных фабричных, а с профессиональным, достойным противником, подготовленным явно за рубежом.»

- Значит, и действовать будем как на войне, - пожал плечами командир «семеновцев».

- Вы меня правильно поняли. Но я позволю разобрать последующие события, - и Дубасов, принялся рводить указкой по карте. Объяснял: «Десятого дня так называемый Исполнительный комитет совета рабочих депутатов в своих листовках назначил вооружённый мятеж на шесть часов вечера. Даже всем извозчикам было велено убраться с улиц к этому сроку. Слава Богу, мы опередили. И верные части уже к половине четвертого по полудни сбили баррикады у Старых Триумфальных ворот, прошли сквозь всю Тверскую, очистили близлежащие улицы, а затем из орудий обстреляли Садовую, куда бежали мятежники. Паника среди главарей бунта выразилась хотя бы тем, что так называемый Исполнительный комитет совета рабочих депутатов запретил булочным печь белый хлеб, так как пролетариату, мол, нужен только чёрный хлеб…»

- А как же дети? Непраздные и кормящие матери? – спросил кто-то из наших офицеров.

В ответ все присутствующие в вагоне только горько усмехнулись. А Дубасов, вздохнув, продолжил: «В результате принятых нами мер, взбунтовавшиеся районы города оказались разобщёнными, и управление мятежом перешло в руки районных Советов и уполномоченных Московского комитета социал-демократов или, - как они сами себя называют, - большевиков. В руках восставших мятежников остались: район Бронных улиц, который по сию пору обороняют студенческие дружины, Грузины, Пресня, Миусы, Симоново. У этих мерзавцев возникла

необходимость срочно менять тактику уличных боёв. Поэтому одиннадцатого ноября в пятом номере своих так называемых «известий», главари мятежа опубликовали «Советы восставшим рабочим». Вы только послушайте, господа!

Дубасов принял из рук адъютанта листок бумаги и прочитал: - *«Советы восставшим рабочим… Основное правило — не действуйте толпой. Действуйте небольшими отрядами человека в три-четыре. Пусть лишь этих отрядов будет, может быть, больше, и пусть каждый из них выучиться скоро нападать и скоро исчезать.*

…не занимайте укреплённых мест. Войско их постоянно сможет взять либо просто повредить артиллерией. Пусть нашими крепостями будут проходные дворы из которых просто стрелять и просто уйти»...

«Толково! – подумал я, - Значит, у мятежников на самом деле есть военные советники! Значит кто-то из офицеров, дававших в свое время Присягу, изменил ей… Ах, подлецы»!

Между тем, Дубасов продолжал: «Эта тактика первоначально имела некоторый успех, но отсутствие централизованного управления и единого плана, их малый, в большинстве своем, профессионализм и военно-техническое преимущество наших войск, верных Престолу, заставили мятежников обороняться. Тем не менее, еще два дня назад большая часть города, все вокзалы, кроме Николаевского, были в руках бандитов. Наши войска удерживали лишь центр города. Наиболее упорные бои велись в Замоскворечье. Стойко, - и надо отдать этому должное, - дрались бывшие рабочие типографии Сытина и фабрики Цинделя, в Бутырском районе - Миусского трамвайного парка и фабрики Гобая. В Рогожско-Симонове мятежники даже объявили себя, прости, Господи, «Симоновской республикой». На заводах «Динамо»,

трубопрокатном Гана и остальных близлежащих набралось около тысячи мятежников. Они сколотились в так называемые дружины. Там и на Пресне возведены новые баррикады. Дабы не растекаться мыслию по древу, зачитаю сообщение одной из вчерашних газет: *«МОСКВА, 12 декабря. Сегодня партизанская война продолжается, но уже с меньшей энергией со стороны революционеров. Утомились ли они, выдохся ли революционный подъем или это новый тактический маневр — сказать трудно, но сегодня стрельбы много меньше.*

С утра открылись некоторые лавки и магазины, и торговали хлебом, мясом и другой провизией, но после полудня все закрылось, и улицы опять приняли вымерший вид с заколоченными наглухо магазинами и выбитыми от сотрясения вследствие артиллерийской канонады стелами в окнах. Движение по улицам очень слабое.

Сегодня стала работать добровольная милиция, организованная генерал-губернатором при содействии «союза русских людей». Милиция действует под руководством полицейских; она приступила сегодня к разборке баррикад и к исполнению других полицейских функций в трёх полицейских участках. Постепенно эта милиция будет введена и в других участках на всем протяжении города. Революционеры назвали эту милицию черносотенною.

Сегодня на рассвете сгорела типография Сытина на Валовой улице. Типография эта представляет огромное роскошное по архитектуре здание, выходившее на три улицы. Со своими машинами она оценивалась в миллион рублей. В типографии забаррикадировались до 600 дружинников, преимущественно рабочих печатного дела, вооружённых револьверами, бомбами и особого рода скорострелами, называемыми ими пулеметами. Чтобы взять вооружённых дружинников, типографию окружили

всеми тремя родами оружия. Из типографии стали отстреливаться и бросили три бомбы.

Артиллерия обстреливала здание и гранатами. Дружинники, видя свое положение безвыходным, зажгли здание, чтобы воспользовавшись суматохой пожара, уйти. Им это удалось. Они почти все спаслись через соседний Монетчиковский переулок, но здание всё выгорело, остались только стены. В огне погибло много людей, семьи и дети рабочих, живших в здании, а также посторонних лиц, живших в этом районе. Понесли потери убитыми и ранеными войска, осаждавшие типографию. В течение дня артиллерии пришлось обстреливать целый ряд частных домов, из которых бросали бомбы или стреляли в войска. Во всех этих домах образовались значительные бреши.

Защитники баррикад держались прежней тактики: давали залп, рассыпались, стреляли из домов и из засад, и переходили в другое место.»… **Вот-с, господа, я ввел вас в курс дел. Надеюсь, дальнейшие действия будут совместными. К Москве подтягиваются дополнительные воинские части. Наша первоочередная задача – освободить Казанский вокзал, затем продвинуться к Пресне, фабрикам Прохорова и Шмита. К слову, последний, - только представьте себе фабриканта! – сам руководит мятежниками! Эти объекты мы должны очистить от революционной заразы. На отдых у нас остается еще три часа. Есть ли вопросы?**

- Так точно! – отозвался полковник Мин. Опять тихо, но спокойно проговорил: «У меня – две тысячи офицеров и нижних чинов. А полковой священник – всего один. Без напутственного молебна, полагаю, никак нельзя начинать дело…»

- Я вас понял, - кивнул Дубасов. И что-то тихо сказал адъютанту. А нам пояснил: «В здании Николаевского вокзала сейчас спасаются от мятежников несколько семей

священников, церкви которых захвачены бандитами. Они, я полагаю, не откажутся провести молебны напутственный и о победе Русского оружия для вашего полка. Я сейчас же пошлю за ними. К слову, у одного батюшки мятежники застрелили матушку, у другого – брата, инженера-железнодорожника, когда тот пытался урезонить знакомых рабочих… Царствие Небесное невинно убиенным… Есть ли у кого еще вопросы?

- Разрешите, ваше превосходительство? – выступил вперед полковник Риман. Резка склонил и выпрямил голову. Прищелкнул каблуками: «Мне с несколькими ротами поручено навести порядок на Казанском направлении. В частности, на железной дороге. Можно ли узнать расстановку сил, дислокацию и вообще положение дел там?»

- Николай Карлович! – подал голос Георгий Александрович. Отдыхать-то осталось всего ничего: «Я предлагаю отпустить офицеров, роты которых не входят в ваш отряд.»

Риман согласно пожал плечами. Мин скомандовал: «Господа! Прошу вернуться к своим подчиненным и подготовиться к выходу на боевые позиции. А мы с его превосходительством контр-адмиралом Феодором Васильевичем пока определим задачу отряду полковника Римана и обсудим план освобождения Казанского вокзала.»

Когда же в штабном вагоне остались только офицеры, подчиненные полковнику Риману, Дубасов повел речь: «Заводы, фабрики, поселки вдоль Казанской железной дороги, вплоть до Голутвина – наше больное место. Там – очень сильная организация мятежников. Созданный стачечный комитет состоит, в основном, из большевиков. По его распоряжению захвачен железнодорожный телеграф. И по линии передано требование рабочим всех заводов, фабрик, транспортных предприятий немедленно

повсеместно прекратить работу и присоединиться к политической стачке, дабы потом поднять вооруженное восстание… Что, впрочем, уже и сделано! На линии создана так называемая дружина, состоящая из двух сотен рабочих Петровских железнодорожных мастерских, Люберецкого завода, станций и предприятий вплоть до Коломны. Верховодят там, - запишите фамилии! – Шестаков, Котляренко, Татарский, Акулин. Особенно, с позволения сказать, усердствует некий машинист Ухтомский. Именно он руководит разоружением войск, возвращающихся с Русско-японской войны… Устраивает среди нижних чинов митинги. Призывает к дезертирству и участию в мятеже. Под его главенством даже создан поезд, на котором мятежники катаются вплоть до Голутвина. Разоружены целые подразделения полиции. Перерезаны провода правительственного телеграфа. Сейчас вся власть на всех ближайших к Москве станциях Московско-Казанской железной дороги оказалась в руках мятежников Они, очевидно, награбили столько оружия, что даже переправляют его сюда, в Москву! Каждое утро Ухтомский лично на поезде привозит подельников на баррикады, а ночью увозит на отдых в Перово или Фаустово.

- Ваше превосходительство! Неужели фронтовики, нижние чины за здорово живешь отдают налетчикам личное оружие? А что же офицеры? - удивился Николай Карлович.

- Вот и поезжайте. Сами увидите! Потом доложите рапортом. До меня дошли слухи, что железнодорожные пути усеяны трупами тех, кто воспротивился Ухтомскому и его подельникам… Их расстреливали прямо на ходу поездов и тут же сбрасывали… В том числе и офицеров… Не жалели даже – сестер милосердия! Царствие им Небесное… Поэтому задача вашего отряда - захватить станцию Перово, обыскать мастерские и строения, найти руководителей боевой дружины Ухтомского, Шестакова, Котляренко,

Татаринского, Акулина, оказать содействие железнодорожным агентам для восстановления движения на дороге. После завершения сего извольте следовать на станцию Люберцы, занять ее, затем захватить станцию Сортировочную и, наконец, взять Коломну, где остаться до особого распоряжения. Прошу самым строгим образом наблюдать за телеграфными аппаратами, по возможности щадить и охранять различные железнодорожные сооружения, необходимые и полезные для обслуживания железной дороги. Арестованных не иметь и действовать беспощадно. Как, впрочем, по моим сведениям, действуют и мятежники… Каждый дом, из которого будет произведен выстрел, уничтожать огнем и артиллерией. Не мы первыми подняли меч. Впрочем, я вам - не начальник…

Дубасов перевел взгляд на полковника Мина. Георгий Александрович согласно прикрыл глаза. Проговорил: «Считайте, Николай Карлович, все, сказанное только что его превосходительством, моим приказом. А теперь, господа офицеры, можете пойти отдохнуть. Во взятии Казанского вокзала разрешаю не участвовать.»

- И еще! – вдруг встрепенулся Дубасов. Перекрестился: «Не приказ! Личная просьба! Если найдете где-нибудь по дороге тела убиенных мятежниками офицеров, сестер милосердия, нижних чинов, постарайтесь узнать кто они и откуда, дабы сродникам сообщить… Потом предайте их земле по-христиански… Вот ведь… Под пулями японцев выжили… А тут, вроде, как от своих…»

Мы, офицеры отряда полковника Римана, вскинули руки к нашим папахам. Одновременно, прихлопнув каблуками сапог, развернулись. Вышли из штабного вагона. И вдруг фон Сиверса, как будто взорвало: «После всего услышанного, да ежели увижу собственными глазами, - да я их…

- Гнев – плохой советчик, Яков Яковлевич! – обернувшись на него, не дал договорить капитану Николай Карлович, шагавший впереди всех нас, - Нам в этом деле нужны о-о-оч-ч-чень холодные, спокойные, даже, пожалуй, умиротворенные сердце и рассудок. Тогда победим. Ведь не с людьми воюем, а с бесами, вселившимися в них… Поди, читывали Достоевского?..

…Вдоль составов, на которых прибыли «семеновцы», выстраивались роты, снаряженные на штурм и освобождение Казанского вокзала. Перед ними уже были установлены походные алтари, ладаном благоухали кадила, облачались священники, дьяконы, дьячки. Шесть наших рот и орудийная прислуга тоже, по команде подпрапорщиков и фельдфебелей, правда, с некоторым запозданием, выстраивались перед эшелоном. Но остальные терпеливо дожидались, пока не соберется весь полк. И скоро, в заключение молебна, перекрывая винтовочные выстрелы и пулеметные очереди, доносившиеся издалека, в небо многоголосо устремилась молитва: «*Спаси Го-о-осподи люди Твоя и благослови достояние Твое, Побе-э-эду Православному Государю Императору Николаю Александровичу и всему Христолюбивому воинству на сопротивныя даруя и Твое сохраняя Крестом Твоим жи-ы-ытельство!*»

Полк, звякнув оружием, опустился на колени. И странно: молебны отличались какой-то особой торжественностью, одухотворенностью… Священники пошли вдоль шеренг, освещая их Святой водой. У меня даже сердце защемило… И какая-то радость наполнило его… Вспомнилось: *там, где двое или трое собраны во имя Мое, там и Я посреди них*… Подумалось: «Не посрамит Господь молитвы нашей, нашей веры в Него»!

После того, как офицеры приложились к Кресту, к нему потянулись повзводно нижние чины. И тут… Словно в

какой-то дымке я вдруг увидел, что кроме «семеновцев», между ними шествуют воины иных времен. Словно сошли они с картинок исторических альбомов из библиотеки папеньки, которые я, забравшись с ногами в огромное мягкое кожаное кресло, так любил рассматривать в позднем младенчестве в непогожие дни. К Кресту подходили ратники времен святых благоверных Великих Князей Александра Ярославича Невского и Димитрия Иоанновича Донского, опричники и стрельцы Великого князя и Царя Иоанна Четвертого Васильевича Грозного, ополченцы купца Кузьмы Минина и князя Димитрия Пожарского, «преображенцы», «семеновцы» и «измайловцы» Государя Императора Петра Первого Алексиевича Великого, гренадеры, егеря, казаки, флотские, иные Суворовские чудо-богатыри времен Государыни Императрицы Екатерины Второй Алексиевны Великой и сына ее Императора-великомученика Павла Первого Петровича, герои Отечественной войны против Наполеона, освободители славянских Балкан и Кавказа в недавней Русско-турецкой войне… Все они прикладывались к Кресту и отходили… Но уходили куда-то в туман, обволакивающий эшелоны, пути, строения… При этом казалось, что они шагают по невидимым ступеням… вверх. По воздуху… В хмурое еще недавно, но теперь в светящееся белым, живым огнем, небо.

Рассудок подсказывал мне, что надо всего лишь встряхнуть головой, и видение исчезнет. Но так не хотелось делать этого! Так сладостно было на душе!.. В себя я пришел от сигнала трубы, призывающей в атаку…

- Полковое знамя – вперед! Бегом! А атаку! Ма-а-арш!– гортанно скомандовал полковник Мин. И, выхватив револьвер, выдернув шашку, побежал первым. Уже через несколько минут, казалось, совсем рядом затрещали одиночные винтовочные выстрелы, пулеметные очереди. Раздались несколько орудийных залпов, а вслед им – гулкие

разрывы снарядов. Из-за здания Николаевского вокзала в небо, опять замутненное тучами, поднялись несколько столбов черного дыма. А из Казанского вокзала уже доносились крики, стоны, гнилые ругательства… Побежали первые отступающие

Все наши офицеры и нижние чины нашего отряда, в полной экипировке стояли вдоль вагонов. Вслушивались в звуки атаки… Вглядывались… Но увы, здание Николаевского вокзала загораживало почти всю площадь, по которой уже шли на врага «семеновцы». О том, что штурм идет полным ходом, свидетельствовало появление нижних чинов из санитарного взвода. Они помогали, как я понял, нескольким легко раненным нижним чинам добраться до своих эшелонов, где в каждом был оборудован перевязочный пункт. Кого-то несли на носилках, кого-то просто вели, подставив свои плечи, дабы поддержать… Я же, взобравшись не какую-то опору наблюдал за штурмом в бинокль и передавал полковнику Риману все, что видел. А потом мой рассказ расходился по остальным.

- Капитан Швецов! – позвал Николай Карлович. А когда тот приблизился, попросил: «Отправьте-ка, голубчик, к санитарам фельдфебеля. Пусть подробнейше расспросит обо всем…»

Когда же фельдфебель вернулся, стрельба слышалась всё реже. Орудия же вообще замолчали. Фельдфебель козырнул капитану Швецову. Но тот показал на Римана: вот, мол, кому докладывай. Фельдфебель подошел ближе к Николаю Карловичу. Гаркнул: «Осмелюсь доложить, господин полковник, - наши ослобонили вокзал. Его превосходительство, командир полка сам повел роты в атаку… Сейчас вяжут мятежников…»

- Сколько жертв? – спокойно спросил Риман.

- Наших – пятеро убиты, - Царствие им Небесное, двадцать восемь ранено. Тяжелых дохтуры режут прямо в

Николаевском вокзале… К больницам-то пока скрозь мятежников не пробиться. Посему здесь же и пули, стало быть, достают, - помоги им Господи.

- Сколько жертв у мятежников?

- Санитары не ведают. Видели токмо на первом этаже десятка три повязанных злодеев, полсотни убитых… Наши-то сейчас дочищают верхние этажи…

- Спаси Господи, братец! Ступай к своему взводу.

…Минут через пятнадцать прибежал прапорщик с веселым лицом и полоской крови, запекшейся на скуле. Козырнул Риману: «Господин полковник! Его превосходительство командир приказали передать, что ваш отряд может выдвигаться на Казанский вокзал.»

- Ранены? – спросил Николай Карлович.

- Пу-у-у-устое! Царапнуло! Я заговоренный!.. Эти мерзавцы и стрелять-то не умеют! – хохотнул прапорщик.

- Господа, – развернулся Риман к офицерам, - командуйте построение и - с Богом! Ведите роты на Казанский вокзал.

Повторяясь, словно эхо, зазвучали команды: - Взвод…

- Ро-ота…

- Становись!..

- Равняйсь…

- Сми-р-рно…

- Шагом ма-а-арш!

А при выходе, - нет-нет, но еще постреливали крыш, из подворотен, - на привокзальную площадь полковник Риман скомандовал, повторившись в командах других офицеров: «Бе-э-эгом! Ма-а-арш…»

Но миновав открытое пространство, роты снова перешли на шаг. В здании вокзала пахло гарью, и царил полный разгром. Высокие рамы в окнах были выбиты, на полу валялись осколки стекла, какие-то доски, ящики, битый кирпич, перевернутые, в порой искореженные лавки,

столы, должно быть, принесенные из ресторана и кабинетов железнодорожных служащих с верхних этажей, пустые бутылки из-под водки, дорогих вин, коньяка, битая посуда, какие-то тряпки красного цвета и размытыми надписями... А дополняли весь этот хаос… трупы: бывшие уже разновозрастные фабричные, молодые люди в студенческих, даже гимназических шинельках, несколько одетых «по-господски», даже солдаты. Но эти были без погон. Их подбирали и сносили в угол залы другие, такие же, только связанные по рукам и ногам длинными веревками, - дабы не мешали работать, но в тоже время ограничивали свободу движений. Эти со страхом и, одновременно, со злобой, посматривали на «семеновцев», которые с винтовками наперевес, следили за бывшими мятежниками…

Полковник Риман приказал вывести роты на первую платформу и построить на ней. А когда сие было исполнено, к нам из какой-то боковой двери, в сопровождении нескольких офицеров, вышел Георгий Александрович. Николай Карлович, скомандовал отряду: «Смирно! Ра-а-авнение направо!»

И подойдя строевым шагом к командиру полка, доложил о нашем прибытии и готовности выполнить поставленную задачу. Полковник Мин помолчал. Потом вдруг скомандовал: «Кру-у-гом!»

Что и было исполнено. Но тут мы вдруг увидели разложенные вдоль стены… трупы. Мужчины, женщины… Несколько отроков и отроковиц… Даже – двое или трое младенцев. Уж их-то за что?! Все они были раздеты до исподнего. И ряд их тянулся да-а-алеко, до самой оконечности платформы. Убиенные женского пола были прикрыты рогожей, мешковиной, брезентом, - всем, что попалось под руку «семеновцам»…

- Перед вами – жертвы мятежников! – раздался хриплый голос командира полка. Он сам, офицеры и все

нижние чины перекрестились: «Здесь лежат и служащие станции Москва-Казанская, и жандармы, отказавшиеся предать Присягу, и пассажиры, которые собирались куда-то ехать, но были захвачены… Смотрите-смотрите! Вы видите взрослых женщин разного возраста, сословия, невинных отроковиц, младенцев?! Перед убиением они все, - разумею женщин и девиц, - были из-на-си-лованны! Даже престарелые, которые и мне-то в матери годятся! Представьте-ка, братцы, чего от эдакой, прости, Господи, революции ждать вашим матерям, женам, дочерям, сестрам?! Еще раз взгляните! Делали сие зверство мятежники скопом, словно кобели, бегающие за сучкой во время ее течки! Лежат здесь и два православных священника. Как видите, ничего святого нет у крамольников… Смотрите же и помните!... Я уже пригласил священника из Басманской церкви, у которого мятежники изнасиловали матушку, двух дочерей. А потом искололи до смерти штыками! Были среди них и те злодеи, с которыми вам придется столкнуться на вашем пути. Батюшка отпоет всех убиенных! Царствие им Небесное! Но вы, когда доберетесь до осиного гнезда мятежников, вспомните невинно убиенных, лежащих ныне перед вами!.. На паровозе, площадках вагонов и платформах с орудиями приказываю установить пулеметы. При первых же выстрелах, произведенных мятежниками, огонь открывать сразу на поражение. Взятых с оружием в руках приказываю расстреливать на месте.

…Хмуро, молча, отряд Римана садился в вагоны поданного состава. Пулеметные расчеты занимали места согласно приказу. Через полчаса наш эшелон медленно, как бы нехотя, тронулся. Но проехав всего несколько верст, остановился.

- Подпоручик Альбертов, – позвал Николай Карлович, - возьмите, голубчик, троих гвардейцев и сходите, узнайте причину задержки.

- Слушаюсь! – козырнул тот. Ушел. Но не прошло и получаса, как вернулся, ведя перед собой пожилого железнодорожного служащего. Тот, отдуваясь, на ходу вытирал носовым платком красное потное лицо, шею… Но увидев полквника Римана, вытянулся. Попытался что-то сказать… Но вместо этого, по рыбьи только несколько раз глотнул воздух.

Николай Карлович снисходительно улыбнулся: «Ну-ну, сударь! Отдышитесь, успокойтесь и объясните, почему мы встали. Наш поезд – литерный! И мы должны безпрепятственно добраться до станции Перово!»

- Ваше превосходительство! Я-то – простой учетчик вагонов, грузов! – придя в себя, наконец, выдохнул железнодорожник. Вытер уже влажным платком шею: «Все пути от самой Коломны забиты товарняком да воинскими эшелонами возвращающимся с Дальнего Востока, с фронта… А тут еще поезд из Перово надо пропускать… Мне сие – в новинку!»

Благодушие пропало с лица Римана. Он дернул усами: «Из Перово? Это какой же?»

- Ясное дело, какой! Разбойничий! Ухтомский на нем гоняет со своими крамольниками… В Москву и обратно… Возит иродов на баррикады… И попробуй, не пропусти…

- А скажи-ка, братец! Почему же ты для мятежников пути открываешь? Тоже – с ними заодно?!

- Дык, ваше превосходительство! Сказываю же… Попробуй, не открой им пути! Вмиг застрелят… Как нашего начальника станции… Симеона Павловича… Царствие ему Небесное! А у меня – семья! Девять душ! Дети… Внуки… Жена болящая… Кто ж их накормит, напоит?! – чуть ли не

захныкал железнодорожник и снова принялся вытирать платком красное, потное лицо.

- Ты говоришь, что пути воинскими эшелонами заставлены… А что ж они не смогли усмирить мятежников? – крутанул головой Риман.

- Так Ухтомский их всех разоружил! - развел руками железнодорожник. Помолчал. И скороговоркой выпалил: «А господ офицеров пострелял… Царствие Небесное…»

- А сколько всего вооруженных мятежников?

- Душ двести наберется! - словно подсчитывая в уме, закатил глаза железнодорожник.

- И всего-то?! Ладно! Иди! Покажешь дорогу к зданию станции, - кивнул Риман.

- Мне сейчас опасно возвращаться! – почти шепотом залепетал железнодорожник. Даже по сторонам посмотрел: «Там, на станции, у аппарата железнодорожного телеграфа подручный Ухтомского сидит… Никитка Рукавишников… Наш, местный… Ба-а-андит! Пьяница! Забияка!.. Сейчас, правда, слегка навеселе… И два револьвера – при нем! Он тут, на Сортировке лютует… Околоточного нашего самолично живота лишил. Двоих путейцев, которые отказались пойти с ним на погромы - тоже…

- У телеграфа? – смягчившись, переспросил Николай Карлович. Подмигнул мне: «А еще мятежники есть?»

- Трое… Но эти дрыхнут! Вчера с вечера четверть выдули… Упились… Теперь их из пушки не поднимешь!

Николай Карлович взглянул на подпоручика Альбертова, потом на меня. Прикрыл глаза, словно задумался о чем-то. Тихо, почти шепотом проговорил: «Господин штабс-капитан, приказываю вместе с подпоручиком Альбертовым и его взводом овладеть зданием станции. Самое главное – телеграфом! Внимательно просмотрите все сообщения. Возможно, мы узнаем что-нибудь интересное о планах этих мерзавцев.»

Я, а вслед за мной и Альбертов, козырнули. Подпоручик скомандовал: «Взвод, в ружье! Выходи строиться!»

А я объявил железнодорожнику: «Идемте! Покажете дорогу…»

- Помилосердствуйте! Господин штабс-капитан! – опять захныкал тот. Вытер шею, лицо и дажн глаза носовым платком: «У меня – семья! Девять душ… Меня ж потом Ухтомский или Котляренко, а хуже того, - Татарский, лично на столбе повесят!»

- Не повесят! Не упеют, – повысил голос Риман, - потому как им самим недолго осталось… Показывайте дорогу. Ладно… Доведете взвод до станции и – обратно сюда...

- Ваше превосходительство! – вдруг зашептал железнодорожник. Округлил глаза: «Совсем запамятовал! Голова дырявая… В «горловине» станции стоит вагон второго класса. Так там - обходчики вагонов дрыхнут. Но у них у всех – винтовки, револьверы…

- Тоже мятежники? – вскинул брови Риман.

- Они, разбойники! – мелко и часто закивал железнодорожник. Обернулся, мол, как бы кто не услышал: «Ухтомского ждут… Тот их в Москву везти должен. На баррикады.»

- Пошлите за командиром роты! Нет-нет! Посылайте за капиатном фон-Сиверсом! – повернулся Николай Карлович к подпоручику Альбертову. Одобрительно кивнул: «А сами ступайте к телеграфному аппарату. Не церемонтесь с бандитами!»

…Не доходя шагов триста до бревенчатого, закопченного здания станции, учетчик грузов, боязливо посмотрев по сторонам, указал на него. А сам тут же развернулся. То и дело оглядываясь, засеменил к нашему эшелону.

Подпоручик Альбертов, глядя ему вслед, невесело хмыкнул: «Вот сколько их таких? И ведь, если бы они всем миром поднялись против мятежников, тех бы, словно ветром сдунуло с Земли Русской!»

- Ладно, обыватели, – в тон ему ответил я, - но я никак не возьму в толк, как это тысячи фронтовиков в эшелонах, что стоят от самой Коломны, отдали на заклание своих офицеров, позволили разоружить себя двум сотням мятежников, совсем незнакомых с военным делом!

- *Страха ради иудейска*… Устали от войны… Хотя сие со-а-авсем не оправдывает служивых…А если говорить про незнание военного дела, то лично у меня создается впечатление, что главнокомандующий у мятежников – сам сатана! - задумавшись медленно проговорил Альбертов. Но тут же вскинулся: «Давайте начинать захват!»

Взвод «семеновцев» окружил здание. Каждое окно было взято на несколько мушек. Я, приоткрыв входную дверь, зашел в сени и тут же увидел три винтовки. Одна стояла прислоненной к стене, две других просто валялись на лавке. За мной в сени вошли подпоручик, прапорщик, фельдфебель и пятеро самых сильных нижних чинов.

- Ох, ироды! Разве ж так можно оружье содержать? – раздался шепот кого-то из последних. И он, самый могучий ефрейтор, - правофланговый! - взял винтовки. Погладил их и тихонько приставил к стене снаружи дома. Я молча одобрительно кивнул

За дверью в следующее помещение мне в ноздри ударил смрад... Смесь перегара, самогонки, лука, редьки, человеческих извержений и испарений. А под потолок взвивался трескучий храп. Один из мятежников спал прямо за столом, уткнувшись лицом в глиняную миску с какими-то огрызками. Другой вытянулся на топчане… Третий, сидя в собственной луже на полу, откинул голову на ноги второго. Он-то и храпел громче остальных.

Я сделал знак нижним чинам, чтобы те вязали спящих. А сам попытался безшумно открыть дверь в телеграфную. Но петли предательски скрипнули.

- Ну, что? Проспались? – хрипло спросил здоровяк, спиной к нам сидевший за столом и крутивший на указательном пальце револьвер.

- Нет! Это ты проспал! – вдруг ответил Альбертов. Здоровяк вскочил. Обернулся. И от неожиданности нашего появления даже откинул голову назад. Вскинул револьвер… Но подпоручик выстрелил первым. С дыркой в переносице бандит повалился назад. Я восхищенно посмотрел на Альбертова. А тот, вскинув подбородок, объявил: «Не хлопая по голенищу, разрешите доложить! Я еще в кадетском корпусе всегда был первым по стрельбе!»

И вдруг, потупившись и словно оправдываясь, пожал плечами: «Но ведь у нас есть приказ пленных не брать!»

- Так точно! – ответил я, ободряюще улыбаясь. И сделал шаг к телеграфному аппарату. Однако то, что я прочитал на ленте, ободряющим не было. Я кивнул Альбертову: «Доведите дело до конца. Здесь оставьте двоих нижних чинов… И следуйте к нашему эшелону.»

- А с этими что? – кивнул он на троих пьяных мятежников, все еще ничего не разумеющих.

- Действуйте согласно приказу. Их задержали с оружием.., - уже выбегая из здания станции, крикнул я. Спрыгнув на пути, увидел, что шагах в пятистах, в сторону Перово, но в тупике стоит одинокий вагон, окруженный «семеновцами». Там шла непрерывная пальба. Среди осаждавших вагон я сразу заметил полковника Римана и капитана фон Сиверса. Но пока добежал, стрельба стихла. Из обоих тамбуров медленно выпрыгивали мятежники. Бросали в сторону винтовки, револьверы. Тут же поднимали руки. Несколько «семеновцев» ставили их на колени прямо в снег, вдоль вагона. Я доложил полковнику Риману:

«Ухтомскому успели телеграфировать о взятии Казанского вокзала. Он ответил, что выезжает из Перово на помощь мятежникам. Так что, с минуты на минуту будет здесь.»

Николай Карлович прочитал протянутые мною ленты телеграфа. Кивнул: «Должно бы ему, чтобы пятки сверкали! А туда же… С двумястами смеритников… Хм… Камикадзе… Однако, надо поторопиться. Достойно встретить «дорогих гостей».

Через плечо бросил фон Сиверсу: «Господин капитан, бандитов отведите за вагон. И там… Согласно приказу…»

- Они же пленные! Как же без суда?! Без следствия?! – услышал я срывающийся на фальцет юный голос. И по нему узнал самого молодого подпоручика полка. Но тут же прозвучал ответ фон Сиверса: «Митя! А после какого следствия, за какие преступления и по приговору какого суда они казнили безвинных старух, дам, девиц на Казанском вокзале?! А здесь? На Сортировке? Начальника станции? Неизвестно, сколько еще… Отпусти их, они снова возьмутся за оружие. Проказа революции излечима только смертной казнью… За редким исключением… Я вам потом, друг мой, растолкую…»

…Вслед за полковником Риманом я почти пробежал сотни полторы шагов, как позади услышал залп… И вспомнилось: *Не мы первыми подняли меч!.. Убивший кровию, кровию да умрет…*

В ожидании эшелона мятежников, полковник Риман успел перевести наш состав на другой, самый дальний путь, за прикрытие товарняков. К зданию станции пригнали несколько платформ. Поставили их на первый путь. На них забралась четырнадцатая рота с пулеметами. Полковник Риман что-то тихо, - я даже и не услышал, - растолковывал учетчику вагонов. Тот, слушал, низко опустив голову. Снова принялся вытирать платком покрасневшее лицо, шею. Но, наконец, кивнул. И тут вдали раздался гудок паровоза.

Четырнадцатую роты накрыли брезентом. Учетчик вагонов встал на взгорке перед самым фасадом здания станции. А мы, - полковник Риман, я и еще несколько офицеров, - зашли внутрь. Двое нижних чинов, бывшие в здании, разбив стекла, выставили наружу пулемет. И скоро мы увидели состав из четырех вагонов. Он замедлял ход. А когда остановился, из паровоза высунулся немолодой машинист. Крикнул учетчику: «Товарищ! А есть ли впереди казаки или солдаты?

- Нет, — ответил тот. Машинист стал медленно тащить состав дальше. Поравнялся с платформами… Вдруг брезент на них зашевелился… По паровозу и вагонам с мятежниками хлестанули одиночные выстрелы и пулеметные очереди. Вбежавший в здание станции учетчик, присев, лихорадочно тыкая пальцем в сторону паровоза, прошипел: «Это же сам Ухтомский!»

- Огонь! - скомандовал Риман нашему пулеметчику. Ухтомский дал полный ход назад. И даже из окон было видно, что паровозные баки для воды и нефти пробиты пулями. Тем не менее, состав, набирая скорость, ушел в сторону Перово.

- Сам нечистый им помогает! – перекрестился пулеметчик.

- Теперь и нам пора вслед за ними! На плечах мятежников войдем в Перово! - весело объявил Николай Карлович. Даже хлопнул в ладоши и потер их одна о другую: «Капитан Зыков! На станции приказываю оставить взвод подпоручика Шрамченко.»

И над Сортировочной военный горнист протрубил *Сбор*. Послышались голоса ротных: «По вагонам…»

- Не мешкай, ребята!..

- Шустрей-шустрей!..

- Чтобы не ушли… Супостаты…

- Давайте, братцы с Богом!..

Наш поезд набрал, было, ход… Но вдруг всего лишь через полчаса после отправления резко затормозил… Нижние чины прильнули к окнам. Но за ними серебрились заснеженные березы, розовели какие-то, - по-моему, верба, - кусты, словно в горностаевых пелеринах, стояли ели… На миг даже показалось, что нет в Отечестве смуты, нет мятежников, нет крови, нет напрасных, диких, противоестественных своей несправедливостью смертей… Но тут в вагон вбежал подпоручик Романовский из пятнадцатой роты. Он был дежурным офицером на паровозе. Козырнув, доложил полковнику Риману: «На рельсах – баррикада из шпал. Что или кто – за ней, не видать…»

- Дайте по ней две-три очереди из пулемета, и всё станет ясно… Если за шпалами никого нет, пусть дежурный рабочий взвод разберет баррикаду, - досадливо дернул усами Николай Карлович. После нескольких пулеметных очередей опять наступила тишина. Значит, на баррикадах мятежников не было. Слава Богу, задержка наша и двух часов не составила. Но когда поезд тронулся, полковник Риман недовольно поморщился. Закурил. Выпуская дым, проговорил: «Не успеем… Не успеем на плечах противника войти в Перово. Эк-кая жалость! А ведь как предусмотрительны, ме-э-эрзавцы».

И точно! После нескольких верст пути, случилась еще одна непланируемая остановка. Теперь - у платформы дачного поселка. Николай Карлович поглядывал в окно. Молчал. Думал о чем-то… Вдруг вскочил. Крикнул: «Подпоручик Альбертов! Ко мне!»

Когда же тот явился, Риман приказал: «Немедленно остановить поезд. Шторки на окнах занавесить. Всем быть при заряженном оружии… С полным боекомплектом.»

Состав резко затормозил. Теперь и я взглянул в окно. И увидел на запасных путях сразу несколько эшелонов.

Воинских. А вдоль них - разведенные костры, вокруг которых грелись нижние чины. Одни хлебали что-то из котелков, другие разливали из четверти мутную жидкость… Пили… Резко выдыхали… Третьи уже плясали под гармошку… Но все были, что называется, расхристаны: без ремней, в расстегнутых шинелях, в папахах, надвинутых на самые глаза, или сдвинутых на затылок… Кто-то выпрыгивал из вагонов, другие неверными движениями забирались в оные…

- Где же офицеры? Где оружие? – спросил Николай Карлович. И стал надевать шинель. Я – за ним…

- Со мной идет только штабс-капитан! – уже в тамбуре кивнул на меня капитану Швецову Риман. У него даже скулы побелели: «Вы остаетесь за старшего. Если что, будьте готовы вывести нижних чинов и атаковать… Фронтовички… Прости, Господи… Спаси и сохрани.»

Мы с полковником спрыгнули на снег и пошли в сторону ближайшего воинского эшелона. Гревшиеся около костров, заметили нас. Загомонили. Повскакивали… Гармошка смолкла. Кто-то принялся застегиваться, подпоясываться… А кто-то – наоборот, рассупонившись еще больше, смеялись, явно куражились, показывая на нас пальцами. Последние были попросту пьяны.

А к нам же от толпы нижних чинов направился высокий, могучий ефрейтор с красной повязкой на рукаве и с револьвером в офицерской кобуре на поясном ремне. За ним семенили полный фельдфебель и, - наоборот, - щуплый, даже какой-то тщедушный рядовой. Эти трое, в своей совокупности, напоминали «героев» дурного водевиля… Не доходя до нас шагов десять, они остановились. Ефрейтор картинно засунул руки в карманы шинели. Рядовой, взглянув на него снизу вверх, сделал то же самое.

- Как стоишь перед офицерами? – строго спросил Николай Карлович.

- Чиво? – сузил глаза ефрейтор. Хмыкнул: «Ты не шибко тут кочевряжься! Может быть тебя еще и на «вы» назвать? На «ваш бродь»? Кончилась ваша власть! Мы кровь в Манчжурии проливали. А за что?! За то, чтобы вы здесь вместе со своим с… кровавым Николашкой по ресторациям коньяки да шампанские рябчиками закусывали и баб тискали?

Николай Карлович побледнел. Процедил сквозь зубы: «Как ты, мерзавец, про Государя сказал?»

- Могу повторить, - осклабился хулитель, покручивая револьвер вокруг пальца.

В глазах ефрейтора сверкнул красноватый огонек. Полковник Риман выстрелил первым. Ефрейтор откинулся назад. По его шинели, на груди расползлось бурое пятно. Фельдфебель аж присел, почти касаясь коленями и кончиками пальцев снега. А тщедушный рядовой упал навзничь. Ткнулся лицом в снег. Забился, словно в припадке падучей. Тоненько, по-бабьи заверещал что-то нечленораздельное. Я про себя даже удивился: что он делал на фронте, как мог воевать?

Толпа вдоль состава охнула… Несколько десятков нижних чинов двинулись, было, на нас… Но вдруг остановились… Из-за наших с полковником спин на них надвигались цепи «семеновцев» с винтовками наперевес. Скоро наши, что называется, сбили насельииков всех эшелонов в кучу. Полковник Риман скомандовал: «Вдоль состава в две шеренги становись!»

Когда же команда была выполнена, Николай Карлович громко спросил: «Где ваши офицеры?2

- Ра-а-азбежались! – хохотнул кто-то из второй шеренги.

- Кто сказал? Выйти из строя!

В ответ последовало молчание. И… никакого движения. Николай Карлович объявил: «В Москве и

губернии, на территории которой вы сейчас находитесь, объявлено военное положение. По Уставу, тот, кто не выполнил приказ старшего офицера, должен быть расстрелян на месте. Без суда и следствия! Второй раз я, полковник лейб-гвардии Семеновского полка, при-ка-зы-ва-ю сказавшему, что офицеры, якобы, разбежались: выйти из строя! В противном случае, все подразделение будет обвинено в покушении на офицеров и отправлено в штрафные роты до завершения следствия.

В строю послышался ропот: «Василь, ну ты чо?»

- Выходи, Василь!..

- Да-да! Чо сдрейфил-то?..

- Нам по домам надо!..

- А из-за тебя страдать, что ли?..

- Сумел ляпнуть, сумей и ответ держать!..

- Выходь, Василь!..

Из строя, как бы нехотя, через силу, вышел низкорослый, но кряжистый рядовой. Опустил голову… Промямлил: «Прощевайте, ваше превосходительство! Ради Христа!»

- Коли желаешь быть прощенным, ответь на мой вопрос: где офицеры? – уже мягче проговорил Николай Карлович. Тот, кого называли Василием, еще ниже опустил голову. Обернулся. Исподлобья обводил взглядом строй сослуживцев.

- Расскажи-расскажи, как расстреливал их в лесу! – вдруг из закрытой на засов теплушки для лошадей или боеприпасов раздался хриплый голос… Николай Карлович подал знак капитану Шевцову. И несколько «семеновцев», подбежав к вагону, сбили прикладами с засова замок. Из теплушки, растирая озябшие ладони, потом лица, выпрыгнули на снег прапорщик из вольнонаемных, трое фельдфебелей и десятка два рядовых. Тот, кого называли Василем, упал перед Риманом на колени. Завопил:

«Помилосердствуйте, ваше превосходительство! Меня ефрейтор Харченко, - ну-у-у, которого вы только что застрелили, - и энтот, приехавший машинист, товарищ Алексей, заставили. Сказали, что ежели я не выстрелю, то они сами меня… того.., к стенке…»

Николай Карлович брезгливо скривил губы. Крутанул головой. Выдавил из себя: «Как же ты, подлец, поднял оружие на тех, кто в Манчжурии подымал тебя в атаку и первым шел в нее?»!

- Да в какие атаки его поднимали, господин полковник?! Этот, с позволения сказать, рядовой в Манчжурии служил в обозе, подсобником на кухне! – подал голос только что освобожденный прапорщик. Даже сплюнул в стороны обозника: «Пусть еще расскажет, как они с ефрейтором Харченко сестер милосердия насиловали! А потом в лес вместе с офицерами увели. И тоже… Помяни их Господи во Царствии Твоем…»

- Что-а-а? Тех, кто спасал раненных?! – повернулся к бывшему обознику Николай Карлович. Сжал кулаки. И тут же, должно быть, взял себя в руки. Указав на мерзавца, приказал: «Расстрелять немедленно перед строем! Подпоручик Макаров! Командуйте!»

Приговоренный, все еще стоя на коленях, опустил плечи… Высоко поднял голову… И… завыл! По-волчьи! У меня даже мурашки по спине забегали! Я отвернулся и не видел, как его подхватили нижние чины, как отвели шагов за тридцать от состава… Я только услышал команду: «Товсь!.. Цельсь!.. Пли!»

И тут же громыхнул залп… А полковник Риман, даже не обернувшись на него, продолжил, уже повернувшись к плененным: «Господина прапорщика и господ фельдфебелей, содержащихся у мятежников под арестом, прошу подойти ко мне. Остальным – по вагонам!

- Так что случилось с офицерами полка? – спросил Риман прапорщика.

- Всех расстреляли… Шагах в трехстах отсюда… В лесу… Где, я сам не видел… Только залпы слыхивал… Убили и десятка два фельдфебелей, унтер-офицеров… Сотню нижних чинов. Одним словом всех, кто откровенно отказался прислуживать Ухтомскому и иже с ним, - скорбно объяснял прапорщик.

- А вас почему не расстреляли? – усмехнувшись, спросил фон Сиверс.

- Я связист. Поехал на фронт, как изволите видеть по погонам, вольнонаемным. Разбираюсь и в телефоне, и в телеграфе. Этот убийца Ухтомский долго уговаривал меня служить, прости, Господи, «делу революции». Я сразу отказался… Так он дал на размышление три дня. Потом, если не соглашусь, тоже обещал расстрелять.

- А фельдфебели? Нижние чины?.. Разумею тех, кого заперли с вами вместе в вагоне.

- Они - тоже не простые строевики. Михаил Макарович, к примеру, - прекрасный минер… - показывал прапорщик рукой по очереди на фельдфебелей, - Агафон Саввич – оружейный мастер. Серафим Николаевич – стрелок, что называется, от Бога. За тысячу шагов из трехлинейки японских офицеров, как белку, в глаз клал… Понятно, что такие, ой, как нужны мятежникам. Мы все этой ночь. хотели бежать. Доски в полу теплушки уже расшатали. Но тут вы, слава Богу, нагрянули… Спаси, Господи!

Ну, хорошо, - кивнул полковник Риман. Тяжело вздохнул. Даже закурил: «А нижних чинов, коих заперли с вами, почему в живых оставили? Или – тоже мастера отБога?

- Они – тоже доки: каждый в своем воинском деле… Следопыты-охотники, связисты…

- Можете назвать тех из нижних чинов, кто расстреливал офицеров? – кивнув, перебил Римар.

- Я знаю только по нашему эшелону. Ефрейтор Иван Харченко, рядовой Василий Тяглов…

- Эти получили свое! – перебил вдруг прапорщика один из фельдфебелей. Степенно подсказал: «Ты Андрей Андреевич других называй. А мы, коли подзабудешь, дополним. Не тушуйся! Кто осудит тебя за верность Присяге?!»

- Чего уж там?! Хочешь, Андрей Андреевич, я назову?! - подал голос другой. Тоже фельдфебель: «И это – никакое не доносительство! А, Бог весть, спасение других, коих, - невинных! - наши иудушки еще смогут расстрелять, ежели их самих к ногтю не прижать.»

Прапорщик назвал несколько фамилий. Фон Сиверс записал. Тут же «семеновцы вытолкнули этих из строя. Полковник Риман снова спросил: «А в других эшелонах кто стал палачом своих?»

- Про то я не знаю! – выдохнул прапорщик.

- Я подскажу… Во втором эшелоне мой земляк в санитарах ходит… Он помалкивал. Потому мятежники его и не заперли. Эт-т-то точно! Но наш он! Ве-э-эрный! Всех знает. Всех назовет.

- Яков Яковлевич! – повернулся к фон Сиверсу Риман. Он, оказывается был родным братом первому, который накануне дежурил: «Возьмите свою роту, господина фельдфебеля и арестуйте пособников Ухтомского в других эшелонах. Не мешкайте! Прикажите указать место расстрела офицеров и других, отказавшихся пособничать мятежникам. Из оставшихся в живых верных Престолу, составьте караул.»

Николай Карлович обвел взглядом других офицеров, стоявших вокруг: «Господа! Теперь прошу всех вас: силами своих рот добровольно сдавших оружие заприте в вагоны и

отправляйте в Москву. Начальником эшелонов назначаю господина прапорщика. Я телеграфирую командиру полка. Их встретят… А палачей из нижних чинов заставьте копать могилы для невинно убиенных… Потом действуйте согласно приказу.»

Все последующие события не заняли и полутора часов. А закончились они залпом двенадцатой роты по пособникам мятежников. Уже в вагоне, когда наш эшелон тронулся, Николай Карлович вздохнул: «Теперь мы точно не догоним Ухтомского в Перово…»

Так оно и вышло. Однако, когда мы прибыли в Перово, нас… хлебом-солью встретили железнодорожники, всякие разночинцы, двое студентов и даже несколько гимназистов, как все они представились, из местного отделения Союза Русского народа. Они-то и рассказали, что мятежники во главе с Ухтомским, прибыли часа три-четыре назад… Послали несколько своих на двух больших санях, чтобы те спрятали свое оружие. А сами разбежались…»

- А где спрятали оружие? – спросил Николай Карлович.

Вперед черносотенцев вышел степенный, по внешнему виду, купец. Он разгладил окладистую бороду. Опустил глаза долу. Густым басом произнес: «Виноваты-с, ваше превосходительство! Не ведаем-с! Схроны ихнии, полагаю, - в лесу. А там их искать, - что иголку в стоге сена.

- А что ж, братцы, не встали всем миром против мятежников? Их-то - всего две сотни! – крутанул головой Риман.

- Встанешь тут! – покачал головой купец. Вздохнул. Оглянулся на односоюзников. Перекрестился: «У них-то, иродов, винтовки есть, и револьверы. Даже пулемет где-то умыкнули… А у нас? У Герасима Сергеича, у околоточного, стало быть, у меня, еще у двоих-троих есть, чем пальнуть… Те же охотничьи берданки… А у других? К тому же, эти

крамольники обещались дома наши спалить… Опять же семьи перерезать, ежели выступим супротив их… А мы? Мы – Православные Христиане! И домы чужие жечь - смертный грех!»

- Так написали бы в губернию! – не выдержал я.

- Ага, - отозвался худощавый молодой человек, в пенсне и поношенной учительской шинельке, - как же-с?! Пи-и-и-исали! Да толку-то, прости, Господи! Чиновник губернский ответил, - тоже письменно! на гербовой бумаге! – что, мол, нынче другое время! Демократия! Свободы всякие!.. А у нас-то их – всего две: грешить или не грешить! А этот написал, мол, глас народа – глас Божий!

- Что за чиновник? У вас его ответ сохранился? – подал голос фон Сиверс.

- Так точно! – ответил за всех полицейский урядник. И протянул кожаную папку… Полковник Риман раскрыл ее. Прочитал. Аж крякнул досадливо. Передал фон Сиверсу: «Хм…Хабельский… Ему скорее подойдет «хабальский»… Прости, Господи!.. Перепишите, господин капитан, данные этого либерала… Вернемся в Первопрестольную, доложу его превосходительству контр-адмиралу Дубасову... Такие – хуже ухтомских!»

В завершении этой беседы, купец откашлялся. Громко объявил: - Мы, торговые люди, гильдия… В общем, порешили тут харчишек на воинство собрать… Возы с яствами я подогнал… Прикажите, ваше превосходительство нижним чинам в вагоны перенести. И Ангела вам всем за трапезой. Хотел еще винишка или водочки подкатить… Да неловко как-то… Пост на дворе… Но рыбки доброй привезли… А мясца путешествующим и тем воинам, которые, как говорится, на походе, тоже дозволяется… Во славу Божию! Только оградите нас от этих мракобесов! От прислужников ихних!»

- Спаси Господи, родные! – поклонился в пояс Николай Карлович, - Не поминайте нас лихом… А уж мы постараемся вывести крамолу со Святой Московской земли и со всей России–Матушки!

- Простите, ваше превосходительство! – вдруг встрепенулся урядник, Полез во внутреннии карман мундира: «Чуть не запамятовал! Карточку Ухтомского я вам принес… Он-то у нас, в полиции, да-а-авно на примете. А проживает в Люберцах… На карточке и адресочек указан… Да в пакгаузе у нас полтора десятка крамольников повязаны. Эти – местные. Все в околотке были на учете. Когда ж Ухтомский дал ноги, мы этих и повязали. Револьверы и бомбы поотбирали. Сейчас у меня в околотке лежат… Разрешите сдать?»

- Говорите, что всех повязали? И все – взяты с оружием в руках?.. Составьте опись револьверов, гранат. Обязательно укажите номера. И пока оставьте у себя… Глядишь и пригодятся! – хмыкнул Риман. Обернулся на нас. Повысил голос: «Подпоручик Романовский! Возьмите свой взвод… Выполняйте приказ командира полка!»

Офицер козырнул и ушел в сопровождении околоточного.

- Спаси Господи! – взглянув на фотографию, опять, теперь только головой поклонился Риман. Спрятал карточку в карман… На сем мы и распрощались с местными… Подходя к составу, услышали винтовочный залп… И, не дожидаясь рассвета, наш эшелон остановился в Люберцах. Как раз - напротив заводских стен, словно кровь, красным кирпичом выделяющихся на фоне выпавшего за ночь снега. Еще в вагоне Николай Карлович собрал офицеров. Развернул перед ними карту поселка. Распределил: - Девятая и четырнадцатая роты – на завод. С пулеметами. Десятая рота – в мастерские и в депо. Одиннадцатая – на станцию. Двенадцатая – оцепляет

рабочие общежития. Пятнадцатая остается здесь. Орудия с платформ не снимать. Расчехлить и направить в сторону завода. Я – в околоток. С жандармами и отделением нижних чинов пойду по домам главных зачинщиков.»

- Довольно ли? Отделения и жандармов? Главари-то, поди, вооружены! – покачал головой Яков Яковлевич.

- Хва-а-атит! – улыбнулся Риман. И тут же строго проговорил: «Надеюсь, никому не надо повторять, что при попытке сопротивления - огонь открывать сразу на поражение. Сбор на платформе в двадцать часов. Задержанных мятежников, оставшихся в живых, тоже ведите сюда.»

Николай Карлович достал из внутреннего кармана фотографическую карточку. Протянул ее офицерам: «Господа! Прошу посмотреть и запомнить сию физиогномию. Это, - не к ночи будь помянутый, – Ухтомский. Если кто-то из вас увидит его, приказываю немедленно арестовать. И под усиленной охраной доставить сюда… Бог вам в помощь.»

Я даже не стал переспрашивать про себя. Понял, что пойду вместе с полковником Риманом.

В просторной, ярко освещенной комнате за столами, поставленными буквой «П», разбившись на группы, парни, девушки, мужчины и несколько женщин разного возраста разглядывали какие-то журналы, рисунки, чертежи… Что-то бурно, но негромко обсуждали. И, похоже, даже не заметили моего прихода. Но, оказалось, что я ошибся. Ко мне сразу подошла девушка. «Какая некрасивая!» - отметил я про себя… Но странное дело: лицо девушки при первых же ее словах преобразилось. В глазах засветилось живое небо. На щеках проявились ямочки… Девушка, обозначив реверанс, первой представилась: «Я – Катя, Екатерина

Ивановна, секретарь правления клуба. Вы хотели бы к нам записаться?»

- Нет, - улыбнулся я в ответ и, предъявив журналистское удостоверение, объявил, - мне поручено написать о вашем клубе.

- Тогда вам надо поговорить с нашим председателем, - и она, снова сделала подобие реверанса. А развернувшись, громко позвала: «Юрий Павлович! Господин лейб-гвардии полковник! Не соблаговолите ли подойти сюда? К нам пожаловал господин из газеты «Русский Вестник».»

«Вообще-то полковничий чин присваивал всегда только Государь!» - подумал, но решил не уточнять эту деталь. А в это время от дальней группы отделился высокий, широкоплечий, лет под сорок, мужчина со скуластым лицом, но с аристократической горбинкой на ровном, тонком носу, светлыми слегка вьющимися волосами и пышными бакенбардами. Он важно, даже слегка замедленно, подошел ко мне. Резко склонил и тут же выпрямил голову: «Честь имею. Юрий Павлович Померанский. Председатель клуба «Боевая слава предков» и руководитель секции «Лейб-гвардии Семеновский полк».

- А по жизни вы кто? – представившись в свою очередь, спросил я.

- Преподаватель института радиоэлектроники и автоматики, - уже совсем не важничая, ответил «господин лейб-гвардии полковник». Мечтательно признался: «Но с детства увлекаюсь военной историей. Впрочем, как все в нашем клубе. Мы изучаем эволюцию мундиров, оружия, боевой путь любимого полка, его героев за все время существования, даже поименный список офицеров. Разбираем баталии с точки зрения военной науки…»

- А что? У вас в клубе есть военные с высшим образованием? Я сам закончил высшее военно-инженерное

училище. Так, историю военного искусства нам читали только на четвертом курсе!

- Военнослужащие, конечно, у нас есть… Двое молодых офицеров и один прапорщик ходят к нам в клуб. Но все равно, для теоретического разбора военных походов и операций, тактики, стратегии мы приглашаем в клуб специалистов из военных академий. И каждый член клуба узнает о своем любимом полку мно-о-ого интересного…

- Любимом полку?

- Да-с. Вот, мне, например, полюбился лейб-гвардии Семеновский полк! А так как я являюсь основателем, председателем правления всего клуба и руководителем секции, то звание имею полковничье…

- Чин.., - хмыкнул я.

- Что? – то ли не понимая, то ли не расслышав, прищурился мой собеседник.

- Раньше сие называлось чином…

- Ах, да… Конечно… Это я для простоты общения с вами назвал чин званием… Но вы, например, записавшись в наш клуб, получили бы свой, офицерский чин, в котором ушли в отставку…

- Простите, в запас, - опять поправил я.

- Ну да, ну да! – закивал мой собеседник. И даже ничуть не смутился: «А вот школьники наши первый год ходят в рядовых! Младшие – даже в кадетах. Мы их, конечно, утешаем, говоря, что и великие маршалы начинали службу с нижних чинов… Ведь в лейб-гвардии Семеновском полку начинали службу, например, сам генералиссимус Суворов, фельдмаршал Дибич-Забайкальский, декабристы Бестужев-Рюмин, Муравьев-Апостол, Краснокутский, друзья Пушкина Пущин и Чаадаев, поэт Боратынский… Советские военачальники, например, маршал Тухачевский… Богатую переписку мы ведем с потомками героев наших полков…Тех же

«семеновцев»… Правда, большинство их детей, внуков, правнуков сейчас проживают за границей… Сами понимаете… Революция… Сталинские репрессии…

- А как к вашему клубу относятся руководство Музея, работники органов? – перебил я. И вспомнил я вдруг свое последнее видение: «Они-то, в большинстве своем - коммунисты. И наверняка знают, что именно лейб-гвардии Семеновский полк подавил декабрьский мятеж девятьсот пятого года.., Простите, восстание… И многих революционеров «семеновцы» расстреляли.»

- Ну-у-у, знаете ли.., - замялся «полковник», - мы не акцентируем свое внимание на отдельных, негативных фрагментах истории полков… Все заседания у нас в клубе зафиксированы протоколами. Ими мы и отчитываемся перед руководством Музея и компетентными органами. Мы как раз подчеркиваем, что очень многие нижние чины и офицеры того же Семеновского полка, расформированного в восемнадцатом году, достойно служили в Красной Армии.

- И были расстреляны в тридцатых…

- Но ведь были и реабилитированы в пятидесятых! – пожав плечами, прикрыл глаза и покрутил головой мой собеседник.

- Скажите, пожалуйста, а какой лейб-гвардейский полк был сформирован самым первым? - желая все-таки перейти к делу, спросил я.

- Конечно, Преображенский! Ведь сам Петр Великий был его командиром… Но руководитель секции «преображенцев» сейчас в отъезде.., - замялся Юрий Павлович.

- Время терпит.., - меня слегка передернуло: ни тебе *Государь-Император*, ни тебе *Его Величество*, ни тебе *Петр Первый Алексиевич Великий*! Тоже мне: *лейб-гвардии полковник*!.. Но я взял себя в руки. Даже попробовал улыбнуться: «Надеюсь, что не в последний раз зашел к

вам… Полагаю, сообща сможем убедить молодежь в том, что мы – родом не «из октября», а из Святой Руси!.. А вы не могли бы подготовить для публикации тексты и ноты военных маршей «преображенцев», «измайловцев» и «семеновцев»? Мы хотим их напечатать. Только ноты надо, написать черной тушью на ватмане. Размером с лист для пишущей машинки. Он еще называется «А-4».

- С удовольствием… А к какому сроку?

- Скажем, к следующему понедельнику.

- Катя! Можно тебя на минуточку? – обернувшись, позвал «полковник», а когда девушка подошла, он спросил ее: «Ты у нас, кажется, чертежницей в НИИ работаешь?»

Катя кивнула. А Юрий Павлович ей повторил мою просьбу. Девушка опять кивнула. И отошла от нас.

- Может быть, я вам пока расскажу историю лейб-гвардии Семеновского полка?

- Я хотел бы предложить вам другой вариант. Вы сами или кто-нибудь из ваших одноклубников может написать исторический очерк о лейб-гвардейцах… Только, знаете ли, хотелось бы, чтобы это было, что называется, от души, а не энциклопедическая справка…

- Хм, – энергично потер ладони Юрий Павлович, - гонорар нам не помешает! Шитье мундиров сейчас, знаете ли, – дорогущее! А тут еще - всякие знаки отличия, эполеты, нашивки, амуниция, макеты оружия… Планируем мы провести первый бал… Новогодний! Знаете, как в старину… С вальсами! С шампанским! Заметьте, крепкие напитки исключены. Опять же дамам нарядиться надо. Сплошные расходы!..

Я хотел, было, поправить «полковника», мол, не «новогодний», а Рождественский бал. Но вслух кивнул: «Вот и хорошо! Предлагаю написать и о Преображенском, и об Измайловском полках… Только не более четырех-пяти страниц машинописного текста. Ведь еще для фотографий

место оставить надо… А сейчас я просил бы вас рассказать о самом клубе.

- Четыре-пять машинописных страниц? А что так мало? – даже вскинулся «полковник».

- Мало? Вовсе не мало,– усмехнулся я, - так как это – целая страница газеты! Говорю же прибавьте фотографию и место для названия очерка… Хочется еще какие-нибудь рисунки дать… Ну? Напишите?

- Попробую.., - задумался Юрий Павлович. Медленно, словно подбирая каждое слово, заговорил: «Клуб наш – небольшой. Порядка двадцати человек… В отчетах руководства Музея мы значимся как любительское объединение москвичей, интересующихся военной историей… Но это не совсем так. Интерес можно, как говорится, утолить, читая книги. А мы хотим оживить историю! Может быть, я повторюсь, мы планируем, да уже и начали реконструировать военную форму, оружие, походы, сражения, полковые традиции, солдатский быт во всех мелочах…

- Походы? – переспросил я.

- Именно! В ближайшее к восьмому сентября воскресенье мы уже два года выезжаем на Бородинское поле. А сейчас мечтаем связаться с французами, увлекающимися наполеоновскими войсками, пригласить их и устроить на Бородине нечто вроде потешного сражения…

- А этично ли такое отношение к памяти героев Отечественной войны двенадцатого года? Особенно – к памяти о тех, кто погиб?

- Я не вижу в этом ничего крамольного, - помотал головой. Пожал плечами мой собеседник: «Такими мероприятиями, - театрализации сражений, - мы привлекаем людей, особенно мальчиков, юношей, взрослых мужчин, изучать свою историю… Но это – как бы походя… Наш клуб не ставит перед собой ни патриотических, ни

воспитательных задач. Ни тем более политических! Их каждый наш соклубник должен решать сам для себя. А клуб – лишь средство для общения с увлеченными единомышленниками, если хотите, для познания себя в пространстве и времени.

- Тогда зачем же вы выезжаете на Бородинское поле?

- Но ведь люди ходят в походы! Сидят у костров. Поют под гитару… Так и мы… Только, с познавательными целями. Хотите взглянуть на фотографии наших поездок?

Юрий Павлович отошел к одному из столов. А я заметил, что все собравшиеся прервали свои разговоры, споры и теперь внимательно прислушиваются к нам. Председатель клуба вернулся с пухлым фотоальбомом и принялся перелистывать его.

- О-о-о, – воскликнул я, рассматривая одну из фотографий, - вы и несколько ваших товарищей здесь – уже в военной форме?!

- Да-а-а! Каждый сшил на свои любезные! – медленно и горделиво кивнул Юрий Павлович. Конечно потратились ребята: «Кр-а-а-асивая была когда-то военная форма! Не зря же

Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали:
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали!

- А как в семье относятся к таким затратам? – поневоле улыбнулся я.

- Я разведен. Жена не принимала и не понимала моего увлечения. Считала их детскими забавами… Игрушками взрослого дяди «в солдатики»! Пустою тратой времени и денег! - помрачнел мой собеседник,. Но тут же оживился: «Зато теперь мне никто не мешает… Но это – не показатель! В наш клуб ходят несколько супружеских пар. Иной раз даже завидно на них смотреть!»

- Но почему вы выбрали форму именно двенадцатого года? – продолжая рассматривать фотографии, спросил я.

- Мы начали с самого известного… Так сказать, с малого. С Петровских времен документов сохранилось немного… Екатерина Вторая силой захватила власть. И гвардейцы в этом государственном перевороте участвовали… Ее любовник убил Петра Третьего… К Павлу Первому, сами знаете, как в России относятся… Больной… Бедный… Более всего документов, воспоминаний осталось после победы над Наполеоном. С этого мы и начали…

- А не ближе ли двадцатый век? – перебил я.

- Ой! Там все так смутно… Впрочем, как после Отечественной войны…

- Как это? – удивился я.

- А-а-а! – слегка смутился. И махнул рукой Юрий Павлович: «В двадцатом году прошлого века головная рота Семёновского полка потребовала отменить палочную дисциплину, введенную еще при Аракчееве и уволить командира Шварца. Этих «семеновцев» заманили в манеж. Там арестовали и заточили в казематы Петропавловской крепости. За однополчан вступился весь полк. Тогда командование подняло весь гарнизон северной столицы. Казармы «семеновцев» окружили и, обезоружив, тоже заточили в Петропавловскую крепость. Представьте только! Весь полк! Был устроен показательный военный суд над первым батальоном. Зачинщиков прогнали сквозь строй. Остальных сослали в штрафные роты и отдаленные гарнизоны. Другие батальоны полка были расформированы и разосланы в обычные армейские части.

- Но полк-то остался?

- Он уже был иным… Сколоченным на скорую руку… Конечно, полк участвовал в войнах того времени, но в фаворе уже не был. Подвергался всевозможным реформам, перестановкам… И только в девятьсот пятом опять

оказался в фаворе, если можно так сказать. Проявил себя при подавлении декабрьского восстания в Москве… Вам не надо объяснять, что руководство Музея нас не поймет, если мы наденем мундиры «семеновцев» начала нашего столетия.

- Да уж… Не поймет! - согласился я, опять вдруг вспомнив свои последние видения. Но тут же спросил: «А нельзя ли на время взять у вас несколько фотографий? С возвратом, конечно…»

- Если с возвратом, - обвел взглядом всех клубников председатель, - То выбирайте…

Я выбрал четыре снимка. Показал их всем собравшимся. Спросил: «А кто фотографировал? Ваш одноклубник?

- Так точно, – поднялся и вытянулся совсем молоденький паренек, - моя работа.

- Отлично! – кивнул я ему, - Получите гонорар…

- Да зачем он мне?! Я же для полка стараюсь.., - даже покраснел автор снимков.

- Молодец! Старайся и дальше, - перебив парня. И положил ему ладонь на грудь Юрий Павлович: «А гонорар можешь отдать в полковую казну! Сам знаешь, какие у нас расходы.»

Я записал рабочие и домашние телефоны председателя клуба, секретаря Кати и отправился домой. Медленно прогулялся до Самотечной площади. Сел на «Букашку»… Около полуночи вошел в свою пустую комнату. И, даже не раздеваясь, прилег. Думал, что встану через полчасика, чтобы перекусить, принять душ, расстелить постель…

Мне показалось, что глаза я открыл тут же. Но стрелки на будильники высвечивали половину седьмого утра. Перекрестившись, я выдохнул: «Даже бороться с желанием сходить к Анжеле не пришлось! Слава Тебе, Господи!»

Прочитав полное молитвенное правило, позавтракав кофе и бутербродами, я отправился в редакцию. И застал Алексея Алексеевича на его рабочем месте. Поздоровавшись, он спросил: «Ну и как вы вчера съездили? Приглянулись «лейб-гвардейцы»?»

Я не успел и рта раскрыть, как вошел Борис. Он, оказывается, услышал последние слова главного редактора. И, усевшись за свой стол, уставился на меня в ожидании моего устного отчета. Даже рот приоткрыл. Я же не без некоторой иронии, рассказал о визите в клуб.

- Злой ты, Саша! – сверкнул золотым зубом Борис. Алексей Алексеевич тоже улыбнулся: «Спасибо. Вы хорошо поработали. Но мы закроем глаза на «блох» «лейб-гвардейцев». Хоть их председатель и отнекивается от патриотизма, но именно в его духе идет воспитание членов клуба. А там Господь все устроит!»

Я показал фотографии. Алексей Алексеевич, разглядывая их, хмыкнул: «Говорите, этот Юрий Павлович присвоил себе звание полковника? А военное-то образование у него есть??

- По-моему нет… Но он заканчивал технический ВУЗ. Стало быть, занимался начальной военной подготовкой, побывал на военных сборах. И по крайней мере получил погоны младшего лейтенанта, - пожал плечами я.

- Чин полковника и выше в России всегда утверждал Государь Император. Его мы отдали на заклание врагам России. Господь пока не даровал нам другого Царя. Так что, полковничьи эполеты на мундире Царской армии сейчас, на мой взгляд носить преступно… Однако, полагаю, исключение могут составлять, - разумею, носить погоны согласно воинскому званию, - генералы, старшие, младшие офицеры, имеющие специальное образование и отслужившие верой и правдой на соответствующих должностях. А посему к вашему материалу про военно-

исторический клуб мы опубликуем две фотографии. Общее собрание, где председатель стоит за столом в штатском и костер под Бородиным, где члены клуба веселятся в бутафорской форме. Когда вы напишете?

- Сейчас! – пожал я плечами… Алексей Алексеевич хотел еще что-то сказать, но в это время в дверь постучали.

- Да-да… Войдите! – отозвался главный.

И в комнату вошел высокий, по-молодому подтянутый, сухопарый старик лет семидесяти… Безукоризненный косой пробор в волосах, точеное, почти без морщин смуглое лицо, аккуратно постриженные усы, прямая спина, расправленные плечи, военная выправка говорили сами за себя. С легким акцентом гость спросил: «Здесь ли располагается редакция газеты «Русский Вестник».»

Алексей Алексеевич встал из-за стола. Тоже выпрямился. Утвердительно склонил голову: «Вы не ошиблись. Я – главный редактор «Русского Вестника». С кем имею честь?

- Григорий Григорьевич Дружинин. Честь имею! - резко склонил и тут же выпрямил голову гость. Чеканно произнес: «Я - внук генерал-майора Российском Императорской гвардии Готгарда Фердинанда Эмериха Альберта Готгардовича Тиморта. Впрочем, деда сослуживцы по лейб-гвардии Семеновскому полку тоже называли Григорием Григорьевичем.»

Алексей Алексеевич в ответ назвался и спросил: «Чем могу служить?.. Да вы присядьте!»

А у меня аж сердце зашлось. И не только потому, что «на ловца и зверь бежит»: мне предстояло писать о «семеновцах»! Поэтому визит нежданного гостя был, что называется, по теме!.. Но чувствовалось и нечто другое! Я как будто что-то силился вспомнить! Что-то очень близкое!

Родное!.. Или виденное в последнее время?! Но память не слушалась.

- Знаете ли, сударь, - между тем, усевшись на стул, уперся обеими ладонями в серебряный, литой, причудливо фигурный набалдашник трости. Также чеканно заговорил зарубежный гость: «Мы, потомки лейб-гвардии «семеновцев», разбросаны по всему свету. Но связь поддерживаем весьма тесную. Конечно, я разумею потомков тех, кто остался верен Присяге, Вере, Царю и Отчеству. Мы свято храним героическую память отцов и дедов. И вот, в последнюю нашу встречу, которая проходила в Австралии, просмотрели газету, издаваемую вами. И единодушно решили, что «Русский Вестник» - единственная в нынешнем Отчестве нашем газета, политическая и гражданская позиция которой близки нашей организации, как и всем нашим ветеранам. Разумею Российский Общевоинский Союз-Орден… Посему, мне поручено подписать на «Русский Вестник» сто пятьдесят человек, вынужденно проживающих за границей. Так сказать, в изгнании. Я плохо еще пока разбираюсь в процессе оформления подписки по Российским законам. Не мог ли кто-нибудь из сотрудников редакции помочь мне?»

- Да-да! Конечно! – заулыбался Алексей Алексеевич. Дастал из стола бланки для подписки: «Только вот… Нужно же подробно указывать имена и адреса подписчиков…

- О-о-о! У меня заготовлен список! Извольте! – Григорий Григорьевич достал из внутреннего кармана пиджака несколько листов, исписанных мелким почерком. Пояснил: «Здесь все указано. По-русски и по-английски…»

Алексей Алексеевич позвал наших редакторш и поручил им заняться оформлением подписки, а гостю предложил: «Чай? Кофе?»

- Благодарю, - отозвался гость. Постучал по сердцу: «Ничего… Я позволю себе продолжить. Наши собрали некии

средства для помощи нашей газете. Прошу принять их, к сожалению, в виде чека, Ввоз валюты в наше бедное Отчество весьма ограничен… Нет-нет! Никаких расписок не надо. Для русского человека честь – самое лучшее поручительство. А вы доказали своими публикациями, что, как говорится, честь имеете»»

Получив банковский чек, Алексей Алексеевич тут же убрал его в сейф. И спросил: «Вы упомянули Российский Общевоинский Союз-Орден…В своем .предисловии…»

- Я предвидел ваше недоумение. И поспешу развеять его. Враг по своему обыкновению расколол наш Союз… Господин Федоров, возглавляющий РОВС и компания, продолжая так называемое «Белое дело», которое ко стыду нашему никогда не были монархическими, еще в тридцать девятом году признали право на престол за князем Владимиром Кирилловичем… Вы удивлены тем, что я не называю его Великим Князем? Но папенька его Высочайшим Повелением лишен сего титула за кровосмесительный брак, заключенный вопреки воли Государя Императора и Российских законов… На журнал «Высочайше учрежденного Совещания для рассмотрения вопроса о возможности признания брака Его Императорского Высочества Великого Князя Кирилла Владимировича с бракоразведенной супругою Великого Герцога Гессен Дармштадтского Мелиттою» пятнадцатого января девятьсот седьмого года была наложена Царская резолюция: *«Признать брак Вел. Кн. Кирилла Владимировича я не могу. Великий Князь и могущее произойти от него потомство лишаются прав на престолонаследие. В заботливости своей об участи потомства Великого Князя Кирилла Владимировича, в случае рождения от него детей, дарую сим последним фамилию князей Кирилловских, с титулом Светлости…».* Да-да, господа, отец Кирилла и мать его супруги Виктории были

братом и сестрой!.. Каких, прости, Господи, отпрысков ждать в эдаком семействе?! А после февральского переворота… Командующий тогда Петроградским военным округом генерал Половцов, заявил что появление тогда уже не Великого Князя с красным бантом на шинели и под красным флагом можно оценивать только как отказ… от борьбы за свои прерогативы и как признание факта революции… Фактически в феврале семнадцатого Кирилл Владимирович нарушил Присягу и принял участие в злодейском, незаконном свержении монархии. В частности снял свой Гвардейский экипаж с охраны Царской Семьи, перешел вместе с ним на сторону так называемого революционного Комитета Думы. А ведь последний был создан незаконно! Вопреки Высочайшему Повелению о роспуске Думы. Скажу больше: согласно французской масонской энциклопедии, этот так называемый комитет состоял из масонов-заговорщиков. К измене князь Кирилл призвал и другие воинские части: *«Я и вверенный мне Гвардейский экипаж вполне присоединились к новому правительству. Уверен, что и вы, и вся вверенная вам часть также присоединитесь к нам».* При этом Кирилл всячески, во всеуслышание, чернил Царскую Семью и подло лицедействовал: *«Даже я, как великий князь, разве я не испытывал гнет старого режима? ... смею думать, что с падением старого режима удастся, наконец, вздохнуть свободно в свободной России и мне... впереди я вижу лишь сияющие звезды народного счастья...».* Ну, ладно… Господь ему Судия… Кирилл Владимирович отдал Богу душу в конце тридцатых годов. А Владимир Кириллович объявил себя, рожденного от кровосмесительного брака, блюстителем Престола Российского, а затем и Императором! После его смерти дочка от этого же греховного брака Мария Владимировна объявила себя Императрицей. А наследником-цесаревичем – своего отпрыска, Георгия. Но

ведь он, - так называемый "Великий князь Георгий Михайлович", - единственный сын принца Франца-Вильгельма Прусского и княгини Марии Владимировны, - заметьте, не «Великой»! -является членом династии Гогенцоллернов и никакого отношения к Царственным Романовым не имеет. Те, кто в России и за границей интересуется историей России и Дома Романовых, постоянно вводились в заблуждение матерью Георга и членами его семьи. В результате чего ребенок вот уже несколько лет позировал в качестве "Великого князя Георгия Михайловича Романова". Но сей молодой человек – по закону принц Георг Прусский. Прадедушка его, кайзер Вильгельм Второй в четырнадцатом году объявил России войну. А приехавшие опять же из Германии пассажиры запломбированных вагонов привели Отчество наше к катастрофе. К чему же тогда может привести Россию Георг Прусский, если, не дай Бог, воцарится в ней?! Понимающие это члены Российского Общевоинского Союза–Ордена отошли от сторонников Марии Владимировны. Зато правящая верхушка России жалует самозванку с отпрыском… И хочу предупредить: в планах ЦРУ, Массада и других спецслужб уже готовятся «чудом оставшиеся в живых» лжецаревич Алексий, лжецаревна Анастасия, Павел «второй» и им подобные… Что сказать?! Самозванцы в России – не редкость! Ну, да с нами Бог!!..

Мне хотелось сказать, что эта весть для нас не нова, но, взглянув на Алексея Алексеевича, я промолчал. Только переглянулся с Борисом… А гость, между тем, продолжал: «Теперь наше, истинно монархическое, отделение, названное Высшим Монархическим Советом, ищет единомышленников в России. Во главе Совета избраны стоять Константин Константинович Веймарн и Николай Николаевич Сахновский.»

- Сахновский? – переспросил Алексей Алексеевич. Даже лоб наморщил, вспоминая: «А не он ли в Аргентине издает газету «Русское слово»? После трагической гибели Солоневича?»

- Приятно узнать, что не открыл для вас Америку…

- Да, я читал несколько старых номеров «Русского слова», - кивнул Алексей Алексеевич.

- Слава Богу, многие запреты на границе сняты, и я привез в Россию несколько последних номеров газеты, - даже прикрыл от удовольствия глаза гость редакции. Но тут де встал. Перекрестился. Поцеловал Царский портрет на суперобложке: «Кроме того, хочу подарить редакции изданные нами книги Николая Александровича Соколова"Убийство Царской Семьи", Льва Александровича Тихомирова "Монархическую государственность", а также совместно подготовленные к печати Башиловым и Макотченко "Протоколы Сионских мудрецов". Надеюсь, что в вашей редакционной библиотеке займет достойное место и труд самого Сахновского "Святая Русь. Краткая история русского православного царства"… Если не возражаете, я занесу их вам на днях.

- Будем весьма признательны, - опять кивнул Алексей Алексеевич. Потом на миг задумался. И обратился к гостю: «А не могли бы вы нам посодействовать? Так сказать, методически?»

- Чем могу.., - развел руками Григорий Григорьевич.

- Вот, - указал главный на меня, - наш обозреватель пишет сейчас о молодежном военно-историческом клубе «Лейб-гвардии Семеновский полк»… Базируется в Музее вооруженных сил.

- Да что вы?! – воскликнул гость. Порывисто приподнялся со стула: «Неужели в Москве… Молодежь?! Посетить бы сей клуб…Возьмите меня туда с собой простите! Перебил вас…»

- Ничего-ничего, - улыбнулся Алексей Алексеевич, - я вас понимаю! Так вот, не могли бы вы сейчас ответить на некоторые неясные вопросы по истории «семеновцев»?

- Со всей душой! – кивнул Григорий Григорьевич. Повернулся ко мне. Спросил: «Слушаю вас, молодой человек…»

Я взглянул на главного. Тот улыбнулся: «Ну, не буду вам мешать… Пойду проверю оформление подписки. Заодно посовещаюсь с другими сотрудниками о делах насущных.»

Алексей Алексеевич вышел, а за ним потянулись и все остальные наши редакционные.

- Может быть, для начала, вы расскажете о судьбе своего дедушки? – даже несколько растерялся я.

- Понимаю, - заулыбался собеседник. Вспоминая, даже прикрыл миг глаза: «По службе моего деда вполне можно составить общую картину службы в Лейб-гвардии Семеновском полку. И сие – не балы, не возлияния шампанским, не романчики с дамами из высшего света, как пытались нам вдолбить некоторые, с позволения сказать, литераторы-либералы… Родился дедушка в шестьдесят восьмом году прошлого века… Закончил Пажеский корпус. И двадцати лет от роду стал подпоручиком лейб-гвардии Семеновского полка. Нес строевую службу. Через четыре года был произведен в поручики, а еще через семь – в штабс-капитаны… Как говорят, тянул лямку полувзводного, взводного… Достойно тянул… Может быть, за это командование и направило его на учебу в Николаевскую Академию Генерального Штаба… Однако, по окончании сего заведения дедушка не был причислен к оному. Не смотря на то, что выпущен был из Академии по первому разряду! Что уж он там натворил?.. Ни папеньке моему, ни маменьке не открыл он причины, по которой вынужден был вернуться на исходное. Но я полагаю: не по причине ли отказа вступить в масонскую ложу? А их развелось тогда…

Была доже так называемая «великокняжеская», прости, Господи! Как-то дед намекнул об этом… После окончания Академии вернулся он в свой полк, где его тут же был произвели в капитаны и получил в командование роту. В дальнейшем он успел поучаствовать в подавлении декабрьского восстания в Москве… Особенно – на Пресне… Однако только в девятьсот восьмом году ему дали чин полковника… И снова – строевая лямка. Но в августе четырнадцатого его вдруг назначают командиром девяносто второго пехотного Печорского полка. А уже на фронте дедушка получает Высочайший приказ о награждении Георгиевским оружием за службу еще в лейб-гвардии Семёновском полку… И - новые награды: *«За то, что в бою 2 сент. 1914 г., под Кржешовым, будучи послан для объединения действий батальонов, направленных с фронта, с 2-м батальоном, посланным в охват неприятельской позиции, под сильным ружейным и пулемётным огнём противника перешёл с фронта в наступление с целью привлечь на себя внимание неприятеля. Благодаря умелому руководству батальонами, способствовал захвату единственной переправы у Кржешова на р. Сан, через которую на другой день переправился весь Гвардейский корпус…».* Я еще с малолетства наизусть заучил это представление… Летом пятнадцатого дедушку произвели в генерал-майоры и назначили командиром бригады. Потом дали дивизию. И перед самым октябрьским переворотом он был удостоен ордена святого великомученика Георгия Победоносца 4-й степени… В Гражданскую войну состоял в армии Бермондт-Авалова.

- А кто это? Бермондт-Авалов?– спросил я.

- И-и-и, мой молодой друг! – даже крутанул головой Григорий Григорьевич, - Это – очень темная личность. Но… генерал! Соратник Юденича. В девятнадцатом году бежал в Германию, где оказался и мой дедушка. Судьбу Бермонд-

Авалова еще предстоит изучать и еще много раз изучать военным историкам: настолько противоречивы свидетельства о нем. Дедушка не любил вспоминать об этом генерале. Даже не знаю, по какой причине… Проживая в Потсдаме, дедушка был членом полкового объединения лейб-гвардии Семёновского полка. Я прекрасно помню их заседания… Немецкое происхождение не вызывало подозрение у гитлеровцев. А между тем дедушка помогал многим, как говорят, антифашистам. Даже спасал от верной гибели… Отошел он ко Господу в сорок первом году, в Дрездене. Прах его покоится на Северном кладбище..

- Так и видятся «семеновцы! – восхищенно прошептал я. И в самом деле увидел. Только почему-то были они в белоснежный мундирах, поверх которых у многих накинуты алые плащи. И кресты – руках… Мученики: «Благородные! Честные! Чистые! Боевые!.. Один - за всех и все - за одного!»

- Увы, Александр! Не спешите с выводами! Это не так! Еще в пятидесятых, когда у вас в России реабилитировали казненных в годы репрессий, нашей разведке, - была и такая в РОВСе, - удалось добыть очень интересные документы. Наши люди, якобы, искали материалы по репрессированным палачам тридцатых годов…. Но на самом деле нас интересовали те, кого эти палачи допрашивали, казнили. И что же вы думаете! Среди офицеров-«семеновцев» оказались те, кто *страха ради иудейска* рассказывали о сослуживцах то, что было и чего не было, а порой и безпардонно клеветали… Мне как юристу, владеющему очень большой конторой, было немало интересно познакомиться с протоколами допросов, в которых фигурировали, например, фамилии моего дедушки и его брата, тоже офицера-«семеновца»… Но вообще привлекли показания некоего Поливанова, - офицером его не назову… Тряпка, прости, Господи! Свое участие в расстрелах мятежников он поначалу вообще скрывал…

Потом признался, но сделал сие очень, должно быть, по его мнению, очень хитро… Мол, когда он со своей полуротой отказался расстреливать мятежников, полковник Риман, - Царствие ему Небесное! - пообещал расстрелять его самого… Якобы только под прицелом Николая Карловича его полурота расстреляла пятнадцать бандитов. Обвинял в зверствах капитана, а к концу войны уже генерала фон Сиверса, самого Римана, упоминал офицеров Паригорста, Макарова, Назимова, Форста, других… Говорил, что не видел, как они расправлялись с мятежниками. Но ведь мы-то прекрасно знаем, что следовало за одним упоминанием фамилии русского офицера!.. Ну, этот хоть не изображал «семеновцев» палачами… А вот другой… Ме-э-эрзавец! Шрамченко! Иуда! Тот готов был всех продать! Лишь бы шкуру свою спасти! С первых слов протокола он заявил, что несколько солдат, под личной командой Римана, штыками закололи помощника начальника станции. А сам он, якобы помогал ротному фельдшеру перевязывать девятилетнего ребенка, раненого солдатами. И тут же упомянул, что Ухтомского и еще тридцать мятежников расстреливала рота капитана Швецова... Что особыми зверствами отличался Аглаимов - адъютант одного из батальонов. Все зверства его выражались в том, что он собственноручно из нагана расстреливал взятых в плен, и что за казни получил высший орден Владимира 4-й степени. Наряду с Аглаимовым, по свидетельству Шрамченко, такими же зверствами, отличались братья Тимроты. Да-да! Мой дедушка и его брат! И так мерзавец сожалел, что они находятся за границей!.. Этот Шрамченко дал показания и против капитанов Швецова и Сиверса. Про Якова Яковлевича фон Сиверса он добавил, что именно его рота девятого января пятого года стояла на полицейском мосту и стреляла в демонстрантов… Но мы-то знаем, что никакого расстрела там не было!

- Простите, Григорий Григорьевич, – осторожно перебил я старика, - Поливанов хоть про свое участие в расстрелах помянул… А этот?.. Как его?..

- Шрамченко.., - с некоторым снисхождением подсказал гость, - он, мерзавец, заявил: мол, на нем лежала всего лишь охрана обоза и полкового знамени…

- Действительно, мерзавец! Но как тогда еще в девятьсот пятом офицеры-«семеновцы» не углядели в нем это?

- Знаете ли, я много думал об этом… Наши благочестивые предки имели, если можно так сказать, совершенно иной менталитет: не подозревать в другом ту пакость, на которую сами не способны! Ведь пробудилась совесть у «семеновцев», когда поначалу, а именно в семнадцатом полк перешел на сторону бандитов, захвативших в стране власть. Тогда его переименовали в «3-й Петроградский городской охраны имени Урицкого». Тогда же в него записалось много, прости Господи, «буржуйских сынков», дабы уклониться от службы в Красной армии… Но скоро началось наступление Юденича на Петроград. И бывший Семеновский «красные» преобразовали в «3-й пехотный полк 2-й Петроградской бригады особого назначения» и послали на фронт. В конце мая девятнадцатого года «семеновцы» дислоцировались в селе Выра, которое недалеко от станции Сиверской. Но оказалось, что капитан Всеволод Александрович Зайцев, возглавлявший полк и командир одного из баталионов Самсониевский, - простите, имя и отчество последнего запамятовал, - договорились с командиром Талабского полка, остававшегося верным Присяге. К слову, Всеволоду Александровичу удалось уехать в Финляндию… И до семьдесят восьмого года он возглавлял Объединение лейб-гвардии Семеновского полка за рубежом. Так вот, когда Талабский полк вошел в село, «семеновцы» арестовали и

расстреляли всех коммунистов. Комиссар Раков, забаррикадировавшись с пулемётом в одном из домов, отстреливался до последнего патрона. Потом застрелился. Так полк снова стал наименоваться лейб-гвардии Семеновским. Приехавший на строевой смотр командир Северного корпуса генерал-лейтенант Александр Павлович Родзянко отметил бодрый вид «семеновцев»…

- Так, может быть, переход лейб-гвардейцев на сторону «красных» был, что называется, военной хитростью? – несмело предположил я.

- Знаете ли, голубчик, я слышал такое мнение… Но нам сквозь толщу лет трудно судить… К тому же, не все «семеновцы» остались верными… Да и были ли таковыми до семнадцатого года?.. Как я слышал от дедушки, тот же Шрамченко, - его не очень уважали в полку, - выслуживался перед начальством больше других… А выслуживаться, вместо того, чтобы служить, - зло! Не знаю, читывали ли вы труды нашего гениального философа Иоанна Александровича Ильина… Он ведь очень хорошо написал, что *«Присутствующий при злодеянии переживает некое искушение и соблазн, ибо во всяком злодеянии зло провоцирует всех окружающих, властно заставляя их высказаться и обнаружиться, занять решительную позицию: против зла или в пользу зла. Уклониться от этого испытания нельзя, ибо уклонившийся и отвернувшийся высказывается тем самым в пользу зла…»*. Зло в душах Поливанова и Шрамченко росло, как снежный ком. Первый-то, к слову, даже служил «красным»… Но сие не спасло его шкуру… Новые хозяева казнили своего холуя. Его расстреляли в тридцатом году. Однако вместе с ним были казнены генералы Сиверс, Кавтарадзе, Шелехов, полковники Комаров, Брок, Дренякин, чиновник Христофоров, капитан Кудрявцев и унтер-офицер Смирнов.

Царствие им Небесное! Ещё четверо, а именно, капитан Гильшер, прапорщик Куликов, военный чиновник Родионов и унтер-офицер Полосин были приговорены к десяти годам каторги, что как вы понимаете, равнозначно смертному приговору… Нескольких осудили на меньшие сроки… Я привел те факты, которые удалось узнать нашим московским друзьям. Но потом были тридцать седьмой, …восьмой, сороковые… Не думаю, что оставшиеся в России «семеновцы» уцелели в большевистской мясорубке. К тому же архивы-то несколько раз открывали для ученых-историков на очень короткое время.

- А Шрамченко? - не выдержав, перебил я. Не терпелось знать, как сложидась судьба мерзавца. Ведь *Сне отмщение, Аз воздам:* «Вы не узнавали: как его судьба сложилась?»

- И-и-и! Голубчик, – усмехнулся Григорий Григорьевич, - в Объединении лейб-гвардии Семеновского полка не вспоминают иуд… Я думаю, что Господь Сам рассудил и… осудил… Но, простите, друг мой, вы не могли бы, что называется, свести меня с соотечественниками из клуба «Лейб-гвардии Семеновский полк»?

- Григорий Григорьевич! – вздохнул я. Вспомнил слова господина «полковника»: «При первом же моем визите с модным названием «любительское объединение», - ха! нелепо! «любительский патриотизм!, - его председатель, кстати сам присвоивший себе чин полковника, подчеркнул, что деятельность клуба не ставит ни патриотических, ни воспитательных, а тем паче политических целей. Хотя в последних, кажется, необходимости пока нет.

- Тогда зачем же они собираются? – недоуменно вскинул брови и подбородок гость. Подавшись вперед, оперся на трость: «Но все равно! Окажите милость! Запишите номер телефона моих друзей, у которых я остановился… Терпеть не могу гостиницы! Там чувствую

себя голым. Везде скрытые кинокамеры, микрофоны… Вы когда поедете в клуб, пожалуйста, позвоните. Можете поначалу представить меня как ученого… Скажем, историка… И здесь мы с вами душой не покривим. Я хоть и возглавляю сейчас адвокатскую контору, но по первому образованию – все-таки историк.

…Минут через сорок Григорий Григорьевич, оплатив несколько десятков квитанций подписки на «Русский Вестник», раскланялся. После его ухода Алексей Алексеевич заговорщически обвел нас всех взглядом. Словно игральные карты, раздвинул в ладони доллары. Объявил: «Ну, вот! Теперь у нас появились средства на премию… Борис! Не сочтите за труд. Сходите в «обменник». Обменяйте всевидящее масонское око на деньги.»

Потом главный обратился ко мне: «Я думаю, что свидетельства нашего сегодняшнего гостя можно процитировать в заключение вашего материала. А заодно и мнение… Только помягче!»

- Может быть, его рассказ взять за основу исторического очерка о «Лейб-гвардии Семеновцах»? Мне в клубе обещали написать! Я вижу воспоминания Григория Григорьевича, как начало! Заинтриговывает! Это же все-таки - история… - предложил, было, я.

- Нет, – сняв очки, потер двумя пальцами переносицу Алексей Алексеевич, - преподнесите это в своем очерке о клубе, как призыв к поиску погибших героев. Мы должны созидать! Созидать патриотов сегодня, взяв за пример службу, жизнь патриотов Отчества в прошлом!

- Возможно, в клубе уже знают многое… Но меня там видели впервые. Я предполагаю, что председатель клуба просто побоялся откровенничать… Подстраховался про патриотизм… А мог вообще подумать, что меня подослали из «компетентных органов»! - размышлял я вслух.

- Казачок-то засланный! – хохотнул Борис. И сверкнул золотым зубом; «Прямо, как в «Неуловимых мстителя»…»

Он хотел еще что-то сказать, но Алексей Алексеевич выразительным взглядом остановил его.

- Вот и покажите, что пора перестать бояться! Работайте! – снова повернувшись ко мне, завершил разговор Алексей Алексеевич и опустил глаза в бумаги, стопкой наваленные перед ним. До обеда я просидел над своим очерком о клубе. Да, придется самодеятельному автору в публикации мягко отказать.

…А на выходные снова отправился в Белгород. Алла встретила меня хмуро. На мой вопрос пояснила: «Вадик опять «двоек» нахватал… Что за четверть выставят? Если так дело и дальше пойдет, я даже не знаю, возьмут ли его в какую-нибудь московскую школу.»

- Хочешь, позанимаюсь с ним и по математике, и по русскому, и по истории? – целуя ее, спросил я.

- Ладно, по русскому, по истории… Ты, как журналист, – «профи»! А по математике? – вскинув одну бровь, спросила она.

- Я в военном училище защищал дипломную работу, основанную именно на высшей математике!

- Попробуй!.. Какой все-таки ты у меня молодец! А то я со школы все позабыла!.. Помню только то, что касается медицины… Пойдем, покажу тебе, как мы закончили ремонт…

Разглядывая новые стены, я расстроился. Показал Алле: «Обои надо было клеить внахлест, а не встык. Тут же даже полоски специальные намечены… А у вас – щели между рулонами! С палец толщиной!

Алла скривила губы: - Я все-таки – тэрапэвт, а не штукатур! Дети тоже еще не успели научиться! Приезжал бы сам и клеил бы! Да и кто рассматривать будет?!

«Внахлест»… «Встык»… Какая разница! Все равно – нам здесь не жить, будем же переезжать! Здесь темно! Обменщики и не увидят! А в самых освещенных местах можем на щели между обоями календари понавесить… Плакаты всякие… Светильник уберем… Еще темнее станет! Незаметнее! Говорю же: никто ничего не увидит! Сойдет и так!

Я пошел дальше осматривать плоды ремонта. Дверь в большую комнату оказалась повешенной криво. Потому и не закрывалась. Но я ничего говорить не стал. Решил сам перевесить. Я взглянул наверх. Опять пришлось спросить: «Мы же, вроде, договаривались стойки, на которых новая стена держится, покрыть лаком или эмалью? И здесь совсем не обязательны мужские руки… Но это опять же надо было делать перед тем, как обои наклеили!»

- Да?! – вспыхнула Алла. Надула губы: «Лак?! Эмаль?! А ты забыл, что Наташа от этой химии может просто задохнуться?! Куда мне ее прикажешь девать, пока лак или твоя эмаль просыхать будут? Да и как после них зимой проветривать? Девочка уже начала готовиться к выпускным экзаменам… Ладно. Пойдем завтракать. Потом – отдыхать. Пока дети в школе…»

Перевешивать дверь мне пришлось довольно долго. Переставлял петли, шпатлевал пазы… А тут еще Наташа, явившаяся из школы раньше Вадика, пробурчала: «Этот ваш ремонт, наверное, никогда не закончится! Придумали. Ведь жили, как люди!»

А пообедав, объявила: «Ма! Я пойду к Ирке уроки делать. И к математике готовиться… А то тут опять стучать, пилить начнут. Голова расколется… Не сосредоточишься!»

После ее ухода Алла покачала головой: «Я так детей растеряю… Им уже дома противно оставаться…»

- Так что ж? – сдерживая раздражение, отозвался я. Чуть не швырнул в сторону отвертку: «Не делать ремонт? Не обмениваться?»

- Не знаю… – выдохнула Алла, - попробую поговорить с дочкой… Вадик-то что?! Он со всем соглашается…

- К слову, - огляделся я. Прошел в прихожую. Посмотрел там: «Надо бы потолки на кухне, в ванной, в туалете, в прихожей побелить. Посмотри! Они - черные!.. На кухне вообще целые гирлянды паутины с потолка свисают. Заставила бы хотя бы Наташу веником смахнуть! Или Вадика… Неплохо было бы и в комнатах потолки побелить. Подоконники, рамы на окнах тоже не мешало бы прошпатлевать и покрасить. Но это, в принципе, можно и весной, с наступлением тепла сделать. Ты вспомни, как квартира в Панках отремонтирована!»

- Не надо ничего этого делать! И так сойдет! – начала, как я почувствовал, раздражаться и Алла. Но замолчала, потому что из школы вернулся Вадик. И Алла пошла на кухню разогревать обед для него. А я в это время, наконец, повесил дверь в большую комнату.

Пообедав, Вадик включил телевизор и уселся напротив него. Я прошел на кухню, где Алла составляла посуду в мойку. Сказал ей: «Ты хотела, чтобы я позанимался с Вадиком. Скажи ему. Можно сейчас.».

- Пусть отдохнет! А поближе к вечеру займешься с ним. Пойдем, там, по телевизору «неуловимых мстителей» показывать будут. С детства люблю этот фильм. Когда его в первый раз посмотрела, мне было столько же, сколько и самим героям. Ну-у-у, может быть, чуть поменьше. Сначала в клубе его «крутили». Так мы каждый день бегали! Даже уроки прогуливали! А потом «Неуловимых мстителей» стали частенько по телевиденью показывать. То – по Московскому каналу, то по нашему, областному. Тогда в конце шестидесятых, в Фатеже телевизоры в домах можно

было по пальцам пересчитать. Вот, половина класса и ходила к нам смотреть «неуловимых…».

- А потом вы в них играли? – хмыкнул я.

- Ты что?! Мы уже женихались… Но лишнего мальчишкам не позволяли! Мне было-то лет пятнадцать-шестнадцать. Одноклассникам - тоже.

- А ты знаешь, как самый по сюжету первый фильм назывался?

- Первый?

- Ну да… Немой! Поставленный в начале двадцатых годов по повести какого-то Бляхина «Красные дьяволята», прости, Господи! И фильм так же назывался. «…дьяволята…»! Получается, что «красные» - дети, - опять, прости Господи! – от дьявола… Вот, кому вожди Красной армии Троцкий, Тухачевский, Буденый и иже с ним поклонялись… И народу вдалбливали в головы это поклонение… С тех пор и поклоняются люди…

- Они просто не думали об этом, - пожала Алла плечами.

- Но подсознательно воспринимали!.. Как ты любишь говорить, «мистически»!

- Ну что ты?! Какая здесь может быть мистика?! Ты преувеличиваешь…

- У тебя, по-моему, был Большой энциклопедический словарь?

- Ну, да! Во-о-он, он стоит на полке, - показала она на книжный стеллаж. Я взял толстенный том. Полистал его. Нашел. Прочитал: - «*Бляхин Пав. Анд. (1886-1961). рус. сов. писатель. Чл. КПСС с 1903. Рев.-приключенч. пов. «Красные дьяволята» (1923-26)*». И все! Весь в сокращениях! Не хотел бы я в таком виде быть помянутым даже в Большом энциклопедическом словаре!

- Если тебя что-нибудь еще интересует, можешь позвонить Игорю Андреевичу. У него есть справочники Союза писателей разных лет издания…

Что я и сделал. Игорь Андреевич, услышав в трубке мой голос, похоже, обрадовался: «При-ивет! Привет! Сколько лет, сколько зим! Алла говорила, что ты на все выходные приезжаешь… А почему в гости не заходишь? Мы с женой ждем-с. Честное слово, приходите!»

- Мы же ремонтом занимаемся. Готовимся к обмену, - ответил я.

- Да-да! – почему-то замялся на несколько секунд Игорь Андреевич. Но тут же весело продолжил: «Алла рассказывала… И что обмен уже нашли… Но все равно, зашли бы как-нибудь!..»

- С удовольствием. Но в следующий раз… Звоню вам с просьбой о помощи!

- Чем могу?

- Если не очень заняты, вы не могли бы посмотреть в Справочнике Союза писателей данные о Павле Андреевиче Бляхине? Он написал еще повесть «Красные дьяволята»…

- Подожди минуту. Сейчас гляну…

И через некоторое время я услышал в трубке: - Вот, нашел! Родился Бляхин в Саратовской губернии…

- Игорь Андреевич, – перебил я, - в Большом энциклопедическом словаре я посмотрел… Меня интересует его революционная и писательская деятельность.

- Ну-у-у… Начал он революционную деятельность в Астрахани, где работал учеником наборщика типографии. Там же вступил в РСДРП… Заметь, семнадцати лет от роду!

- Молодой да ранний! – хмыкнул я.

- Через год, то есть в девятьсот четвертом переехал в Баку, где, официально числясь переплетчиком, создавал социал-демократические кружки, участвовал в стачке нефтяников, сидел в тюрьме… И представь, «кровавое

царское» правительство амнистировало его всего через несколько месяцев после ареста. Из Баку Бляхин подался в Первопрестольную, агитировал, работал в профсоюзах. В девятьсот пятом дрался на баррикадах. Стал членом Московского комитета РСДРП. Но был арестован и сослан в Вологодскую губернию.

- В тридцать седьмом его за баррикады и антисоветское «комитетство» поставили бы к стенке! – не выдержал я.

- Уже в девятнадцатом году поставили бы! – в тон мне ответил Игорь Андреевич. И продолжал: «В тринадцатом году бежал из ссылки. Жил нелегально. Мотался в Баку, в Тифлис, в Кострому… После семнадцатого года занимал разные, но командные должности в губернских комитетах. В той же Костроме, в Одессе, Екатеринославе. Воевал с махновцами… Но в двадцать пятом он уже - в составе художественного совета по делам кино при Главполитпросвете РСФСР. А через год назначен заместителем заведующего отделом печати ЦК ВКП(б) и членом коллегии Главлита от отдела печати.

- Цензура? – спросил я.

- Она, «родимая»! – хохотнул Игорь Андреевич.

- Это сколько ж он талантливых русских людей «закрыл»…

- Ну, да! Зато в это же время был снят немой фильм по его повести «Красные дьяволята.

- Своя рука – владыка! Только, если не знаешь, сообщаю, что в повести вместо цыгана, - как в последнем фильме, - был китец, а в немой ленте – негр! С двадцать седьмого года Бляхин - член правления «Совкино». Вторую половину тридцатых - председатель ЦК Союза кинофотоработников СССР, литературно-сценарный работник на дому. А скоро и - главный редактор сценарного отдела киностудии «Мультфильм».

- А что?! Надо отдать должное, старые мультфильмы были очень даже неплохими!

- Но я думаю, что Бляхин был там скорее вроде «свадебного генерала»… Однако, тем не менее, он в июле сорок первого пошел в ополчение. И это – в возрасте пятидесяти четырех лет! Дивизия, в которой служил Бляхин, поначалу строила оборонительные укрепления. Но во время первых же боев была почти полностью уничтожена. А Бляхин в октябре, что называется, всплыл уже в качестве специального корреспондента армейской газеты. И за годы войны опубликовал более полусотни фронтовых очерков и рассказов.

- За пять лет? Всего-то?! Я за год больше пишу! – хохотнул я и тут же упрекнул себя за бахвальство…

- Читаю, Саша, читаю твои публикации. И радуюсь за тебя! А в Союз писателей не собираешься вступать? Вон, Бляхин уже в январе сорок пятого стал его членом!

- Желанием не горю!

- А зря…

- Что еще написал этот Бляхин?

- В справочнике значатся автобиографическая трилогия «На рассвете», «Москва в огне», «Дни мятежные». Она посвящена революции девятьсот пятого года... Ну-у-у… Еще есть киносценарии «На рассвете», «Через победу к миру», «Падение Коммуны», «Большевик Мамед», «Иуда», «26 бакинских комиссаров», «Наместник Будды», «В чаду кадильном», «Крест и пулемёт», «Красные дьяволята»…

- Интересно было бы взглянуть на его, с позволения сказать, произведение «Иуда»…

- Я бы не стал!.. Более, чем уверен, что там Бляхин из Иуды делает героя! Первого революционера, прости Господи… Ты ведь, поди, слышал, что ему памятник, по-моему, в Томске ставили? По предложению то ли Троцкого,

то ли Свердлова. А может быть, и обоих сразу! Одна футбольная команда!

- Слы-ы-ы-шал! – засмеялся я. И тут же перекрестился я: « Господь Бог не попустил!»

- Зато Бляхину та-а-акой гранитный памятник на Новодевичьем стоит! Мне как-то пришлось в составе делегации Союза писателей съездить туда… Так сказать, почтить память… Обязаловка!

- Ну и как? Почтили?

- А то! Потом из ресторана ЦэДээЛа всей делегацией еле-еле выползли!.. Ну? Я удовлетворил твое любопытство?

- Спаси Господи… Просто сейчас по телевизору будут «Неуловимых мстителей» показывать… Вот, я и заинтересовался…

- Ой, Саша, признайся! Не просто так ты полюбопытствовал!

- В общем-то, да… Меня задело слово «дьяволята»… Возникла мысль написать о сатанизме под «кумачовым, революционным знаменем»… И - в произведениях так называемого «социалистического реализма». Тем же Горьким-пешковым и иже с ним.

- Опасно, Саша!

- Кто не рискует, тот не пьет ни шампанского, ни коньяку! А мне хочется! - засмеялся я.

- Бог в помощь! И храни тебя Господь!.. Найди время, навести старика! Вместе с Аллой, конечно!

На этом наш разговор и закончился. Хлопнула входная дверь. Послышался голос Наташи: - У Ирки мать стирку затеяла. И ее припахала… Не до математики. Договорились на завтра.

А из комнаты, где стоял телевизор, уже доносилось: «Погоня, погоня, погоня, погоня… В горячей груди…»! Или «крови»… Я вошел туда. Алла, Наташа, Вадик «прилипли»

к телевизору… «Мнительный ты стал, Сидор! Ой, мнительный!..» - раздавалось с экрана.

- Садись скорее! – с придыханием прошептала Алла.

- Я лучше в магазин схожу. Надо краски для подоконников, батарей, полотенцесушителя в ванной, дверей, наконец, купить. Побелку для потолков.., - вздохнул я.

- Побелку мне и на работу пациенты принесут, – не отрываясь от экрана, ответила Алла. – а ты лучше сядь! Глянь! Фильм-то хороший! Да и зачем сейчас за краской идти? Весной и купим! Перед тем, как переехать…

- Весной-то все к ремонтам станут готовиться. По магазинам побегут. Всё с прилавков «сметут». И краску, и побелку, и кисти, и шпатлевку, и шпатели… И еще чего… А мы можем заранее купить. И лишней головной боли не будет. И беготни по магазинам. Не из Москвы же тогда мне все это везти! - уже едва справлялся я с раздражением. И мне вдруг показалось, что они втроем чувствуют себя участниками событий, развернувшихся на экране… Только… Неужели на стороне «дьяволят»?! Наташа даже рот раскрыла, словно вдыхала и заглатывала увиденное и услышанное.

- Ну, иди уж тогда! – махнула Алла рукой, подобно ее детям не отрываясь от экрана телевизора.

Что я и сделал. А когда вернулся с двумя тяжеленными сумками, фильм уже закончился. Теперь с экрана какой-то очкарик вещал о том, как где-то на Алтае выращивают небывалое по весу поголовье свиней. Но Алла и дети продолжали сидеть у телевизора.

- Кто у нас в свиноводы собрался податься? – хохотнул я.

Все трое недоуменно перевели на меня взгляды. А я продолжил: «Наташа, ты же отличница! Позанималась бы с

Вадиком математикой. А я могу историей.ю литературой и русским языком.

Девушка хмыкнула: «Ага! Будто я не пробовала… Он все равно ничего не понимает! Ту-у-упой!»

- Наташа!.. – укоризненно воскликнула Алла.

- Ма, – в тоне ей ответила дочь, - мне же самой сейчас готовиться надо! Ты же говорила, что в Москве поступить в институт гораздо труднее, чем в Курске. Или в Белгороде.

- Ладно, - выдохнул я, - Вадик, пойдем, я попробую тебе помочь.

- А ему это надо?! – хохотнула Наташа. И ехидно прищурилась: «Может быть, ему полезнее сейчас телевизор посмотреть. Поучится, как свиней выращивать! А если и научится, вот, сала-то натрескается! От пуза! Только не лопнул бы!.. На большее-то он навряд ли способен…

Она встала со своего места и, гордо вздернув подбородок, неспешно ушла к себе в комнату. Вадик тоже нехотя поднялся. Вздохнул: «По-а-а-йдемте… Я попробую…»

После часа занятий, я понял, что он совсем не туп! Просто ленив. Не может или не хочет сосредоточиться. Думает о чем угодно, только не о математике. Но кое-что я все-таки, что называется, вдолбил ему в голову.

Вечером, после ужина, я предложил Алле: «Погодка-то на улице! Прямо Рождественская! И снег какой крупный! Просто волшебный! Может быть, сходим, прогуляемся часик?

- Ой! Так не хочется из дома выползать! – поморщилась она. Продолжала смотреть про свиноводство. Вдруг встрепенулась: «К тому же скоро сериал начнется… Не хочется пропускать очередную серию.»

…Утром, сразу после ухода Наташи я занялся потолком ванной. Под песни с пластинки Жанны Бичевской застелил всё там старыми газетами… Смыл почерневшую

старую побелку… Если так можно было назвать темно-серую массу, несколько ведер которой я вынес на улицу. Потом красил. До самого вечера. Принял душ. А после ужина поцеловал Аллу и, пожалев ее, один отправился на вокзал, чтобы уехать в Москву. Хотя был весь, что называется, вымочален, душу наполняла радость: живу в семье, ради семьи, для семьи… И даже Наташина недоброжелательность позабылась.

Пройдя мимо двух трехэтажных рабочих общежития, уже окруженных «семеновцами», мы оказались на заснеженной сельской улице. И я обратил внимание, что дома здесь подобротнее даже, чем у крестьян в нашем имении под Тверью: кирпичный побеленный низ, еще не успевшие почернеть бревна стен, свежевыкрашенные наличники на окнах…

- А не бедно живут заводские! – хмыкнул фельдфебель, командовавший отделением.

- А то! – отозвался жандармский урядник. Даже не повернул к нам головы. Я взглянул на него. Оказалось, что он высматривает кого-то в конце улицы. Но все же пояснил: «Ежели кто хорошо работает, да еще более десяти лет, то за счет завода ему и дом возводят… И коровенку, козочек дают… Птицу сами заводят… Да им платят поболе, нежели нам, в полиции! У этого Лешки-то Ухтомского две коровенки было, три козы, козел… А птицы – не сосчитать! И чего ему, ироду, не доставало?! Только работай!»

- Откуда знаешь? Про коровенок, коз, птицу «несчитанную»? – хмыкнул я.

- Как же-с! Он под надзором у нас, почитай, уже не первый год! Про него нам все знать положено!

- А что? Этот Ухтомский хорошо работал? – тихо спросил Николай Карлович.

- Хорошо ли, нет ли, то не ведаю. Однако прозывался господином механиком… На службу в белой сорочке хаживал… При галстуке! Потом в темную косоворотку переодевался… И народ баламутил! Всё к этим.., как их.., иродов.., к эсерам примкнуть призывал! Все про свободы всякие толковал.. Эт-то, значится, чтоб свободно говорить, все, чё пожелаешь… Хоть гнилые слова! Газетки всякие, прокламации тоже свободно носить и читать… А самое главное, кощунник, против Матушки-Церкви и батюшки Государя Императора балаболил… Слыханное ли дело, прости Господи! Свобода-то нам, крещенным, одна дана: выбирай, грешить али не грешить… А он!.. Тута давеча какой-то совет они, стало быть, мятежники, смастырили… И соблазнили туда печатников, металлистов, табачников, железнодорожников и столяров. И всё – молодежь неоперившуюся мутили! Ох! Лучше бы, как сказано в Священном Писании, жернов мельничный ему на выю повесили… Да – в море!.. Так Лешка этот, стало быть, Ухтомский, на пару с таким же баламутом техником-чертежником Воробьевым по всей линии, аж до Коломны, мотались. Народ с толку сбивали!.. А вот – и дом евойный! Ухтомского, значится…

- Окружить! – скомандовал полковник Риман фельдфебелю. Что тут же и было исполнено. А Николай Карлович, я и двое жандармов вошли во двор. Потом – в пятистенок. Но там, в большой, не очень прибранной комнате застали только миловидную женщину лет тридцати с небольшим да детей-погодок, буквально облепивших ее. На вопрос полковника Римана, она, вздернув подбородок, сухо ответила: «Да, я Александра, жена Алексея Ухтомского… Мужа нет дома. Он еще неделю назад уехал. Куда, не сказал.»

Мы осмотрели весь дом. Николай Карлович даже в погреб заглянул. Я поднялся на чердак. Жандармы,

посланные обыскать хозяйственные постройки, вернулись ни с чем. На вопросительный взгляд полковника Римана только развели руками. Я удивился: в доме не было ни красного угла, ни икон… Как же семья живет без святынек? И тут со стороны завода раздались частые револьверные и винтовочные выстрелы.

- Быстрее! – скрипнув зубами, прикрикнул Николай Карлович, - Если кто из мятежников и дома, то услышит. Попытается сбежать. Но вернее всего, пожнлает примкнуть к мятежникам

И действительно, только мы выскочили за калитку, как увидели двоих, по виду мастеровых, в не застегнутых полушубках, без шапок, но с револьверами в руках. Они, направились, было, в нашу сторону, но заметив солдат и жандармов, на миг остановились. Один из них выстрелил. Жандармский урядник, бежавший первым, приостановился… Словно запнулся… Охнул. Схватился за бок. И ополз на снег… В ответ выстрелил я. Навскидку. Один из мастеровых откинулся назад. Другой бросился к забору и попытался перелезть через него… Но повис, застигнутый выстрелом полковника Римана. Когда же мы подбежали к бандитам, то увидели, что моя пуля попала одному прямо в переносицу. Другой же мятежник оказался только раненным в плечо. Когда жандармы его скручивали, он застонал и разразился гнилыми ругательствами. В других домах, куда мы мимоходом заскакивали, мятежников тоже не застали.

- Стало быть, все туда ушли! – дернул подбородком Николай Карлович в сторону завода, откуда слышалась непрерывная стрельба. Дважды громыхнули орудия… Застрекотала пулеметная очередь… Но по мере нашего приближения, всё постепенно затихало. И когда мы оказались около рабочих общежитий, оттуда «семеновцы» уже выводили связанных мастеровых. Некоторые из

последних были перевязаны. Со стороны мастеровых оказалось четверо убитых. Восемь мятежников – ранены. Наши, слава Богу, отделались только ранениями.

- Ухтомский задержан? – спросил полковник Риман.

- Никак нет, - доложил командир двенадцатой роты капитан Зыков.

Перед воротами завода на коленях в снегу, со связанными позади руками тоже стояли арестованные мятежники. Капитан Швецов доложил Риману: «Нам было оказано вооруженное сопротивление. С нашей стороны – двое убитых, пятеро раненных. Со стороны противника – шесть убитых, двенадцать раненных. Оружие изъято. Кроме того, в одном паровозе, под углем обнаружены ящики с винтовками, револьверами, гранатами и патронами. Несколько пачек антиправительственных газет и прокламаций. И еще: изъяли три пустых и пять полных четвертей самогона-первача…

- Ухтомский задержан? – спросил полковник Риман.

- Никак нет, - ответил Швецов.

- Так, где же он?! – в сердцах крутанул головой Николай Карлович. Но тут же, очевидно, взял себя в руки. Приказал: «Пусть мятежники встанут с колен. Постройте их в одну шеренгу вдоль стены. Вместе с задержанными в общежитиях.»

Что и было тут же исполнено. Полковник Риман прошелся вдоль разношерстного строя. Выйдя подальше перед мятежниками, усмехнувшись, обратился к ним: «Ну, и где ваш, с позволения сказать, вождь? Где Ухтомский, который, по сути, приговорил вас к смертной казни..? А мне дан приказ расстреливать всякого, взятого с оружием в руках… И я его выполню! Однако обещаю сохранить жизнь тому, кто укажет на Ухтомского или скажет, где он сейчас находится. Наразмышление даю две минуты.»

Строй, что называется, загудел. И даже дернулся, словно по нему на мгновенье пустили электрический ток. Кто-то закрутил головой по сторонам, кто-то перекрестился, кто-то опустился на колени. Раздались голоса: «Мы так не сговаривались…»

- А ведь Лешка Ухтомский обещал, что нас все равно всех отпустят…

- Не-э-э! Он гутарил, что Царь и министры евойные и испужаются и сделают все по-нашему…

- А взаправду, братцы! Где Лешка сам-то? Неужто бежал? И нас оставил?!

- От, иуда!..

- Ага! Под пулеметы подставил…

- Какое?! Под пушки!..

- Да не бросил он нас, а уехал за подкреплением! Сейчас вся «железка» поднимется!.. И порешим этих держиморд! Или умрем за святое дело революции!

Последние слова принадлежали болезненно худому, бледному очкарику. Он отличался от других «боевиков» грязной сорочкой, бывшей когда-то белой, и сбившимся набок галстуком. «Из управленцев!» - подумал я. А он вдруг, вскинув подбородок, крикнул в нашу сторону: «А что ж это вы, господа палачи.., опричники.., без следствия, без суда нас расстреливать собрались?.. А где же закон? Где адвокаты? Где присяжные?»

Но к нему подскочил подпоручик Шрамченко. Ударил по лицу. Крикнул: «Ах, ты мерзавец! Еще пытаешься пропагандировать?! А каким судом судили вы убиенных вами жандармов, офицеров, их семьи, сестер милосердия, расстрелянных недалеко в лесу?»

- Ре-во-лю-ци-он-ным судом! – усмехнувшись и вытирая с лица кровь, медленно процедил очкарик. На это Шрамченко выстрелил в него в упор. Тот мгновенно повалился. Из-под него по снегу начало медленно

расползаться кровавое пятно… Полковник Риман почти незаметно покачал головой, но ничего не сказал. Строй опять загудел. Теперь в глазах большинства несостоявшихся мятежников вспыхнул испуг. Даже, пожалуй, отчаяние! Мятежники, по-видимому, не ожидали такого. А из-за наших спин вдруг раздался бабий вой и детский плач. Я, впрочем, как и многие из офицеров, жандармов, стоявших перед заводскими, обернулись. Целая толпа баб и детей, незаметно для меня и всех наших собравшихся и теперь сдерживались «семеновцами». А они что-то голосили, тянули к мятежникам руки. И тут над всеми взвился молодой звонкий женский голос: - Вася! Васенька! Ведь как жить-то мы с тобой грезили! Не говорила ли я тебе, что не доброе дело затеял Ухтомский со товарищи… Ведь господа офицеры не шутят!.. Во-о-он, как Воробья чахотошного приложили!..

- Сколько баб теперь овдовеет! Сколько детей осиротеет!.. – подхватила еще какая-то, должно быть, женка.

- И батюшка наш, отец Пахомий, обещался предать вас всех, как крамольников, анафеме!.. Царь-то Самим Богом благословлен! Одумайся, Сидор! Проклятье-то на твоих детей ляжет… Пади на колени! Покайся! Скажи, где этот ирод, Ухтомский! Будь он проклят!

- И всё - по вине Лешки и его бузотеров с револьвертами, бомбами и листовками!..

- Мужики! Выдайте вы этого ирода!..

- Сам-то схоронился! А вас под пули подставил!.. – запричитали и другие бабы, девки. Теперь в новом всплеске воя и плача слов было не разобрать. Но в это время отделение нижних чинов под командой фельдфебеля привели еще человек шесть со связанными руками. Подтолкнули их к строю. Фельдфебель козырнул полковнику Риману: «Ваше превосходительство! Этих взяли при попытке захватить паровоз под парами… Жаль

господина механика… Застрелили, супостаты! Кочегара просто выбросили… Тот даже ногу сломал. Ну-у-у, мы «шину» ему, конечно, наложили. В больничку отправили… Господа ротный и взводные дальше пошли прочесывать…»

И вдруг из толпы баб и детей раздался возглас: «Так это ж – он! Лешка Ухтомский!»

- У-у-у! Вра-а-ажина! И-и-ирод! – вторил ему другой бабий голос. Его подхватили остальные; «Мужиков наших под смертушку лютую подвел, а сам – тикать! Трус поганый!»

- Еще и бороду с усами сбрил! – взвизнула еще одна баба..

- И остальные пятеро с ним, - главари бунтовщиков! – раздался надтреснутый старческий голос. Нижние чины едва сдерживали толпу баб, детей, стариков, попытавшихся надвинуться на шестерых задержанных… И тут из вновь приведенных вышел коренастый, невысокий человек. Вскинул голову: «Да! Я – Ухтомский! И я не бежал с поля боя, а решил поехать за подкреплением, чтобы дальше бороться за победу мировой революции. А бороду с усами сбрил, чтобы выполнить свою высокую, благородную миссию! Во имя революции!»

- Во имя ее вы ни в чем неповинного убили старого механика, машиниста паровоза, отца детей, деда внуков, мужа, свекра, православного христианина? – тихо спросил Риман.

- Лес рубят – щепки летят! – выкрикнул в ответ Ухтомский. И вдруг я заметил, как из глаз его в разные стороны вырвались красноватые искры…

- Да он – безумец! – прошептал фон-Сиверс, стоявший рядом со мной.

- Бесноватый! – поправил однополчанина капитан Швецов.

- Господин полковник! Разрешите?! – с револьвером в руках выскочил вперед подпоручик Шрамченко Он лихо козыврнул: «Я его… Негодяя… Мерзавца… Сам! Лично!

- Отставить! - скомандовал Николай Карлович, вглядываясь между тем в лицо Ухтомского: «Господин подпоручик! Надо уметь уважать твердость убеждений противника. Но при этом действовать по законам военного времени. Он – солдат, а не какой-нибудь ландскнехт! Солдат своей, для нас – вражеской, армии. Ах! Если бы сие понимал Государь Император!... Спаси и сохрани Его, Господи! Тем не менее, мы обязаны поступить с ним, как с солдатом. Уведите его в товарный вагон. Господин капитан Швецов, назначьте усиленный караул. Пулемет – на крышу вагона. При попытке нападения или побега стрелять на поражение…

Когда же Ухтомского с подельниками увели, к воротам завода подскользил большой, крытый возок. Из него появились два господина. Первый, - дородный, низкорослый, с красным мясистым лицом, рыжей, козлиной бородкой и лихо, по-кавалерийски закрученными усами, в бобровой шубе и такой же шапке, - огляделся вокруг. И решительно направился к полковнику Риману. Второй, одетый под стать первому, но высокий, худой, востроносый и гладко выбритый, засеменил за первым. Тостяк остановившись перед Риманом, вздернул вверх свою бороденку, и нарочито громко спросил: «Что это вы, господин полковник за стрельбу здесь, на вверенном мне в управление заводе, устроили?»

Николай Карлович усмехнулся: «Простите, с кем имею честь?»

- Я, повторяюсь, – управляющий завода. А это, - горделиво указал дородный господин ладонью на спутника, - главный инженер. Извольте же ответить на мой вопрос! На заводской территории командую я!

- Извольте! – опять усмехнулся Николай Карлович. С ироничной усмешкой обернулся на нас Риман: «Это не мы стрельбу устроили, а ваши рабочие на территории вверенного вам завода взялись за оружие! Надеюсь, вы такой команды не давали… Для них, оказывается, нет ни Бога, ни Царя… А стало быть, и вас, как управляющего, поставленного на сей пост Богом и подчиненными Царя! Их шайки под предводительством вашего рабочего, машиниста Ухтомского оборудовали казенные паровоз, вагоны под свои злодейские нужды и катались аж до Коломны! Нападали на воинские эшелоны. Разоружали войска, возвращающиеся с фронтов. Расстреливали офицеров, чиновников, нижних чинов, железнодорожников, обывателей, отказавшихся участвовать в мятеже… Оружие переправляли в Москву, да и сами участвовали там в безпорядках, убийствах… На баррикадах! Вот-с, по приказу Государя Императора лейб-гвардии Семеновский полк и прибыл в Первопрестольную, дабы навести порядок. Но так как на вашем заводе, на железнодорожной ветке до самой Коломны совершается более всего злодейств, то по распоряжению его превосходительства контр-адмирала Дубасова сюда направлен отряд, коим я имею честь командовать. И вправе спросить вас: какие меры были приняты управлением завода для предотвращения безпорядков? Или может быть, вы не знали, что оные грядут? Или вы поддерживаете мятежников? Как прикажите доложить мне своему начальству?

Спесь мигом слетела с управляющего. Он покраснел. Покрылся потом… Пролепетал что-то невнятное. Зато тот, кого назвали главным инженером, строго прикрикнул: «Вы, милостивый государь, господин полковник, очевидно, забыли про недавний Высочайший Манифест! Не мог Его Величество направить вас для попирания свободы! Я, будучи конституционным демократом, сегодня же

телеграфирую членам нашей фракции в Государственной Думе! Они вас быстренько на место поставят!»

- Да-да! – приободрился управляющий. Но тут же мягче проговорил: «Полагаю, господин полковник, вам следует немедленно освободить арестованных рабочих… Ну-у-у, посудите сами! Пошумят они… Побузотерят… Выполним мы их экономические требования… Я прикажу завезти в магазин дешевых колбасы, мяса, муки, круп, водки… Еще чего-нибудь… Они, в свою очередь, перебесятся… Ну-у-у, попьянствуют… Ну-у-у, подерутся… И успокоятся! В Русском народе еще живо чувство вины за грехи своя. Желание покаяния после совершения оных… Стало быть, покаются… И приступят к работе!»

Николай Карлович даже зубами скрипнул. Процедил: «А если я сейчас вас, господа управляющий и главный инженер, арестую за попустительство и пособничество во-о-ру-жен-но-му антиправительственному мятежу под лозунгом «Долой Самодержавие»?»

- Что-что? – даже наморщил лоб первый, очевидно, все еще не понимая происходящего.

- Да как вы смеете?! – взвизгнул второй.

- Смею! – строго ответил полковник Риман и сделал жест одной ладонью. Тут же несколько офицеров с револьверами в руках окружили либералов. А Николай Карлович приказал: «Поручик Поливанов! Возьмите пятерых нижних чинов. В двух возках сопроводите сих господ прямо пред светлые очи его превосходительства военного губернатора Москвы. Своими словами доложите об их попустительстве мятежа. И немедленно возвращайтесь.»

- Вы не имеете права! Мы подчиняемся только.., - безпомощно озираясь, попытался возразить тот, кто назывался главным инженером. Но Риман резко перебил его: «Мы имеем право. А вот вы не имеете права не знать

того, что в Московской губернии введено военное положение! Стало быть, вы не имеете права не подчиниться военным властям! В данном случае мне, - лейб-гвардии полковнику Лейб-гвардии Семеновского полка Риману Николаю Карловичу… Так что, извольте следовать за поручиком.»

- Так мы что? Арестованы? – уже как-то по-бабьи плаксиво вопросил управляющий.

- Нет, – доброжелательно улыбнулся Николай Карлович, - арестованных мне приказано… не иметь. Вы пока что задержаны до выяснения особых обстоятельств. А сие, как говорится, - сфера деятельности его превосходительства Феодора Васильевича Дубасова.

- Господин полковник, – подал голос поручик Поливанов, - до Кремля – не менее двадцати пяти верст… Прибудем только под утро!

- Я не думаю, что его превосходительство за последние несколько суток хоть на минуту глаза сомкнул, - недовольно вздохнул Риман. И резко, даже, пожалуй, раздраженно скомандовал: «Выполняйте приказ, господин поручик. Задержанных сдадите под расписку канцелярию его превосходительства. И, повторяю: немедленно возвращайтесь!»

Когда же возки с управляющим и главным инженером Люберецкого завода ускользили, Николай Карлович дернул в их сторону подбородком. Скорбно вздохнул: «Вот-с, господа, из-за таких либералов, всяких конституционных демократов все безобразия и безпорядки в Державе творятся… Зажрались! Разблагодушествовались!»

- Замасонились! – хохотнул кто-то из офицеров.

Полковник Риман сменил тон: «Приказываю, всех, выстроенных здесь, переписав поименно, запереть в одном из пустых складов завода. В караул наряжаю взвод подпоручика Никанорова. Александр Сергеевич! Господин

капитан Зыков! Попрошу вас сей же час съездить за местным священником и привезти его сюда… За кого из заводских он поручится, отправим в Москву, этапом. Пусть там их судьбу решают судейские. Остальных – ночью расстрелять. Капитан Швецов! Сие возлагается на вашу роту.»

Когда связанных мятежников увели на территорию завода, разошлись и рыдающие старики, старухи, бабы с детьми, девки... А мы, вернувшись в вагон, согрелись чаем. Мне даже удалось, сидя, полтора часа вздремнуть. Однако в сознание мое словно вплыли чьи-то слова: «Нет-с, господин полковник! Ни за кого из крамольников, - прости мя Господи! - я поручиться не могу-с! Один – пьяница… С деток одежку сымает да в кабак носит. За «желудочную» отдает. Другой – вор. Почти половину завода вынес. Разумею инструмент. Третий – бездельник. В дому – шаром покати. Всё на ладон дышит… Четвертый - забияка, - да еще такой, что у женки евойной синяки с лика не сходят… Жалел их управляющий… Так они… Положи таким в рот палец, они и руку откусят! И не помню, когда кто-нибудь из них в последний раз исповедовался, Святых Таин причащался. Ох-ох-ох! Грехи наши тяжкие! Прости, Господи! Образ-то – Божий, а вот подобие…»

Я открыл глаза и увидел, что услышанное мною говорил Риману старенький, худенький, какой-то высохший, до желтизны в волосах и бороде седой священник. Он восседал на вагонной полке напротив Римана. Николай Карлович вздохнул: «Батюшка! Так ведь мне придется всех расстрелять! А у них – тоже детка, жены, матери!»

- Тоже пожалели, сударь?! – вдруг повысил голос священник. Широко перекрестился: «А они, взявши вас в полон, не привели Господь, пожалели бы? На кого они меч подняли?! На Веру, Царя и Отчество! Помилуй Бог!..

Владыко Филарет Московский, в юные мои годы, - свидетельствую! - благословлял воинство Русское словами: *возлюби врагов своих, гнушайся врагов Христовых и бей врагов Отчества!..* А эти что-с? И Христовы, и Отчества вра-а-ази! Пусть же здесь, на земле, помучаются поболе, крамольники, дабы на Божием суде меньше мучиться… Ведь все – крещеные! Самому Богу Присягу давали! При Святом Крещении! И… предали! Это ж – проклятие до четвертого, ежели не до седьмого колена! Дай Бог, детки их не пострадают, и пойдут по правильному пути. Потому как сами крамольники постигнут, что такое *Мне отмщение Аз воздам*»

- Но все-таки, я просил бы вас присутствовать на расстреле. Вдруг кто-нибудь пожелает покаяться… Принять напутствие… Благословите, батюшка!

Священник, кряхтя, поднялся с полки, на которой до этого сидел. Широко перекрестился сам. Перекрестил полковника Римана: «Бог вас благословит на доброе и правое дело… Да и полковой священник, поди, уже благословил ваше воинство на выполнение Присяги.»

Николай Карлович пошел проводить батюшку к выходу из вагона. Я выскочил следом. Зачерпнув большую пригоршню снега из под ног, растер ладонями лицо. Полковник Риман обернулся к офицерам, собравшимся вокруг него. Выдохнул: - Приступим, господа! С Богом! За Веру, Царя и Отчество!

…Мятежников выстроили вдоль внутренней стороны заводского забора. Напротив их встали «семеновцы». Николай Карлович обратился к первым: «Сейчас, согласно закону военного времени, вы будете расстреляны. Как вражеские солдаты. В противном случае я приказал бы просто повесить вас… Здесь присутствует священник поселковой церкви. Может быть, кто-то желает исповедоваться? Причаститься Святых Христовых Таин?»

- Иди ты с твоими тайна и со священником.., - хрипло, но как-то истерично, раздалось из шеренги мятежников.

- Лучше бы ты, полковник, по стакану первача налил! На посошок! Ха-ха! Уж я бы, прежде, чем шлепнуть тебя, преподнес бы… С малосольным огурчиком!.. Так что?! Дашь опохмелиться?

- Жаль, что мы нашего попа раньше не порешили! – вторил ему еще один голос. Однако несколько мятежников упали на колени. Принялись истово креститься. Но когда священник попытался подойти к ним с напрестольным крестом в руках, вскочили на ноги! Что-то заурчало, потом зарычало внутри их… Что-то не-че-ло-ве-чес-ко-е! И я увидел, как из глаз их брызнули красные, огненные искры… «Бесноватые! – обожгла мои виски мысль, - Как и у Аллы!..». Но все мысли мои прервала команда капитана Швецова: «Целься… Пли!»

…На красных кирпичах заводской стены кровь была незаметна. Зато снег под расстрелянными набухал ею. И опять мои мысли прервал голос полковника Римана: «Господин капитан фон Тиморт! Осмотрите расстрелянных. Если кто-то остался жив.., облегчите страдания.»

Роту построили и увели. Мы, офицеры, направились к эшелону. И вдруг Риман обернулся ко мне: «Друг мой! Я вижу, как вам тяжело… Вроде бы, русские! Православные!.. Но чем отличаются эти безбожники от японцев, которых мы с вами под Порт-Артуром у-би-ва-ли! Во имя чего? Во имя кого? Вы, русские, слишком сентиментальны! А мы, немцы, даже принявшие Православие, по менталитету своему, присягнувшие Российской Империи – солдаты! И выполнение своего солдатского долга почитаем важнее любого дела, чувства, мысли. Как наставлял на сие святой Пророк, Предтеча и Креститель Господень Иоанн. Как благословляли некоторые святые отцы.»

- Мне тяжело оттого, господин полковник, что бедное Отечество мое недужит массовым беснованием. А бывший когда-то верноподданным, народ его даже не пытается исцелиться, - твердо ответил я.

- Ах, господин штабс-капитан! Я не знаю такого случая, чтобы сумасшедший признал себя таковым. Беснуется не народ… Отдельные личности. А народ… Народ либо, безмолвствуя, выполняет свой верноподданнический долг, либо равнодушно взирает на безпорядки, надеясь, что они его не коснутся… Но так, увы не бывает. Беснование, как и чума или холера, заразны! И отчетливо выделяется на фоне истинных верноподданных или равнодушных. Добрые люди не видны на фоне общей массы и особенно на фоне бесноватых.

К нам подбежал подпоручик Фалеев. Козырнул: «Господин полковник! Я привел пятнадцать мятежников, захваченных в мастерских. Они отчаянно отстреливались. Пытались даже гранатами нас забросать… Но куда там?! И гранату бросить толком не умеют

- С нашей стороны жертвы есть? – нахмурившись, спросил Николай Карлович.

- Так точно. Трое убиты. Ранен фельдфебель Криворотов, двое нижних чинов. Им оказана первая помощь. Со стороны мятежников убито девять человек, - бодро доложил подпоручик.

- Убиенных и раненных в своем рапорте ходатайствуйте представить к наградам и пожизненной пенсии - их семьям. Я подпишу. Фельдфебеля Криворотова – к «Георгию»! Задержанных ведите на платформу, - кивнул Риман. И обернулся на офицеров, идущих следом за нами: «Господин капитан Швецов! Прикажите своим молодцам привести на платформу Ухтомского и других задержанных с ним мятежников. Постройте их на ее дальнем краю.

Расстреливать будем по шесть человек. Ухтомского – в первую очередь.»

Что и было тут же исполнено.

Когда первую «шестерку» поставили на край платформы, Николай Карлович подошел к ним. Вгляделся в лицо каждому. Спросил Ухтомского: «И чего же вам в жизни не хватало? Дом – полная чаша, жена, дети… Неплохая работа с достойной ее оплатой…»

- Мне не хватало свободы, равенства, братства всех людей на земле. Во всем мире! – спокойно ответил тот.

- Меня еще в гимназии учили, что свобода может быть только в выборе совершать или не совершать грехи… А равенства в природе не бывает. У тех же орла и, к примеру, воробья… У льва и зайца… А братство может быть только во Христе или… во враге рода человеческого.

Ухтомский перебил: «Мы с вами - не в гимназии, полковник. И уж ежели вы решили без следствия и суда расстрелять меня и моих соратников, поскорее делайте свое дело.»

- Следствие? Суд? – даже крутанул головой Николай Карлович. От возмущения повысил голос: «А каким судом судили вы нижних чинов, офицеров, сестер милосердия? По какому закону расстреливали их без следствия и суда только за то, что они не захотели пойти с вами?

- Судом всемирной революции! – гордо вскинул голову Ухтомский. Риман в ответ только рукой махнул. И отошел к шеренге солдат, уже готовых исполнить приговор. А приговоренные поняли, что с ними не шутят… Один, самый молодой, лет семнадцати-двадцати, вдруг бросился к Ухтомскому. Упал перед ним на колени. Запричитал: «Как же так, Ляксей Владимирыч?! Ты же обещался, что они с нами ничего не сделают… Подержат день-другой в «холодной» и отпустят… О-о-обещался…»

- Успокойся, Петенька! Больно не будет! Они отпустят… Только отпустят в память народную! В ней мы будем жить вечно. Героями! Встань! Не унижайся перед этими царскими холуями, - приговаривал Ухтомский. Но молодой мастеровой, плача, уткнулся лицом в снег. Зарыдал: «Не хочу! Не хочу умирать! Я же собирался жениться на Глаше!»

Полковник Риман кивнул капитану Швецову: «Приступайте.»

Тот подошел к приговоренным, чтобы каждому завязать глаза заранее приготовленными темными повязками. Спросил: «Может быть, кто-нибудь из вас желает исповедоваться? Здесь есть ваш поселковый священник… Мы дадим такую возможность.»

- Это тебе надо перед попом носом похлюпать, – прохрипел пожилой рабочий, - Потому как скоро тебя наши товарищи шлепнут!

- Я!.. Я!.. – не вставая с колен, всхлипнул молодой, которого Ухтомский назвал Петенькой. Но остальные зацыкали на него: «Ты чего это, Петька?.. Бога нет. Его попы придумали!»»

- С дуба, что ли, рухнул?..

- Сам же крест с себя давеча снял…

- Не бойсь! Кольнет под сиськой, и – всё!..

И молодой опустил голову. Тогда капитан Швецов принялся завязывать приговоренным глаза. Но когда очередь дошла до Ухтомского, тот дернул головой: «Не трудитесь, капитан. Я встречу смерть лицом к лицу! Глаза в глаза! Как верный сын мировой революции.»

Швецов пожал плечами. Вернулся к шеренге своих подчиненных. Скомандовал: «Товсь… Цельсь… Пли!»

Когда дым рассеялся, я увидел, что пятеро мятежников упали замертво: по снегу под ними расплывались темные пятна. Ухтомский же по-прежнему,

но мертвенно бледный,… стоял, словно в него и не стреляли…

Капитан Швецов прошелся вдоль шеренги нижних чинов. Хрипло спросил: «В чем дело? Не выполнение приказа? Кто-то захотел встать рядом с мятежником? А ну, повторить!.. Братцы! Да что ж вы?! Или не я водил вас в атаки и контратаки на японцев?! А ну-ка! Целься в грудь!»

…Следующий залп отбросил Ухтомского назад так, что он даже упал с края платформы. К Риману подскочил подпоручик Шрамченко. Козырнул: «Господин полковник! Разрешите, я проверю, всех ли достали пули? И, ежели кто еще остался живой, то я, как вы изволили в прошлый раз сказать, добью мерзавца облегчу страдания…

И он похлопал ладонью по кобуру.

- Отставить, – процедил Риман, - далее – воля Божия.

…Еще несколько раз на край платформы ставили очередную «шестерку». И следом звучали ружейные залпы. Многие из мятежников перед тем, понимая, что мы не шутим, теперь падали на колени, ползали, причитали, плакали… Противно смотреть было на этих «вояк»… Даже у нижних чинов из расстрельной команды я не увидел в глазах жалости. Все вопли, слезы, сопли не меняли судеб мятежников… Один фельдфебель даже хмыкнул: «Не хотел бы я ни с одним из них оказаться под Ляояном…»

Когда, часа полтора спустя, наши роты расселись по своим вагонам, а мы с полковником возвращались в свой, я спросил: «Почему же при первом залпе в Ухтомского не попала ни одна пуля? Неужели кто-то из нижних чинов… Или, как говорят, он заговоренный?

- Нет! – вздохнув, не дал мне договорить Николай Карлович. Досадливо пнул небольшой снежный ком: «Как сказала бы моя маменька, - Царствие ей Небесное! – враг заслонил Ухтомского, дабы смутить нижних чинов, да и некоторых офицеров с ними заодно. Молодцы из роты

Швецова не могли промахнуться. Они на Русско-японской через такие дела прошли! Не приведи Господь никому! А Ухтомский-то – оре-о-ол! Ему бы служить Вере Царю и Отчеству! Цены бы не было! Но, увы, силен враг: горами колышит, а людьми, что вениками трясет… Пройдите, голубчик вдоль состава. Проверьте, все ли на местах, всё ли ладно. Через четверть часа отправляемся дальше, в сторону Коломны… Хотя, постойте! Простите! Совсем запамятовал… А ну-ка, пойдемте, посетим поезд, оборудованный Ухтомским для своих налетов. На нас же!

- Как? Одни? Возьмите хотя бы отделение! – воскликнул я, опасаясь не только за себя, но и за Римана…

- Отделение? – усмехнулся Николай Карлович, - Именно на сие и рассчитывают недобитые мятежники, ежели возжелали напасть на нас… Поверьте, друг мой, их немало осталось в Люберцах! А мы с вами тихонько в темноте подойдем. И… осмотрим мятежный эшелон.

Мы с ним прошли по железнодорожной насыпи. И увидели четыре вагона, возглавляемых паровозом, пускающим пары. Я услышал шепот Римана: «Сумеете ли без шума взять машиниста?»

- Слушаюсь! – ответил я тоже шепотом и юркнул в сторону паровоза. Вспрыгнув незаметно на подножку паровоза, я приостановился, потому что услышал: «Подбрось угольку! Сейчас Ляксей с нашими придет… Поедем Малаховку доить! Тама мно-а-а-аго золотишка, камешков, цацек всяких у буржуев, купцов всяких завелось! Награбили, ироды! Да-а-ачи, понимашь, ли… Мы их… Понимашь… Как это говорил товарищ Ляксей. Ну, да! Икспрори-при-имуемым… Тьфу! Не выговоришь! Отымем, стало быть. Ты мамке телку купишь! Понимашь… Те-э-эльную!.. Ко-о-з-очек! Меня, поинмашь, тогда молочком напоишь…

- Так есть же у мамки одна коровенка, дядька Тимофей! И козы есть! Цельных три! И все – дойные! И птица, - ногами не распинаешь, когда в депо утром или в ночную идешь.., – отозвался молодой голос.

- Запасец… Он, знаешь ли… Никому жо-о…. Никому не помешает! А у буржуев-то коров, тельных – ста-а-а-ада! Пущай делятся с нами, с пра-а-алютарьятом, стало быть! Иначе… Коли добром отдать не захотят, иксплутаторлы!.. Тьфу! Тарабаршина какая-то! Но все равно!.. Как учил Ляксей Владимирыч?! За де-э-эло ми-ы-ы-ыровой ре-э-эволюции! Он-то знает!.. Разумеешь ли?! Пулю - в лоб охфицерью, енералам всяким… Са-а-амому Царю с его женкой… Я слыхивал, что она – вообще немецкая шпиёнка! Так что всем им - по пуле в лоб! Ихспраприахция! Во! Выговорил!.. Или как ее там?! И… не кукарекай! Сейчас Ляксей Владимирыч придет и все тебе растолкует! – хохотнул старый.

- Придет? А что ж со стороны завода стрельба слышна была?

- Так, поди, опять охфицирье али жандармов к стенке поставили, как в Перове и на Сортировке.

- А правда ли, что в Перове сестер милосердия снасильничали? Прежде, чем в лесу расстрелять?

- Ты это – того… Молод еще про такие дела знать!.. Ишь! Сна-а-асильничали! Скажешь тоже… Кому из наших энти худосочные благородия нужны-то?! Кожа, кости да один фасон! Если и снасильничали, то солдатня! Они с фронта-то, поди, изголодавшиеся до энтого дела приехали! А для нас, стало быть, для паралютарьев, мировая революция – и маманя, и сестра, и женка, и дочка! Так Ляксей Владимирыч давеча наставлял!

- А пулеметы чего ж в заводе стрекотали? – опять послышался молодой голос, - Даже, вроде как, пушка дважды бабахнула…

- Ляксей Владимирыч – мужик головастый! Ухватистый! Поди, надыбал уже и пулемет, и пушчонку каку-никаку… Может статься, из самой Москвы привез! Вот и опробовал ее… При-и-идет! И поедем… Поначалу кой-кого в Малаховке раскошелим. Там робятки уже все высмотрели. Потом «малютинскую» ткацкую фабрику в Раменском разгромим! А в ей - мануфактуры, как грязи… Тут ты, малец, не зевай! Маманьке своей, сестрицам, зазнобе на юбки да сарафаны сразу ухватывай по отрезу-другому! Себе на новые порты… Твои-то – во-о-он, гляжу, - заплата на заплате! Всему вас, молодежь, учить надо!..

Мне слушать сие стало просто тошнотворно! И я, едва удерживая себя в руках, поднялся в кабину паровоза. Наставил на машиниста и совсем юного, как я понял, кочегара револьвер. Выхватил из кобура. Выдавил из себя: «Руки вверх. Вы арестованы.»

Машинист тоже тут же выхватил из кармана тужурки револьвер. Что мне оставалось делать? Я выстрелил. Он повалился назад и набок. Чумазый кочегар упал на колени и завопил: «Дяденька!.. Господин охвицер! Ваше благородие!.. Не убивайте!.. Я ни в кого не стрелял! Не насильничал! И здеся – не по своей воле! Меня заставили! Татарский пригрозил, что ежели не пойду, то сестренок моих… Того… Как сестер милосердия в Перове… Того… Тихо так пригрозил, чтобы Ляксей Владимирыч не слыхал… Я все расскажу!.. Помилуйте! Христом Богом молю!.. Я ж токмо уголек в топку подкидывал, когда велели…

- Встать! – прохрипел я. И жестом показал: «Руки на затылок!»

- Да-да-да… Слушаюсь.., - залепетал кочегар. И в эту минуту в паровоз поднялся полковник Риман. Скомандовал ему: «А ну-ка, братец, пойдем! Покажешь, в котором вагоне, в каком купе Ухтомский размещался?»

- Сей минут, ваше благородие! Все покажу! Токмо не убивайте! У меня ведь даже револьверта нетути! Маманька дома хворая лежит!.. Три младших сестренки… Я один на всех горбачусь, чтоб с голодухи не подохли… Помилосердствуйте! – засуетился кочегар и, продолжая причитать, то и дело оглядываясь на нас, выпрыгнул из кабины паровоза.

- Вот лжет! Только что про корову, трех коз говорил! Кто ж их-то у него обихаживает? Малолетние сестры что ли?! – тихо хмыкнул я.

Кочегар, глядя на нас снизу вверх, захлопал глазами… Николай Карлович махнул рукой: мол, пусть его. И спрыгнул вслед за ним. Тот привел в вагон второго класса. Пол в нем был заплеван и усыпан окурками, луковой кожурой, яичной скорлупой, еще каким-то другим мусором. Вонь протухших продуктов, что называется, сбивала с ног… Два купе были завалены винтовками, еще в трех до самого потолка громоздились ящики с патронами и гранатами.

- Арсенал! – крутанул головой Николай Карлович. Прикрикнул на кочегара: «А ну, показывай, где Ухтомский обитал?»

- В купе для проводника.., - пролепетал тот, скашивая испуганный взгляд на револьвер в моей руке.

- Иди! Открывай! – дернул подбородком полковник Риман.

- У меня ключа нетути! – выдохнул кочегар. Плаксиво оправдывался: «Ляксей Владимирыч какой-то мудрёный замок на дверь сам поставил. А ключ-то всегда при себе держал.»

Мы подошли к купе. Николай Карлович опять вздохнул, достал свой револьвер и выстрелил в замок. Дверь сама и отворилась. Шкафчик, в котором обычно проводники хранят чистые стаканы, заварные чайники,

заварку, сахар, какую-нибудь нехитрую, сухую выпечку, теперь был наполнен стопками бумаг, книжками, тонкими брошюрками, пачками прокламаций и… ассигнаций. Среди последних оказались германские марки, франки, доллары, фунты стерлинги, даже японские иены…

- Вот, кто заказывает эту траурную музыку! – хлопнул одной из пачек по ладони полковник Риман. Покачал головой: «Новенькие! Нераспечатанные! со станка! Потом над пересчитать. Составить акт изъятия. Потрудитесь, когда вернемся в вагон. Заодно нужно нижним чинам показать, на чьи деньги «ухтомские» делают свои революции

- Чё это за бумажки? – спросил кочегар. И опять перевел взгляд с ассигнаций на мой револьвер, наставленный на него: «Прямо, как фантантики от ландринок, которые я давеча сестренкам покупал…»

- А это, мил друг, деньги заморские, которыми ваши злодеяния оплачены! – швырнув на столик пачку марок, ответил Риман. Обратился ко мне: - Господин штабс-капитан! Прямо сейчас все-таки оформите акт изъятия с указанием номеров банкнот. Здесь они в пачках лежат по порядку. Посему указывайте только номера первой и последней ассигнаций. А мне нужна другая бумажка… Ага! Вот и она…

Николай Карлович вынул из стопки обычный лист, исписанный мелким почерком. Из полевой сумки достал еще три листа, как я понял, со списком расстрелянных. Принялся сверять. Тихо при этом проговаривал: «Этих уже нет… Этих тоже… А вот новые действующие лица: Дубинкин из деревни Натальино, уроженец деревни Паткино, Чудсков, Лядин из села Мячкова. И еще несколько… Из деревень Кривцы, Тимонино, Велино… Ими командует социал-демократ со стажем, - подумать только, с девятьсот третьего года! – Блохин.»

Риман взглянул на кочегара: «Знаешь ли тех, кого назвал?»

Тот всхлипнул: «Не-а… Только… в последней поездке, когда из Коломны возвращались, несколько дружинников сразу после Раменского вышли… Я слыхал, что готовятся кассу мануфактуры брать. Так те должны были все подготовить. И еще велено было им надыбать списки черносотенцев… Порешить их, значится! Страшился их Ляксей Владимирыч… Говорил, что энтих поболе сотни наберется. Да к ним – сочувствующие: купчишки, чиновнички, приказчики, даже кое-кто их фабричных… А кто эти? Черносотинцы?.. Монахи какие-то, что ли? Али еще кто? Срашные? Ляксий Владирыч говорил, что это враги. Токмо я не понял: бесы али буржуи…»

И парень получил от меня тот хор-р-оший подзатыльник. Тут я заметил под столиком большой железный ящик. Указал на него Риману. И тот опять выстрелом из револьвера сбил с ящика амбарный замок. Поднял крышку. И достал пригоршню всяких украшений: бусы, броши, диадемы, серьги, кольца, перстни, нанизанные на увесистую золотую цепочку. Но они были лишь малой частью остальных, мерцающих из глубины ящика. И вдруг Николай Карлович побледнел. Процедил сквозь зубы: «Взгляните-ка, господин штабс-капитан! На сережках-то – будто кровь… Неужели из ушей у кого-то выдрали?! Ме-э-эрзавцы! Вотсие и есть их «мировая революция»!»

И он снова обратился к кочегару: «Откуда украшения?»

- А я знаю?! Мое-то дело – уголек в топку кидать. Паровоз держать под парами! – заканючил тот. Задумался… Воскликнул: «Хотя, ваше благородие, вспомнил! Недавно у Петькиной зазнобы барские цацки на гулянье видел… Они, как кадриль пошли выкаблучивать, платок у ей набок

сдвинулся, и цацка одна в ухе видна стала… Девки обзавидовались!»

- Фамилия Петьки?

- Знать не знаю… Он в общежитии, в «казарме» обитал. Из какой-то деревни на завод приехал. Ухтомский его при себе держал. Навроде лакея. Или, как его называли, - денщика… Пеока и есть Петька… А в последние седмиц пять Петька вообще в вагоне жил. Злой такой! Но мимо меня гоголем ходил. Грозился моей старшей сестрице подол задрать…»

- А как же зазноба, которой он награбленные украшения дарил? – хмыкнул я.

- Кобелился, стало быть, гад! – пожал плечами кочегар. И сплюнул на пол: «Он и к дочке мастера, - соседа моего, - подкатывал!»

- Все понятно, - кивнул Риман. Повернулся ко мне: - Пойдемте, господин штабс-капитан. Время дорого! А сюда отделение пришлем за оружием. А пожалуй, и взвод.

- А меня отпустите? – всхлипнул кочегар.

- Бери ящик. Неси к нам в поезд. Да смотри! Без баловства!.. Потом иди к паровозу. Спускай пары. Гаси топку. И ступай домой. В ближайший воскресный день сходи в храм Божий. Покайся… А потом выходи на завод. Гляди-и-и! Я проверю! И если еще раз поймаю среди мятежников, лично расстреляю! – на последних словах повысил голос Николай Карлович. А проходя по вагону к выходу, поморщился. Кивнул мне на усыпанный мусором вагон: «Вот, должно быть, что в понимании Ухтомского есть счастие всего человечества: напиться сивухи, заплевать, загадить всю землю Русскую, всё что созидали наши великие предки… «Мировая революция», прости, Господи! Срамота!»

…Скоро мы двинулись дальше. Но ехали так недолго. Поезд вдруг пошел рывками. Словно прыгал по рельсам.

Мимо промелькнула пустынная платформа. Здание станции. На указателе я прочитал: «Малаховка». Наконец, эшелон резко затормозил и совсем остановился. Полковник Риман недоуменно вскинул брови. Посмотрел в окно. Потом обратился ко мне: «Господин штабс-капитан. Потрудитесь пойти и узнать: по какой причине стоим?»

Что я и сделал. И каково же было мое удивление, когда я увидел, что наш паровоз почти уперся в горизонтальный черно-белый брус. Тупик?! Из кабины высунулся машинист. Крутанул головой: «И какой же дурень перевел стрелку? В тупик загнали!»

Потом, увидев меня, крикнул: «Ваш бродь… Чтой-то здесь не так! Дежурный по станции почему-то, как положено, не вышел на платформу, не показал, свободен ли путь… Сам даже не показался… Наш-то литерный он обязательно должен был встретить! И в первую голову пропустить! Проводить… Ой! Чтой-то здеся не так… Чует сердце!

Я вернулся в вагон. Доложил Риману. Тот крутанул головой. Скомандовал: «Господин штабс-капитан! Поднимайте четырнадцатую роту, и - за мной. Только незаметно. Пусть солдаты высаживаются из вагонов со стороны, невидимой от станции. Продвигаемся к ее зданию. Окружаем его… А дальше будем действовать по обстоятельствам.»

…Когда мы с полковником Риманом и капитаном фон-Тимортом ворвались в здание, где находилось помещение дежурного по станции, увидели у телеграфного аппарата двоих. Совсем не железнодорожников! Первый, - в габардиновом пальто на лисьем меху, каракулевой шапке-пирожке, да и всем видом напоминавший какого-нибудь сельского учителя, ветеринара или фельдшера, - отстукивал какое-то сообщение по телеграфу. Второй, одетый, как обычный мастеровой, с револьвером в руках, сидел,

поглядывая в окно. Но увидев нас, вскочил… Однако тут же упал, сбитый револьверным выстрелом фон-Тиморта. «Габардиновый» же спокойно поднялся из-за аппарата сам и поднял вверх руки. Даже, искривив губы, спокойно усмехнулся: «Успели-таки!.. Прошу учесть, что оружия при мне нет… Антиправительственной литературы – тоже.. А за телеграфный аппарат я присел, случайно зайдя сюда во время прогулки по дачному поселку… Из праздного любопытства… Побаловаться… В гости приехал, знаете ли… Вот и оказался, как говорится, не в том месте, не в то время… Прошу сие занести в протокол. А почему вы не ведете его? И пригласите адвоката…

- Ваш паспорт? – протянул руку Николай Карлович.

- Не буду же я носить его с собой в эдакой глухомани… Он остался, простите, на даче…

- А к кому вы в гости приехали? – все так же спокойно спросил полковник Риман.

- К адвокату Ждановичу, - пожал плечами «габардиновый».

И тут мы увидели, что в темном углу «дежурки» полулежат связанные по рукам и ногам, полицейский урядник и молодой человек в железнодорожной форме. Их лица, разбитые, что называется, в кровь, говорили сами за себя. Мы с фон-Тимортом поспешили освободить их. И тут же урядник, вскочив, козырнул: «Ваше превосходительство… Осмелюсь доложить… Я… Знаете ли… Я… Тут… Простите, совсем потерял дар речи. Веди избили же, ироды!»

- Докладывайте! – рявкнул на него Риман.

- Разрешите, я! – подал голос молодой железнодорожник, уже, похоже, пришедший в себя.

Николай Карлович кивнул: «Присядьте.»

- Заступил я на свое дежурство, как обычно. Зашел ко мне Порфирий Семенович, - кивнул он на урядника.

Сдвинул очки поближе к переносице: «Тестюшка мой… На улице-то - промозгло. Вот он, обходя поселок по долгу службы, иногда и заходит. В шашки сыграть… Чайку попить. Согреться…»

- Попрошу говорить по делу! – перебил его Николай Карлович.

- Простите… Я просто хотел объяснить… Вот и сегодня заступил, я, как обычно. Порфирий Семенович зашел. Я поставил чайник… И тут в «дежурку» ворвались душ пять… Все вооруженные. А этот, - кивнул железнодорожник на «габардинового», - командовал налетчиками…

- Ложь! Клевета! Навет» – воскликнул тот. Снял свои «пирожок» дабы вытереть пот, выступивший на лбу: «Этот сосунок просто мстит за то, что я состою в любовной связи с его женой!»

- А как зовут вашу любовницу? – вдруг подал голос капитан Григорий Григорьевич фон-Тиморт.

- Да-а-а-а… Знаете ли… С испугу, что ли… Запамятовал… Да у меня любовниц-то этих, как грязи.., - забегал глазами по сторонам «габардиновый».

- Тьфу! Срам-то какой! Клеветник! Да чтоб моя дочка… - сплюнув, не выдежал урдник.

- Сударь… Если можно вас так назвать, - криво усмехнулся Григорий Григорьевич, - вас бы даже в провинциальный театр служить, на роли «шагов за сценой» не приняли бы!.. Фальшивите!

- Господа! – строго воззвал полковник Риман Обвел нас строгим взглядом: «Оставим лирические отступления на мирное время. Дослушаем господина железнодорожника.»

- Так вот. Сегодня я едва чайник поставил… Эти ворвались… Кричали: мол, каратели едут… Мол, надо сообщить нашим в Раменском, Фаустове, Коломне… Мол, пусть попрячутся до поры!.. Одного послали стрелки

перевести. Путейца. Кузякина… Я, было, воспротивился. Мне тогда, во-о-он, голову рукояткой револьвера разбили… Порфирия Семеновича – тоже в зубы… Связали… И этот, - опять кивнул железнодорожник на «габардинового», - сел тут же за телеграф… И ну, сту-у-учать! Да так шустро! Остальных налетчиков он послал, по-моему, на дачу адвоката Ждановича… Оставил только этого…

Теперь железнодорожник показал рукой на подстреленного. «Говорил, мол, скоро явятся сами туда, мол отсидятся там… У нас, знаете ли, здесь все-таки - дачные поселок… Зимой владельцы дач в столице обитают… Здесь – снежная, ледяная пу-у-устыня!»

- Порфирий Семенович! – полковник Риман перевел взгляд с меня на урядника. Почти одновременно кивнул фон Тиморту: «Сейчас вас быстро перевяжут… К даче этого адвоката Ждановича провести сможете? Но… Чтобы незаметно! Целую роту!»

- А то, – взбодрившись, вдруг вытянулся перед нами тот, - я здеся каждый кустик, каждую ямку знаю… Каждую дыру в каждом заборе! С малолетства! На здешнем погосте, почитай, колен десять роду нашего возлежат! Покойный тятенька-то мой, Симеон Порфирьевич, - Царствие ему Небесное, - тоже в Малаховке урядничал! Его службу Государь Император Александр Вторый Николаевич Освободитель перед самой своей блаженной кончиной, - Царствие ему Небесное! - даже медалью отметил!

Капитан фон-Тиморт подошел к лежавшему мятежнику. Приложил к его шее два пальца. Усмехнулся: «Этот готов.»

И дернул головой в сторону «габардинового»: «А с этим как?»

- Он по свидетельству двоих руководил вооруженными мятежниками. Лично командовал налетом, передавал телеграммы по линии… А сие – преступнее

наличия оружия… Выполняйте приказ, господин капитан! - резко кивнул Николай Карлович.

- Вы не имеете права! Я – иностранный подданный! – взвизгнул «габардиновый», должно быть, понимая, что его ждет.

- Вот даже как? Иностранный?! А кто об этом узнает?! Вам что в России медом намазано? Ну, ничего,– хмыкнул Григорий Григорьевич, - родным мы скажем, мол, пропал без вести в безкрайних русских заснеженных лесах, полях… Или, мол, русский медведь задрал…

Скоро мы, ведомые урядником, двинулись задворками дач. Позади громыхнул одинокий револьверный выстрел. А еще через несколько минут нас догнал капитан фон-Тиморт. На вопросительный взгляд Римана он утвердительно кивнул. А через полчаса мы окружили двухэтажную дачу. «Охотники» быстро «сняли» двоих часовых, вооруженных револьверами и гранатами. Но из дачных окон, должно быть, все-таки заметили нас и открыли стрельбу. Однако уже через четверть часа двенадцать мятежников с поднятыми руками, бросая под ноги «семеновцев» винтовки и револьверы, вышли из дома. Урядник, вглядевшись, вдруг указал на одного в студенческой тужурке и даже присвистнул: «Да это же – Мишка! Племянник адвоката Ждановича! Кому ж ты дачку предоставил, охальник?! Ладно бы свою!... Своим хребтом заработанную!..»

Студент сплюнул под ноги. Кольнул взглядом урядника: «Зря я тебя, дядя, тогда не шлепнул…»

- Шле-о-опнул? Что говоришь-то, Мишка?! – от удивления раскрыл рот. Даже голову назад откинул урядник: «Я ведь пожалуюсь дядюшке-то… Выпороть бы тебя!»

Студент буркнул: «Да пошел ты!.. Держиморда!.. Тебя завтра же из полиции уволят! И даже в дворники не возьмут.»

Потом обвел взглядом нас: Да знаете ли вы, с кем связались?! Завтра все строем в штрафные роты пойдете!»

Наш фельдфебель шагнул к нему. Дал кулаком по уху. А когда племянник адвоката упал, покачал головой: «Нехорошо эдак со старшими разговаривать!.. Заигрался ты, малой, в революцию. Забаловался!»

А капитан фон-Тиморт хохотнул: - Господину уряднику не будет нужды в дворники проситься… А вот ты до завтра не доживешь…

Студент, поднявшись со снега, скривил губы: «Пугаете?! Без следствия и суда не имеете права казнить. И за рукоприкладство еще ответите! И вторжение в частное жилище!»

- А вьюноша-то недужит вседозволенностью! – хохотнул взводный подпоручик Миних. Полковник Риман обратился к уряднику: «Порфирий Семенович! Где у вас тут поблизости есть пустынное место? Преступники задержаны с оружием в руках. Оказали сопротивление

- За прудом овражек имеется, - неопределенно, но услужливо указал ладошкой тот, - шагов в полсотне от калитки будет… Ежели со стороны огорода, через лесок идтить.

- Ведите, - кивнул ему Николай Карлович. И скоро, когда арестованных выстроили на краю обрыва, они поняли, что с ними не шутят. Студент, звавшийся Мишкой, побледнел. Обвел всех взглядом. Истерично завизжал: «Вы что?! С ума посходили?! Я… Я так, пардон, не желаю!.. Не хочу, и всё! Это незаконно!.. Это даже противозаконно!.. Да как вы смеете?! А ну, немедленно развяжите меня! И отправьте в Москву!.. Извозчика сам оплачу!.. Да я на вас в суд подам!.. В Сибири сгною! Мой дядюшка все одно

отмажет меня!.. И с вами разберется! Вы не знаете, на кого вы замахнулись!.. На синедрион!.. Мы отомстим каждому из вас! Все по пуле или бомбе получите…»

Другие мятежники тоже испуганно водили глазами вокруг. Переглядывались… Кто-то сник… Кто-то упал на колени… Еще один крикнул: «Помилосердствуйте, братцы…»

Другой: «Христа ради!.. Господин полковник!...»

Третий: «Мы больше не будем!..»

Но несколько мятежников оставались стоять прямо. Застыв. С каменными лицами. Словно… замороженные…

Полковник Риман дождался, пока они мало-мальски смолкнут. Громко объявил: «За участие в вооруженном мятеже против существующей власти в Российской Империи, за покушение на представителя закона и за оказание вооруженного сопротивления… Взятые с оружием в руках… Властью, данной мне, вы приговариваетесь к расстрелу.»

И снова я услышал: «Товсь… Цельсь… Пли…»

Кто-то из расстрелянных сразу повалился в овраг. Кого-то столкнул туда ногой подбежавший к обрыву взводный, подпоручик Крузенштерн… Как я понял, - один из потомков великого Российского флотоводца. Но никогда не поминавший это свое родство… А потом мы все отправились к нашему эшелону. Уже не прячась. По широкой дороге. Строем. И, спустя час, наш эшелон снова тронулся.

…Но каково же было наше удивление, когда, еще только подъезжая к вокзалу Раменского, мы услышали звуки духового оркестра. Он играл Государственный Гимн! Наш эшелон замедлил ход. И мы увидели, что здание станции украшают Государственные флаги и большой ростовой портрет Государя Императора. А на платформе выстроились оркестр в форме огнеборцев, подразделение

жандармов, офицеры, десятка два инвалидов, - по сверкавшим под распахнутыми шубами, полушубками, старыми шинельками орденам и медалям я узнал ветеранов минувших войн, - в старых, потертых парадных мундирах минувших десятилетий, правда, без погон, гимназисты и гимназистки с букетиками свежих цветов в руках и выращеннх в дорогих оранжереях, горожане разных пола, возраста и сословий. Всё собрание возглавлялось высоким, до болезненности худым, лысоватым, но совсем не старым, - лет шестидесяти, - господином с военной выправкой, заметной даже под статским обличием. Справа от него стоял довольно моложавый архиерей, позади которого выстроились священники, диаконы, дьячки.

- А вы знаете, господа, кто здесь предводительствует дворянством? Разумею Бронницкий уезд. Ведь Раменское входит в его состав, - вдруг весело спросил нас с полковником Риманом капитан Швецов.

- И кто же? Неужто какая-нибудь знаменитость? – хохотнул Николай Карлович.

- И не просто знаменитость, господин полковник! А внук самого Александра Сергеевича Пушкина! Александр Александрович! - даже с какой-то победной торжественностью возвестил командир девятой роты. Я хотел, было, переспросить, но поезд остановился, и мне пришлось поспешить вслед Николаю Карловичу. Когда же роты выстроились вдоль состава, трое дородных купцов с медалями на груди, прикрепленными прямо на шубы, преподнесли полковнику Риману хлеб-соль. А внук Пушкина, на правах предводителя Дворянского собрания, подкашливая, сказал несколько приветственных слов. Затем представил нам своих знаменитых земляков. Кто-то из них, по словам Александра Александровича, отошел от Государственных дел, а кто-то, продолжая служить Вере,

Царю и Отечеству, волей случая оказался в своих имениях. И нарочно приехал на встречу нашего эшелона.

А я вдруг даже почувствовал, прости, Господи, нечто вроде зависти, любуясь, образно говоря иконостасом не менее, чем из двух десятков орденов на груди графа Анатолия Владимировича Орлова-Давыдова… Причем среди наград сияли не только русские, но и греческий, французский, итальянский, сербский, румынский, персидский и даже… японский ордена. «Вот уж последний я бы не только носить не стал, но и вообще не принял бы!» - подумалось мне… А Пушкин-внук уже представлял светлейшего князя Андрея Александровича Ливена, оказывается, дослужившего до поста министра государственных имуществ, а уйдя в отставку, устроившего в своем имении обсерваторию… Всё сие было далеко от моих интересов… И дальше я, продолжая разглядывать публику, почти уже не слушал… После выступления предводителя дворянства к каждому офицеру подбежали гимназистки и, присев в реверансе, вручили букетики цветов. Выступивший от купеческой гильдии здоровяк с широкой проседью в шевелюре и бороде назвал нас спасителями, освободителями от крамольнической заразы, благодетелями и объявил, что для нижних чинов на мануфактуре накрыт праздничный обед, а господ офицеров жители уезда приглашают в ресторан.

Протодиакон забасил: «*Спа-а-аси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое! По-а-а-беды Государю Императору Николаю Александровичу и всему Христолюбивому Русскому воинству на сопротивныя даруя…*»

Все собравшиеся на перроне, часто крестясь, подхватили. Да так дружно, что стаи ворон, голубей, воробьев, иных пичуг шумно поднялись в воздух из своих

укрытий. Я даже подумал, что они тоже запели слова молитвы… Только по-своему…

Полковник Риман, поманив меня за собой, поднялся на ступени здания станции и коротко поблагодарил хозяев за хлебосольство и добрые слова. Жестом подозвал к себе подпоручика Шрамченко. Тихо приказал: - Назначаю сегодня вас дежурным офицером. Извольте отвести нижних чинов на обед. Через три часа вернитесь на свои места в эшелоне.

Шрамченко с явным неудовольствием на лице козырнул, развернулся и, несколько раз оглянувшись на нас, вернулся к шеренгам нижних чинов. После торжественного марша они поротно, под предводительством подпрапорщиков и фельдфебелей, отправились на мануфактуру.

…В небольшом, но вместительном зале ресторана, столы, расставленные буквой «П», что называется, ломились от яств. Конечно, блюда соответствовали Рождественскому посту… Когда же все расселись, Александр Александрович Пушкин встал с бокалом шампанского в руке. Торжественно, поворачиваясь почти всем корпусом то вправо, то влево, заговорил: «Исконные вороги России опять затеяли в нашем любезном Отчестве новую смуту. Но как в шестьсот тринадцатом, в восемьсот двадцать пятом, всегда среди нас находились и князь Димитрий Пожарский, и гражданин Козьма Минин, генерал от инфантерии, граф Михаил Андреевич Милорадович… Сейчас вы, дорогие мои лейб-гвардейцы, славные «семеновцы», праправнуки «птенцов гнезда Петрова», продолжаете выполнять их нелегкий, для кого-то неблагодарный, но благородный долг служения. Но и мы здесь не сидим, сложа руки. Ведь русский человек, он каков? А он таков, что будет работать, как говорится, от души, когда и в хозяине, и в сотруднике видит ро-а-а-дного. Вот и

здесь, в Раменском мы по-родственному подошли к простому труженику! И каков результат? А таков, милостивые государи! У нас на мануфактуре – около ста пятидесяти тысяч одних прядильных станков… Не буду заморачивать вас цифрами о мюльных, ватерных, чесальных и так далее механизмах…

«Прядильные… Мюльные… Ватерные… Чесальные.., - хмыкнул я про себя, - И это – заботы внука великого Русского поэта?! Сына прославленного генерала?!»

Между тем, Александр Александрович вдохновенно говорил: «Но топливо в виде торфа для пяти паровых машин и двадцати трех котлов, запускающих станки, мы подбираем, с позволения сказать, под ногами. А наше литейное отделение уже отливает для нужд Отчества более двенадцати тысяч пудов чугуна и двухсот пятидесяти пудов меди в год… И все производство обслуживают всего лишь восемь тысяч мастеровых… И как обслуживают?! Любо-дорого посмотреть! А почему? Да потому что тысяча семейных у нас живут, - да что там живут? бла-а-агоденствуют! - в десяти каменных трехэтажных домах, восьми деревянных, двухэтажных. А дети их, - более полутысячи! - учатся в школе, возведенной пятнадцать лет назад. Мно-о-о-огие ее выпускники остались работать здесь… Иных, самых смекалистых, мы даже в Москву на учебу, за казенный кошт направили… Для двух тысяч одиноких мастеровых построены трехэтажный каменный дом и пять деревянных бараков… Есть у нас больница с амбулаторией, аптекой, лабораторией и столовой при них… Баня, наконец!.. Простите мне мое многословие! Но к чему я все сие сказал?! А к тому, милостивые государи, что когда души фабриканта, полицмейстера, управляющего, мастера, уездного начальства, доктора ли, учителя, душам мастеровых добрые вести подают, то меж них никакая смута не просочится. Посему и нет в наших краях безпорядков

наподобие Москвы, Сортировки, Перово, Люберец… Да! Таковы мы, русские! Православные Христиане! Разумею не кровь! Вглядываясь в отечественную историю, не могу не вспомнить хана Саркиса и его джигитов, вставших в ряды Великого Князя Димитрия Иоанновича Донского на Куликовом поле. А сколько немцев, датчан, поляков, калмыков, татар, представителей иных народностей, - по крови, - души свои положили за наше общее Отчество на Бородине?! И как тут не вспомнить грузина Царского рода, генерала Петра Иоанновича Багратиона, родоначальника партизанского движения, немца по крови Александра Самойловича Фигнера, командира шестого башкирского полка Шайдарова… К стыду своему, имя его запамятовал… А сколько было героев на Кавказе и Балканах? Наконец, в последнюю Русско-японскую войну?! Несть им числа! Каждый достоин памятника! Не в бронзе! Не-э-э-эт! В червонном золоте! Но, смею дерзать, думая, что они получают свою награду из пречистых рук Самого Спасителя! Однако и мы на грешной земле не должны забывать их святых имен! Их подвигов! Я ни в коей мере не умоляю служения русских по крови! Не-э-э-эт! Мой дед, Александр Сергеевич Пушкин, вел родословную откуда-то из Эфиопии… Но у кого повернется язык сказать, что он – не великий русский поэт?! Так что, отцы и братия, не национальность разумею я, провозглашая *русскость*! Не-э-эт! Разумею служение! Служение по сердцу! По душе! Ведь, как сказал кто-то из мудрых наших современников, *русский – это состояние души!* А душа дарована человеку Богом! Посему предлагаю первый бокал поднять во благодарение Господу Богу за всё, что имеем! Не смущайтесь! На легкое вино благословляет наш владыко…

Я не смог не присоединиться к аплодисментам, взорвавшим небольшой зал ресторана. Воистину, не всякий

священник даже в столицах мог бы сказать так в своей проповеди! А надо бы!..

Второй тост был провозглашен за здравие Государя Императора и всей Августейшей семьи. А после третьего бокала и обильного насыщения и хозяева, и гости оживились. Особой веселости, конечно, не было. Разговоры сводились к последним событиям мятежа. Светлейший князь Андрей Александрович расспрашивал полковника Римана: «Неужели же действительно пол-России поднялось на стороне смутьянов?»

- Даже не верится! – вторил ему архиерей, восседавший рядом с Пушкиным.

- Что вы, господа, – грустно усмехнулся Николай Карлович, - и сотой части населения державы не вошло в ряды мятежников. Судить об этом я могу хотя бы по числу расстрелянных нами. Просто все дурное, в чем бы оно не выражалось, так и лезет наружу, в глаза нормальных людей. Так и выпячивается, тогда как доброе, мирное, тихое не видно. Посему первое кажется большим, а второе – малым. Обман зрения, господа!

- Но в чем же вы, сударь, видите причину смуты? – спросил Александр Александрович.

- В недобросовестной службе тех, кому положено не только следить за порядком, но и воспитывать верноподданных! Предотвращать всякие безобразия, которые сеют в души простаков нахлынувшие из-за рубежа слуги врага рода человеческого. И так на Руси было всегда! Можно вспомнить, что Великая Смута возглавлялась поляками, шведами, немцами. И та же «пугачевщина»! И восстание Болотникова… А декабрьский бунт двадцать пятого года прошлого века?.. Все смутьяны подначивались иноземщиной. Да что там подначивались? Щедро оплачивались! Вознаграждались!

- Простите, господин полковник, – помотал головой граф Шереметев, - но тогда, в двадцать пятом году столетия мятеж подняли русские дворяне! Герои войны с Наполеоном! Цвет нации!

- Совершенно верно! Это были, – кивнул Риман, - русские дворяне! Офицеры! Но позволительно спросить: откуда они привезли заразу вольнодумства? Из Европы! Из Парижа! Начитавшись Руссо, Вольтера, иных возгордившихся, аки Денница во время оно…

- Начитавшись фармазонов! – пробасил здоровяк с проседью в шевелюре и бороде, теперь известный нам как старейшина купеческой гильдии всего уезда, - Мракобесы! Бесы, прости Господи, выползшие из мрака!

- Да-да, – подхватил архиерей, - я слыхивал, что папеньки большинства тех мятежников из двадцать пятого года состояли в масонских ложах, руководимых из самого Лондона… Как и заговорщики, убившие Помазанника Божиего Государя Императора Павла Первого Петровича…

- А многих ли вы расстреляли, господин полковник? – вдруг спросил кто-то с дальнего конца стола.

- У меня приказ: расстреливать всех мятежников, взятых с оружием в руках, - строго и резко кивнул Николай Карлович. Но тут же обратился к Пушкину: «Ваше превосходительство! Однако весьма отрадно видеть, что в вверенном вам уезде не видно и намека на мятеж! Как сие удается?»

- И-и-и! Су-у-ударь! Сие однако – покачал головой Александр Александрович, - удается… Однако, как говорят, силен бес, - горами колышит, а людьми, что вениками трясет… Проникла и в наши пенаты революционная зараза. На прядильно-ткацкой фабрике уже два года тайно существует, с позволения сказать, ячейка социал-демократов… Перед вашим приездом я приказал арестовать их всех и посадить под арест. Оружия при них мы не

нашли… Только прокламации. Но, учитывая содержание и призывы в оных, каторга большинству арестованных обеспечена… Будем судить! Правда, кое-кому из крамольников удалось бежать. Иные попрятались в селах да деревнях, откуда - родом… А заводила мятежников, Блохин, словно в воду канул…

- А что за прокламации? – подал голос капитан фон Сиверс.

- Я приготовил для вас экземпляры оных… Так сказать, для отчета… Полагаю, что зачитывать их здесь, сейчас не следует, дабы не портить нашей беседы и… аппетита! – улыбнулся на последних словах предводитель уездного дворянства. Он слегка даже поклонился полковнику Риману. А потом общим поклоном всем нам: «Да-а-а! Еще хочу доложить вам, господа офицеры, что много спасительного, дабы не допустить брожения в душах и умах фабричных и всего населения, делает наше духовенство.»

И Александр Александрович, повернувшись к архиерею, тоже слегка склонил перед ним голову. Снова улыбнулся: «Городок, - а это, повторюсь, - несколько трехэтажных каменных домов, - где проживают семьи наших ткачей и прядильщиков, иначе, как *монастырь*, в народе и не называют! Глас народа – глас Божий! Ежели господа офицеры пожелают, мы можем после обеда съездить. Посмотреть, как благоустроены наши фабричные…»

- Премного благодарен, ваше превосходительство! Но… Служба-с! Через час наш эшелон отбывает в сторону Коломны. Однако, в Раменском и на весь ваш Бронницкий уезд я оставлю роту капитана Григория Григорьевича Тиморта. Поверьте на слово: он – достойный офицер! Прошу оказать содействие в поимке сбежавших мятежников. Тех же Блохина. Чудскова, Лядина, Дубинкина и еще нескольких. У господина штабс-капитана, - Риман кивнул на меня, -

который тоже останется здесь, как офицер штаба полка, есть список жителей вашего уезда, особенно усердствовавших в безпорядках . Оные с расстрелянным уже Ухтомским выезжали в Москву и участвовали там в вооруженных безчинствах. В убийствах, грабежах… Эти, согласно приказу, должны быть как можно скорее арестованы и расстреляны. Не обезсудьте! Однако осмелюсь поинтересоваться. Роту наших гвардейцев вы сможете разместить в Раменском, обеспечить всем необходимым? В первую очередь, конечно, питанием?

- Как же-с! За милую душу, господин полковник! Расквартируем! Накормим! Как говаривал, не к ночи будь помянутый Наполеон Бонапарт, мол, если народ не желает кормить свою армию, будет кормить чужую! Так что, не извольте безпокоиться! Накормим свою армию! – развел руками Александр Александрович. Через несколько минут обед завершился. Мы с Григорием Григорьевичем фон-Тимортом и его гвардейцами проводили своих однополчан до поезда. И сразу решили заняться поисками беглых мятежников.

Как всегда, с поезда я отправился сразу в редакцию. И, как всегда, там так рано еще никого из наших не было. Однако у подъезда, прыгая на одном месте, дабы согреться, меня дожидался молоденький рядовой казак, обещавший поднести материал о каком-то своем предке. Увидев меня, он резко опустил и тут же вскинул голову. Прихлопнул каблуками сапог. И тут же покраснел: «Я вот… Как обещался… Написал кое-что… Может быть, при мне посмотрите? Я ведь не писатель. Не журналист. Написал, как мог.»

- Конечно, – улыбнулся я, - пойдемте в редакцию. Давно дожидаетесь?

- Я, знаете ли, взял для себя за обычай вставить в шесть утра, - войдя в здание, торопился он по лестнице следом за мной. При этом растирал озябшие ладони: «Потом - молитва. Зарядка. Чай. И – на службу. Поэтому приехал сюда пораньше… Уже полчаса здесь стою. Но это – не важно!»

- А где трудитесь?

- Как же-с?! В Театре Советской Армии… Грузчиком… Или, как говорят, «рабочим сцены». Сегодня, вот, договорился подзадержаться. Но это – ничего! Я итак всякий раз раньше других прихожу. Вот, бригадир и отпустил сегодня.

- Так вы и в Музее, должно быть бываете? Там сейчас военно-исторический клуб работает. Реконструируют Лейб-гвардии Семеновский, Преображенский, Измайловский, всякие другие полки…

- Ой, был я там! Показуха одна!.. Знаете ли… Нет содержания! Так! Одно желание поблестеть эполетами… Да повальсировать на паркетах.

- Вот как? – удивился я. Открыл перед ним дверь в редакционную комнату. Но, подумав, вошел все-таки первым: «А реставрировать казачьи полки вы им не предлагали?»

- Какое! Они про казаков и слышать не хотят! Боятся, что ли…

- Ну, что ж… Показывайте вашу статью… Очерк… Что вы там написали?

Он, входя, перекрестился на образа в Красном углу. Я включил электрочайник. Спросил казачка: «Чай? Кофе?»

- Чайку бы… Спаси Господи… А то, если честно, подозяб… Морозец-то сегодня – ого-го!

Я заварил чай. А сам сел за свой рабочий стол. И принялся читать листы обычной ученической тетрадки «в полоску», исписанные округлым крупным почерком. А

казак, обхватив обеими ладонями стакан с чаем, грелся. Когда я закрыл тетрадь, он, покраснев, спросил: «Что? Никуда не годится?»

- Почему? – соврал я, едва сдержав себя, чтобы разочарованно не вздохнутью И не огорчить этим юношу: «Годится… Будем работать…»

- Ну, тогда я побегу? – обрадовался казак.

- Только на последней странице напишите свои данные… Имя, отчество, фамилию, домашний адрес. Обязательно укажите номер телефона, - кивнул я. Что казак тут же и исполнил. И убежал… А через пять минут появился Алексей Алексеевич. Поздоровавшись, кивнув в сторону двери. Спросил: «Зачем этот юный казак приходил?»

- Да вот, - хмыкнул я, потрясая ученической тетрадкой, - принес свой опус о полковнике Чернецове…

- Ну и?

- Написан, словно автобиография при поступлении на работу.

- Но судьба полковника интересна?

- Героична… Монархист. Возглавлял партизанский отряд!

- Тогда обработайте!

- Слушаюсь! – вдруг неожиданно для самого себя весело ответил я. Но не прошло и получаса, как после телефонного звонка Алексей Алексеевич протянул мне трубку: «Вас…»

Оказалось, что звонит Екатерина Ивановна, - Катя, - секретарь правления военно-исторического клуба. Она сразу объявила, что статья про историю Лейб-гвардии Семеновский полк готова. Четыре с половинкой странички машинописного текста. Слова и ноты маршей тоже переписаны. Спросила: «Вы сами за ними приедете? Или подвезти?.. У нас сегодня собрание. Новогодний бал будем обсуждать. Распределять обязанностию»

- Новогодний? Может быть, Рождественский? – хмыкнул я.

- Ну-у-у, это… Как кому нравится…

Тогда я спросил: «А вы не хотели бы познакомиться с прямым наследником одного из офицеров Лейб-гвардии Семеновского полка? Он – из заграницы. А там – тоже объединение потомков «семеновцев», «преображенцев» и других действуют. Они бережно хранят традиции, всякие фотодокументы, архивы. Могли бы поделиться с вами опытом, результатами своих исследований.»

- Ой! Как здорово! – воскликнула Катя. И вдруг осеклась: «Вообще-то я не имею права самолично, без обсуждение с членами правления нашего клуба, решать такие вопросы… Вот, если бы вы…»

- Понял! – опять хмыкнул я.

- Не выдавайте же меня… Вы мне о госте ничего не говорили… Просто сами взяли и привезли с собой! Вам-то ничего не скажут! Не осудят! – обрадовано вскликнула девушка.

- В котором часу вы собираетесь? – спросил я.

- Как всегда. В девятнадцать ноль-ноль!

- Договорились… Будьте здоровы…

Я положил трубку и рассказал всё главному. Тот снял очки. Протер стекла носовым платком. Кивнул мне: «Звоните Григорию Григорьевичу. Он хотел посмотреть на этих «клубников».»

Что я и сделал. Григорий Григорьевич на мое приглашение поехать в клуб отозвался с восторгом и обещал заехать за мной в редакцию в восемнадцать часов. А я уселся за материал о полковнике Чернецове. «Ого! – вчитавшись внимательно в рукопись, отметил я про себя, - Даже Деникин знал его»! И, не сдержавшись, воскликнул: «Алексей Алексеевич! Юного казачка, конечно, нужно переписывать! Всё заново… Но вы только послушайте,

какие цитаты «накопал» этот молодец! Вот, например, генерал Деникин в своих «Очерках Русской смуты», по свидетельству нашего казачка, пишет: *В личности этого храброго офицера сосредоточился как будто весь угасающий дух донского казачества. Его имя повторяется с гордостью и надеждой. Чернецов работает на всех направлениях: то разгоняет совет в Александровске-Грушевском, то усмиряет Макеевский рудничный район, то захватывает станцию Дебальцево, разбив несколько эшелонов красногвардейцев и захватив всех комиссаров. Успех сопутствует ему везде, о нем говорят и свои, и советские сводки, вокруг его имени легенды, и большевики дорого оценивают его голову.*

- Вы поосторожней с Деникиным! – даже крутанул головой главный редактор. Нахмурился: Деникин в те годы был да-а-алеко не монархистом. А скорее – республиканцем! Надеюсь, ваш герой не был таким же? Невдумчивые люди сейчас поднимают на щит, например, того же генерала Корнилова… Таланта военачальника у него не отнимешь! А ведь он лично арестовывал Августейшую Семью Государя, которому присягал на верность!»

- А потом… переприсягнул! Временному правительству! Страха ради иудейска… И не верю я, чтобы он не разобрался в масонских играх своих кукловодов. Стало быть, сам был масоном! – сверкнул золотым зубом Борис, приход которого я даже не заметил.

- Да-да! По большому счету большинство вождей Белого движения изменили Присяге! – кивнул Алексей Алексеевич. А я почему-то вспомнил свои видения… Между тем, главный редактор подвел итог: «Впрочем, за что и приняли мученическую кончину… И не нам судить. С ними Господь, полагаю, уже разобрался! Но и не рассуждать мы не имеем права… К тому же, обратите внимание! Даже Антон Иоаннович Деникин подчеркнул: *угасающий дух донского казачества*! А когда он писал свои «Очерки…»?

- А когда? – выдохнул я.

- А вы спросите у Григория Григорьевича! А потом смекните! – грустно улыбнулся Алексей Алексеевич.

- Масоны? – спросил я.

- Работайте! – вздохнул главный редактор.

Я продолжил вчитываться в «биографическую справку». Не выдержал. Заметил, подняв глаза от текста: «Но здесь упоминаются и другие, верные Присяге! Тот же атаман Каледин! Начальник разведки подъесаул Туроверов, - очень знакомая фамилия… Где-то я слышал про него. Были еще войсковой старшина Семилетов, есаул Назаров, поручик Курочкин, есаул Лазарев, сотник Попов…»

- Вот и займитесь! Хотя по сути, эти герои ничего не решали… – даже несколько повысил голос Алексей Алексеевич,. И я понял, что мешаю ему. А он в завершение разговора определил: «Пусть ваши казаки поищут в своих архивах. Напишут! Пора поднимать из небытия некоторых героев, оставшихся верными Присяге. И то ведь, уж если вы, как я погляжу, в растерянности, то что говорить о наших читателях?!»

Скоро главный редактор куда-то уехал. А я по-прежнему склонялся над письменным столом. Тяжело давался мне материал о Чернецове… И промаялся я над ним до самого вечера. Но все равно, почти ничего не получалось… Из этого состояния безпомощности меня вывел Григорий Григорьевич, появившийся, когда большие, старинные настенные часы отбили шестой удар.

Поздоровавшись со всеми, он подошел ко мне. Вскинул брови: «Что это, друг мой, на вас лица нет? Вы здоровы»?

- Слава Богу! Просто заработался! - поднялся я со своего места. Надо было ехать в Музей Вооруженных сил. Но я все-таки поделился: «Вот принесли материал о полковнике Чернецове… Но так трудно разобраться!»

- О Василии Михайловиче, подло зарубленном иудушкой Подтелковым? Царствие Небесное убиенному воину Василию… Давайте, поедем, как договаривались. А по дороге потолкуем. Такси ждет внизу… Кстати, у меня к вам один вопрос имеется. Тут я дозвонился домой и мне телеграфом некий фотоснимок прислали… Из семейного архива…»

В такси Григорий Григорьевич, хитро улыбаясь, достал и протянул мне телеграфную копию старинной, мутноватой фотографии, на которой я увидел группу офицеров в царской форме. А среди них… себя. Я даже откинулся на спинку сиденья. Прикрыл глаза… И услышал тихий голос своего попутчика: «Ваше лицо сразу показалось мне знакомым. Но я долго не мог вспомнить: где мне пришлось видеть вас… Однако представьте! Вспомнил! На снимке – офицеры Лейб-гвардии Семеновского полка, участвовавшие в экспедиции по усмирению мятежников Казанской железной дороги под командованием полковника Римана… В самом начале девятьсот шестого года…»

- Погодите-погодите, – выдохнул я, - это… Это – после подавления декабрьского вооруженного восстания? Когда расстреляли Ухтомского? И еще несколько десятков революционеров?

- Так точно. А рядом со штабс-капитаном, на которого вы очень похожи, стоит мой дедушка по матери. Капитан Григорий Григорьевич фон-Тиморт. А это - полковник Николай Карлович Риман… Рядом с ним – командир девятой роты капитан Швецов… А впереди в полуприсяде – иудушка Шрамченко…

-…Значит, не случайно все это нередко видится мне.., - и я рассказал старику о видениях, посещающих меня. Почему? Ведь почти ни с кем так откровенно не говорил! Даже с Аллой я не делился этим… Сокровенным!

Связанным *со кровью*, бьющейся в моих жилах! *Со кровию* предков!

- Вы, должно быть, наделены очень крепкой генетической, или говоря по-русски, родовой памятью. И теперь получили в этом подтверждение! Велик Господь! Слава Тебе, Боже! – истово, к удивлению таксиста, перекрестился Григорий Григорьевич. А я глядел на штабс-капитана и не мог наглядеться. Даже слезы наврнулись на глаза…

- Можете взять на память… У меня дома есть еще несколько фотографий… На одной из оных сняты все офицеры полка во главе со своим командиром – генерал-майором Георгием Александровичем Мином… Царствие Небесное убиенному воину Георгию…

- Убиенному? – переспросил я.

- Да! И года не прошло после подавления мятежа на Казанской дороге, как на глазах у жены и дочери четырьмя выстрелами в спину на перроне станции Новый Петергоф Григория Александровича застрелила эсерка Зинаида Конопляникова. А ведь была, говорят простой сельской учительницей… Однако у Коноплянниковой нашли множество книг, которые учили, что Бога нет, а потому не может быть и земного Царя… Его превосходительство Георгия Александровича похоронили в Введенском соборе Лейб-гвардии Семёновского полка. Увы! Сей храм Божий после семнадцатого года богоборцы и цареборцы взорвали... После убийства Георгия Александровича Коноплянникову повесили… Поделом безбожнице… Трудно представить ее мучения в преисподней! И повторюсь: по-де-лом! Не к ночи будь помянутый картвыфй сифилитик Ленин называл генерал-майора Мина, прости Господи, «дикой собакой»…

- А какова судьба других?.. Про некоторых вы уже рассказали… А полковник Риман, например? – затаив дыхание, почти шепотом спросил я.

- Да-а-а! Кто-то погиб на фронтах Второй Отечественной, которую у вас почему-то принято называть Первой Мировой. Кто-то сгорел в огне Гражданской войны. Кому-то удалось уйти за кордон. И продолжать свое дело в изгнании. А Риман? Нам, потомкам «семеновцев», известно о нем очень немногое… В конце пятого года на Николая Карловича покушения готовились одно за другим. Например, эсера Яковлева, когда он явился на квартиру Римана под личиной князя Друцкого-Соколинского, разоблачили и осудили на пятнадцать лет каторги. Где террорист окончил свои дни? Забыт, как забыли Герострата… И тогда Николай Карлович, - заметьте, в приказном порядке! - скрылся за границей. Но не выдержал без Отчества. И год спустя вернулся в Россию. Однако опять за попытку покушения на полковника Римана был арестован и осужден на восемь лет каторги некий эсер Гоц Абрам Рафаилович… Этот, по словам злодея, сатаниста, масона Бориса Савинкова, был способен на всё! Методы для убийства не выбирал. Однако, как говорится, революция пожрала и этого своего дитятю… Гоц умер в советском лагере… А Николай Карлович был расстрелян в семнадцатом году. Но сие - тоже неточно! Ведь у него был родной брат… Тоже офицер… Поговаривали, что в тридцатых годах какой-то Риман обитал в Германии. Но тогда к власти пришли нацисты… И нам, русским, было не до исторических изысканий… Так что, судьбы обоих Риманов ведомы лишь Господу Богу! Во всяком случае, времени прошло столько, что ни тот, ни другой просто не могут быть живы…

- А штабс-капитан, на которого похож я? Известно ли что-нибудь о нем?

- На второй Отечественной войне, - или как ее прозвали наши недруги, дабы принизить патриотизм, на Первой Мировой, - он командовал батальоном… Даже

фотоснимки сохранились. Известно, что был ранен во время так называемого Брусиловского прорыва. Отправлен в тыловой госпиталь. По-моему, в Царское Село… Счастливчик! Его лечила сама будущая великомученица Государыня Императрица! Их Высочества, - тоже в восемнадцатом году великомученицы, - Великие Княжны!.. Потом плен… Побег… Но после семнадцатого его следы затерялись… В изгнании он тоже не появлялся. Это – точно! Не думаю, что перешел на сторону «красных»… Следов семьи тоже не нашлось. Хотя кто-то из стариков говорил, что у него были двое сыновей и дочка. Но что с ними сталось?! Простите за неосведомленность… Однако надеюсь, что вы что-либо проясните! Ваше сходство со штабс-капитаном не может быть случайностью. Иначе, я думаю, вы были бы по другую сторону «баррикады». Ведь наши упокоившиеся предки молятся за нас… За наше благочестие! А-а-а! Наворочали, большевички! Будь они неладны! – грустно махнул рукой Григорий Григорьевич. Но тут же ободрился: «По-моему, мы уже приехали! Надеюсь, у нас еще будет время продолжить беседу.»

…А через несколько минут мы входили в высокие, широкие, стеклянные двери Музея. Поднялись на этаж, где в уже знакомой мне зальце обитал исторический клуб. Несколько женщин украшали помещение мишурой, серпантином, «дождем» из фольги. Мужчины и юноши, опять разделившись на группы, что-то бурно обсуждали. Но когда мы с Григорием Григорьевичем вошли, все замолчали и, словно по команде, подняли головы. Председатель клуба Юрий Павлович рванулся, было, ко мне, но, заметив Григория Григорьевича, приостановился. Удивленно вскинул брови. Однако снова натянул на лицо улыбку. Подошел. Пожал мне руку. Вопросительно перевел взгляд на старика. Я пояснил: «Простите меня. Так весьма неожиданно получилось Я взял на себя смелость привести в

клуб внука одного из живых «семеновцев».Точнее, его прямого потомка… Григорий Григориевич. Прошу любить и жаловать. Его дедушка, капитан Григорий Григориевич фон-Тиморт командовал ротой… Я подумал, что вам будет интересно узнать о жизни и работе зарубежного объединения потомков «семеновцев».

Юрий Павлович резко склонил и выпрямил голову. Прищелкнул каблуками, что не совсем соответствовало его мохеровому пуловеру, не очень свежей сорочке и пестрому галстуку. Председатель представился. Слово «полковник», как я заметил по глазам, немало удивило гостя. Однако он сдержался. Улыбнулся: «Ну-с! Давайте знакомиться!»

И вопросы, что называется, посыпались… Только Юрий Павлович, отведя меня в сторону, шепнул: «А вы, Александр, уверены, что у нашего клуба не будет неприятностей со стороны, так сказать, компетентных органов? Все-таки.., как бы это помягче сказать.., эмиграция… К тому же, в девятьсот пятом году «семеновцы» выполняли карательные функции…»

- Извините, Юрий Павлович, - сдержал я себя, чтобы не нагрубить, - Но «семеновцы» прославились и под Полтавой, и на Бородинском поле, когда отражали атаки тяжелой кавалерии, участвовали они в Лейпцигском сражении… Вы, должно быть, лучше меня знаете о подвигах полка во Второй Отечественной, Великой войне! А по поводу «карательных функций», могу сказать только одно: в девятьсот пятом году «семеновцы» выполняли приказ. А что бы сделали вы, господин «полковник» на месте командира полка, лейб-гвардии полковника Мина? Однако если же возникнут, как вы изволили выразиться, неприятности, позвоните мне. Я думаю, наш главный редактор все устроит.

Юрий Павлович растерянно пожал плечами. Махнул рукой. Развернулся. Натянул на лицо улыбку. И присоединился к остальным, которых Григорий

Григорьевич, рассказывая о потомках «семеновцев», просто очаровал… Только Юрий Павлович время от времени хмурился. Но, очевидно, потом брал себя в руки. И снова улыбался. Но вдруг, отводя глаза, сам спросил: «А что делали дети «семеновцев» и других эмигрантов в годы Второй Мировой войны? Я разумею для нас – Великую Отечественную.»

- Люди были разными! – вздохнул Григорий Григорьевич. Серьезно посмотрел на вопршающего: «Одни, полагая, что борются с большевизмом помогали Гитлеру. Квы, были и такие… Дорого им обошлась сия ошибка! За что и получили… Другие. Возьмите хотя бы Тихона Николаевича Куликовского-Романова, прямого наследника Русского Престола. Он воевал в Канадском экспедиционном корпусе, в составе десанта, высадившегося в Нормандии. Другой, замечательный поэт, подъесаул Николай Николаевич Туроверов, возглавлявший в изгнании Союз казаков, пятнадцати лет от роду, после ускоренного обучения в Новочеркасском казачьем училище был выпущен в Лейб-гвардии Атаманский полк, с которым участвовал во Второй Мировой Великой войне. В Гражданскую войну партизанил. Эмигрировал. В тридцать девятом году поступил в Первый иностранный кавалерийский полк, так называемый 1er Régiment Étranger de Cavalerie, опять же Иностранного Легиона. И в Северной Африке бил гитлеровцев, а также их сателлитов. А уехав оттуда, дрался против немецких войск на Сомме… Он почил совсем недавно… В семьдесят втором году. Похоронен в Париже. Царствие ему Небесное. Если желаете, мы вышлем вам списки русских генералов, офицеров, нижних чинов, воевавших с нацизмом, по сути, на стороне соотечественников.

- А вы сами воевали? – усмехнулся Юрий Павлович.

- Я? – несколько снисходительно улыбнулся Григорий Григорьевич. Помолчав, объявил: «В сорок третьем году я лично имел честь в составе американского корпуса освобождать Италию от тоталитарного нацисткого режима Муссолини. Ведь именно итальянцы, а не немцы называли себя фашистами!»

- Вы упомянули, что этот.., как его.., ну-у-у.., подъесаул был поэтом, - подала голос Катя. Но смутилась. Покраснела: «А как можно почитать его стихи? Где они публиковались?»

- Я могу выслать вам сборники стихов Николая Николаевича Туроверова… Мы, русские эмигранты, издали их! Как он писал! – и вдруг Григорий Григорьевич, прикрыв глаза, тихо продекламировал: -

Нас было мало, слишком мало.
От вражьих толп темнела даль;
Но твёрдым блеском засверкала
Из ножен вынутая сталь.
Последних пламенных порывов
Была исполнена душа,
В железном грохоте разрывов
Вскипали воды Сиваша.
И ждали все, внимая знаку,
И подан был знакомый знак…
Полк шёл в последнюю атаку,
Венчая путь своих атак.

- А про любовь он писал? – даже всхлипнула Катя.

- А как же! Ведь он был очень молодым человеком… В семнадцатом году ему было всего восемнадцать лет! Послушайте: -

Не говорить и не писать, не думать,
А только сердцем чувствовать, что ты
Вот здесь, вдали от городского шума,
Со мной глядишь на деревенские цветы,
Но это медленно стареющее лето,

Которое не хочет уходить,
Все ждет, Бог весть, какого-то ответа
И до конца все хочет пережить,
На эти голубеющие склоны
Полей над безымянною рекой
И на дубок, такой еще зеленый,
Что нет сомнений: встретимся с тобой!..

- Удивительно! Нет слов признания в любви, а есть чувства, которые можно не слышать, а только чувствовать… - произнес кто-то.

Я взглянул на часы. Они показывали около полуночи. И тут в зал вошел охранник. Объявил, что Музей закрывается… Все расходились неохотно. И долго не отпускали нас с Григорием Григорьевичем даже на улице, задавая ему один вопрос за другим.

…В такси старик благодушно вздохнул: «Ах! Как же благостно на душе! Какой интерес у нашего народа к своей истории! К героической истории! К самим ее героям! Только этот… С позволения сказать, «полковник»… Прости, Господи за осуждение… Я пытаюсь рас-суж-дать… В лейб-гвардии Семеновском полку его бы даже в обозники не поставили!

- Почему? – спросил я.

- Помните, я рассказывал вам про Поливанова… Был-то он потомственным «семеновцем»! И сам служил весьма добросовестно. Но… Как бы это сказать… Без азарта, что ли…

- Без инициативы? – попытался поправить я.

- Именно! Ведь перед расстрелом он на допросах никого не выдал… Называл только либо погибших, либо уехавших в изгнание. Не высказал и своего, присущего тогда почти всем нашим, отношения к совдепии. Так! Как говорится, ни рыба, ни мясо… А от него нужен был подвиг. Такой

совершили другие, расстрелянные вместе с ним. Подвиг этот – исповедничество!

- Исповедничество? Исповедничество Православной Христианской веры? – удивленно переспросил я.

- И веры тоже… Попробую объяснить, - вздохнул Григорий Григорьевич. Он на миг прикрыл глаза, словно задумался: «Вы знаете, мы в изгнании очень любим смотреть некоторые совдеповские фильмы… Далеко не все, конечно! И далеко, не целиком. Но вот в «Хождениях по мукам» есть один замечательный, на мой взгляд, эпизод. В нем актер Глузский играет офицера… Гуляку… Выпивоху… Простите, ха-ха, бабника! Когда сие позволительно, конечно… Вне службы… Глядя на него, поневоле думаешь, что воюя в Белой Армии, он оставался Царским офицером. Так вот, ставят его, чтобы расстрелять. Он рвет на себе мундир и выкрикивает: «Смотри, сволочь, как умирает русский офицер»! Причем, последнее слово договорить не успевает. Сраженный пулями падает замертво. Большевик, приводивший приговор в исполнение просто взбесился от его последнего возгласа! Вот это и есть подвиг исповедничества. Не отмалчиваться. Не юлить. Не лебезить перед врагом, когда тот застиг врасплох. А исповедовать свои убеждения. И если надо, если по воле Божией нет другого выхода, умереть за них. Умереть достояно. Поливанов таким не был! Гвардеец! А ушел служить в какое-то совдеповское, красноармейское тыловое управление. Бог ему Судия! Так вот, наш нынешний, с позволения сказать, «полковник» из клуба под стать Поливанову. Тот за несколько лет стал тем, кем стал. А этот в трех предыдущих поколениях, живших под страхом ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ, исповедовать ни совдепию, ни Российскую Империю не может. Возможно, кто-то из его предков отмалчивался, отсиживался, юлил, лебезил, чем и спас свою шкуру… А возможно, что он специально

поставлен спецслужбами руководить клубом, дабы держать на контроле потенциально активных молодых людей, девушек. Поэтому-то он и бесился сегодня от безсилия оградить общение своих одноклубников со мной… Однако предвижу ваши размышления: мол, как этот старик, то бишь я, может говорить об исповедничестве, когда его предки с большинством сослуживцев удрали из столь возлюбленого Отчества за рубеж? Дабы не искушать вас, поясню: генералы, офицеры уезжали тогда по разным причинам. Были такие, которые спасали свои шкуры. У этих тайных предателей, как у членов различных лож, были свои счета в банках… Но были и другие. Они мечтали вернуться и продолжить борьбу с большевизмом. Однако первые совместно со своими хозяевами-гроссмейстерами при поддержке властей и мировых финансистов всеми методами мешали вторым осуществить свои мечты. Разделяли эмиграцию на монархистов, демократов, республиканцев, анархистов, даже бывших большевиков-беженцев, иных и властвовали. И провоцировали, как результат, по всему миру, особенно же в России разделение народов, новые войны, революции, восстания, голод, разруху, нищету народную духовную и материальную… И, поверьте, друг мой, сейчас, когда Россия силится вернуться на круги своя, они устроят новые войны, мелкую вражду на бытовом уровне, разделения страны, повышение цен… А самое главное сделают все, чтобы ложной вседозволенностью развратить русский народ. Все нравственные ценности заменить их противоположностями… Большевизм для них был всего лишь этапом для уничтожения Православного Христианства. А теперь «мавр сделал свое дело, - разумею именно большевизм, мавр может умереть» Мы, как говорят, это уже проходили на примере эсеров и иже с ними…. Очень рекомендую вам почитать книгу Сергия Александровича

Нилуса «Близ есть при дверех»… И вы не сможете не провести аналогий между текстами и реальной жизнью нынешней России!

Несколько минут мы оба молчали. А когда проезжали гостиницу «Пекин», я напоследок сказал: «В клубе вы упоминали Николая Труверова… А я сегодня утром как раз прочитал, что он командовал разведкой в партизанском отряде полковника Чернецова…»

- Да-да! Отряд Василия Михайловича прошел славный боевой путь. Вы уж уважьте меня, старика! Опубликуйте статью о полковнике Чернецове! Поверьте на слово, она прольет елей на души многих наших соотечественников в изгнании… Даже тех, кто не поддерживает монархические идеи в Белом Движении. Думаю, что и Николай Николаевич на том свете тоже порадуется, если увидит свои стихи, опубликованные в России.

…Через минуту я, распрощавшись с Григорием Григорьевичем, вышел из такси. Он поехал дальше. А я, перебирая в памяти все прочитанное, услышанное, увиденное за день, побрел к себе домой. Усталость и одновременно радость от того, что сделано за день, растекались по всему телу. Глаза слипались. Шутка ли, стрелки на часах показывали половину второго ночи…

- Слышь, братан! – услышал я сзади. Обернулся. И увидел вполне прилично одетых четверых молодцев. Они подошли ко мне. Самый рослый, - на голову повыше меня и вдвое пошире в плечах, - улыбнулся: «Поделись с ближними мелочишкой! Не будь жмотом!»

- А сколько? – еще не отойдя от своих размышлений, спросил я.

- А сколько есть? – хмыкнул он. Двое встали по бокам от меня. Четвертый попытался зайти мне за спину. Я сделал шаг назад. И понял, что дело принимает нешуточный оборот.

- Попал ты, мужик, – еще шире улыбнулся первый, - чего ж хорохоришься? Выкладывай «бабульки»… «Котлы» снимай… Сумочку расстегни. Покажи. Може, там цацки какие завалялись… Нам и жрачка подойдет. И бухало…

Я огляделся. Улица была пустынна. Большинство окон в домах уже темнели. «И это – в центре Москвы! – подумал я, - Одному мне с ними не справиться…». И вдруг, опять из-за моей спины раздался голос: «Что ж вы, господа, четверо - на одного? Не по-русски как-то! Не по-людски!»

- Те чё, мужик?! – рявкнул рослый, глядя поверх моей головы. И потер увесистый кулак ладонью: «Больше других надо? Или давно не били? Валил бы отсюда, а то и тебе обшмонаем!»

- Это тебе, похоже, больше других надо, если разбойничать по ночам выходишь! И тебя, похоже, давно не били! – прозвучал ответ незнакомца, вступившегося за меня.

- Чё-о-о? – прорычал громила. И попытался шагнуть мимо меня к говорившему: «Да я тебя… Урою… В асфальт живьем закатаю… А над тобою цветочную клумбу или дерево посажу.»

Я подставил ему «ножку» и он, не удержавшись, громыхнулся на тротуар. Двое, стоявшие у меня по бокам, третий, пытавшийся зайти ко мне за спину, кинулись мимо, на говорившего. Обернулся и я. И… остолбенел! Даже сквозь калейдоскопную круговерть пушистого снега, туманившего свет уличного фонаря, я сумел разглядеть своего заступника. Невысокий, помоложе меня, подтянутый, в каком-то допотопном, демисезонном сером пальтишке, но в плоской папахе, из-под которой вырывался вверх пшеничный чуб, и почему-то в хромовых сапогах, с бритым затылком и аккуратно постриженными усами он выглядел совсем не по-современному.

Дальше все увиделось, словно во сне! Молодчики, напавшие на меня, кинулись на моего спасителя… Но,

кувыркнувшись в воздухе после его ударов, с визгом отползали прочь… Но уже не людьми… Я увидел то ли дворняжек, то ли обмельчавших волков, усыпанных лишаями, словно лошадь «яблоками». А мой спаситель, дождавшись, когда поднимется рослый бандит, подошел к нему и так дал по уху, что тот, тоже перевернувшись в воздухе, обернулся шелудивым огромным то ли псом, то ли матерым волком… И тоже попытался отползти. Но незнакомец, вступившийся за меня, подошел к нему. Наступил на горло и резко развернулся. Пес дернулся и застыл, окоченело растопырив лапы…

- Все они такие! Понимают только силу, – хмыкнул незнакомец. Кончиком сапога повернул в стороны подбородок налетчика: «Не собаки… Не волки… Хотя и в обличии оных… Подлые, как Подтёлков… Его именем ни собак, ни волков оскорблять не хочется… Закуривай.»

И он протянул мне нарядную пачку папирос, которых я никогда прежде и не видывал. Взяв одну, спросил: «А вы?»

- Да-а-авно бросил! - хохотнул мой спаситель. Я прикурил и, затянувшись, проговорил: «Вот это – та-а-абачок!»

- У вас, в совдепии, таких папирос не делают… Опилки и всякое иное дерьмо, химию в табак добавляют. Травят народ «в целях экономии» и «по просьбам трудящихся»! А потом говорят, что курить вредно… Но почему-то не говорят, что в древности табакокурение использовалось для лечении многих заболеваний легких. Ведь Господь всё творит на пользу человеку. К тому же курящий человек не поддается зомбированию, - усмехнулся мой спаситель. И когда закладывал пачку в карман брюк, из под кашне и пальто вдруг сверкнул мундир с полковничьими погонами… Ордена… Даже, как мне показалось, у него был на груди *Георгиевский Крест… Привидится же…*

- Спасибо вам, - несколько ошарашено сказал я.

- Бога благодари.

- Я, наверное, схожу с ума?

- Нет, мой друг! Просто тебе дано многое видеть, чувствовать. Потому что ты этого хочешь. А другие не видят, потому что не хотят. Боятся… Боятся самих себя! Этого и добивались «подтёлковы» и те, кто командовал им «фас»… Боятся, ежели хочешь, смерти! И придумали, что, якобы, смерти нет, они же. Саддукеи в их новом изыскании… Смерть есть! Вечная смерть. Как есть и вечная жизнь. То или другое дается Богом за земные заслуги. За первые - в кавычках. За вторые, - вечная жизнь, – без оных.

- Подтёлков… Подтёлков.., - пытался вспомнить я.

- Выродок! Пьяница.., - особенно, ежели за чужой счет! Развратник! Несчастный! – опять хмыкнул мой собеседник. И тут перед нами возник черный, как будто обугленный, силуэт человека, оползшего какой-то вонючей массой, напоминающей солидол или деготь, к самым ногам. Это человеческое подобие бухнулось на колени. Заскулило: «Ваше благородие! Простите меня, Христа ради! Облегчите мои муки… Мою ве-э-эчную сме-э-э-эрть! Ведь даже мое повешение не принято Господом, как мученичество! Не пошло мне на пользу!.. Ведь я, словно Иуда, мучаюсь в аду, глее меня ежеминутно ве-е-ешают»

- Феодор! Голубчик! Я все время молюсь о твоем прощении пред Престолом Божиим! – со снисходительной жалостью покачал головой мой спаситель от грабителей. И в его глазах я на самом деле увидел скорбь и жалость: «Но, должно быть, моей молитвы мало… Нужна молитва тех младенцев, отроков и отроковиц, жен, стариков, старух, наконец, казаков, коих ты лишил жизни земной… А то, что меня зарубил, так я прощаю! И даже благодарен тебе! Этим ты облегчил мой путь к Отцу Небесному… Однако ты не дал мне отстоять Отчество! Дон! Всю Святую Русь! Вот у всех донцов, у всех нынешних русских людей ты и должен

просить прощения. Коли они все простят тебя, то и Господь Всемилостивец может снизойти… К тебе, к иным, прости Господи, «красным» казакам, как и к тем из Царского сводного конвоя, которые во Пскове не встали грудью за Государя Императора. Отдали Помазанника Божия в руки слуг врага рода человеческого. Предали Веру, Царя и Отчество… За что и попустил Господь Вседержитель расказачивание!

Обугленный толстяк исчез.

- Так, значит вы.., - начинал догадываться я.

- Меня зовут Василием Михайловичем… Я – полковник Царской Армии. Прошу заметить: не Белой Армии, а Царской! Хотя и воевал в составе первой.

- Чернецов?! – выдохнул я.

- Так точно! – улыбнулся мой собеседник.

- Я сейчас как раз работаю над очерком о вас…

- Я знаю. Только работа не очень спорится? А?

- Да-а-а, – вздохнул я, - может быть, вы расскажете…

- Зачем? Я предлагаю отправиться в те дни… Туда… Сам увидишь. Прочувствуешь. И прекращай «выкать»! Мы – не на плацу. Даже ко Господу Богу «на ты» обращаемся. Ну? Что? Отправимся в прошлое?

- Отправиться туда? Но как?

- Ты согласен?

- Конечно! – закивал я так, что даже голова закружилась… Закружилось и все вокруг. Я увидел вдруг казачью станицу. И понял, что знаю ее название: «Каменская». Откуда?.. Некогда было раздумывать над этим, потому что прямо у меня на глазах невысокий, худенький гимназистик дрался с пятью или шестью сверстниками. И, надо признать, отвешивал им вполне весомые оплеухи. Я захотел, было, вмешаться, защитить его, но гимназист обернулся на меня. Укоризненно покачал головой. Сплюнул кровь. Определил: «Я – сам…»

Кивнул на противников: «Иногородние! На чужой каравай рот разевают. А тут еще девчонку обидели… Соседку... Я хоть и влюблен в другую, но с этой, с Катькой, со младенчества гусей на пруд вместе гоняли… В «казаки-разбойники» играли! Нешто дам ее в обиду? А эти… Ко-а-а-абели! Гнилословщики!»

И тут же врезал в ухо самому рослому противнику, вставшему с земли и кинувшемуся, было, на него. Да так, что тот, перекувырнувшись, вдруг… обратился в большого шелудивого пса… Он, поскуливая, отполз куда-то под ближайший плетень… Гимназист угрожающе притопнул в его сторону ногой. Присвистнул… Захохотал…

- По-а-ашли! – обернулся он ко мне. Полез в карман разодранных в драке форменных брючек. Достал оттуда горсть семечек. Протянул мне… И вдруг я увидел его уже совсем другим и в другом месте… Передо мной стоял бравый юнкер казачьего училища… Я почувствовал, что нахожусь уже… в Новочеркасске. А ведь никогда не был в этом городе… Но узнал его! Откуда?

И снова все закружилось у меня перед глазами и… в голове. Я увидел недавнего юнкера с погонами сотника. Он, покусывая травинку, из-за густой ели наблюдал за дорогой, по которой двигался дли-и-иннющий обоз в сопровождении конных солдат в шишковатых немецких касках времен Первой Мировой, а точнее, Второй Отечественной войны. Следом брели и несколько рот пехоты. Как я понял, вражеской пехоты. Около пяти сотен! Не меньше! С пулеметами на телегах… И вдруг я услышал, словно голос диктора по радио или телевизору, провещал: «Партизанский отряд Двадцать шестого Донского казачьего полка Четвертой Донской казачьей дивизии…»

А знакомый мне сотник взмахнул шашкой, и тут же из ельника выхлестнулись казаки. Прислуга обоза и роты были во мгновение ока поколоты пиками и порублены…

Правда, указывая на тех немцев, кто бросил оружие, сотник поднял обе руки и объявил: «Пленных не бить! Хорунжий Линьков! Берите сотню. Ведите этих доходяг в штаб! Пусть нам теперь храмы Божии, мануфактуры, города, села, порушенные их артиллерией, заново возводят…»

- Василь Михалыч! Ваш бродь! - раздалось в ответ. Пожилой казачий урядник укоризненно покачал головой - Так, не положено, чтобы Православные храмы иноверцы возводили!

- Матвей Матвеевич. Это ничего. Ничего, – засмеялся Чернецов, - пусть их… Ежели собака заходит в храм Божий, его заново освещают… Вот и мы опосля их освятим!

В ответ грянул дружный смех. Почти все казаки в строю перекрестились: «Благослови, Господи!»

И снова все закружилось у меня перед глазами и… в голове. Только теперь, казалось, через секунду, на Василии Михайловиче были погоны есаула. А на эфесе его шашки я заметил маленький золотой крестик ордена Святого Великомученика Георгия Победоносца, покрытый белой эмалью, а также — надпись «За храбрость» и темляк цветов Георгиевской ленты. О других орденах на его казачьем мундире я уж и не говорю! «Ого! – отметил я про себя, - Золотое Георгиевское оружие! А ведь Чернецову и двадцати пяти нет!».

И снова все закружилось у меня перед глазами и… в голове. Теперь я увидел костер и собравшихся вокруг него офицеров. Уже знакомый мне есаул тихо, раздумчиво говорил: «Давеча о непризнании большевистского переворота на Дону заявил наш атаман, его превосходительство, генерал от кавалерии Алексий Максимович Каледин. Он один из немногих, я полагаю, остался верен Присяге, Вере, Царю и Отечеству… Может быть, поэтому к нам в отряд приходят добровольцы, желающие с оружием в руках бороться с «красными».

Генералы Корнилов, Алексеев и Деникин начали формирование Добровольческой армии. Но предупреждаю вас, господа: они – масоны! И навряд ли желают Отчеству нашему добра. Я по своему неразумию, не понимаю лозунг «За единую и неделимую Россию»! С кем, позвольте спросить, «единую»? С кем, и от кого «неделимую»? Мы с вами все давали Присягу Вере, Царю и Отчеству! А не какой-то «единой и неделимой»! Не Деникину! Не Корнилову! Не Алексееву! Посему призываю вас быть мудрыми, аки змеи и простыми, аки голуби… Увы, Дон не откликнулся на призыв атамана выступить на прикрытие Новочеркасска от натиска врага. Сие легло на нас с вами. Отряд наш состоит, в основном, из учащейся, желторотой, неоперившейся молодёжи и представляет собой едва ли не единственную действующую на Дону силу в борьбе с «красной чумой». Нам, господа, придется стать донской «каретой скорой помощи». Мы будем перебрасываться с фронта на фронт. Придется исколесить всю Область Войска Донского, неизменно отбивая накатывавших на Дон «красных». Я никого не держу. Тот из господ офицеров, кто желает уйти - скатертью дорога. Но прошу объявить о своем нежелании сей же час.

Офицеры, опустив головы, молчали. Наконец, поднялся пожилой хорунжий. Тяжело выдохнул: «Ты что ж, Василий Михалыч? За иуд нас держишь? Куда ж мы от Присяги? Нешто посрамим прадедов наших? Да тех же деток, казачек из станицы Наурской?! Ты – молод. Но… – башковит. Идем под твое начало! Командуй! Души положим за Русь Святую! А?! Братия?!»

Все собравшиеся офицеры загомонили… Повскакивали со своих мест… Схватились за эфесы шашек… Только один молоденький подхорунжий поднял руку. И, когда все смолкли, сказал: «Прощевай, Василь Михалыч… Не хочу врать… Я в свой курень уйду.

Навоевался… У меня – женка молодая. Заждалась… Детки… Их пестовать надобно…»

- Тебя за твой *Георгий* большаки крепко попестуют… На нижнем суку ближайшей яблони…

- На веревке из твоего же куреня…

- Вместе с женкой…

- Да и с детками… Не дай Бог, конечно!

- Али не видал, Микитка, посеченных из пулеметов, повешенных большаками казаков, казачек и отроков?!

- Изнасилованных, порубленных и пожженных отроковиц?!

- Рассеченных пополам младенцев?! – раздались голоса собравшихся.

Чернецов поднял руку: «Оставьте его. Пусть идет. Коли казак решил, так тому и быть! И, ежели что, винить потом будет только себя самого… Бог ему Судия! Когда уйдет бы-ы-ывший подхорунжий Никита Ястребов, мы потолкуем далее. Идите, сударь!»

Подхорунжий опустил голову. Но было видно, что решения своего он не изменил. Все затихли. Подхорунжий, ни на кого не глядя, поднялся и ушел. Чернецов после его ухода твердо произнес: «Спаси Господи, вас, господа, за верность. Всего один-единственный отрешился… Не-э-эсчастный… Остальных – спаси Господи!.. Значит, господа, приказываю: идем на захват станций Зверево и Лихой, а потом – на Каменскую… Прошу господ сотников остаться, дабы определить дислокацию по карте. Остальным господам офицерам приказываю направиться к личному составу, дабы подготовиться к выходу. Идем марш-броском. Быстро! Коней не меняем! Выход - через тридцать минут…»

…И скоро мне показалось, что я и сам скачу в сторону какой-то станции, над которой клубился дым от артиллерийских разрывов, пожаров. Где-то недалеко стрекотали пулеметы. Раздавались одиночные выстрелы. А

перед казачьей лавой уже разбегались неприятели… Кто падал, порубленный шашкой… Кого-то откидывали в сторону с острия пики, чтобы тут же нанизать на нее следующего «красного». Иные пытались бежать, прятались в сараи, ледники, свинарники, прыгали за заборы, плетни. Но большинство убегающих, вдруг приостановившись на миг, падали ниц в дорожную грязь, настигнутые пулями… Полыхало здание станции. А со станичной Управы какой-то урядник под одобрительные крики казаков уже срывал красный флаг… Всё это пролетало перед глазами, словно кадры кинопленки, прокручиваемой на повышенной скорости. И тем не менее – каждая «картинка» оставалась в моей памяти. Еще через какое-то время на соборной площади, окруженные казаками, выстроились оставшиеся в живых наши противники: связанные, обносившиеся до ветхих заплат, небритые солдаты, матросы, какие-то статские с красными повязками на рукавах. Впереди последних стояли матрос в полинявшей безкозырке, но зато в офицерских голифе и в рыжих, английских, шнурованных сапогах. На его боку пустовал деревянный, с отломанной крышкой, кобур от маузера. Рядом с матросом, исподлобья поглядывая по сторонам, стоял щербатый и одутловатый казак без погон, с красным лицом и такого же цвета повязкой на фуражке. Третьим был юркий, щупленький, чернявый, со взъерошенной шевелюрой человечек в кожаной куртке, явно великоватой для него. Пенсне, с одним треснутым стеклом, на самом кончике огромного носа, свисающего до далеко выступающего вперед подбородка держалось только за счет большой то ли бородавки, то ли волосатой родинки, над правой ноздрей… За спинами нашего конвоя столпились местные жители. Странно, но во взглядах большинства из них я не увидел ни сочувствия, ни осуждения ни к казакам, ни к арестованным.

Они смотрели с… интересом, даже, пожалуй, с каким-то азартом, как смотрят, например, на петушиный бой.

К Чернецову подбежал молодой хорунжий. Козырнул. Хрипло доложил: «Здесь недалеко, в балке, за огородами лежат десятка два расстрелянных… Непогребенных… Прости, Господи… Один, похоже, судя по мундиру, – начальник станции…Четверо казаков. Старики. Три казачки, опять же, ежели судить по одежке. Один судейский. Жандарм… Офицер. Погоны вырваны, что называется, с мясом. А прежде избили… Руки связаны и притянуты к ногам… «Ласточка», прости Господи! Потом стреляли в лицо. Лежат еще двое нижних чинов. Тоже изуродованы… Одна дама, должно быть, с дочкой-отроковицей и сыном, чуть помладше, - в гимназическом мундирчике.

- Почему ты решил, что убиенная дама - с сыном и дочерью? – скрипнул зубами Чернецов.

- Они лежат в обнимку… Как, видно, и встали во время расстрела, - опустив глаза, перекрестился хорунжий, - Хлопец-то, похоже, маменьку и сестрицу прикрыть собой старался… У меня – братец малой в том же возрасте! Как увидел, Василь Михалыч, сердце зашлось! А ну, как и его… Там еще - трое, по виду, иногородние… Есть и другие. Распознать не успел. Торопился доложить. Я из своей сотни там караул нарядил.

- Расстрелянных привезти сюда. Послать за священником… Отпеть надобно. Прямо здесь! На площади! Предать земле в ограде храма Божия.., - глядя в землю помутневшими и потемневшими глазами отрывисто приказывал Василий Михайлович.

- А с этими как? – махнул ножнами шашки в сторону плененных «красных» пожилой сотник.

- А вот, отпоем у них на глазах ими невинно убиенных, предадим земле и решать будем, - вздохнул Чернецов. Он подошел к матросу, краснорожему казаку, и носатому в

пенсне, стоявшим отдельно от остальных плененных. Потребовал: «Назовитесь!»

Матрос сплюнул под ноги и отвернулся. Казак упал на колени. Завопил: «Простите, братья-казаки меня Христа ради! Нечистый попутал… Видит Бог! Не своей волей пошел я! За-а-аставили!

Он махнул рукой в сторону матроса: «Макарка-боцман маузером пригрозил: мол, мать-старуху, женку с детками изведет, ежели не пойду с ними!.. Не виноватый я… Про-о-остите, братья казаки!»

Матрос скосил на него сверху вниз глаза. Еще раз сплюнул. Только теперь в сторону вопившего. Процедил: «Гнида ты, Кирюха!»

И снова отвернулся. А краснорожий еще пуще завопил: «Во-о-о-от! Сами видите! Братья-казаки!»

- Да какие мы тебе братья?..

- Иуда!..

- Гусь свинье – не товарищ!.. – раздались голоса казаков из отряда Чернецова. И тут вперед из их толпы вышел младший урядник. Крутанул головой. Погладил двумя пальцами сивые усы. Усмехнулся. Хмыкнул: «Брешет он! Как сивый мерин, брешет! Я его знаю. Из нашей он станицы будет… Батька его не раз и не два на воровстве попадался. Потом каялся перед сходом. В ногах у стариков валялся… Ужиком извивался… Тьфу! Прости, Господи!.. Жалели его. Прощали… Как-никак восемь душ детей: мал мала меньше. Женка хворая… Да не в коня корм оказался… Разумею жалость… На душегубство решился батька его пять лет назад… На почтмейстера напал… Деньги захотел забрать… Слава Богу, тот жив остался. Нож рядом с сердцем прошел! Приговорили ирода-налетчика на каторге горбатиться десять лет… А Кирюха энтот, сынок евойный по стопам папани пошел... Учителшу нашу, станичную, обворовал… Потом на хуторское стадо позарился. Трех овец

скрал, поганец!.. Кое-кто из станичников вроде бы даже видел, как Кирюха овец тех проезжим цыганам продавал. Да ведь не докажешь! Опять пожалели… Ведь Сам Спаситель заповедал прощать до семисот раз…»

- *До седмижды семидесяти раз,* - поправил его кто-то из рядом стоявших казаков.

- Ну-да! Спаси Господи за науку! – кивнул младший урядник сослуживцу. Даже слегка поклонился посказчику: - Так вот, женка-то Кирюхина иссохлась вся от непосильной работы… Детки с голоду опухли… А он, как деньга заведется, в кабак ее несет. Если б не женка с детками, мы б его да-а-авно из станицы поганой метлой вымели бы! Так что брешет он, ваше благородие! Яблочко-то от яблоньки… Катится-катится… Только далеко ли… Теперь Кирюха докатился!

Чернецов махнул рукой. Сделал шаг в сторону чернявого в пенсне. Усмехнулся: «Слушаю?..»

- А что я, господин хороший? Я ничего… Я – портной из Новочерскасска… Сам разумеете, голодно нынче… Вот и отъехал я в надежде обшивать господ казаков. И за это свой гешефт получить…

- Имя! Фамилия! – перебил его Василий Михайлович.

- Как же-с! Я вас умоляю! Меня в Новочеркасске всякий знает. Шмульский я! Арон Моисеевич! А к этим разбойникам, - кивнул чернявый на матроса и Кирюху, -я никакого отношения… Ни-ни! Видит Бог…

- Лжет он! – взвился над площадью надрывный женский крик из толпы местных жителей. Из толы вышла казачка средних лет. Перекрестилась на церковь. Со слезами на глазах заговорила: «Только давеча собирал нас всех перед церковью нашей! Обещался: ежели не накормим его бандитов, всех выстроит на площади да из пулеметов здесь же положит! С каждого двора требовал мяса, - но

только не свинины! - молока, яиц, хлеба… Главный он у них! Его даже матрос слухал! Хотя тоже –еще тот паразит!»

Чернявого словно подменили. Он выпрямился. Вздернул длинный подбородок с редкой козлиной бородкой. Злобно зыркнул на жителей станции. Почти фальцетом выплюнул в их сторону: «Ну-у-у! Доберусь я до вас… Всех перевешаем! Над порогом каждого дома… Все-э-э-эх»!

- Не доберешься, мразь! – сжал кулаки Чернецов. Он даже приподнял правую руку. Но очевидно сдержал себя. Обернулся на своих офицеров: «Поручик Курочкин! Этих троих повесить немедленно. Здесь! На площади! Среди нижних чинов выяснить, кто участвовал в расстреле мирного населения. Их запереть в амбаре отдельно от остальных до моего приказа. *Убивший кровию, кровию да умрет*… Господ офицеров после отпевания невинно убиенных в балке прошу пройти в Управу на совещание…

…И снова все закрутилось у меня перед глазами и в голове. Мелькали названия «Лихая», «Каменская», «Глубокая», «Колпаково», «Щетово», иные… Были и другие названия: «3-й Московский красный полк», «Харьковский полк»… Именно они бежали от партизан-казаков, бросая пулеметы, орудия, обозы. И тела своих убитых… А на плечах у Василия Михайловича Чернецова я увидел уже полковничьи погоны. И это – в двадцать пять лет от роду.

…И вдруг «стоп-кадр»! При въезде в какую-то станицу, без боя оставленную «красными», на высоком шесте колодца-«журавля» я увидел повешенного знакомого подхорунжего, несколько дней назад оставившего отряд Чернецова… Рядом с ним висела молодая женщина. «Должно быть, жена!» - подумалось мне. И скоро мы узнали, что четверо детей подхорунжего живыми были сброшены в тот же колодец, над которым повесили родителей.

- День и ночь, ироды, не давали нам подойти сюда, чтобы хотя бы детей вытащить! – плакала пожилая казачка.

- Помиловался с женкой! Попестовал деток! – выдохнул кто-то из казаков…

…И снова все закружилось у меня перед глазами и в голове. Только теперь я со скорбью увидел, как несколько десятков офицеров во главе с раненным Чернецовым ведут под конвоем «красные»… В степи показались трое всадников. Василий Михайлович ударил в грудь начальника конвоя прикладом его же винтовки. Крикнул: «Ура! Это наши!»

И его партизаны, отобрав оружие у конвоя, бросились врассыпную. А конвой растерялся так, что многие казаки спаслись…

…И снова я ощутил себя в скверике напротив моего дома в Москве. А мой собеседник, предложив мне еще одну папиросу, тяжело вздохнул: «Рана моя болела так, что мне надо было отлежаться хотя бы несколько дней. Я поехал в родную станицу. Но на следующий после приезда день, по чьему-то доносу Подтёлков арестовал меня. И повел куда-то. По дороге он не скупился на издевки и оскорбления. Я молчал… Войдя в раж, Подтёлков ударил меня нагайкой. Из кармана полушубка я выхватил браунинг, который не успели отобрать при аресте. Нажал на курок… Но забыл, что патрона нет в патроннике… Не подал я его из обоймы… Выстрела не последовало! Вот ведь искушение! Подтёлков рубанул шашкой меня по лицу. А потом в ярости изрубил и труп… Болящий человек! Одержимый! Не ведал, что творил! А я верил в правоту дела, которому отдал земную жизнь… Знаешь ли, еще в Новочеркасске, в самом начале осени семнадцатого я решил, что пойду драться с большевиками, и если меня убьют или повесят „товарищи", буду знать, за что. С этими же словами тогда я обратился к собранию офицеров. Убеждал их, спрашивая, мол, за что они вздернут вас, когда придут? А ведь вздергивали и расстреливали только за то, что на плечах у казненных

были офицерские погоны, а на груди – Георгиевские кресты… Говорил я и о том, что, разница между моей и их смертью будет только в том, что я буду знать, за что умираю, и умру с восторгом, а они не будут знать, за что умирают и погибнут в глухом подвале, с тупым молчанием, как овцы на бойне. Увы, уже тогда из восьми сотен присутствующих в отряд ко мне записались… двадцать семь. Потом к ним прибавилось еще чуть более сотни… Но на следующий день, на фронт к станции Лихая отправилось только три десятка! Остальные, образно говоря, «распылились». Первоначально мой маленький партизанский отряд состоял, преимущественно, из кадетов, гимназистов, реалистов и семинаристов… Завтра к тебе приедет один казак. Он собирает воспоминания о нашем боевом пути. Привезет кое-что. Может быть, пригодится.

- Погодите! – помотал я головой…

- Опять на «вы»?! – засмеялся мой собеседник.

- Прости… Погоди! А какова судьба твоего убийцы, Подтёлкова?

- И-и-и! Бог поругаем не бывает! *Мне отмщение Аз воздам*… К слову, позорную казнь Подтёлкова и его подельника Кривошлыкова очень хорошо описал наш прекрасный казачий прозаик Михаил Александрович Шолохов. И ведь сумел сделать сие в годы свирепствования советской власти! Перечитай «Тихий Дон»! Полезно для души. И для работы! Для русских людей полезно знать правду! Но сегодня мало кто умеет читать между строк. Поведай правду ты! Понимаешь ли, историю своего Отчества надо не знать, а чувствовать!.. Сердцем! Душой! Или, как говорят сегодня у вас, генами! История – не только наука, но и муза! Как поэзия… Живопись… Архитектура… Музыка… Почему? Да потому что каждым творением Божием, - начиная от простого крестьянина, мастерового, чиновника, священника и заканчивая любым сановником,

генералом или даже Помазанником Божием, - движет душа, а через нее - Сам Господь Бог! Вопрос только в том, что в душе обитает?! Добро или зло. Любовь или ненависть! Бог или враг рода человеческого… И сие у людей называется чувствами. Прости за лирику! А теперь мне пора. Прости! Прощай! Если Бог даст, свидимся!

Он исчез… Словно влился в звездочки крупных, нарядных, как Снегурочка, из детства, разновеликих и разнообразных, - от слово *образ,* - крестов снежинок, сверкающих на рукавах моей куртки… Я взглянул на часы… И не поверил глазам. Стрелки показывали… С тех пор, как я выходил из подземного перехода прошло всего несколько минут… Если учитывать время, потраченное «псами» на попытку моего ограбления, то весь разговор с моим спасителем от них и увиденное мною вместилось в считанные секунды… *У Господа один день, как тысяча лет и тысяча лет, как один день..,* - как будто услышал я из снежной круковерти… По-моему, именно этому учил святой Апостол Петр…

Однако, оказавшись в своей комнате и плюхнувшись в постель, заснуть я не смог. Достал из сумки рукопись молоденького казачка, написавшего о полковнике Чернецове, и взялся, что называется, перелопачивать ее. Вдруг подумал: «А может быть, мне все померещилось?!» Встал. Решил покурить. Открыл форточку. Накинул куртку. И достал из ее кармана пачку… папирос «Асмоловские»… 1916 год! Перед самым Государственным переворотом! Именно ими угощал меня недавний мой «экскурсовод» в семнадцатый год двадцатисемилетний полковник Василий Михайлович Чернецов. Царствие ему Небесное! Да-а-а! Таким памятники ставить надо! И не только на малой родине! Как тем же князю Димитрию Пожарскому и гражданину Кузьме Минину! Чем он, казачий полковник Василий Михайлович Чернецов, отличается от

того же Евпатия Коловрата?! Он не разрушал! Он отстаивал созижденное предками. Тем же гражданином Кузьмой Мининым!

Я с блаженным наслаждением выкурил еще одну папиросу. Пачку с несколькими оставшимися запрятал в бар. Ре-э-эликвия! Только решил, что не стану никому показывать: все одно, не поверят!

Глядя вслед удаляющему поезду с «семеновцами», я спросил Тиморта: «Ну-с, Григорий Григорьевич, как дальше действовать будем? Ваше мнение? Где искать мятежников?»

- Мое мнение? – хмыкнул капитан. Медленно проговорил: «По мне бы безо всяких обедов надо было отправляться по деревням и селам. Неровен час, пособники мятежников уже отправили своих вестовых туда. Сообщили о нашем приезде. А ну, как успеют удрать!»

Он развернулся к своим подчиненным и крикнул: «Рота-а-а! Становись!»

Когда же команда была исполнена, Григорий Григорьевич прошелся вдоль строя. Улыбнулся: «Вольно… Ну, что, братцы? Как пообедали?»

- Спаси Господи, ваше благородие! Трапеза, как говорится, от пуза! – весело раздалось из строя.

- По чарке-то поднесли? - еще шире заулыбался фон-Тиморт.

- Так точно, ваш бродь! - был благостный ответ.

- Ну, и слава Богу! Стало быть, не замерзнете… А то ведь, сейчас придется в санях прокатиться! По морозцу! – и капитан обернулся к стоявшему здесь же внуку Пушкина: «Александр Александрович! Санями обеспечите? И проводником?»

- За милую душу, голубчик! Еще и сухим пайком! Мало ли призадержитесь.., – развел руками предводитель уездного

дворянства. И прошептал что-то на ухо сопровождавшему его чиновнику: «А проводником, с вашего позволения, поедет наш доктор, племянник батюшки-благочинного… Он округу, как свои пять пальцев, знает! Всю по хворым да по роженицам исколесил. Селяне его уважают. Ежели что, непременно помогут. Не глядите, что Ванюша молод! Подви-и-и-жник! Доверять ему можете всецело! Как за себя ручаюсь!»

Александр Александрович сделал знак рукой, и к нам подошел действительно высокий, худощавый молодой, но далеко не бедно одетый, человек, с пухлым саквояжем в руке… Лет двадцати пяти, самое большее тридцати. Он поправил на переносице очки. Прищелкнул каблуками. Резко опустил и тут же вздернул голову: «Иоанн Антонович Никольский. Здешний доктор…»

И скоро наш обоз миновал будку, ограничивающую Раменское. И резво заскользил по укатанному тракту. Я, капитан Тиморт, доктор ехали на первых санях. В середине обоза и в арьергарде – взводные. Доктор Никольский между тем рассказывал: «Я, знаете ли, по настоянию папеньки поначалу Духовную семинарию закончил. Но потом, слава Богу, дядюшка убедил моих родителей отпустить меня в Москву. А уж там я на доктора выучился. Сейчас в больнице при мануфактуре служу. Конечно, и частной практикой не брезгую. По сердцу мне такая служба! Зато младший брат мой, Степушка, уже в Сергиевом Посаде, в Духовной Академии постигает Богословие. Сестрица Марфуша, - тоже младшенькая, - замужем за учителем женской гимназии.»

Григорий Григорьевич внимательно, но с какой-то улыбчивой снисходительностью, слушал. Доктор еще что-то рассказывал, а я вспоминал Еленушку: «Как-то она там? Здорова ли?»… Наконец, Иоанн Антонович, слегка

приподнявшись, вытянул вперед и вверх шею: «Ага! Вот-с, господа, подъезжаем к…»

Я не расслышал названия большого села, в которое мы въехали, потому что с колокольни маленькой деревянной, потемневшей от времени церквушки раздался звон. А скоро на площади перед ней собрались все селяне. Кто-то из них разглядывал выстроившихся «семеновцев» с интересом, кто-то – с испугом. Но мальчишки уже безстрашно подходили к нижним чинам, рассматривали винтовки. А те, кто был посмелее даже тянули к ним ручонки.

Григорий Григорьевич оглядел собравшихся. Поднял руку. И в наступившей тишине достал из внутреннего кармана шинели листок бумаги. Громко зачитал: «*Не мы ли, социал-демократы, говорили вам, что у кровопийцы-царя вы ничего не добьетесь, что он не друг, а враг народа, и что не пользу народную он блюдет, а пользу приспешников своих...*

Убитые... Раненые... И их насчитывают сотнями, тысячами... К мести взывают эти трупы, которые вы возите по улицам... Собирайтесь же теперь под наши красные знамена... Ходите по улицам и добивайтесь того, чтобы всюду и везде были прекращены работы, — чтобы все граждане, как один человек, поднялись с оружием в руках против царя, против правительства, передавайте солдатам наши листки и требуйте, чтобы они отказались стрелять в народ.

Долой царя!

Долой самодержавие!

Да здравствует Учредительное Собрание!

Толпа зашумела… Послышалось: «Как это «долой Царя»?!»

- Батюшку нашего?!

- Кормильца?!

- Куда «долой»-то?

- А как без Царя-то жить?!

- Эдак, они и супротив Господа подначить захотят…

- Да испокон века повелось, что на Руси Святой Царь-Батюшка в рученьке своей пречистой всю державу держит!

- Да-да! Пращурами заповедано: Бог – на Небе, Царь – на земле!..

Вперед, перед толпой вышел хромой старик. Опираясь на палку, он даже не проговорил, а скорее проскрипел: «На что ж ты, твой бродь, честной люд подбиваешь? Да еще служивых с собой приволок? Не бывать тому на Руси! Хоть сей же час стреляй. Я когда на турка ходил, Присягу Вере Православной, Царю и Отчеству принимал! Нешто отступлюсь от нее?! Нешто отступлюсь от солдатского *Егория*, которого лично из белых ручек генерала Скобелева получил?!»

К старику подошел и встал рядом с ним местный, как я понял, священник. Он покачал головой. Перекрестился. Холодно произнес: «Разъясните свои слова, господин капитан. Или вы, уж простите, ряженый?»

Фон-Тиморт улыбнулся: «Любо-дорого видеть селяне, что не принимаете вы этой антихристовой писульки! Однако, среди вас есть такие, кто, словно тать ночной, ворует ваши души, а вместо них вкладывает в вас заразу, которую вы только что слышали. Потому и прочитал эту крамолу, чтобы знали, откуда беду ждать! За ними, за крамольниками, мы и приехали. Живет здесь у вас такой Лядин!? Он выезжал в Москву, где стрелял верных Присяге офицеров, солдат Царских! Погибли при безпорядках женщины, дети, старики и старухи...»

Капитан не успел договорить, как из ближайшей покосившейся избы в одной рубахе выскочил явно пьяный мужик с винтовкой наперевес. Он вскинул ее, наводя на Тиморта. Закричал, словно кашу пережевывал: «Да я вас, супостатов… Гадов… Кровопивцев…»

Он передернул затвор… Но я опередил его: выдернув из кобура револьвер. На вскидку выстрелил… Мужик как бы споткнулся. И опрокинулся в снег. А по рубахе расползлось алое пятно…

Я оглядел притихшую толпу. И ни в чьих глазах не увидел осуждения… Правда, священник, несколько баб и мужиков истово перекрестились… Фон-Тиморт облизнул пересохшие губы. Громко прошептал; «Да я – ваш должник, господин штабс-капитан… Сам-то не успел сообразить… Растерялся… Спаси, Господи… Спаси, Господи!

- Полноте, Григорий Григорьевич! Вы так же поступили бы.., К тому же в это время толковали с селянами. Не заметили бандита. Так что, даже не переживайте! - успокоил я сослуживца…

…Когда мы в другой деревне вывели, что называется, на свет Божий еще нескольких мятежников, у которых в избах было найдено оружие, доктор Никольский подал голос: «Вы их расстреляете?»

Фон-Тимморт, не отвечая, жестом пригласил нас усесться в первые сани. Махнул взводным рукой, а те приказали разместить в других санях арестованных. А когда наш обоз тронулся, Григорий Григорьевич все-таки ответил доктору: «Так точно. Расстреляем. Потому как сие приказано начальством. А мы – солдаты! Арестованные взяты, фактически, с оружием в руках… Более того, согласно списку, имеющемуся у меня, участвовали в преступных боях на Пресне. Против Веры, Царя и Отечества. Стало быть, они - тоже солдаты… Вражеские... Откуда, позволительно спросить, у них взялись шведские, бельгийские, французские, да и наши, винтовки, револьверы? Недешевые, пардон, игрушки. На зайца ходить? Теперь они, словно тараканы, попрятались. Но заметьте, с оружием. Стало быть, не отказались от своих убеждений. И при первом удобном случае собираются вновь

пойти на преступление… Война-с, господин доктор. А на войне-с, ежели враг не сдается, его уничтожают. Или вы им сочувствуете? Жалеете?

- Нет-с! Вы, господин капитан, должно быть, неправильно меня поняли… Просто тоже хотел бы перед расстрелом задать им несколько вопросов, - даже покраснев пояснял доктор. Опусти глаз промямлил: «Видите ли, я мечтаю заняться психиатрией… Так сказать, специализироваться… Дядюшка, правда, говорит, что нет такой науки. Утверждает, мол, мол, нет психических недугов. Есть одержимость, беснование. Им-то все революционеры и недужат. Особенно страдают те, кто называет себя интеллигентами. Возьмите хотя бы фельдшера, только что арестованного. Уж как он из кожи вон лез, чтобы «просветить» меня. «Просветить» разумею, конечно же, в кавычках… А ведь на самом-то деле он и фельдшерствовать сюда приехал, дабы народ совращать. А сам-то… Про него, про таких, как он, наш великий Александр Сергеевич Пушкин когда еще писал:

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды лик увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.

И для того, чтобы увидеть в несчастном эту ненависть не надо даже очки надевать. А *Бог есть Любовь*. Тем паче – к Отчеству земному, как к прообразу Отчества Небесного. Я так полагаю…»

Иоанн Антонович, что называется, опустил очи долу. Поправил очки. Продолжил: «Вы наверное читывали роман нашего великого писателя и пророка Феодора Михайловича Достоевского «Идиот». Знаете ли, люблю сие творение! Перечитываю. Многое подчеркнул там. Кое-что даже выписал. Вот-с, ежели изволите…

Доктор полез в свой саквояж, достал оттуда толстую тетрадь. Полистал ее… Победно вскинул голову. Снова поправил очки. И громко, словно стихотворение, продекламировал: «*…русский либерализм не есть нападение на существующие порядки вещей, а есть нападение на самую сущность наших вещей, на самые вещи, а не на один только порядок, не на русские порядки, а на самую Россию. Мой либерал дошёл до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьёт свою мать. Каждый несчастный и неудачный русский факт возбуждает в нём смех и чуть ли не восторг. Он ненавидит народные обычаи, русскую историю, всё (…) Эту ненависть к России, ещё не так давно, иные либералы наши принимали чуть не за истинную любовь к отечеству и хвалились тем, что видят лучше других, в чём она должна состоять; но теперь уже стали откровеннее и даже слов „любовь к отечеству“ стали стыдиться, даже понятие изгнали и устранили как вредное и ничтожное…*».

Он убрал в саквояж тетрадь. На миг задумался. Опять поправил очки. И проговорил: «А попробуйте-ка спросить, господин капитан, какого-нибудь современного интеллигента, что такое война, патриотизм, армия, военная специальность, воинская доблесть? Тот же арестованный вами фельдшер ответит, что война — преступление, патриотизм — пережиток старины, армия — главный тормоз прогресса, военная специальность — позорное ремесло, воинская доблесть — проявление глупости и зверства...».

- Ну да, ну да! – вдруг жарко закивал фон-Тимморт. И я понял, что они, как говорится, нашли друг друга: «А между тем тот же фельдшер приветствует боевиков-эсеров. Их террористические методы. Оказывает им первую медицинскую помощь. Прячет их и оружие!»

- Слава Богу! – облегченно вздохнул доктор, говоривший по началу настороженно. Но теперь разулыбавшийся: «Вы,

кажется, меня поняли! А поговорить я хотел бы с арестованными, дабы убедиться в своих умозаключениях о болезненности мятежников. Особенно террористов, руки коих обагрены кровью. Это страшное дело: у-у-убить! Помните: *убивший кровию, кровию да умрет*? Террорист-убийца, единожды проливший невинную кровь, уже не может не убивать! Он становится маньяком! Как алкоголик или наркоман… Нет! Пожалуй, еще хуже. И я, при всей мирности моей профессии, прихожу к выводу, что террористов-убийц нельзя не убедить в их неправедности, не излечить медикаментозно. Их жизненно необходимо либо, в лучшем случае, на веки-вечные оградить в одиночных казематах от нормальных людей, либо казнить. Но обосновать сие необходимо не только с точки зрения Закона, но и с медицинской точки зрения психиатров. Конечно, я не отрицаю духовной подоплеки: терроризм - разновидность сатанизма, потому как жизнь человеку дается Богом. А убийца убивает, как враг рода человеческого, возомнив себя имеющим право отнимать данное Богом! Этим же недужил и денница. Но он – бывший ангел. А человек по слову Господню выше ангелов. А стало быть, - страшнее в деяниях своих!»

Григорий Григорьевич незаметно для доктора подмигнул мне. А, в свою очередь возразил Иоанну Антоновичу: «Но помилуйте, сударь! Держать убийцу в каземате на казенный с трехразовым питанием! Накладно для державной казны! Во-о-он, сколько террористов развелось! А казнить… Не слишком ли жестоко?! По-христиански ли?!

- Же-э-эстоко?! Не по-христиански?! Нет-с, милостивый государь! – даже откинул голову назад Иоанн Антонович. Мы только что с вами доказали, что такие убийцы уже не исправятся. Так? Так! Стало быть, пожизненным заточением упомянутых преступников в каком-нибудь

каменном мешке или их казнью мы оградим от насильственной смерти десятки, а, может быть, и сотни жизней добропорядочных верноподданных, крови которых возжаждут террористы, оставаясь и злодействуя на свободе.»

- Но ведь и верные престолу убивают террористов, иностранных солдат, посягнувших на наше Отчество. Они же тоже, как вы говорите, кровию убивают! - прикрыл перчаткой улыбку на губах фон-Тимморт.

- Точно так-с! Но, скажите мне, когда Русский солдат первым нападал на чужеземца? Когда Русь-Матушка первая начинала войны? Не-э-э-эт! Это иноземцы зарятся на нашу землю, богатство, наконец, на таланты народные! Так что в случаях войн, никогда мы первыми не поднимали мечи! Во все века беды, убийства, разрушения на Отчество наше шли из-за рубежа! А мы только оборонялись. Да вы и сами минуту назад говорили то же, только другими словами… И зарились на русские богатства даже не из зависти, а с преступными помыслами.

- Из-за рубежа?

- Да-с! Вот я давеча прочитал, что не к ночи будь помянутый Тушинский-то вор разумел, ежели верить одному чужеземному историку, и язык еврейский знал, и читывал Талмуд, книги Раввинов ежедневно! Не так ли, как мы ежедневно читаем Молитвослов или Святую Псалтирь?! Более того, даже иноземцы пишут, что польский король *«Сигизмунд послал жида, который назвался Димитрием Царевичем…».* А сейчас, пардон, разве не так? Заразны соцъялизм, анархизм, терроризм, как чума или холера! Но завозятся-то их смертоносные вирусы именно из иноземщины! Вот, как говорится, круг и замкнулся!»

- Иноземщины? – хмыкнул Григорий Григорьевич. И тут серьезно проговорил. Даже с некоторой обидой: «Но я, например, - тоже происхожу из немцев… Остзейских, правда…»

- Вы – русский! Пусть даже немецкого происхождения. Как сказал уже упомянутый мною Феодор Михайлович Достоевский, *русский – это состояние души*! Я же сейчас говорю не о национальности… Враги России ее не имеют! Они, прости Господи, космополиты! Я говорю о тайном международном сообществе, члены которого поклоняются врагу рода человеческого.

- Вы подразумеваете масонов? – спросил я.

- Точно так-с! Обратите внимание, господа, говоря «международное сообщество», я отвечаю за свои слова. С младых ногтей нам в головы и души вдалбливают творчество, деяния Вольтера, стихи Гёте нашего доморощенного Сумарокова, иных… Про их чаяния, якобы, о благоденствии народа… Но, позволительно спросить: о каком народе толкуют они? Я уже читал стихи Александра Сергеевича Пушкина о ненависти всякого рода просветителей к русскому народу…А вчитайтесь в опусы оных «благожелателей»! Они сами проговариваются! Выставляются рога их, прости, Господи, божества. «Народ всегда несдержан и груб — это быки, которым нужны ярмо, погонщик и корм», — говорит масон Вольтер, идеолог «великой» по своей жестокости и злодеяниям «французской революции», кормившийся на английские деньги. Уж не из «туманного ли Альбиона» поступала команда на уничтожение цвета нации? Заметьте, господа, цвета французского народа! «Народ больше всего ценит силу», — вторит ему знаменитый масон Гёте. В гимназии юношество заставляют учить наизусть вирши Сумарокова. А про него Александр Сергеевич Пушкин очень зорко подметил:

Слабое дитя чужих уроков,
Завистливый гордец, холодный Сумароков,
Без силы, без огня, с посредственным умом,
Предрассуждениям обязанный венцом,
И с Пинда сброшенный, и проклятый Расином...

Однако русский читатель не видит бездарности сумароковского стихоплётства, недостатков его, с позволения сказать, произведений. Очи русской аристократии и так называемой интеллигенции искусственно извне зашорены политическими и философскими тенденциями, коими нашпигованы вирши. А трагедии Сумарокова? Они же – всего лишь зарифмованные мысли того же Вольтера о религии и Монтескьё о власти. Не заметил русский читатель и то, что он у Сумарокова – всего лишь «кладезь суеверий, ханжества, предрассудков и бесправия»… И сие смеет говорить стихоплет-графоман о народе, давшем миру святых Великого Князя Александра Невского и преподобного Сергия игумена Радонежского, по сути возглавивших спасение «просвещенной», прости Господи, Европы от татаро-монгольского ига, генералиссимуса Александра Васильевича Суворова и гения науки Михаила Васильевича Ломоносова… Несть им числа! Но по сию пору, русский народ, увы, не замечает сумароковской клеветы! Пока его самого не постигла судьба французского цвета нации… Не дай Бог, конечно, но последние события - доказательства приближения русской Голгофы!

- Почему у вас такой пессимистический настрой? Ведь были Великая смута, «разинщина», «пугачвщина», декабристы, петрашевцы… И всегда Самодержавная Россия побеждала и внешних врагов, и доморощенных смутьянов! – уже не очень весело усмехнулся фон-Тимморт.

- Почему? - опять вздернул подбородок и поправил очки доктор Никольский,. Задумался, наморщив лоб и что-то вспоминая. Наконц, выпалил: «А знаете ли вы, Господа, что девиз масонства звучит следующими образом: *«Через национальные революции и разрушения исторически сложившихся государств — к революции интернациональной и созданию масонского сверхгосударства»?*

- Вам бы философские трактаты писать! – вполне серьезно заметил Григорий Григорьевич.

- Нет-с, милостивый государь, – покачал головой Иоанн Антонович, - я выбрал свою стезю! И то, что проговорил сейчас, - всего лишь плод моих изысканий по психиатрии. Ведь любой доктор должен знать факт заболевания, но и причины, истоки недуга…

- Но простите, Иоанн Антонович! - на минуту задумавшись, заговорил Григорий Григорьевич. Посмотре на меня, как бы в поисках поддержки: «Не кажется ли вам, что те же и Вольтер, и Гёте, отчасти правы? Конечно, сравнивать народ с быком или какой иной скотиной – подло! А уж пиитические опусы господина Сумарокова – кощунственны! Он, простите, словно хряк гадит в кормушку из которой чавкает… Но народу, - заметьте, любому, русским ли, немцам ли, французам ли, - действительно нужна сильная власть… Сила руки власть придержащей! По-моему, сие полностью отвечает понятию *Самодержавие.*

- Вы правильно сказали: «отчасти»! Сильная власть нужна любому народу. Но власть от Бога, а не от его обезьяны! Такая, позволю себе заметить, чтобы объединить все слои общества на решение одной задачи. А именно – на укрепление и обогащение Государства и, стало быть, самого народа. Второе: сильная власть нужна народу для того, чтобы защитить его же самого от внешних и внутренних врагов. И такой властью может быть, действительно, только Православное Самодержавие! Не хомут, не ярмо, а родительская любовь Государей Императоров и Государыней Императриц к своему народу, как ко кровным детям, - за редким исключением… Сие определяет Россию, что и отражается в Триединстве Православие Самодержавие и Народность! Точно, как Святая Троица! Понимаете ли? Три! Но – е-ди-но-е! А таковое состояние Русского народа, в

число которого входят наши Цари и Царицы, врагу рода человеческого – кость в горле! Что же касается Вольтера, Гете и иже с ними, то рассуждения их о сильной власти – полу-прав-да! А попросту – ложь, присущая врагу рода человеческого. Под сильной властью они подразумевают именно его власть над нами, как, например, над скотом в ярме!

- Вы упомянули любовь отеческую. Материнскую… Но как же тогда мы, лейб-гвардейцы? Мне уже несколько раз приходилось слышать в свой адрес определения: «палач». Ведь расстреливаем мы представителей того же народа! – не унимался фон-Тимморт. Но теперь на губах его я не заметил даже тени улыбки.

- Ах! Господин капитан! Господин капитан, – вздохнул доктор, - почто испытываете вы меня?..

- Отнюдь, – даже помотал головой Григорий Григорьевич, - мне, как раз, по душе ваши рассуждения. Но я уже заметил некоторое замешательство в глазах своих подчиненных. И спрашиваю я вас только для того, чтобы знать, как беседовать с нижними чинами. По-отчески… С точки зрения той же психиатрии. Времени на чтение не хватает. Служба-с.

- Что ж! Отвечу так, как лежит у меня на сердце, - опять вздохнул доктор. Чио называется набрался духу: «Даже Всемилостивый, способный безконечно прощать, Господь Бог иной раз наказует творение Свое. Бывает, наказует очень, доложу я вам, строго! Проклятием до четвертого, а то и до седьмого колена. А то и вообще стирает весь род с лица земли и из памяти людской. В каком случае? Позволю себе сам ответить! В случае, когда творение Божие остается Его чадом только по образу, а подобие приобретает бесовское. Иными словами предает Отца Небесного коему клялся в верности при Святом Крещении. Разумею, душа клялась. Вот и идет такой изменник, словно сонм отпавших

ангелов или Иуда Искариотский на службу ко врагу рода человеческого. Вот и Государь Император, Русский Царь, чье сердце, по мудрости народной, - в руце Божией, послал вас защитить народ свой, - чад своих, - от душегубов, имеющих образ Божий, а подобие сатанинское, прости, Господи! Спаси и сохрани! Позволю себе провести аналогию. Отец земной иной раз наказует неразумное чадо… Поди, получали во младенчестве розгушки-то? За шалости всякие? И поди своих деток пестуете иной раз так же… А? То-то! А коли чадо неразумное идет на службу к врагу? Предает отца, мать, братьев, сестер, землю-матушку? А? Здесь мы можем вспомнить за-а-амечательный пример, приведенный нам великим писателем Николаем Васильевичем Гоголем в его повести «Тарас Бульба», где отец за предательство расстреливает кровного сынка! Он, разумею отца, что? Палач?! Или по Закону, по Божиему Закону наказует?

Наш спутник замолчал. Я невольно подумал: «Вот ведь каких самородков земля Русская рожает! И где? В уездной глубинке!». А доктор, отвернувшись от нас, вглядывался вдаль, словно что-то увидел там. И при сем шевелил губами… Осмотрелся и Григорий Григорьевич. И вдруг поднял руку. Обратился к Иоанну Антоновичу: «Доктор, назовите тех, с кем бы вы желали побеседовать. А для остальных, мне кажется, лучшего места не найти… Мой долг - выполнить данный мне приказ и ваше мнение об определении судьбы убийц, слава Богу с ним совпадают. Кстати, вы, как врач, констатируете смерть приговоренных.»

Фон-Тимморт обернулся к подчиненным и громко крикнул: «Построить арестованных и отвести во-о-он туда… Там как раз, большой овраг. Легче закапывать будет. А то и просто снегом закидать. Хотя волки, лисы все равно растащат это, прости, Господи, падаль.

И капитан показал на уходящий в овраг перелесок, расположенный саженях в ста от дороги. А доктор раздумчиво проговорил: «Я попросил бы оставить в живых фельдшера. Он, знаете ли, тоже из духовной семьи. Тем незауряднее путь его падения. Если можно, то еще - одного купеческого сынка по фамилии, мне кажется, Прохоров и одного крестьянина… Любого, на ваш выбор… Но лучше – самого кровожадного… Мне с ними сейчас поговорить?»

- Зачем же? – пожал плечами Григорий Григорьевич. Указал пальцем на выбранных доктором: «Отвезем в Раменское. Охрану я обеспечу. Но больше дня для бесед дать не могу. Наши должны вот-вот вернуться из Коломны. А перед отъездом отряда в Москву этих троих должно будет расстрелять»

- Спаси Господи, - кивнул Иоанн Антонович…

…Дальше всё прошло, как и в предыдущих случаях: связанных попарно мятежников под их мольбы, слезы увели к перелеску. Прозвучали команды фон-Тимморта: «товсь».., «целься».., «пли»… В морозном воздухе глухо громыхнул залп… В сани возвратились только офицеры и нижние чины.

Наконец, наш обоз въехал в Раменское. А на следующий день мы, присоединившись к остальным ротам «семеновцев» под командованием полковника Римана, отправились в Первопрестольную. Утром, выходя из вагона на перрон Казанского вокзала, Николай Карлович, опустив грустные глаза, вздохнул: «Слава Богу, достаточно пролито крови и больше никого расстреливать не станем.»

Потом прямо на вокзале был отслужен благодарственный молебен Господу Богу. И, как я услышал краем уха, и в самой столице, и в губернии, как, должно быть, и по всей России, в соборах, церквах и монастырях тоже служились благодарственные молебны «за избавления местностей от крамольников». За этим последовал

торжественный обед, устроенный генерал-губернатором Москвы, его превосходительством Феодором Васильевичем Дубасовым в честь Лейб-гвардии Семеновского и других полков, спасших Отчество. Но все это проходило, словно вне меня. Не трогало ни сердца, ни души. Не веселило. Но и не печалило. Я думал только о доме, о Елене. О нашем будущем ребенке. И сердцем, и душою, и мыслями уже был там, с ними.»

И, - наконец-то! - поезд уносил нас в Санкт-Петербург… А внутри я чувствовал какую-то умиротворяющую усталость, если не сказать, пустоту. Так бывало в Порт-Артуре после удачной вылазки или контратаки… Я прилег на свою полку. На соседней посапывал Николай Карлович. Совсем по-детски! Даже изредка причмокивал во сне губами!..

Я решил последовать ему, но, едва закрыв глаза и понимая, что еще не заснул, увидел, как передо мной потянулась омерзительная шеренга подобия людей. Лица их были мне знакомы… Да-да! Многие из них были только недавно расстреляны «семеновцами». В том числе и мною. Но никаких чувств, кроме, как, повторюсь, омерзения, они во мне не вызывали. Лица большинства были похожи на сплошной гнойник, готовый вот-вот лопнуть. Я увидел, как одного насилуют одновременно несколько гнуснейших, обросших грязной, свалявшейся в колтуны шерстью, существа с хвостами и рогами. И тут же услышал чей-то скорбный, но твердый голос: «Он насиловал сестер милосердия из эшелонов, возвращавшихся с фронта… Не упускал и просто случайно плененных женщин…»

Другой несчастный, стоя на коленях перед миниатюрным макетом храма Божия чиркал спичками, пытаясь поджечь оный. Но всякий раз, стоило селитре загореться, вспыхивал сам… Корчился в муках, разрывающих рот с черными зубами… Но крика не было

слышно. Этот не требовал никаких объяснений. Потому, должно быть, и голос не прозвучал.

Еще один из шеренги безпрерывно стрелял себе в живот из двух револьверов. Но патроны в барабанах не заканчивались. А он стрелял и стрелял. Хотя и живота-то уже не было. Вместо него темнела кровавая огромная сквозная дыра…

Следующий оказался облеплен ассигнациями, прикрывавшими его голое тело. Он не мог даже пальцем шевельнуть, потому как его тянули к земле множество золотых цепей, с нанизанными на них часами, кольцами, брошами, серьгами, другими драгоценными украшениями… К этому то и дело подбегали гнусные существа, подобные измывавшимся над бывшим насильником, и безконечно вливали ему из больших кувшинов в черный рот кипящий… Нет! Не напиток! Мне как будто кто-то подсказал, что это – …расплавленное золото!

«Да-а-а! – подумалось мне, - Такие муки выдержать невозможно… Впрочем, не то что выдержать! Смотреть на них – му-чи-тель-но»! Поэтому я заставил себя не рассматривать дальше мерзкую шеренгу и открыть глаза. Постарался себя утешить: среди увиденных не было никого из добрых моих знакомцев… Тем паче - «семеновцев»! Я поднялся с полки. Закурил. Прошелся по вагону. Вернулся на свое место. Снова улегся.

Но только прикрыл глаза, снова увидел шеренгу истязуемых. Правда, теперь за каждым из них выстроились ряды женщин, девиц, мужчин, отроков, младенцев… У одних из первых в руках были початые бутылки с водкой или какой-то мутной жидкостью, а из ушей, ноздрей, рта, пустых глазниц то и дело показывались головки змей, «играющих» раздвоенными языками… Некоторые, почему-то одетые в полосатую робу каторжников, неистово наносили себе удары, ножами, топорами, какими-то другими

окровавленными орудиями… «Убийцы!» - независимо от меня самого вспыхнула в моем мозгу мысль… Другие в рядах безсильно стояли с обрывками веревок на шее, с вывалившимися из ртов длинными, синими языками… И опять кто-то незримый и неслышный подсказал мне, что это – самоубийцы-висельники… Иные же из увиденных, особенно, женщины, девицы были одеты явно, как дешевые уличные проститутки. У некоторых из них, впрочем, как и у отдельных отроков на лицах, руках, ногах, вместо носов кровоточили язвы… Стоявшие за ними по секундно крутили головами, но глаза их с болезненно вращающимися зрачками казались невидящими. Эти тянули вперед руки, распухшие от синяков на сгибах и кистях. «Наркоманы?!» - мысленно недоумевал я. Но дальше тут же увидел разновозрастных женщин, облепленных кусочками кровоточащей, но почему-то по-младенчески плачущей плоти… А невидимый голос теперь явно шепнул мне: «После абортов они стали безплодны. И род каждой прекратился. И никто за них не помолится. Не помянет. Не подаст в храме Божием записки об упокоении душ оных на Божественной Литургии… И самыми последними в рядах стояли то ли дети, то ли карлики. Но все они были… уродами. И у них я увидел горбы на спинах, неестественно короткие или искривленные ручки и ножки, или вообще отсутствие оных… Или наоборот, - слишком большие головы… Другие изъяны в телосложении… Я поневоле, было, вспомнил таких же на папертях храмов, соборов, монастырей. Так почему же эти – здесь. И увидел, с какой нечеловеческой злобой, с какой ненавистью смотрят они вокруг себя… Да-а-а! Но глазах калек на папертях живет доброта… Любовь… Смирение со своей участью, недугом… А здесь!..»

Уже знакомый голос скорбно вещал: «До четвертого и даже до седьмого колена будут страдать потомки тех, кто,

поддавшись соблазну прислужников врага рода человеческого, поднял руку на Божие Домостроительство, на служителей Престола, на Помазанников Божиих и верных их. А потом эти роды сведутся «на нет»! Сотрутся в памяти человеческой. За убиение и истязания верных Вере Царю и Отчеству – *Мне отмщение Аз воздам*!

- Но ведь сын за отца не отвечает! – раздался чей-то визг.

- Не отвечает, - подтвердил скорбный голос, - если не только не идет по пути отца-преступника или матери-преступницы, но и становится на путь подвижничества во Христе. Отмаливает свой род. Претерпевает ради Христа муки, страдания, недуги, иные напасти. И в каждом преступном роду до седьмого колена одному такая возможность дается. И по делам этого подвижника судится весь род… И даже может быть прощен. Хотя такое, увы, случается редко… Два кровавых бунта за один год, братоубийственная война, заклание Помазанника Божия, равнодушие народа к этому вселенскому преступлению… За что и опять – братоубийства, расстрелы, пытки, лагеря, ссылки, и опять - пятилетняя война… Все сие попущено одним в наказание за отцовские, материнские, их грехи, вопиющие на Небо об отмщении, другим во вразумление, третьим – во славу Божию. Последние – мученики за Христа! Они пополнят воинство Христово.

И, словно в подтверждение сказанного, небо над головами истязуемых и их потомков просветлело, зазолотилось, и я увидел безконечные ряды воинов в сверкающих белоснежностью доспехах с огненными мечами и пиками в руках, с щитами, украшенными крестами. А в светоносных ликах некоторых угадывались знакомые черты офицеров и нижних чинов, павших в боях и при артобстрелах под Порт-Артуром и потом, от рук террористов-эсеров… Мне захотелось встретиться с ними

взглядом. Но их глаза были подняты вверх, откуда исходил невыносимый по своей яркости свет. Но он не обжигал. Скорее, наоборот, вливал в душу, в сердце, в разум животворную силу, радость, веселие…

Я открыл глаза. Но так и не понял: было ли всё сие видением или сном. Не понял и слова про «два бунта в один год, братоубийственную войну, расстрелы, пытки, лагеря», - не летние же военные! А что за «пятилетняя война»?.. А «заклание Помазанника Божия»?! Этого просто не может быть!.. Потому что есть я, другие «семеновцы», казаки, егеря…

А колеса вагона отстукивали на стыках рельс свои военные марши… Поначалу мне захотелось все рассказать Еленушке. Поделиться. Посоветоваться. Спросить, как она сможет истолковать мои видения. Вместе поразмышлять. Но потом, учитывая ее непраздность, я отказался от этой мысли…

- Поднимайтесь, господин штабс-капитан! – услышал я голос полковника Римана, - Через два часа – Санкт-Петербург. С благополучным возвращением.

…И снова задолго до остановки поезда мы услышали звуки духового оркестра. А когда эшелон остановился, увидели, что нас встречают толпы народа, возглавляемые архиереями, генералами и сановитыми чиновниками. А справа от них стояли женщины и дети с букетами цветов в руках. Среди них я узнал и свою Еленушку. Она тянула вверх и вперед головку… Легкий румянец на щечках, должно быть, от утреннего морозца, очаровательно украшал ее столь любимое личико. У меня даже сердце зашлось… Стало быть, и дамы с детьми вокруг нее – семьи моих сослуживцев-офицеров.

- Посмотрите-ка, господин штабс-капитан, – застегивая на шинели портупею, указал за вагонное окно Николай

Карлович, - трое Великих Князей встречают нас!.. Вообще-то я надеялся увидеть Государя Императора…

Наконец-то весь наш полк выстроился на площади перед вокзалом. Полковник Мин строевым шагом подошел к Великому Князю Николаю Николаевичу, - тонкому, гибкому, словно лоза, щеголеватому не по годам, седоволосому, но все-таки моложавому генералу от кавалерии, - и в наступившей тишине доложил о выполнении Государственного задания и прибытии в место расквартирования. Оркестр грянул Гимн. От его звучания у меня всегда пощипывало глаза. А в раннем отрочестве на них даже слезы наворачивались. В армии Николая Николаевича за глаза прозывали лукавым, оправдывая прозвище его чрезмерным честолюбием, жаждой власти, «ограниченностью духовных качеств, злым и высокомерным характером». Поговаривали даже, что, будучи масоном высокого градуса, Великий Князь «предпочитал работу за кулисами и становился, таким образом, безответственным перед общественным мнением».

Вспомнилось, как знакомый корнет под Порт-Артуром, перед контр-атакой, повернувшись к святым образам, перекрестившись, проговорил: «*…Но избави нас от лукаваго*… Особливо от Николая Николаевича…»

«Однако, - прервал я свои мысли, - мне ли судить начальство?! Тем паче лицо Царского рода?! Тем паче, служу я не под его началом… Он-то – командующий всей кавалерией». Зато, увидев Великого Князя Константина Константиновича, я не смог не вспомнить, как он, даже еще не будучи генерал-инспектором военных учебных заведений посетил училище, в бытность моего обучения в нем… Как он, слегка картавя, мягко, даже ласково, к тому же искренне, словно добрый дядюшка, поучал нас любить своих будущих подчиненных нижних чинов, быть для них отцами, а не только начальниками. Он говорил, что только

отеческая любовь, отческая забота при уставной строгости поможет снискать нам безукоризненное подчинение нижних чинов. И правоту его слов я ощутил на деле в Порт-Артуре… Вспомнилось и стихотворение Великого Князя «Кадету», которое мы, будущие офицеры, по сути, в большинстве своем, далекие от лирики, - кроме любовной! - заучивали по собственному желанию наизусть. И теперь они вспомнились, словно строчки из Устава:

Хоть мальчик ты, но сердцем сознавая
Родство с великой воинской семьей,
Гордися ей принадлежать душой;
Ты не один — орлиная вы стая.
Счастливые пожертвовать собой,
Вы ринетесь отважно в смертный бой.
Завидна смерть за честь родного края,
Но подвиги и славные дела
Свершать лишь тем, в ком доблесть расцвела.
Ей нужны труд, и знанья, и усилья,
Чтоб мог и ты, святым огнем горя,
Стать головой за Русь и за Царя.
Пускай растут и крепнут крылья!..

А Великий Князь Николай Николаевич в это время, поворачиваясь всем корпусом в обе стороны, что-то торжественно вещал. Что? Не слушалось. Не запоминалось. Не ложилось на сердце. Оно-то чувствует лукавство… Или это было мое предвзятое отношение? Прости, Господи…

Третьим из Великих Князей был двадцатисемилетний Михаил Александрович. Высокий, стройный, в мундире лейб-гвардии штабс-капитана, он, похоже, скучал… Конечно же, всем в Русской Армии известно, что Великий Князь Михаил Александрович – прекрасный наездник, рубака, стрелок, упражнениям в фехтовании, стрельбе, джигитовке ежедневно посвящает не менее трех часов! Но если считать, что *сердце сердцу весть подает*, то и мне стало

просто скучно смотреть на него. Возможно, в Порт-Артуре мы и подружились бы с ним… Это хорошо и показательно в фехтовальном зале, в тире или на манеже, удалью своей бахвалиться. Должно быть, поэтому глядя на него, я почему-то усомнился: а пошел бы с ним, что называется, в разведку?..

Но между тем, даже во время выступления незнакомого мне молодого архиерея, я успевал переглядываться с Еленой, которая давно высмотрела меня и, когда взгляды наши встречались, улыбалась, шевелила губами, тихонечко махала мне ладошкой в лайковой перчатке. Старалась делать это незаметно. Но многие жены офицеров тоже подавали супругам подобные знаки. И сие выглядело даже весьма забавно.

Конечно, время для наших объятий и поцелуев с домочадцами еще не приспело. По команде Георгия Александровича полк прошел торжественным маршем мимо Великих Князей и под звуки Семеновского марша, с развернутым знаменем через весь город отправился в свои зимние квартиры. И так мне вдруг захотелось оказаться сейчас в замыкающей роте, чтобы посмотреть на вереницу возков с женами детьми офицеров, следовавших за полком! Должно быть, сие выглядела весьма забавно… Но я старался вышагивать в шеренге младших офицеров штаба следом за полковником Мином и полковником Риманом с серьезным, даже с суровым выражением лица. Что, должно быть, выглядело тоже весьма забавным…

А в казармах, разместив нижних чинов, оставив дежурных из числа тех, кто не выезжал в Первопрестольную, командир полка разрешил офицерам разойтись по квартирам и отдыхать. Но утром, согласно распорядку дня, быть в расположении в парадных мундирах.

Я подошел к полковнику Мину. Обратился: «Ваше превосходительство. Как прикажете поступать мне? Я не успел перевезти семью в расположение полка… Мы этой ночью выехали в Москву!»

- Полно, голубчик! – устало махнул рукой Георгий Александрович, - Поезжайте к супруге. Завтра явитесь на службу к сврем старом мундире. И все решим. А сейчас отдыхайте.

…Оказывается, жены всех офицеров полка ожидали своих благоверных в офицерском собрании. Там я застал и Елену. Увел ее. Она, усаживаясь в возок, лепетала: «Пока ты был в отъезде, Я перезнакомилась со всеми супругами твоих сослуживцев. Они очень милы. Как правило, образованы. Но представь только, в большинстве своем – немки! Ост-зейские, конечно. Так что по-русски разумеют почти с незаметным акцентом.»

- Остзейские, - пояснил я, - все равно - русские! Северо-западные! Немками они стали несколько сот лет назад. При оккупации их всякими тевтонами, ливонцами и иже с ними.»

- Ну да, ну да… Я где-то читала, что древне-германские племена на самом деле - западные славяне.

- Как ты себя чувствуешь? Не озябла? – запахнул и заправил я медвежью полость.

- Нет, дорогой мой! Твоя любовь согревает! – теперь, скользя по улицам города, она плотно прижалась ко мне. И всю дорогу не выпускала мою руку из своих ладоней: «Я волновалась за тебя. Молилась. Каждый день в Лавре заказывала молебны о здравии святому благоверному Великому Князю Александру Невскому… Ведь по городу ходили слухи, что «семеновцы» штурмом брали баррикады в Москве… А у мятежников, говорили, были и пулеметы, и пушки! Есть, говорили, жертвы даже среди мирных жителей…

- Пустое, Еленушка! Из наших погибли только несколько нижних чинов. Царствие им Небесное! Раненных – побольше. Командир написал прошение на Высочайшее Имя о предоставлении семьям павших пособий, всевозможных льгот, а детям – получить образование на казенный кошт.

- Знаешь ли, дорогой, у меня возникла мысль создать при полку детский приют с обучением детей всякому рукоделию. Мы сегодня толковали о том с ее превосходительством, княгиней Екатериной Сергеевной, - к слову, урожденной Волконской, - с другими женами офицеров. Все меня поддержали… Правда, оказывается, нечто подобное было в полку. Только из мальчиков готовили солдат. А я предложила направлять учебу отроков, выявив их способности. Кого-то готовить к военной службе, кого-то к государственной… И тоже – по направлениям… Конечно, если к службе кто-нибудь и непригоден, то его можно обучать какому-либо ремеслу.

- Но погоди! Если готовить к статской службе, то отрокам надо пройти курс гимназии, - возразил, было, я.

- Конечно, – воскликнула жена, - мы и решили устроить их поначалу в ближайшую гимназию. А в свободное время, согласно способностям, нанимать педагогов. С девочками я могла бы пройти курс сестер милосердия…

Я покачал головой: «По-моему, тебе сейчас надо думать не об обучении сирот, а о нашем малыше!»

- Или – о малышке! – засмеялась Еленушка. Даже пальцем мне погрозила: «Но одно другому не мешает. Полгода я могу приносить людям пользу. Обучаемые мною младеницы и отроковицы станут молиться за меня… И это получше медицины поможет мне выносить и родить…»

Дома меня окружили все лакеи, горничные, дворовые. Наперебой спрашивали о событиях в Москве. А потом и

сами принялись делиться своими размышлениями: «Ваш бродь! Много ль служивых поубивали?..»

- Сказывали, мол, по нашим молодцам-солдатикам крамольники прямо из пушек били! Правда ли?

- Слава Богу, в вас не попало…

- Ваш бродь! А на пулеметы сами-то ходили?..

- А правду ли бают, что бунтовщики всю Москву захватили? Дома грабили? И не только богатых живота лишали? Но и своих, фабричных там, мастеровых, которые с ними, с бунтовщиками, стало быть, пойти не захотели супротив Царя, стреляли?

- Эх! Его превосходительство Михал Митрича бы сюда! Скобелева! Он бы всю энту шарагу разогнал вмиг!

- На базаре сказывали, что командует энтими душегубцами басурманин какой-то.

- Ага! Только кличка у него русская…

- Мол, сын он какой-то Ленки… Ленин, стало быть!..

- Ежели сын Ленки, то должен Ленкиным зваться…

- Такие фамилии - только у жидов!..

- А может и «элькин»… Или «эльцин»…

- Ну да! Был бы русским, то звался бы «елениным»…

- Или хотя бы «олениным»…

- Но командует-то этот душегубец откуда-то из иноземщины…

- Из Швабии, что ли… Или Швабцарии…

- Грамотей! Из Швейцарии! Так страна зовется. Через нее еще, как рассказывал когда-то мой ротный, Александр Васильич Суворов лягушатников-бонапартов бить ходил.

- Значится, не всех добил, коли всякие «элькины» воду на Святой Руси мутят…

- И что эт-т-то наши мужики пошли за соцъялистами?..

- Опоили, должно быть колдовским зельем! Вот и пошли, неразумные. Спаси нас, Господи, от них и других смутьянов!

- Ваш бродь! А правда ли, что у мятежников заместо батюшек колдуны заморские ихнии службы правят?

- И причащают крамольников кровию убитых ими христиан?

- Не просто христиан! А христианских младенчиков и невинных девиц! Так ли, ваш бродь?

- Вона, на Мойке опять нонче ночью стреляли…

- Да-а-а! На Сенной один кучер зачитывал писульку. Так энтот Ленин-Ленкин-Элькин в ней велит нашим дуракам-соцъялистам жандармов, офицеров, нижних чинов кислотой обливать! Отбирать револьверты и идти воевать супротив Царя-батюшки…

- Господи, помилуй!..

- Как же это – супротив Царя? Не по-русски это!

- А может они и его - ки-и-ислотой?! Как жандармов!

- Сверху…

- Стало быть на головы, в глаза…

- Свят-свят-свят…

- Да их за сие – на две березки, как водилось на Руси!..

- Или – в баньку и подпалить!..

- Вот тебе и нерусь на свет Божий выползла! Разве ж православный христианин додумается до такого душегубства?! Ки-и-ислотой! Что скажете, ваш бродь? Обливали наших служивых ироды?

- А правда ли, ваш бродь, что бабы ихнии, соцъялистские, стало быть, волосы, как мужики коротко стригут?

- И живут со всеми своими мужиками-соцъялистами по очереди?..

…И все - в том же духе… На какие-то вопросы я отвечал… На другие, взглянув на Еленушку, так и

стоявшую рядом со мной, - помалкивал. Наконец, я не выдержал. Поднял руку. Все затихли. А я, улыбнувшись, сказал: «Сердечно рад и благодарен, дорогие мои, тому и за то, что вы так близко к сердцам восприняли последние события в Первопрестольной. Что сами – против мятежников! Но право же! Помилосердствуйте! Дайте хотя бы шинель снять! Умыться с дороги! Чаю выпить. С утра маковой росинки во рту не было! В Рождественский Сочельник соберу вас в гостиной и всё расскажу…

Около часа я отмокал в ванне. Даже чуть было не задремал. Потом мы с Еленушкой пообедали. Я хотел, было, уйти в кабинет, чтобы перекурить. Но жена воспротивилась: «Я – с тобой!»

- Но дым?! Он же вреден для тебя и младенчика!

- Нет-нет, дорогой! Если немного, то не вредно. На Руси издревле курением особых смесей трав и табака лечили многие легочные заболевания. А я тебе купила хороших папирос… Тут и кузен твой, Георгий заезжал. Рождественский гостинец привез. Папиросы. Донские. Отборный табак, как Георгий сказывал! «Асмоловские»… А если хочешь, дам тебе сигару! Тоже купила. К тому же, не хочу тебя ни на минуту отпускать! Соскучилась!

В кабинете мы уселись в кресла. Горничная принесла мне – коньяку и кофе, Еленушке – соку. Я спросил: «А ты не знаешь, почему Государь Император встречать нас вместо себя послал Великого Князя Николая Николаевича? И еще двоих:? Михаила Александровича и Костантина Констинтиновича.»

- Ты что же, дорогой мой, думаешь, что мятежники разбушевались только в Москве? Увы, нет! Правда, в Питере до баррикад дело не дошло… У Государя сейчас столько неотложных дел. Можешь мне поверить. Знаю из вторых уст! Но хочу тебя утешить! На торжественном обеде в полку Его Величество Николай Александрович будет

обязательно. Супруга Георгия Александровича княгиня Екатерина Сергеевна с дочкой Наташей были на приеме у Государыни Императрицы. И по секрету от нее узнали, что Государь Император приедет в полк на торжественный Рождественский обед для награждения офицеров и нижних чинов.

- Ты сказала, что в Питере в эти дни было неспокойно… Что так? – спросил я, выпустив после первой затяжки колечки дыма.

- Доподлинно не знаю… Но две или три ночи подряд наш госпиталь охраняли юнкера, поднятые по тревоге…

- Юнкера?

- Да! А твой кузен Георгий заезжал и оставил около нашего дома десяток казаков. Сказал, мол, для охраны. Добавил, что весь гарнизон, вся полиция – под ружьем. По его словам я и поняла, что в городе более, чем неспокойно. А юнкера усилили охрану раненных мятежников, которых, как сказал главный врач, намеревались освободить их сообщники… И знаешь ли, нет худа без добра! Навестил юнкеров Его Высочество, генерал-инспектор военно-учебных заведений Великий Князь Константин Константинович! Он и госпиталь проинспектировал… Потом, говорят, та-а-аких дрындов дал нашим военно-медицинским интендантам!.. На следующий день в госпиталь несколько возов всякого недостающего привезли!

Я улыбнулся и рассказал про посещения Великим Князем моего училища. Даже стихотворение «Кадету» продекламировал, чем немало удивил супругу. Она порывисто встала со своего места. Подошла к одному из книжных шкафов. Достала тоненький томик. Раскрыла его и прочитала:

Научи меня, Боже, любить
Всем умом Тебя, всем помышленьем,
Чтоб и душу Тебе посвятить

И всю жизнь с каждым сердца биеньем.

Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердную волю,
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.

Всех, которых пришел искупить
Ты Своею Пречистою Кровью,
Бескорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить!

Потом пояснила: «А ведь это – тоже стихотворение Великого Князя Константина Константиновича! Если хочешь, я еще прочитаю?»

- Да-да-да! – теперь порывисто поднялся я. Еленушка опустила руки с томиком. Слегка склонила набок головку. И тихо заговорила:

Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы к небесам возводим очи,
Творя молитву дни и ночи,
Чтобы помиловал Господь.

Но если вслед за огорченьем
Нам улыбнется счастье вновь,
Благодарим ли с умиленьем,
От всей души, всем помышленьем
Мы Божью милость и любовь?

Она помолчала. Подняла на меня глаза, почему-то наполненные слезами. Пояснила: «Повторяя эти строки, я во время оно уехала на фронт, в Порт-Артур… А ведь там, после огорчения счастие улыбнулось мне вновь! Там, милостию Божией, я встретила тебя, мой любимый!.. А желаешь ли, я прочту тебе стихотворение Великого Князя об

Отчизне нашей? Должно быть, Его Высочество написал его во дни разлуки с Россией… Желаешь ли?

Я кивнул… А Еленушка опять полистав томик стихов, изредка опуская в него взор, продекламировала:

Несется благовест… Как грустно и уныло
На стороне чужой звучат колокола.
Опять припомнился мне край отчизны милой,
И прежняя тоска на сердце залегла.
Я вижу север мой с его равниной снежной
И словно слышится мне нашего села
Знакомый благовест. И ласково, и нежно
С далекой родины гудят колокола.

- И что занятно, – вдруг продолжила Еленушка, - во время пребывания у нас Великого Князя Константина Константиновича в госпиталь пожаловал довольно известный юрист по фамилии Кони. Имени и отчества я не запомнила. Да и не захотела бы запоминать!

- Что так?

- Он заявил, что собирается защищать мятежников в суде! Врагов Отчества! Господи, помилуй! Конечно, эти несчастные имеют право на защиту… Но я, даже при самых безысходных обстоятельствах, не стала бы обращаться к Кони за юридической помощью!

- ? – дернул я вверх подбородком.

- В свое время, будучи председателем суда, он вынес оправдательный приговор террористке Вере Засулич! Ее бы - к нам, в Порт-Артур! Попробовала бы там в спину своим стрелять!.. Омерзительно! Бр-р-р! Прости, Господи… Ее бы… Сами солдатики… Так вот, дорогой мой, приходил этот самый Кони, как адвокат, для беседы с раненными мятежниками…

- Еленушка! Ты разволновалась! Полезно ли сие нашему ребенку? Может быть, не станем продолжать

разговор об этом, с позволения сказать, юристе? - попытался я перебить ее.

- Увы! Юрист он, надо отдать должное, отменный! – помотала головой жена. Выпила соку: «Нам бы, верноподданным, - таких! Впрочем я - о другом… Ты сам успокойся, пожалуйста!.. Так вот… Как только этот Кони узнал, что Великий Князь находится в госпитале, разразился неожиданными дифирамбами в адрес Его Высочества Константина Константиновича, который и служит-то Отчеству верой и правдой со всех случаях, где только можно ей служить! Говорил, что в его стихотворениях «рассыпано очень много указаний именно на его желание служить родине всеми силами души». Восхищался Кони и тем, как понимает Великий Князь русского солдата, как ценит его! Как ценит в нем те достоинства, «которых не поймет и не оценит чуждый взор иноплеменный». А сами стихи Его Высочества, - особенно посвященные солдатам, - назвал значительным вкладом в русскую литературу. Представляешь, какой лицемер?

- Да-а-а.., – не смог я сдержать улыбки от горячности супруги, - ежели даже враг так отзывается о Великом Князе…

- Не враг он, – улыбнулась в ответ Еленушка, - а, прости Господи, просто, говорю же, лицемер и дурак! Конечно, в своем деле Кони, повторюсь, разбирается, что называется, на ять! Но по действиям!... Должно быть, в храм Божий редко хаживает… А знаешь ли, дорогой, как отреагировал на его визит наш главный хирург?

- Интересно!

Еленушка, обнажив белоснежные, ровненькие зубки, звонко, совсем по-отрочески, засмеялась: «Он напомнил, что лет десять назад этого Кони назначили в Сенат на какую-то высокую должность. А кто-то, только представь, написал на сие эпиграмму:

В Сенат коня Калигула привёл,
Стоит он убранный и в бархате, и в злате.
Но я скажу: у нас — такой же произвол:
В газетах я прочел, что Кони есть в Сенате…

Я засмеялся тоже. И тут же серьезно спросил: «Прости мне мою дремучесть… Но в кого стреляла эта Засулич?»

- В градоначальника Санкт-Петербурга, Феодора Феодоровича Трепова. И было сие в семьдесят восьмом году прошлого столетия!

- В отца Димитрия Феодоровича? – изумился я.

- Именно!

- Вот как? Но его превосходительство Димитрий Феодорович ни разу даже не обмолвился об этом.

- Должно быть, считал, что ты знаешь…

- Вот я и говорю про собственную дремучесть!.. И что же было далее?

- Слава Богу, Феодор Феодорович остался жив! А оправданная Кони Засулич сбежала за границу… Современники тогда очень нелестно отзывались о судебном процессе. Кто-то даже написал, если мне не изменяет память*: «Оправдание Засулич происходило как будто в каком-то ужасном кошмарном сне, никто не мог понять, как могло состояться в зале суда самодержавной империи такое страшное глумление над государственными высшими слугами и столь наглое торжество крамолы».* **Кстати, в гимназии нас, девиц, пугали нигилизмом именно через ее образ! Потому-то я и знаю всю эту историю в подробностях! Впрочем, внешний облик этой террористки вполне отвечает ее внутреннему состоянию души. Ее духовности! – опять заулыбалась Еленушка.**

- ?

- Как же?! Ведь даже подельники Засулич по крамоле говорили, что она по внешности - чистокровная нигилистка, грязная, нечесаная, ходила вечно оборванкой, в

истерзанных башмаках… А мы, помниться, юные гимназические барышни, очень интересовались политикой! Правда, были, конечно, на противоположной стороне взглядов этой Засулич.

- Да-а-а! В окопах Порт-Артура ее крамольный нигилизм мигом бы ветром от пролетающих снарядов, картечи, пуль сдуло бы! – хмыкнул я. Но спросил: «А где сейчас эта Засулич?»

- Право же, не знаю… Ты спроси у Станислава Валериановича. Только зачем тебе сие? – пожала плечами Еленушка.

- И правда, не зачем!.. Кстати, а ты давно видела Станислава Валериановича?

- Позавчера в Лавре. На Всенощном бдении. Обещался заглянуть, как только ты вернешься из Москвы. Думаю, что он, будучи весьма тактичным человеком, зайдет не раньше, нежели завтра.

Утром, стоило мне проснуться, впечатление от видения быстро смешалось с мыслями о предстоящей поездке в Белгород. Скорее бы! Мы с Аллой не виделись всего несколько дней, а я уже заскучал, словно провел в разлуке с ней целый месяц. В эдаком состоянии я умылся, позавтракал и приехал в редакцию. Когда же все сотрудники были в сборе, по телефону позвонил Алексей Алексеевич и сказал, что сегодня он отправляется на какое важное мероприятие и попросил всех работать по плану.

Я вопросительно посмотрел на Бориса: мои-то планы были выполнены далеко вперед. Но в эту же минуту дверь в редакционную комнату открылась и в ее проеме показался тяжело опирающийся на палку седоволосый и седоусый мужчина. Оглядев всех нас, он спросил: «Русский Вестник» здесь находится?.. Тогда – здорово ночевали?..»

«Казак»! – отметил я про себя и вслух отозвался: - Слава Богу.

Гость с некоторым удивлением улыбнулся в усы. Перекрестился на «красный угол». Слегка склонил и выпрямил голову. Заговорил: «Мы в Новочеркасске получаем вашу газету. Читаем… Иные номара передаем из рук в руки. И я полагаю, «Русский Вестник» - единственное издание, которое сейчас отражает чаяния русского народа. В том числе и казачества…»

- С кем имеем честь? – вздохнул Борис.

- Ох, простите! Не представился. Я – Никифор Порфирьевич Колосов. Родом из станицы Калитвенская. Но сейчас проживаю в Новочеркасске. Преподаю в средней школе географию. А свободное время увлекаюсь историей казачества. Собираю различные свидетельства боевой славы наших благочестивых предков… Ваша-то газета про казаков много пишет. Давеча внучек по межгороду позвонил… Говорит, что отнес к вам в редакцию свою заметку про полковника Чернецова. Но он-то знает только понаслышке. А вот я, будучи в дальнем родстве с Василь Михалычем, - Царствие ему Небесное, - встречался с его сослуживцами. И записал их воспоминания. Сейчас, перед Рождеством Христовым, приехал в Первопрестольную. Привез дочке и ее семейству всякой скоромной снеди на разговение… Сальца… Колбаски домашней, баранинки… А заодно и свои записки прихватил. Подумал, что могут пригодиться в заметке внучка. Что скажете?

- Надо посмотреть, прочитать! – ответил Борис. И попросил: «Покажите, пожалуйста.»

- Эт-т-т, за милую душу! – ответил гость и принялся выкладывать из пузатого, потертого портфеля… шмат сала, завернутый в белоснежную тряпицу, большой круг колбасы, бутылку с бесцветной жидкостью и другую с бордовой. Пояснил: - Вот-с, извольте принять донской гостинец на

разговение: первачок, - горит! – а для дам – винцо со своего виноградника. Такого сейчас в магазинах не купите! Из чистейшего сока! Неразбавленого! От всей души Донского казачества… Не побрезгуйте! Примите!

Мы, улыбаясь, переглядывались. А старик, наконец, извлек из недр своего портфеля пухлую потрепанную папку. Погладил ее ладонью. Снова оглядел нас по кругу. Проговорил: «Я могу вам оставить… Но только с возвратом… Эти записки – часть моей жизни…»

- А вы сами прочитайте! – вдруг предложил Борис. И указал на стул перед столом Алексия Алексиевича: «А девочки наши пока чайку приготовят. А? Да вы присядьте!»

Никифор Порфирьевич хмыкнул. Опустился на предложенный стул. Достал из кармана очки, перемотанные изолентой на переносье. Надел их. Раскрыл папку и прочитал: *«На станции Дебальцево, по пути в Макеевку, паровоз и пять вагонов Чернецовского отряда были задержаны большевиками. Есаул Чернецов, выйдя из вагона, встретился лицом к лицу с членом военно-революционного комитета. Солдатская шинель, барашковая шапка, за спиной винтовка — штыком вниз.*

- "Есаул Чернецов?"

- "Да, а ты кто?"

- "Я — член военно-революционного комитета, прошу на меня не тыкать".

- "Солдат?"

- "Да".

- "Руки по швам! Смирно, когда говоришь с есаулом!"

Член военно-революционного комитета вытянул руки по швам и испуганно смотрел на есаула. Два его спутника — понурые серые фигуры — потянулись назад, подальше от есаула...

- "Ты задержал мой поезд?"

- "Я..."

- "Чтобы через четверть часа поезд пошел дальше!"

- "Слушаюсь!"

Не через четверть часа, а через пять минут поезд отошел от станции.»

Никифор Порфирьевич хмыкнул от удовольствия. Пролистал несколько страниц. Заметил: «А вот еще один случай… *«На одном из митингов в "Макеевской Советской Республике" шахтеры решили арестовать Чернецова. Враждебная толпа тесным кольцом окружила его автомобиль. Угрозы, ругань...*

Чернецов спокойно вынул часы и заявил: "Через десять минут здесь будет моя сотня. Задерживать меня не советую..."

Рудокопы хорошо знали, что такое сотня Чернецова. Многие из них были искренно убеждены, что Чернецов, если захочет, зайдет со своей сотней с краю и загонит в Азовское море население всех рудников...

Арест не состоялся»…

Старик еще раз хмыкнул. Засмеялся: «Каков! А?! Ка-а-а-зак!»

И продолжил чтение: *«На одном из митингов шахтеров он сидел среди накаленной толпы, закинув ногу на ногу, и стеком пощелкивал по сапогу. Кто-то из толпы назвал его поведение нахальным. Толпа заревела. Чернецов через мгновение появился на трибуне и среди мгновенно наступившей тишины спросил: "Кто назвал мое поведение нахальным?"*

Ответа не последовало. Издеваясь над трусостью толпы, Чернецов презрительно бросил: "Значит, никто не назвал? Та-ак!"

И снова принял ту же позу.»…

Пролистав еще несколько страниц, гость объявил: «А вот воспоминания одного моего знакомого, тогда студента, потом чудом выжившего в большевистских лагерях, теперь

же агронома на пенсии: ***“Вот мы и на фронте. Мой приятель и я, только что прибыли на станцию Щетово, в качестве “пополнения”, в Чернецовский отряд. Явились к командиру. Перед нами — коренастый, небольшого роста человек с открытым румяным лицом отрывисто бросает фразы: “Мои партизаны знают только один приказ — вперед!.. Осмотритесь здесь хорошенько. Малодушным и неженкам у меня места нет. Если покажется тяжелым — можете вернуться”.***

Никифор Порфирьевич перебрал еще несколько листов: «Или вот, что рассказал мне бывший партизан, уже стариком, тоже после большевистских лагерей погибший при Новочеркасской резне в пятьдесят третьем году. Бывший партизан Чернецовского отряда, - Царствие Небесное ему и всем мученикам Новочеркасским: ***“Во время одного дежурства на станции Колпаково мне посчастливилось быть свидетелем одной интересной сцены. Дебальцево соединяется со Щетовом телеграфом.***

Дебальцево: “Я, главнокомандующий доблестными революционными войсками, хочу вести переговоры с вашим главнокомандующим”.

Щетово: “Я, командующий казачьими силами есаул Чернецов, у аппарата. Что вам нужно и как вас зовут?”

Дебальцево: “Я предлагаю вам мирные переговоры. Каковы ваши условия? До имени моего вам нет дела”.

Щетово: “Думаю, что переговоры эти все равно ни к чему не поведут. Впрочем, если вам так хочется узнать мои условия, товарищ таинственный главковерх, то вот они: все ваши доблестные революционные войска должны немедленно сложить оружие и выслать таковое в распоряжение моих войск. Вы же и местные ваши комиссары явитесь ко мне в качестве заложников. Это будет для начала, а там дальше посмотрим. Официальные переговоры кончены. Позвольте мне, старому вояке, сказать на прощанье несколько частных

слов вам, неведомый главковерх, стыдящийся своего имени. Я, конечно, не сомневаюсь в вашем блестящем знании и опытности в боевом деле, приобретенных вами, по всей вероятности, в бытность вашу чистильщиком сапог где-нибудь на улицах Ростова или Харькова. Все же мне почему-то кажется, что вас вскоре постигнет участь друга вашего Коняева. То же самое получат и все присные ваши — Бронштейн, Нахамкесы и прочие правители советской державы. Напоследок позвольте у вас спросить: все ли вы продали или еще что осталось? Ну, до скорого свидания, ждите нас в гости". до скорого свидания, ждите нас в гости"…

И опять старик принялся листать содержимое папки. Хохотнул, должно быть, найдя искомый документ: «Кое-что прислал мне начальник разведки отряда Чернецова господин Туроверов… Из-за «бугра». Он-то, я слыхал, совсем недавно ко Господу отошел. А несколько лет назад из Америки приезжал к нам, в Новочеркасское отделение Союза казаков один господин. Он подарил мне брошюрку с воспоминаниями полковника Генерального штаба Владимира Васильевича Добрынина. Я из них сделал выписку: *«Из партизанских отрядов бессмертную славу создал себе отряд молодого, энергичного и самоотверженного Чернецова. Начало его организации относится к 30 ноября старого стиля 1917 года. Отряд охраняет Воронежскую железнодорожную магистраль, однако он не остается неподвижно на одном месте, а с молниеносной быстротой перебрасывается в различных направлениях, постоянно захватывая противника врасплох и вызывая в рядах его панику».*

Гость мечтательно прикрыл глаза. Выдохнул: «Полковника Василия Михайловича Чернецова в народе называли Донским Иван-Царевичем... Наверное, это – самое

высокое звание… Архивчик свой я вам оставляю… Но повторяю: с возвратом. Можете внуку отдать.»

И он захлопнул папку. Медленно завязал тесемки. Опять погладил ладонью. Протянул Борису. Тот – мне: «Саша! По-моему, ты готовишь этот материал… Бери. Тебе – и карты в руки.»

За недолгим чаепитием я сказал: «Таким, как Василий Михайлович Чернецов памятники ставить надо! На родине…»

- Мы и хотели, было… И не только ему а многим другим казакам, оставшимся верными Вере Царю и Отчеству! Во-о-он сейчас коммуняки слюной брызжут, голодными волками воют о том, что памятники лениным, свердловым и иже с ними палачам казачества сносят. А сами?! Ка-а-акой памятник стоял герою Отчественной войны с Наполеоном атаману Матвею Иоанновичу Платову в Новочеркасске! На деньги народные был поставлен. Так нет же! Подтелковские наследыши не просто снесли, по-моему, в тридцатых годах сей памятник! Переплавили! Кощунники! Забыли про свой вандализм?! А теперь о каком-то нашем «вандализме» кричат! Но ведь не мы первыми стали памятники рушить! Государям, Помазанникам Божиим! Героям разных войн… Слава Богу, не перевились подвижники! Сейчас восстанавливают святыню народную, - памятник Матвею Иоанновичу в его первозданном виде!

Старый учитель истово перекрестился. А Борис, отхлебнув чаю, вдруг заметил: «Вам бы, Никифор Порфирьевич, книгу о полковнике Чернецове и его соратниках написать на основе собранных документов!»

- И-и-и! – вздохнул тот. Покачао головой: «Кни-и-и-игу?! У нас на Дону по сию пору книжки издают только про подтелковых и про остальных отбросов казачества! Кто в

издательствах да в редакциях засел?! И не сдинешь! Но спаси Господи за дельный, добрый совет.»

И снова подала голосок машинистка: «Простите меня, неразумную! Вот вы сейчас так критично говорили в адрес советской власти. Мне она тоже не по душе! А у вас, у самого, я вижу на пиджаке ордена Отечественной войны, Славы, колодки медальные…

- Да! Я мальчишкой в сорок первом прибавил себе годочков да и ушел воевать! Но воевал не за советскую власть, а за Отечество. Воевал против захватчиков! Даже с казаками, которые были на стороне гитлеровцев, пришлось несколько раз схлестнуться! Но эти – похуже красных! Хотя-а-а… – одна футбольная команда. И те, и другие напали на нашу Отчину за деньги иноземцев. Я и все предки мои защищали родную землю. Отцы и деды - от пассажиров запломбированных вагонов с их прихлебателями, с прихвостнями мое поколение – от гитлеровцев и несчастных, поверивших им. А таких было немало! Самые последние просто были озлоблены! И позабыли про братскую любовь во Христе! Их тяжело осуждать, потому как, кроме бед и гибели близких, советская власть им ничегошеньки не дала. Но они не просто не любили соотечественников! Они подняли на них меч! Взяли в руки оружие против своих же братьев! Против России-матушки! А мы воевали за нее, родимую! Мы воевали против тех, кто был против России! И уверен: благочестивые предки наши из Царствия Божия благословляли нас. Помогали! Молились пред Престолом Всевышнего!

- Скажите, - спросил я, - известна ли вам судьба потомков кого-нибудь из «красных» казаков?

- А то! Знавал я одного, прости Господи, старого «красного» орденоносца! А ведь батька-то его в Сводной сотне Казачьего конвоя Его Императорского Величества служил… Да, гутарят, в феврале семнадцатого красный бант

нацепил на шинельку… Предал, стало быть, прости Господи! Так про сынка, про орденоносца этого сказывали старухи, как он в Гражданскую казачек, особенно матерей, жен, сестер офицерских, шашкой рубил, да деток малых живьем в колодцы сбрасывал. Как священников на Царских вратах распинал, колокола с колоколен сбрасывал, а иконы и сами храмы Божии жег… Братец его в сорок первом в полицаи пошел… Партизаны его повесили потом… Осатанел, прости Господи! После войны старший сынок у него в пьяном угаре утонул в Дону… Дочка при оккупации с гитлеровским офицером спуталась… За что и получила «десятку»… Внучка от второго сына в Москву поехала учиться… Да стала уличной девкой и заболела дурной, неизлечимой болезнью… Все равно, как та же Дарья в «Тихом Доне» Михаила Александровича Шолохова… Третий сын, вроде бы, как говорится, в люди выбился. Работал каким-то директором… Но Бог-то шельму метит. Два года назад арестовали его за взятки и воровство в особо крупных размерах. Су-у-удили. Но приговором я даже не интересовался! Противно! Знаю только, что жена его рассудком после этого повредилась. Сынок лихоимца на воровскую дорожку пошел, да через год вслед за папашей в места не столь отдаленные отправился… До четвертого, а то и до седьмого колена иных Господь наказует! А то и «на нет» весь род сводит… И ведь немало таких. Однако судьбы их похожи на ту, про которую рассказал. Смерть грешников лю-у-ута!.. Однако казачество возрождается. И дай-то Бог не свернуть с верной дороги в Царствие Небесное! А самое главное, по моему неразумию, отмолить своих предков-казаков, предавших Присягу Дому Романовых, данную еще в 1613 году… И особенно – тех из сводного казачьего конвоя, который должен быть костьми лечь, дабы защитить Государя от Корниловых, Алексеевых, Рузских, холуев масонских, прости Господи… А они, несчастные еще

красные банты на шинельки нацепили… Простите и вы меня, старика…

…Через полчаса Никифор Порфирьевич, перекрестившись на иконы, откланялся. А я уселся, что называется, увязывать материал юного казачка с документами, принесенными его дедом. Сидел над ними до позднего вечера… И только к пятнице осилил эту «ношу», оказавшуюся не такой уж и легкой и простой, как казалось поначалу… А вечером, как обычно, катил в плацкартном вагоне в Белгород. А приехав, нашел в Алле какие-то почти неуловимые изменения: мягкость в движениях, ласковость… Нет, не ласку, а именно ласковость. Она ластилась ко мне, словно кошечка. А когда мы, проводив Вадика и Наташу в школу, сели за стол, Алла вдруг выдохнула: «Я беременна.»

Я вскочил. Схватил ее на руки. Но она потребовала: «А ну-ка, отпусти меня! Мало ли что…»

- Давно? – спросил я.

- Три недели, - опять, почему-то со вздохом, ответила Алла, - а поначалу думала, что ошиблась, но тест подтвердил…

- Ты жалеешь?

- Нет, конечно… Но я чего-то боюсь… Все-таки… Рожать, когда - за тридцать… И еще… Мне снилась какая-то дама в кринолинах… Вуалях… Несла какую-то чушь… Вроде того, что я - чуть ли не – правнучка её…. Или еще десять «пра-пра-пра»… Так вот… Она почему-то говорила, что я… должна тебя… убить! И ребенка от тебя – тоже! Она во сне мне даже кинжал протягивала… Такой… Знаешь, как жало змеи… Да-да… Как будто две иглы… И говорила, что я должна воткнуть тебе иглы в сонную артерию… И нашему с тобой ребенку тоже!.. Иначе, говорила, лишит меня разума… Стра-а-ашно!

- Послушай, – обнял я Аллу, - это все – бесовское страхование! Так сказать, предродовое… А представляешь, какой сын у нас будет?! Или дочка! Или вообще – двойня!

- Нет-нет! - даже отстранилась она. Всхлипнула: «Та дама была очень похожа на… Антонину… Я боюсь!»

- А ты не бойся! Сходи в церковь… Исповедуйся. Причастись Святых Таин. А с Антониной постарайся поменьше общаться. И перед каждой вынужденной встречей с ней накладывай на себя Крестное знамение… Да-а-а! И ни в коем случае не говори о своей беременности!

- Исповедаться? – скривила губы Алла. Наморщила носик: «Но у меня, вроде как, и грехов-то нет! Не убивала… Не воровала… Мужей не уводила… В чем же исповедоваться? В чем каяться?..»

- Подумай, в чем! Безгрешен-то Един Бог!

- Ты думаешь, поможет?

- А то! – еще крепче прижал я ее к себя.

- Тогда пойдем в спальню! Мне надо как можно больше отдыхать!

- Погоди, но сейчас тебе нельзя!.. Беременность… Или, как говорили раньше, непраздность…

- Ой! Придумаешь тоже! Не-э-эльзя! Мне еще сильнее хочется! А беременной женщине отказывать нельзя ни в чем! А то, как говорят в народе, мышка дырку прогрызет! Ты ведь веришь всякому фольклору! – хитро прищурилась Алла. Томно засмеялась: «К тому же, надо поспешить: у меня сегодня – дежурство! До пяти часов дня - по всей поликлинике. Наверняка народу привалит!.. Или ты меня уже разлюбил?!

- Что ты?! Что ты?!

…Когда Алла ушла на свое дежурство, я решил съездить на рынок и купить фруктов, всяких соков… А вернувшись домой около двух часов дня, вдруг услышал, как Наташа оживленно, - от чего и не слышала, как пришел

я, - разговаривает по телефону. И тут, как будто кто-то остановил меня. Я притих. Приостановился. Прислушался… И услышал… Прости, Господи!

- Нет-нет, Антонина Владимировна! – почти визжала в телефонную трубку Наташа. Тон явно был недобрый. Прывистый какой-то. И непривычно хриплый для девушки: «Ты должна мне помочь!.. Вадик – вахлак! Он будет делать то, что скажу я. Да и мать - тоже!.. Пусть этот козел, то есть муж, перевезет нас в Москву… Пусть перевозит! Я его вытрясу! Пусть любит мать, как любил…А потом мне надо, чтобы мать разлюбила его! Именно, чтобы мать разлюбила! Я ему такое небо в алмазах покажу! Мне надо его у-ни-что-жить!.. Ведь у них с матерью дети пойдут!.. Она уже беременна! Что ж?! Мне с ними, с выблядкими, делиться наследством?! Два дома в Фатеже! Хозяйство! Машины! Сад! Огород! Поля! Сколько другого добра! Мне еще кирпичный заводит у дядюшки отмыкать надо!.. Детей ихних я сама от отца отсушу!.. Ты же учила меня! Сама-то от мужика своего детей отсушила!... Ну и что, что он талантлив? С талантов денег не будет!.. Он же нас голыми в Африку пустит!.. А что бабушка?! Чт-о-о-о бабушка! Она, конечно, все это знает и умеет! Но отказалась помогать!.. Ты что?! В доме я – хозяйка! И что?! Мне отдать это кому-то? Забыла, как я тебе помогала?! С твоим полюбовником?! Помоги теперь и ты мне! Я их все равно разведу!.. Почему? Да потому, что так хочу… Он весь дом иконами заставил! Мать в церковь идти зовет!.. Скоро от меня и от нее потребует паранджу надеть… Повернутый какой-то… Святоша! Таких еще мракобесами называют… А мать ему в рот смотрит! Отсуши ее от этого журналюги!.. Конечно! Пусть он поможет мне поступить куда-нибудь в Москве… Сама знаешь! Мать отсуши! А его наоборот присуши! Чтобы с ума от любви сошел! Убеди мать подмешать в вино

месячные!.. Сама же говорила, что это – самое верное средство!.. Да-да! Свадебные фотографии я тебе принесу…»

Я безшумно открыл, а, закрывая, громко хлопнул входной дверью. Сделал вид, что закашлялся. И опять услышал: «Кажется, он пришел, Значит, завтра увидимся. Антонина Владимировна! Век буду тебе благодарна! Я должна их развести!.. Да причем здесь сатана! Я бы и ему душу продала, чтобы при своих остаться!.. Ты же сама учила меня колдовать!.. Давай-давай! До завтра! А то еще услышит!.. Ко-а-а-азел!.. Пока-пока. Чмоки-чмоки!..»

Да-а-а! Такого поворота я не ожидал. Но опять как будто кто-то подсказал мне промолчать. Сделать вид, что ничего не слышал. Но сам подумал: «Ведь еще и восемнадцати нет, а сколько зла в ней сидит. Господи, помилуй! Не ведает, что творит! И за что?». Но вдруг вспомнил ее мечту стать ведьмой…

Я разулся. Наташа, выйдя из комнаты Аллы, буркнула: «Здрасьте…»

И, покачивая худыми бедрами, вздернув подбородок, ушла к себе. А я, выпив кофе, пошел встречать Аллу с работы. По дороге купил цветы. А когда мы встретились, предложил прогуляться. И рассказал об услышанном разговоре. Алла слушала, опустив голову. И вдруг вспыхнула: «Этого просто не может быть… Ты что-то неправильно понял! Наташа - добрая девочка. К тебе относится хорошо… Конечно, не как к родному отцу. Но со временем привыкнет… А в то, что ты рассказал, я просто не верю!»

И вдруг она остановилась. Вгляделась в меня. Прищурилась: «А может быть, ты нарочно хочешь меня поссорить с моими детьми? Только зачем? Какая тебе-то польза?»

Меня словно ледяной водой облили с ног до головы. В голове мелькнуло: «Не как к родному отцу… А родного-то

она предала. Алла сама рассказывала, какой грязью Наташа поливала его на суде, когда родители разводились… Да и сейчас, столько лет спустя, слышать о нем не хочет. И говорит только дурное… А ведь он, как я понял, очень добрый, мягкий человек. Тоже врач. Ведь они «на картошке» познакомились. В подшефном колхозе… Что ж тогда? Сглазили ее, что ли? Заколдовали?». Я взял себя в руки. Подумал, что раздражительность жены – от ее беременности. Поэтому перевел разговор на ремонт квартиры. Но Алла, задумавшись о чем-то, отвечала не впопад. Хмурила брови… Но вечером, за ужином, все-таки спросила Наташу: «Ты, дочка, давно Антонину видела?»

Наташа поначалу побледнела. Потом покраснела. Опустила глаза в тарелку. Потом искоса, быстро скользнула по мне взглядом. Хохотнула, как делают некоторые женщины, когда лгут или даже только собираются: «Сегодня посудачили с ней по телефону… Так, обо всякой ерунде… О своем, - ха-ха, - о девичьем. Я хотела проконсультироваться по экзаменационным билетам. По русскому языку. По литературе. Мы как раз сейчас Гоголя проходим. «Вий», «Вечера на хуторе близ Диканьки»… А почему ты спросила?»

- Нет-нет… Ничего.., - солгала теперь Алла. И тоже опустила глаза в тарелку: «Я просто подумала, что Антонина давно не заходила в нам в гости. Так, может быть, ты что-нибудь знаешь… Мало ли что… Не заболела ли… Может быть, навестить надо…»

Алла перевела взгляд на меня. Словно говорила: мол, видишь, ты просто неправильно понял. Наташа помотала головой: «Нет. У нее все – «тип-топ». Завтра я встречусь с ней. Она мне свой конспект обещала дать. И еще какую-то книжонку. Могу передать привет. А?»

- Передай-передай! – кивнула Алла. На этом разговор и закончился. Тогда я спросил Наташу: «А в какой институт

ты решила поступать? Уже выбрала? В гуманитарный или технический? Почему бы тебе не пойти, скажем, на журфак? У меня там есть знакомые. Правда, конкурс туда – немаленький. В технический ВУЗ намного легче поступить.»

- Даже не знаю… Может быть, на журналистику, - закатила она глазки.

- Но для поступления надо пройти творческий конкурс. Иметь несколько публикаций в газетах или журналах.

- Вот ты, Саша, и помоги! – хмыкнула Алла. Задумалась. Принялась рассуждать: «Ну-у-у, здесь, в Белгороде я могу договориться о публикации в нашем «Строителе». В многотиражке, где мои стихи печатали. Игорь Андреевич тоже подскажет. И где-нибудь словечко замолвит. А ты мог бы помочь в своем «Русском Вестнике». Вот, только какую тему взять?»

- Лучше всего о культуре. Или об искусстве… Женская тема… Ну-у-у, к примеру… На вскидку… Сейчас возрождается казачество. Я почти уверен, что в Белгороде есть какой-нибудь фольклорный ансамбль. Возможно, там есть кто-нибудь, имеющий отношение к строительству. Если Наташа сумеет написать, я расширю материал. И дам его в «Русский Вестник»… Или еще: о каком-нибудь старинном храме, который требует реставрации… Или о премьере местном в театре кукол… Там ведь жена Игоря Андреевича – ни много – ни мало, а главный режиссер - пожал я плечами.

- Ну ладно, о казаках написать еще куда ни шло … Но о церквах писать… Бр-р-р! И ты, ма, напрасно в религию ударилась! Какая от этого польза? К тому же время тратишь на эти стояния в церкви. Деньги на попов тратите!.. Вот и твоя подружка Антонина так считает! Она… - даже поперхнулась Наташа, потому что проговорилась. А я выразительно посмотрел на Аллу. И она, похоже, поняла,

что разговор дочери с Антониной был не только «о своем, о девичьем.»

- Наташа, – покачал я головой, - если ты мечтаешь работать журналистом, то в любой редакции тебе придется сначала выполнять те задания, которые будет давать начальство. Может быть, и не самые интересные. Не самые приятные. А сама сможешь темы выбирать только тогда, когда приобретешь опыт и заработаешь авторитет.

- Ладно-ладно, – теперь перебила меня Алла, - время подумать еще есть. Уж пять статеек за полгода мы как-нибудь накропаем. Я с Игорем Андреевичем посоветуюсь. Он подскажет. А ты, Саша, тоже подумай, какую еще тему взять Наташеньке…

- А гонорары у вас платят? – хохотнула Наташа.

- Платят. И неплохие! – вздохнул я.

- Вот это мне очень даже нравится! – засмеялась она. И опять как-то не по-доброму: «Цены растут. Расходы – тоже! А выглядеть я должна на все сто!.. Правда, были у меня мыслишки про исторический факультет. Но журналистика, как я поняла, - дело более доходное!»

После ужина все опять уселись к телевизору. Шел очередной латино-американский сериал… А утром, когда я проснулся, то увидел Аллу, лежащую с открытыми глазами и улыбкой на губах. После поцелуя, она мечтательно проговорила: «Ах! Какой я хороший сон видела… Представь! Я – вся в кринолинах, кружевах, бархате, в эдакой кокетливой шляпке скачу верхом на белой красавице-лошадке! И знаешь, где?! В Фа-те-же!... Помнишь холм на болоте? На правом берегу, если смотреть от дома родителей? Так вот, на этом холме во сне я вижу большой, прекрасный белый дом с колоннами и средневековыми башенками на краям… И я знаю, что это - мой дом… И еще я знаю, что грозит какая-то опасность. Но она не страшит меня, даже вызывает в душе какой-то азарт!.. Потому что в

руках у меня старинные, очень красивые пистолеты… Как игрушечные! И кажется, что лошадка летит, не касаясь копытами земли.»

Что-то кольнуло меня под сердце. Но я поцеловал жену и сказал: «Твой сон вызвал положительные эмоции. А стало быть, по-ле-зен и для тебя, и для нашего будущего ребенка… Кстати, а это был не тот ли холм, на котором в старину стоял барский дом?»

- Точно! Про него еще всякие страшилки рассказывали! – даже приподнялась на локтях Алла.

У меня опять кольнуло под сердцем. И тут же мелькнула мысль: я где-то видел этот особняк, уродливо смешавший в себе разные архитектурные стили. На краях крыши обоих флигелей русской помещичьей усадьбы, словно рога, возвышались сложенные из крупного, грязно-серого, замшелого камня готические башни… И красная черепица на их острых крышах зловеще напоминала кровь… Вот уж действительно, как сказала накануне Наташа, бр-р-р-р!..

Я отогнал эту мысль. Поднялся. Отправился в душ. А после завтрака мы с Аллой поехали на Харгору смотреть обменную квартиру, в которую должна была въехать семья из Люберец. Тройной обмен!..

На третьем этаже новенькой девятиэтажки дверь нам открыла миловидная молодая женщина, за спиной которой стоял такой же по возрасту мужчина. А у него на руках примостился улыбчивый светловолосый мальчонка годиков двух-трех. Хозяйка, узнав о цели нашего приезда, повела нас по квартире, которая выглядела не только чистой и просторной, но и далеко не бедной. Две дубленки, кожаное пальто на вешалке в большой прихожей, новый гарнитур, один холодильник на кухне, другой, - двухэтажный! – тоже в прихожей, пушистые ковры на стенах и полу, самая современная модель телевизора, музыкальный центр,

просторные комнаты с окнами на юг, две лоджии, кладовка, антресоли сразу… испортили мне настроение: квартира Аллы навряд ли привлечет молодую семью… Но хозяин тут же объявил, что они готовы обменяться даже на меньшую площадь и без всякой доплаты в старой пятиэтажке, лишь бы жить в центре Белгорода. Сами молодые супруги работают. А их родителям-пенсионерам, которые проживают в центре, трудно и далеко приезжать каждый день на Харгору, чтобы сидеть с малышом. Из-за этого они затеяли обмен… Причем, хотят сделать это, как можно скорее.

Алла ходила по квартире. Охала. Ахала. Цокала языком. Даже шепнула мне: «Нам бы такое жилье!»

А у меня на душе, что называется, кошки скребли. По всему получалось, что мы обманываем молодых! Хотя бы с «липовым» ремонтом, называемым перепланировкой. С теми же тараканами, которых никакими средствами не вывести. Когда же мы, договорившись с обменщиками об их визите в ближайшие дни, вышли на улицу, я сказал об этом Алле. Но она только хохотнула в ответ: «Что ты выдумываешь? Если эта молодежь согласится, то пусть… Мы же не насильно вселяем их в мою квартиру! Так что, никакого обмана нет! Хозяин – барин!.. И в обмене нет обмана… Ха! Как я сказала?! Как это называется? Ах, да «каламбур»…»

Однако совесть моя все равно была неспокойна. Когда же мы вернулись домой, сразу после обеда Алла объявила, как говорится, аврал: и Наташа, и Вадик принялись тут же наводить порядок в квартире. Хоть и ворчали что-то про сериал, который им из-за уборки не удастся в этот воскресный вечер посмотреть. Наташа заметила: «Ма! Если ты говоришь, что на Харгоре – такая замечательная квартира, так, может быть, нам и в Москву переезжать нет смысла. Здесь улучшим свои жилищные условия? А? Дядя

Саша может сюда переехать. Игорь Андреевич поможет ему устроиться на работу в Белгороде. В издательстве. Или в редакции областной газеты. Или в Союзе писателей. Да и я сама могу уехать в Москву. Поступить в институт. Жить в общежитии… А?»

- Нет, дочка, – покачала головой Алла, - у обменщиков после их переезда сюда есть какое-то время переменить свое решение и вернуться в старое жилье. Здесь, в Белгороде, это будет сделать легко… А в Люберцах – ищи нас, свищи! Пока найдут, время на попятную, по всем правилам и законам, про-о-ойдет. И мы останемся, как говорится, при своих. А потом я тебя ни в какое общежитие жить просто не пущу! Сама пожила там, в Курске… Знаю, чем в «общаге» могут научить девочку заниматься! К тому же, надо быть идиотом, чтобы из Москвы уезжать хотя бы в тот же Белгород или в Курск!

- Ну-у-у, ма! – надула губки Наташа.

- Нет, нет и нет! – повысила голос на дочь Алла. Даже кулачком прихлопнула по столу: «И больше даже не смей заикаться об этом!.. Кстати, ты сегодня с Антониной встречалась? Взяла у нее конспекты?»

- Встречалась… Но конспекты не взяла. Антонина Владимировна сказала, что она, похоже, их в институте оставила. Обещала на недельке, как-нибудь вечером, принести сама. Кстати, она еще сказала, что ей о чем-то с тобой надо поговорить, - пробурчала Наташа.

И принялась яростно скрести кафельную плитку на стене кухни. Я взглянул на Аллу, но взглядом с ней встретиться не смог. Поэтому, должно быть, ушел в комнату собирать свои вещи, чтобы ехать в Москву. Провожать меня на вокзал Алла не пошла. А я, поцеловав ее на пороге, попросил поберечь себя, не переутруждаться. Но и по дороге на вокзал меня опять одолели тяжелые воспоминания о подслушанном, прости Господи, телефонном разговоре

Наташи с Антониной, о сне Аллы про зловещий особняк и белую лошадь, которую она оседлала, о несправедливом предстоящем обмене. «Боже мой! – думалось мне, - И я во всем этом, - даже и не знаю, как назвать! – участвую»?!

…В купе было душно. Я долго не мог заснуть. Попутчики, - унылые, даже, пожалуй, просто, усталые люди, - вполголоса, даже как бы нехотя, ругали Горбачева. Ельцина… А я вдруг подумал про первых: - «за что боролись, на то и напоролись!»… Поэтому, не умея заснуть, даже приказывая себе, - как в армии, - уже около трех часов ночи достал из спортивной сумки бутылку самогонки, положенную туда Аллой. Сделал большой, обжигающий глоток. И, вместо того, чтобы закусить, пошел в тамбур покурить. А вернувшись, сразу провалился глубокий, но тяжелый, какой-то липкий сон. И вдруг увидел нас с женой в двух больших стеклянных шарах, которые сталкиваются друг с другом… Нет! Это мы с Аллой, двигаясь, пытались столкнуть их, дабы разбить мерзкую оболочку и самим, освободившись, воссоединиться… Но у нас ничего не получалось. Зато увидел, что сами шары – в руках… Наташи и Антонины. Они, хохоча, перебрасывались ими. И, стало быть, нами… Шары же, двигаясь, почему–то меняли направление вопреки желаниям Антонины и Наташи! Даже, казалось мне.., дышали. Светились разными цветами… Не знаю, как Алла, но я задыхался в своем шаре. От этого становилось еще тяжелее! Ведь я, казалось, не мог, будучи венчанным, не чувствовать, что творилось в этот миг с нею!.. Но… не чувствовал! Но тут стало еще страшнее. Движения Антонины и Наташи сразу виделись какими-то неестественными… Искусственными. А подняв голову вверх, я с ужасом увидел огромного, закрывшего собой почти все небо,.. старика-корня. От его когтистых, волосатых грязных лап тянулись почти незаметные нити. Вниз… И крепились к рукам, ногам, головам, телам

Антонины и Наташи… Не они играли шарами, в которых были заключены мы с Аллой, а легкомысленно позабытый мною старик-корень. Он же, ухмыляясь, управлял ими обеими, словно марионетками. Он шевельнул губами. Но я услышал: «Тебя же предупреждали… Ты не желаешь внимать… Мы «закроем» тебя, как журналиста!..»

От всего увиденного я решил, что уже никогда не смогу выбраться из душного, даже какого-то смрадного» замкнутого пространства шара. Мелькнула мысль: «А вдруг я уже умер? И Алла – тоже?!!»… Но тут вдруг я заметил, как вдалеке появилась хрупкая женская фигурка. Она медленно, с усилием, по глубокому снегу продвигалась в мою сторону. А когда приблизилась, я увидел… Елену! Только выглядела как-то странно: волосы растрепаны, босые ноги обуты в зимние сапоги с незастегнутыми «молниями», прямо на ночную рубашку накинута шуба… А синие, озябшие губы прошелестели: «Я спасу тебя! Все равно спасу… Ведь у нас сын растет!..»

И от этого я, должно быть, проснулся. Вагонным вафельным полотенцем вытер пот со лба, шеи, груди. Вздохнул. И подумал, что этот кошмар навеян духотой в купе. Я поднялся. При синем свете ночника быстро оделся. И отправился курить в тамбур. А часа через три мой поезд остановился на Курском вокзале… И вдруг какой-то мальчишеский восторг наполнил мое сердце только оттого, что я вернулся в Москву.

В редакции, как всегда в такую рань, еще никого не было. Я поставил чайник. Позавтракал жареной курицей, бутербродами, кофе. И принялся разбирать бумаги на своем столе, - должно быть Алексей Алексеевич оставил их, как всегда, задержавшись в редакции вечером в пятницу. И опять это были письма читателей, мелкие информации, правдивость которых надо было проверять, жалобы на происки мелких и крупных чиновников в русской

«глубинке», наконец, большими, но, как говорится, никакими статьями… Поэтому я взялся за работу. А через час редакционная комната наполнилась сотрудниками. Не было только Алексея Алексеевича.

Борис, хохотнув, сверкнул золотым и объявил: «По праву заместителя главного редактора прошу всех приступить к работе.»

Что и было сделано. Алексей Алексеевич появился только перед самым обедом. Хмуро обвел редакцию взглядом. Не присаживаясь за свой стол, протер стекла очков носовым платком. Тихо проговорил: «Наш водитель уехал за картонными коробками. А всех сотрудников я прошу собирать свои бумаги, документы, личные вещи. К вечеру все должно быть готово к переезду.»

- К переезду?..

- Почему?..

- Куда?.. – раздались удивленные голоса.

- На улицу Мархлевского. В Московское отделение общества по охране памятников культуры. Почему? Времени нет долго разговаривать… Поэтому постараюсь объяснить покороче. Утром меня пригласили в правление Общества по связям с соотечественниками за рубежом. И объявили мне о прекращении аренды помещения для нашей редакции Оказывается, вчера здесь побывало несколько возмущенных делегаций…

- Делегаций?..

- Возмущенных?..

- Чем?..

- В воскресенье?..

- Несколько?... – опять послышались вопросы сотрудников.

- Прошу не перебивать. После нашей последней публикации о масонах так называемая общественность всполошилась. И наиболее титулованные ее представители,

которым правление не посмело отказать, попросили принять их именно в воскресение.

- После того, как сегодня утром меня известили о решении правления освобождения нами помещения, я, не заходя в редакцию, принялся искать, что называется, выхода из создавшегося положения. И, вот, только нашел…

- Да-а-а, – протянул Борис, - подсуетились «братки».

- А что ж вы хотели? – грустно усмехнулся Алексей Алексеевич.Он уже начал собирать бумаги: «Прислали своих жалобщиков на «Русский Вестник» чуть ли не из всех инстанций! После статьи Олега Анатольевича о делателях переворота семнадцатого года… Тайных и явных… Нынче все повторилось. «Ходоки» пришли, например, от Академии наук… Заступались за кадета и масона из «Союза освобождения»… академика Вернадского… Какже?! Светило мировой науки! Вели-и-икий ученый»

- Профессора Владимира Ивановича Вернадского?! Он же - наш национальный гений?! Я не читала эту статью! Как же вы, Алексей Алексеевич, мне не показали хотя бы верстку?! Ведь я курирую науку! – воскликнула и прижала ладони к щекам наша редакторша по науке.

- Просили же: не пе-ре-би-вать! – повысил на нее голос Борис.

Алексей Алексеевич вроде, как бы и не слышал. Продолжил: «Оскорбились «ходоки» и за псевдоисторика Ключевского из Парижской ложи, иных, с позволения сказать, вольных каменщиков от науки.»

- Вольных от науки?! – хохотнул Борис.

- Именно! - одобрительно улыбнулся Алексей Алексеевич. Он уже взял себя в руки: «Извращающих науку!.. Как их хозяин, враг рода человеческого… Из Союза писателей, Министерства культуры и Государственного Комитета по печати, еще какой-то конторы книжной промышленности – за активистов ложи «Люцефер» Андрея

Белого, Валерия Брюсова, Вересаева-Смидовича, Вячеслава Иванова, Максимилиана Волошина, Сашу Черного, - к слову, настоящая его фамилия Гликберг, - из ложи «Свободная Россия», Мережковского и Зинаиду Гиппиус из ложи Великий Восток Франции, розенкрейцершу Анастасию Цветаеву…»

- Но ведь ее воспоминания такие православные, такие художественные! Такие трогательные! До слез! Необычные! Мне давали почитать на ночь! – опять подала голос редакторша от науки. Но тут же, поймав взгляд главного редактора, потупилась. Выдохнула: «Простите…»

- «Лю-у-у-уцифер»?! Прости, Господи! Спаси и сохрани! – мелко и часто закрестилась машинистка.

- Это еще что?! Из Союза кинематографистов возмущались нашим упоминанием Сергея Эйзенштейна, еще в самом начале двадцатых годов, вступившего в масонскую ложу «Орден Света»! – хмыкнул Алексей Алексеевич.

- Теперь понятно, по чьему заказу он «Потемкина» сфабриковал! – не удержался я. Но на мою реплику Алексей Алексеевич только кивнул: «Приходили из Генерального штаба! Обвинили нас в клевете на Брусилова, Алексеева и иже с ними, предавшими Присягу… А ведь одни тайно помогали врагам России, другие явно перешли на службу большевикам… Делегаты от Комитета ветеранов партии вообще говорили, что нас расстрелять надо, как в семнадцатом - контрреволюционеров! Ну, ладно, мол, упомянули в газете, что Блюмкин, Бухарин, Зиновьев, Каменев были масонами. Но мы-то опубликовали, что Луначарский состоял в ложе Великий Восток Франции! Посягнули на их «святая святых» - Ленина, упомянув, мол, о его возможном членстве во французских «Белиль» и «Искусство и труд», в какой-то английской масонских ложах… Впрочем, с ветеранами КПСС единодушны и

потомки эмигрантов, которые вернулись в Россию после прихода к власти Горбачева с компанией. Эти обещают подать на нас в суд, за оскорбление чести и достоинства их предков… Так сказать, их «светлой памяти»! Я поинтересовался фамилиями оных… Большинство - из наших списков масонов…»

- И как же они сговорились придти в один день и час? – хмыкнул я.

- А что ж? Руководство общества по связям с соотечественниками за рубежом не знает об этом? Почему, выгоняя нас, послушали каких-то богоборцев? – удивился Юра. Вместо главного редактора ответил Борис: «Знают! Еще как знают! Поди, в одной ложе состоят! Не зря ж «зарубежники» явились! И ведь, надо же! И недели не прошло, как номер вышел в свет, а они уже знают, обсудили. Поди и с заморскими хозяевами созвонились! И прискакали! Дабы уведомить здешних «братьев» о воле гроссмейстеров.

- Уведомили… И, поди, сребреники свои получили! Вот и моют друг дружке руки! – подал голос я.

- Не руки! А лапы! И не моют, а лижут… Прости Господи! – вдруг звонко проговорила машинистка.

- Алексей Алексеевич! А делегации от банкиров не было? Их тоже – в ложах, как собак нерезаных! - сверкнул золотым зубом Борис. И тут же снова спросил: «А от железнодорожников никто не приходил? Им-то в самую пору обидеться за однофамильца Ломоносова! Инженера путейца! Генерал-майора! Начальника управления Русских дорог! Я тут посмотрел некоторые материалы… Этот «крендель», оказывается, подметки рвал в заговоре против Царя, сотрудничал с большевиками, а после семнадцатого года пособничал Красину в тайной продаже Русского золота за границу. Тут самое время Министерству путей сообщения обидеться на нас! Зато теперь Россия знает своих «героев»!

Алексей Алексеевич! Так вы не сказали: делегаты от МПС приходили?»

Все засмеялись. И почему-то - с облегчением. Алексей Алексеевич махнул рукой: «Даже не знаю. Я их, а они – меня, слава Богу, не видели. А то действительно, расстреляли бы!.. Но… Давайте собираться к переезду. Машину я тоже уже заказал. Казаки обещали помочь! Что ж? Они прибудут, а у нас – конь не валялся!»

- *Блаженни изгнанни правды ради..,* - громко прошептала машинистка. Перекрестилась. И ушла к себе в коморку собирать свой нехитрый багаж. А скоро приехал и наш водитель с большими картонными коробками, куда мы довольно быстро сложили бумаги, книги, другие редакционные вещички. А тут и знакомые уже казаки приехали. И скоро весело, незлобливо перешучиваясь, загрузили редакционным имуществом небольшой крытый фургон. Правда, от некоторых их шуток наши дамы опускали глаза, а машинистка даже краснела. Хотя по современным меркам в шутках не было ничего пошлого, а тем более «гнилого»… Ну, как, например, в казачьей песне про пчелочку златую… И уже через пару часов по крутым, старинным, скрипучим, потертым, словно отполированным, ступеням, мы вносили коробки с бумагами, канцелярскими товарами со всякой бытовой мелочью, пишущие машинки на антресоли действительно старинного, казалось, разваливающегося двухэтажного особняка на улице Мархлевского. Наших редакционных женщин Алексей Алексеевич, конечно, сразу отпустил по домам. Но в помощники нам вызвались здоровенный, с проседью в волосах курчавой головы и бороды мужик и худощавый старик в обветшавшей доперестроечной униформе вневедомственной охраны. Первый всякий раз опережал второго, подхватывая перед самым носом того коробку потяжелее. И весело прыгал вверх с грузом в руках через

две-три ступени. Мы старались делать так же. Алексей Алексеевич командовал на антресолях, где Юра и наш водитель в трех комнатах расставляли коробки около старых обшарпанных письменных столов, любезно, как я понял, предоставленных нам дирекцией Московского общества.

«Вот так! Русская патриотическая газета даже мебели своей не имеет! Зато как жируют всякие «масонские козломольцы», и «общества по связям с соотечественниками за рубежом» - горько екнуло в моем сердце…

А еще через час мы все сидели за двумя сдвинутыми столами, накрытыми оберточной бумагой, на которой стояли две бутылки коньяку и нехитрая холостяцкая закуска, должно быть, заранее закупленная Алексеем Алексеевичем. Он, поднимая свою стопку с соком, хмыкнул: «Завтра, после наведения порядка, для наших дам устроим чаепитие с пирожными… А мы сегодня, так сказать, по-мужски… По-холостяцки!»

Как выяснилось за столом, здоровенного бородача, оказавшегося, по его же словам, комендантом здания, величали Егором Николаевичем, а старенького охранника – Глебом Борисовичем. После третьей стопки молоденький казак спросил: «А кто это? Мархлевский? Фамилия, вроде как благородная…»

Егор Николаевич резко крутанул головой. Хмыкнул: «Такая же благородная, как у тех же Дзержинского или Урицкого… Прости, Господи! Ох! Не хочется его к ночи поминать… Как, к примеру, Герострата. Но, коли юноша спросил, отвечу… Звали Мархлевского Юлианом… Папенька был, как написано в истории КПСС, обедневшим шляхтичем. Маменька – купчиха! Тоже – не из богатых! Но тут же выставляются и рога: как обедневший шляхтич-купчишка мог учиться и закончить Цюрихский университет. Дальше - еще занимательнее. Мархлевский

был одним из создателей Союза польских рабочих, а затем и социал-демократии Королевства Польского. На какие гроши? Думаю, что дали «боши»… Ха-ха! В рифму! Правда! И по смыслу – тоже. Редактировал мятежник газеты «Красное знамя», «Социалистический обзор» и «Рабочее дело». Опять же на какие средства? Я – не сквалыга. У меня просто – высшее экономическое образование… И я, и вы, наши газетчики, да и любой мало-мальски грамотный человек прекрасно знает, что всякое издание никогда не бывает прибыльным. Только убыточным! А тут их – три!.. Опять рога выставляются! Друзьями-то его были Роза Люксембург и Ян Тышка… Ну, про первую, я полагаю, все знают… А вот про Тышку… Это – кличка. Настоящее имя – Лео И-о-ги-хес, - тьфу! - и не выговоришь. Во всяком случае, они – террористы. Даже вместе с братом Бланка-Ульянова-Ленина участвовали в подготовке покушения на Государя Императора Александра Третьего Александровича Миротворца. Кое-кого, как Бланка-Ульянова старшего тогда повесили… А Розе и Яну с некоторыми подельниками удалось бежать… Опять же нужны были гроши! Где ж они брали их? У тех, кому выгодно было уничтожить Россию-Матушку! Вот у них-то в подельниках и ходил Мархлевский. Ездил по всяким сатанинским съездам и конгрессам. Участвовал в создании так называемого Союза Спартака… Простите, я про эту шайку-лейку еще ничего не выяснил… По пионерскому детству, прости, Господи, помню песню «Вперед продвигались отряды Спартаковцев, смелых бойцов…»…Во всяком случае, в пятнадцатом году Мархлевский был арестован в Германии и помещен в лагерь. Однако через три года его освобождают и переправляют в Россию. У нас он опять ведет свою подрывную деятельность, участвуя в Коминтерне и МОПРе…

- МОПР? А что это за зверь? – спросил молодой казачок.

- Расшифровывается, как Международная организация помощи борцам революции, - хмыкнул Борис. Егор Николаевич. Кивнул и заговорил снова: «Но есть один занимательный факт! Осенью девятнадцатого года Мархлевский от имени большевистского правительства вёл переговоры с представителями Пилсудского о приостановке военных действий между Красной Армией и поляками… Они сумели договориться! Поляки приостановили военные действия… Большевики перекинули войска на юг и разбили «белых» под командованием Деникина…»

- Еще бы, – подал голос Борис, - Пилсудский-то был не самым дальним родственником Дзержинского… Как не договориться! По-свойски!

- Вот как?! – даже привстал со своего стула Егор Николаевич, - Действительно… Есть о чем подумать! Спасибо за информацию! Интересная масонская цепочка плетется…

- Егор Николаевич, - подал голос Алексей Алексеевич, - вот мы слушаем вас… Ясно, что вы – человек образованный, культурный, думающий… Так почему же себе такую работы выбрали? Протест?

- И-и-и! – вздохнул тот. Опустил голову. Потер кончиками пальцев лоб. Тихо проговорил: «Я ведь сидел в тюрьме… Освобожден условно досрочно. Мне в экономику дорога закрыта, хотя и закончил Московский Университет с «красным» дипломом.»

- Дорога закрыта? – переспросил Борис. Даже рот приоткрыл: «А что так? Если не секрет?»

- Секрета никакого нет… Просто не люблю говорить об этом, чтобы никому не казалось, что пытаюсь обелить себя…

- Брось ты, Егорка, скромничать! – вдруг подал голос старик-охранник. Н слегка захмелел. И это было видно. Но, как говорят, хорохорился: «Сердцем чую: здесь все – свои!»

- Да-да, – кивнул Алексей Алексеевич, - мне хотелось бы, чтобы у редакции был свой экономист… Автор. Аналитик. Вы читали работы такого Кузь-ми-ча?

- А то! – даже встрепенулся Егор Николаевич. Перекрестился: «Царствие ему Небесное… Профи – от Бога! У меня все его статьи подшиты! Я еще сидел… Так вот, сестренка моя покупала газету… «Воскресение»? Да… Именно так. Брала всегда два экземпляра. Один подшивала дома. Другой мне на зону высылала. У меня были некоторые послабления. Да и начальник лагеря был наш мужик! Разрешал не только самому читать, но и в библиотеку отдавать… В подшивку… Жаль только, что вышло всего пять номеров этого «Воскресения»… Уж очень зубастая газета была! Закрыли, должно быть!

- Вы правы… Убили его, - вздохнул я. Перекрестился: «Царствие Небесное убиенному рабу Твоему, Господи!»

Все за столами последовали мне. А Егор Николаевич выпрямился. Даже как-то окаменел лицом. Жестко произнес: «Значит, надо сменить его на передовой… Помоги, Господи…»

Он перекрестился. Теперь все последовали ему. А он посветлел глазами. Усмехнулся. Смягчился: «Что ж… Коли так разговор пошел, должен я поведать вам всю свою историю. Папа и мама мои погибли в автокатастрофе. С дачи возвращались… КРАЗ с пьяным водителем их под себя подмял… Мы с сестренкой одни остались. Она – десятиклассница, а я – на четвертом курсе Универа… Вечерами подрабатывал. Ночами учил. По выходным блатным «сынкам» курсовые писал. Дачу мы продали. На эти деньги и сводили концы с концами… Олюшке-то тоже продолжать учиться надо было. В Первый Мед поступила…

Диплом свой я написал еще за полгода до окончания Университета. И тут профессор наш, мой научный руководитель Марк Гаврилович, - впрочем, он – такой же Гаврилович, как я – какой-нибудь Улюлюкович, - все охал, ахал, языком цокал… Говорил, что мой диплом тянет чуть ли не на докторскую или даже на открытие. Настаивал, чтобы я статью писал… Я и написал. Он взял почитать. Говорил, что уезжает на курорт, а после приезда поможет устроить в «Вопросы экономики». А потом, мол, можно и на монографию замахнуться… Он уехал. А когда вернулся, принялся бегать от меня. Прошел еще месяц… В октябре я его все-таки поймал. А он вдруг заявил, мол, я – не я, и лошадь не моя… Мол, никакой статьи я ему не отдавал. Я – в архив Универа. А там мне говорят, мол, пропал мой диплом… Я взялся, что называется копать. Оказалось, в учетной карточке последним, кто брал его на прочтение, значится Марк Гаврилович. И тут еще звонит мне бывший однокурсник и говорит, что в «Вопросах экономики» вышла статья «нашего» профессора, которая делает настоящий переворот в науке. И Марку Гавриловичу «светит» если не Нобелевская, то Государственная премия – точно! Бегу, покупаю журнал. А там… - моя статья за подписью Марка Гавриловича. Я, - опять бегом, - в Универ, на кафедру, а меня оттуда в шею! Профессор даже милицию привлек! Ну, скажите мне, кому поверят менты? Ему, заслуженному профессору, или вчерашнему студенту?! А он еще визжал, слюной брызгал, что, мол, я его несколько месяцев преследую. Тут я не удержался. Бог и родители здоровьем не обидели. Раскидал ментов, а профессору – в рожу врезал… Потом оказалось, что лицевые кости ему крепко поломал… Нервы не выдержали… Виноват, конечно. Нанесение особо тяжких телесных повреждений… Так, по-моему, эта статья в Уголовном Кодексе значится. Но следователи меня и слушать не захотели. Адвокат выступал скорее, как

прокурор… Те же «блатные сынки»-однокурсники, которым я курсовые по выходным писал такой грязью меня на суде обливали. А другие, которые в вечной, братской дружбе клялись, по щелям попрятались… Девушка, с которой три года встречался, жениться хотел, тоже открестилась! Нашлись и какие-то другие свидетели, которых я в глаза-то не видел. Получил восемь лет… Но на зоне-то все про новичков знают! Меня и не трогали. Даже жалели… А начальник лагеря поручал всякие экономические расчеты… У него бухгалтер был прапорщик-алкаш. Так я за него все годовые отчеты делал. Помог повысить, как говорится «рентабельность производства», наладить подсобное хозяйство. И через шесть лет – условно досрочно освободился…

- А где сейчас этот вор-профессор? – спросил я.

- И-и-и, - махнул рукой Егор Николаевич, - даже не спрашивайте! Где-то на самом верху Академии наук. Правда, рожу ему хирурги так до первозданности и не исправили. Говорю это вам потому, что не раскаиваюсь я ни в чем. Ведь такие, как этот Марк Гаврилович Россию к пропасти ведут! А вот теперь после исповеди моей решайте, можно ли меня к сотрудничеству в газете допускать. Ведь за псевдонимами я не хочу и не буду прятаться! Писать могу только под своей фамилией! Да, я не каюсь в содеянном, но понял, что гнобить этих марков гавриловичей можно русскими талантами, русскими знаниями! А главное – ни в одной мелочи не идти с ними на сговор! Не верить их байкам! И, если вы доверите, буду денно и нощно молиться, дабы не подвести вас.

- Все мы молимся друг за друга. А вам работать надо. И давайте выпьем за это! – поднял Алексей Алексеевич свою стопку с соком. А Борис разлил остальным остатки коньяку.

Утром, простившись с Еленушкой, я в благодушном настроении ехал в полк. Но, поздоровавшись с дежурным офицером, услышал от него, что должен срочно явиться к командиру.

«Наверное, по поводу моего переезда в казенную квартиру!» - хмыкнул я. И весело вбежал на второй этаж штаба. Однако в кабинете Георгия Александровича, кроме него я застал незнакомого капитана. Скуластого, веснушчатого, с рыжими глазами, - под цвет явно насильно прилизанных на косой пробор волосами. Полковник Мин хмуро взглянул на меня. Кивнул на мое приветствие. А капитану сухо заметил: «Не буду мешать.»

И ушел. А посетитель прошелся по кабинету. Одернул мундир. Обошел большой рабочий письменный стол, пригладил ладонью волосы и вдруг… развалился в кресле командира. Жестом пригласил присесть и меня. Напротив него. Потом минуту-другую сквозь маленькие стекла складного пенсне вглядывался мне в глаза. Наконец, почти не разжимая губ, произнес: «Ну-с… Давайте знакомиться, господин штабс-капитан. Я – следователь по особо важным поручениям департамента внутренних дел Недвигайло Остап Андреевич…»

Я попытался представиться. Но капитан хмыкнул. Раскрывая черную кожаную папку, не глядя на меня, проговорил: «Не трудитесь… Разговор у нас с вами – приватный. Так сказать – не для протокола… Пока… Про вас я знаю все. Или почти все. Но интересует меня только один, так сказать, вопросец.»

Капитан полистал бумаги в папке. И опять, не глядя на меня, спросил: «Ведь вы хорошо знакомы со Станиславом Валериановичем? Да-да. С господином ротмистром, офицером военной контрразведки? Вместе в одном вагоне, даже в одном купе возвращались с фронта?! Да и сейчас поддерживаете самые приятельские отношения?»

- Так точно, – пожал я плечами, - но, по-моему, военная контрразведка…

- Хотите сказать, что не подчиняется нам? – слегка повысил голос капитан. Перебил меня: «Увы! Как боевого офицера и патриота, полагаю, обрадую вас, сообщив, что с некоторых пор при моем департаменте создан специальный отдел, в задачи которого входит расследовать причастность офицеров любого ранга и любого департамента ко всякого рода деятельности, тайно подрывающей устои Империи.»

- И причем же здесь я или Станислав Валерианович? – все еще не мог понять я цель «приватного» разговора.

- Повторюсь: обращаюсь к вам, как к боевому офицеру, Георгиевскому кавалеру, патриоту России, православному христианину, наконец, верноподданному! – не моргая, уставился на меня капитан. Говоря все это, он почти не раскрывал рта: «А посему, вас не могут не возмущать некоторые противозаконные методы ведения ротмистром целого ряда дел против совсем неповинных граждан России и иностранных держав. Говорил ли вам что-либо об этом господин ротмистр? Может быть, какие-то личные мотивы, по вашему разумению, движут им при нарушении законности? Во-вторых, - раскрою все карты, - нам известно, что сынок Станислава Валериановича является членом студенческой антиправительственной организации. Не верится, чтобы папенька ничего не ведал об этих, так сказать, «шалостях» отпрыска. Но поневоле приходится задуматься! Как говорится, яблочко-то от яблоньки недалеко падает… Поэтому спрошу напрямик: можете ли вы показать что-либо по данным вопросам? Знаете ли, дружба – дружбой, а табачок – врозь! Ну и?..

Кровь ударила мне в голову. Но я сдержался. Холодно и четко проговорил: «Если бы мне было известно об антиправительственных действиях господина ротмистра, я бы и сам написал рапорт по команде.»

- Ну, так напишите! – дернул уголками губ капитан.

- Но я таких действий не наблюдал.

- Ох-ох-ох! – вздохнул капитан. В его глазах даже появилась ирония: «Вы, видимо, еще не понимаете всей серьезности обстановки. В Порт-Артуре, на фронте,возможно, вы и совершали какие-то подвиги…»

- Какие-то?! – вспыхнул я. Даже со стула вскочил.

- Не знаю… Мне лично там побывать не посчастливилось… Но, будучи, на службе у генерал-майора Трепова, вы, сударь, сами нередко совершали противозаконные действия. Мне напомнить вам?.. Или еще… Вы участвовали в массовых расстрелах при подавлении рабочего восстания в Москве… Без суда и следствия… Далее… Особняк, которым вы с молодой супругой сейчас владеете, принадлежал известной особе. Но отошла она ко Господу при весьма странных обстоятельствах. И не в слишком преклонном возрасте. Так что, и о вас у нас есть над чем подумать… И о вашей супруге… Вам тоже следует поразмышлять о ней. И о неродившемся еще ребеночке… Как видите, мы много знаем!

- Да как вы смеете?!

- Смею, сударь, смею! В полку вы - без году неделя. Командир еще не может хоть как-то охарактеризовать вас. А возбуждение расследования по вашему персональному делу… Знаете ли, думаю, а не может ли оно поспособствовать изгнанию вас из Лейб-гвардии? Но у вас есть возможность избежать сего позора. Я предлагаю вам показать против известного нам господина ротмистра. Вам даже придумывать ничего не придется. Я продиктую. А вы подпишите…

- Если бы вы, господин капитан, сейчас были не при исполнении служебных обязанностей, я врезал бы вам

пощечину! И не как мужчине. Не как офицеру! А назавтра уже стрелялся бы с вами! – хрипло выдохнул я.

- Вы мне угрожаете?

- Нет, сударь! Но даю честное слово, слово офицера, что исполню свои намерения, если вы не оставите в покое Станислава Валериановича и мою семью. Все ваши обвинения шиты белыми нитками. Не знаю, чьи это происки. Но поверьте, вашу подлость и лживость я сумею доказать!

- Ну-ну-ну! – усмехнулся капитан. Он откровенно смеялся мне в глаза: «Не горячитесь. Я ведь предупредил, что у нас с вами – приватная беседа. К тому же напомню, что ваш дядюшка-адвокат в Москве защищает террористов в суде над оными… На сем, я думаю, мы сегодня и закончим. Но вы все-таки подумайте над моим предложением. Можете быть свободны… Пока…»

Не проронив ни слова, не прощаясь, я не по форме развернулся, чтобы выйти из кабинета командира полка.

- Почему не соблюдаете субординацию?! – злобно окликнул капитан. Он явно не ожидал такого моего поведения: «Я – старше по чину!»

Я обернулся. Хохотнул: «А вот уж и нет! Я – лейб-гвардии штабс-капитан… А вы – просто капитан! Значит, мы равны в чинах! Учите Устав, любезный! Вы не то что в Порт-Артуре не побывали, но и заурядной армейской части.»

И я спокойно вышел. Даже дверью прихлопнул! И тут же столкнулся с полковником Риманом. Он, взяв меня под руку, увел в свой кабинет. Там уже были Георгий Александрович и несколько офицеров. Все вопросительно смотрели на меня. Я пояснил: «Этот капитан попытался сделать из меня доносчика. Фигляра! Ме-э-эрзавец! И, к слову, упрекнул в противозаконных, без суда следствия, по его словам, массовых расстрелах в Москве».

- Полноте, господин штабс-капитан, – вдруг улыбнувшись, махнул рукой полковник Мин, - мы выполняли и Присягу, и приказ. А этот просто пугает.

- Нет-с, господа, – покачал головой фон Сиверс, - это копают под всех нас, а не только под одного князь-Александра…

- А что вы ему ответили? – спросил полковник Риман.

- Пообещал во внеслужебное время дать по роже и вызвать на дуэль, если он не прекратит свои оскорбления!

- Ай, молодца!..

- Эт-т-то по-нашему!..

- По лейб-гвардейски!..

- Правильно Государь Император Петр Первый Алексиевич Великий приказывал рыжих, хромых и косых к власти близко не подпускать!..

- Крыса тыловая!..

- А мы, может быть, сейчас этому петуху темную устроим?.. – раздались веселые голоса офицеров.

- Отставить, господа! – вдруг строго перебил подчиненных полковник Мин. Выдерживая паузу, медленно всех нас взглядом: «Дело нешуточное. Капитан – при исполнении. Но, ежели он пожелает еще с кем-нибудь, пардон, побеседовать, сошлитесь на мой запрет! Пусть приглашает нарочным под расписку в свой департамент. А я тогда поеду к Государю.»

Он повернулся ко мне: «Собирайтесь, господин штабс-капитан! Едем в контрразведку.»

- К Станиславу Валериановичу? – спросил я.

- Так точно. Вы ведь близко дружны с господином ротмистром?! - отозвался командир полка. И через четверть часа мы с ним уже скользили в возке через весь город. Станислава Валериановича застали в его служебном кабинете. Выслушав меня, он нимало удивился. Крутанул головой: «Надо же! А я и не подозревал даже! Ну, что ж…

Это – тоже один из иезуитских методов борьбы против наиболее верных престолу. Спаси Господи за сведения. Как вы сказали фамилия капитана? Недвигайло? Остап Андреевич? Хм… Известная личность! Военная ложа! Подручный того полковника при князе Урусове… Помните по Севастополю… Как вы его тогда окрестили? Хлыстик?! Остроумно! Сам князь Сергей Дмитриевич состоит в Парижской ложе. А «хлыстик» - тоже в военной. Впрочем, все они – руки одного многорукого чудовища. Должно быть, после поражения в декабрьском мятеже выбрали другой вид уничтожения Российской Империи.

- Неужели же Государь ничего не знает об этом? – выдохнул Георгий Александрович.

- А что он может сделать? – в тон ему ответил Станислав Валерианович. смехнулся: «Если даже Великие Князья свою «Великокняжескую ложу» создали! Прости, Господи! Спаси и сохрани!»

- Господи, помилуй! – вырвалось и у меня…

- Успокойтесь, друг мой! Всё – в руце Божией! – улыбнулся Станислав Валерианович.

- Так может быть, мне прямо сейчас поехать к Государю? – предположил Георгий Александрович.

- Не советую… Лучше… Ваше превосходительство.., - на минуту задумался ротмистр. Кивнул, как бы соглашаяс с собстивенными мыслями: «Мой добрый старый духовник сказал недавно, что Государь настолько окружен, - простите за сравнение, обложен, как медведь в берлоге, - слугами врага рода человеческого, то бишь масонами, что бесы просто не допустят вас к Его Величеству. Почему на нас урусовы, гучковы, милюковы, витте и иже с ними с подручными так ополчились? Да потому что они проиграли эту партию с проведением, прости Господи ре-э-эволюции. Даже не столько они, сколько их хозяева из-за рубежа! И теперь решили изменить тактику. А именно: уничтожить

нас, тех, кто может противостоять им по долгу своей службы. И делают сие и физически, и морально. Пока вы были в Первопрестольной, здесь тоже произошли некоторые события. Впрочем, как и по всей Российской Империи.

- Какие же? – крутанул я головой.

- И-и-и, друг мой! В Кронштадте был мятеж! Да та-а-акой! Я сейчас допрашиваю одного из зачинщиков. Сту-у-удентик! Некий Мануйльский. Малоросс. И не глядите, что из семьи священника! Однако сумел подбить матросов и солдат Кронштадта на вооруженное выступление. Уже в конце октября в гарнизоне прошли митинги и демонстрации, спровоцированные эсерами и социал-демократами. Эти мерзавцы требовали непонятно какого улучшения положения нижних чинов, установления демократической республики… Хотя, наверняка, навряд ли митинганты понимают, что сие значит! Кричали и о введении всеобщего избирательного права. Куда избирать? Во что? Кого? Из кого избирать? Это они тоже навряд ли понимали. И почему-то горлопанили об уничтожении сословий. К мятежным матросам скоро присоединились артиллеристы и пехотинцы гарнизона. Особенно бесновались во втором крепостном батальоне. А когда сорок солдат были арестованы, матросы попытались их освободить. Но при столкновении с конвоем двое матросов были убиты. В ответ восстали четвертый и седьмой флотские экипажи, а также учебно-минный и учебно-артиллерийский отряды. К концу дня к ним присоединились некоторые рабочие. Всего в мятеже участвовали около трех тысяч матросов и полторы тысячи солдат. И хотя Кронштадт фактически оказался в руках восставших, все, как и в Одессе закончилось погромами винных складов, магазинов и жилых домов. Есть жертвы среди мирного населения. Женщины. Дети. Старики. Поэтому прибывшие из Санкт-Петербурга и Ораниенбаума войска быстро, но

слишком, с позволения сказать, мягко подавили мятеж. Три тысячи арестованы… Только представьте! Три тысячи боевых единиц. А если бы шла война? Кронштадт до сих пор находится на военном положении. Ведется следствие.

- Но разве сие – дело военной контрразведки? – пожал плечами Георгий Александрович.

- Так точно, ваше превосходительство! – кивнул Станислав Валерианович. И пояснил: «Деньги, затраченные на мятеж, поступили из … Японии. Через агентов. Мы уже вышли на их след. Только бы нам никто не помешал!»

- Но Бог-то Бог!.. – возмущенно воскликнул полковник Мин.

- И-и-и! Ваше превосходительство! Георгий Александрович! Если бы мы все были безгрешны, то и враг не смог бы мешать нам. Но увы… Безгрешен Един Бог, во Святей Троице славимый! А знаете ли что? У вас ведь скоро в полку будет торжественный обед по случаю успешной экспедиции «семеновцев» в Первопрестольную и спасения Отечества от крамолы? Я слышал, Государь со всем Августейшим Семейством прибудет. Вот-с, пойдете курить с Императором, тогда и потолкуете. В непринужденной обстановке… Мы же постараемся, чтобы никто не мешал сей беседе. А вы, ваше превосходительство, не отпустите ли господина штабс-капитана, - кивнул ротмистр на меня, - сейчас со мной. Не скрою. Хочу навестить Димитрия Феодоровича Трепова. С ним посоветоваться…

- Ради Бога, - пожал плечами полковник Мин. И мы распрощались с ним.

По дороге я спросил: «Вы говорили про Кронштадт. Как там наш мичман Алеша? Жив ли? Здоров ли?»

- Я узнавал. Он, слава Богу в походе. По-моему, где-то в Атлантике. А то ведь… Мятежники-то немало и офицеров поубивали. Помяни их Господи во Царствии Твоем, - вздохнул Станислав Валерианович.

- Неужели так серьезно?

- Увы! И если бы не наши генералы… Окружение Государя бездействовало. Якобы, растерялось… Но на самом деле, думаю, что это был саботаж, санкционированный из Лондона, Берлина, Токио. Для того, чтобы лишний раз обвинить Его Величество во всех смертных… Однако, благодаря решительности настоящих генералов, верных престолу, коменданта крепости Николая Иудовича Иванова и Димитрия Григорьевича Щербачева, мы избежали еще больших жертв.

- Погодите-погодите! А не тот ли это Иванов, который так лихо бил япошек на Дальнем Востоке? Такой… С купеческой бородой до пояса?

- О-о-он! – улыбнулся Станислав Валерианович. Перекрестился: «Помоги ему, Господи! Старый вояка! Он еще в последней Русско-турецкой войне отличился. А на Дальнем Востоке после гибели графа, генерал лейтенанта Феодора Эдуардовича фон-Келлера, - Царствие ему Небесное, - командовал Восточным отрядом, который потом в Третий Сибирский корпус преобразовали. Знатный артиллерист. И теоретик, и практик! Два Георгия и Золотое оружие!»

- Ну, да! Сказывали, бил япошек и под Ляояном, и на реке Шахе, и при Мукеенде… А фон-Келлер? Это тот, которого япошки изрешетили тридцатью шестью пулями?

- Точно… И если бы не сессили и куропаткины, не пришлось бы нам тогда отступать!.. Впрочем у нас сейчас здесь враги похлеще японцев! Я вот до сих пор не могу взять большевика Дубровинского! Сбежал в Москву. В подполье. А ведь он – один из организаторов мятежа! Эдакий поднатчик матросов, солдат, рабочих! Тут и другие подсуетились. Из так называемой интеллигенции. По моим сведениям, над мятежниками вместо военно-полевого суда будет проводиться обычный военный суд. И адвокаты тянут

всего лишь девятерых и только лишь на каторгу, а всего полсотни – в тюрьму! Это – из тысяч крамольников, убийц! Ох-ох-ох! Помоги нам, Господи! – вдруг даже как-то сник Станислав Валерианович.

- Полноте, господин ротмистр, – напустил я на себя веселость и бодрость, - прорвемся! Вы про Щербачева не рассказали.

- А что рассказывать-то? Он в Кронштадте разогнал всю пьяную толпу, командуя особым гвардейским отрядом, состоявшим из двух батальонов лейб-гвардии Преображенского полка, двух батальонов лейб-гвардии Павловского полка и батареи лейб-гвардии артиллерийского дивизиона…

А через час мы с ротмистром уж были в Зимнем Дворце. И еще на выходе из него встретили Трепова.

- Рад видеть вас! – бодро ответил он на приветствие. Даже похристосовался с нами: «Господин штабс-капитан! Как служится в Лейб-гвардии? Слышал, что уже отличились в Первопрестольной! Сердечно рад!.. Но, простите! Спешу в Петропавловскую крепость. Потом – в Царское Село… Только что раскрыли еще один заговор! Еще одну попытку покушения на Государя. Погибли двое наших офицеров из личной охраны. Лу-у-учшие! Царствие им Небесное! Хочу обрадовать! Министром внутренних дел наконец-то назначен Петр Аркадьевич Столыпин! Уж он-то наведет достойный порядок!

- Ваше превосходительство! Уделите нам всего несколько минут… И лучше выйдем на воздух. У стен ведь тоже есть уши! – тихо проговорил Станислав Валерианович.

- Особенно здесь! – оглянувшись по сторонам, вздохнул Димитрий Феодорович. Отойдя шагов на десять от бокового крыльца и возка, выслушав нас, он даже резко головой крутанул: «Неймется «товагищам»! Спаси Господи за сведения. Сразу ничего сказать не могу. Но возьму на

контроль. Доложу Государю. Петру Аркадьевичу. Как вы сказали фамилии капитана? Недвигайло? Ишь! Задвигается он у нас! Я лично буду сопровождать Государя к «семеновцам» на торжественный обед. Тогда и потолкуем. А сейчас простите! Служба-с.»

Трепов легко запрыгнул в возок и в сопровождении десятка конных казаков ускользил. А мы с ротмистром, распрощавшись, отправились каждый по местам службы. Но у меня на душе оставалась какая-то туга. И даже выполнение своих непосредственных полковых обязанностей, работа над документами, приказами, расписаниями занятий для нижних чинов не отвлекли от нее.

В трапезной за обедом ко мне подсел Григорий Григорьевич. Заправил за ворот салфетку. Хохотнул: «Что ты, Сашенька, не весел, буйну голову повесил?»

- Да видишь ли.., - вздохнул я… И вдруг рассказал обо всем случившимся. Капитан опять хохотнул: «А ты, друг мой, полюбопытствуй, откуда этот, как его.., Недвигайло родом? С западной или с восточной Малороссии? Ежели с первой, то все понятно… Не люблю я этих западненьских хохлов! Самостийники, прости, Господи! А на самом деле – захребетники у Великороссии! А гонору – точно у петуха в курятнике! Только запамятовали, как их ляхи на колы сажали! И теперь сидели бы на оных, ежели не Российская Империя! Все, как один, - иуды, к ляхам да на Берлин смотрят… А, стало быть, изменники! Я – хоть и называюсь немцем по происхождению. Но ведь – остзейский! И не в первом поколении служу Российской Державе! Присяге! Государю Императору!.. Слушай! А давай этого Остапку проучим! По-нашему! По-кадетски! Чины-то позволяют! Я даже, учитывая гвардейство, постарше его в чине буду! Брата позову. Того же Сиверса! А?

- Давай сначала проверим, откуда он! – благодарно улыбнувшись, ответил я. На сем разговор и завершился… А вернувшись домой, застал там сущий переполох. Прислуга была вся, явно, не в себе. Кланялись мне. Но в глаза никто не смотрел. Взгляды отводили. Как-то неестественно суетились даже… Еленушка выглядела просто расстроенной. На мое недоумение ответила: «У нас с утра десятка два полицейских побывало. Из какого-то нового департамента полиции. Один там больше всех изголялся… Астафьев… Нет-нет… Прости… Асафьев какой-то… Поручик… Я сначала подумала, что кто-то из прислуги в крамоле замешан. Все документы у полиции проверила. Вроде как по закону… Поэтому и разрешила с прислугой беседовать. По одиночке! Но все наши, как говорится, отстрелялись достойно. Вот только Дашенька…

- Что? - насторожился я.

- Ходит после допроса, словно в воду опущенная! Но ты все-таки, Алексаша, объясни мне: что сие значит?

- Самое главное, ты не волнуйся! – взяв себя в руки, приобнял я ее за плечо: «Подумай о ребенке! Господь все управит. Я сегодня виделся и со Станиславом Валериановичем, и с Димитрием Феодоровичем…»

- Вот тебе и не волнуйся! – вспыхнув лицом Еленушка. Даже побледнела: « Ежели ты обратился к Димитрию Феодоровичу и к Станиславу Валериановичу, значит, произошло что-то из рук вон выходящее! Ну-ка, рассказывай!»

- Моя милая женушка опять стала строгой сестрой милосердия! Укольчик не желаете мне сделать, милостивая государыня? Поболезненнее! – попытался отшутиться я. Но Елена только строго покачала головой. И поэтому я сказал: «Давай, я сейчас поговорю с Дарьей. И ты, присутствуя при сем, все поймешь сама. Не будем терять времени.»

Елена позвонила в серебряный колокольчик, который теперь всегда, когда она бывала дома, был при ней, подвязанный к пояску платья. Явившейся на призыв пожилой горничной повелела: «Голубушка, пожалуйста, пригласите Дарью в кабинет. Нам надо поговорить с ней.»

- Надо-надо, ой, как надо, ваше превосходительство! – вдруг, поджав губы и опустив глаза, отозвалась горничная. Быстро, почти бегом, вышла. На бегу только бросила: «Девка места себе не находит!»

Она ушла. А мы с Еленушкой прошли в кабинет. Я вспомнил сразу баронессу. Уж она-то быстренько нашла управу на всяких недвигайло-астафьевых-асафьевых! Поставила бы на место! Я перекрестился. Помянул ее превосходительство и сел за письменный стол. Жена опустилась в кресло.

В кабинет вошла миловидная, стройная, опрятная девица лет двадцати, не более. По моему немому приглашению присела в поклончике. Но в глаза не глядела. Я спросил ее: «Дарья, расскажите, как вы оказались на службе в доме ее превосходительства баронессы»

Девица, не поднимая глаз, пролепетала: «Мой тятенька служил в полку под началом их превосходительства среднего сыночка их превосходительства баронессы. Но опосля какого-то дела захворал… И отдал душу Богу… Мамка за ним вскоре последовала. Нас, деток, пятеро осталось… Я – средняя. А потом изба наша на селе сгорела… Их превосходительство, баронесса, нашла нас. Всех устроила. Братьев - по ремесленному делу. Старшая сестрица порешила в монахини постричься. А я, вот, здесь оказалась.»

- Добро, - кивнул я, - и как тебе служится? Есть ли в чем нужда какая?

- Помилуйте, ваше благородие! Какая нужда?! Как сыр в масле катаюсь! Как у Христа за пазухой…

- Коли так, то скажи, как перед Богом: о чем с тобой господин поручик толковал сегодня? - как можно мягче проговорил я.

Дарья вдруг закрутила головой по сторонами, словно боялась, мол, кто-то может подслушать. Упала на колени. Залилась слезами: «Помилуйте, ваше благородие! Ведь их благородие господин офицер, который дознавался, обещался на каторгу, в Сибирь, меня отправить, ежели откажусь про вас и ее благородие, барыньку, вашу, жену, раз в седмицу доносить… И не просто доносить, а писать на бумаге… По его указке!

- А за что ж он тебя в Сибирь обещал отправить? – подала голос Елена.

- Как же-с?! Говорил, что старший братец мой, Митяй, с крамольниками связался. С мятежниками давишними. С револьвертами всякими бегает! С бомбами! За это, как сказывал господин офицер, вместе с Митяем заарестует меня и отправит. Сибирь-то! В ка-а-андалах! – всхлипнула она.

- Значит, получается, что если ты на нас с княгиней доносы писать станешь, то он твоего брата, будто бы мятежника, и тебя не станет арестовывать? – усмехнулся я.

- Ей Богу: так и обещался! – перекрестившись, вытерла слезы Дарья. Но тут же снова заплакала.

- А когда ты в последний раз старшего брата видела? – спросила Елена.

- Как же-с?! На прошлой седмице. Он в воскресный день, как и я, в церкву на Причастие пришел. Благостный такой был… Добрый! Говаривал, что его мастером хотят назначить. В заводе, где робит…

- И на каком же это заводе? – спросил теперь я.

- Как же-с?! На электрическом… На Мойке…

- Написала ли ты что-нибудь про нас? – спросила Елена.

- Не-э-э-ту! – замотала головой Дарья. И снова вытерла слезы, выступившие у нее на глаза: «Господин офицер велел придти послезавтра к нему в околоток. И там, говаривал, он мне скажет, что написать. А я, видит Бог, не желаю пакостить! Вы уж простите меня, Христа ради! Не гоните вон! Я ведь, как на духу призналась!»

Мы переглянулись с Еленушкой. Она, встав с кресла, подошла к Дарье, приподняла ее с колен. Обняла за плечи: «Спаси тебя, Господи, за правду… Только теперь, чтобы тебе избежать греха, надобно уехать… В имение… Успокоишься. Отдохнешь. А на брата твоего, я полагаю, поручик лжет! Но мы сие проверим.

- Как это лжет?! – даже вскинулась девица. Перевела взгляд с Еленушки на меня: «Он же – их благородие!»

- Увы, Дарьюшка, – погладила ее по головке Еленушка, - и такое бывает! Ступай. Собирай свои пожитки. И завтра затемно отправишься в имение. Там тебя его благородие, господин поручик, не найдет.

- А где ж я робить стану? – даже откинула назад головку девица. Слезы на глазах просохли: «Господь-то велел хлебушек добывать в поте лица своего!»

- А где сама пожелаешь! – улыбнулась жена. И загибая пальцы, перечислила: «Хоть на скотном дворе, хоть на птичнике… Хоть в прядильной. А хоть – по дому. Я старосте отпишу. Брата мы твоего найдем. И, полагаю, он навестит тебя. Скоро.»

Дарья упала на колени. Опять заплакала. Принялась целовать руки Еленушке. Но та снова подняла ее. Только и сказала: «Ступай с Богом.»

На этом разговор и завершился. Жена опять опустилась в кресло. Твердо сказала: «Ну вот, дорогой мой, а теперь и ты расскажи, что все сие значит? Как я понимаю, дело нешуточное.»

- Ты просто повторила слова Станислава Валериановича! Расскажу, если ты обещаешь не волноваться!

Жена кивнула. И я честно рассказал. Еленушка, молча, выслушала. Перекрестилась. И только сказала: «Бог не выдаст, свинья не съест…»

…Удивительно, но две седмицы до Рождества Христова и до полкового праздника в моем доме более никто из нового Департамента полиции не появлялся. Не заезжал в полк и капитан Недвигайло. Еленушка вместе с другими офицерскими женами хлопотала по хозяйству. Ведь столы должны были накрыть на весь полк. И на нижних чинов – тоже. Кроме полковых кашеваров, на кухне подвизались повара из «Астории» и даже из Зимнего Дворца. А мы, офицеры, несли свою повседневную службу. Кроме того, раз в день ездили к портным, на примерки новых парадных мундиров, в которых должны были предстать пред Государем Императором на торжестве. И когда я увидел своих сослуживцев в темно-синих с алой грудью мундирах с золотыми эполетами и погонами, в киверах, поневоле залюбовался. Даже сердце зашлось: «Неужели и я так же выгляжу?!» Еленушка тоже всплеснула руками, едва взглянув на меня, когда я вернулся домой: «Ах! Какое чудо! Ты - просто красавец!.. Гва-а-а-ардеец! Я снова влюбляюсь в тебя!.. Как тогда… В санитарном поезде…»

…С раннего утра весь полк выстроился на плацу в ожидании Его Величества и свиты. Отдельным каре встали одинокие престарелые ветераны полка, инвалиды, доживающие свой век в богадельне, построенной еще в прошлом веке кем-то из командиров. А на самом левом фланге выстроились воспитанники и воспитанницы сиротского приюта при полку. Позади строя собрались жены, дети, другие сродники «семеновцев», просто приглашенные. Там же я заметил и Станислава

Валериановича. Где-то среди них стояла и Еленушка. Но не прошло и полчаса, как прискакал вестовой и сообщил Георгию Александровичу, что Государь Император всего в четверти часа пути от нашего расположения. Наконец, в ворота, украшенные еловыми ветками, гирляндами, искусственными цветами, въехали несколько крытых возков-карет, окруженных сводной казачьей сотней собственного конвоя Его Величества. Полковой оркестр грянул Гимн. Я оглянулся по сторонам. И у офицеров, и у нижних чинов на лицах вспыхнул румянец, а в глазах появился блеск востроглаза. Да и у меня самого сердце заколотилось, словно в детстве, когда папенька дарил мне что-то о чем я давно мечтал.»

И вот, из переднего возка вышел Государь Император. Огляделся. Следом за ним из своих возков вышла Государыня Императрица, Великие Княжны, генерал Трепов и еще кто-то из свиты, - издали было не разглядеть. Правда, они остались стоять на месте, тогда как Государь направился к нам. Над плацем пророкотала команда полковника Мина: «По-о-олк! Ра-а-а-вняйсь! Смирно-а-а-а! Ра-а-а-внение направо!»

И несмотря на некоторую тучность, Георгий Александрович легко и звонко, под звуки полкового марша, отчеканил строевым шагом навстречу Его Величеству. «Квадратным» голосом доложил о построении полка. Государь Император вышел на середину перед строем. Не очень громко, но четко и слышно поздоровался: «Здравствуйте, молодцы-семеновцы!»

- Здравия желаем Ваше Императорское Величество! – прогрохотало над плацем.

- Благодарю за службу!

- Ур-р-р-ра-а-а-а! – разнеслось далеко по окрестностям. Да так, что вороны, голуби, другие птахи испуганно, - а может быть, и торжественно, словно для парада, - поднялись

в небо. А с колокольни полковой церкви в высь полетел переливчатый звон. Конвойная сотня рассыпалась по внутреннему периметру забора расположения полка. Тут и Августейшая Семья, и вся свита подошли и встали позади Государя. А Он, приняв из рук какого-то генерал-адъютанта красную сафьяновую папку зачитал Приказ о присвоении полковнику Мину генеральского чина и награждении офицеров орденами. При этом лично прикреплял на грудь каждого награду. И тут я услышал свою фамилию. Чеканя шаг вышел из строя. Подошел к Государю. Приколов мне на грудь орден святого Станислава Третьей степени, Он вгляделся в мое лицо. Улыбнулся: «А ведь мы уже знакомы, господин штабс-капитан? Помнится, вы под командованием Димитрия Феодоровича служили?»

И Он обернулся на генерала Трепова. Тот утвердительно кивнул.

- Так точно, Ваше Величество, - резко склонил и тут же выпрямил голову я.

- Почему же перевелись из Департамента?

- Переведен в Лейб-гвардии Семеновский полк Министром внутренних дел для дальнейшего прохождения службы, Ваше Величество.

- Благодарю за службу, - почему-то грустно улыбнулся Государь одними лишь глазами цвета живого неба.

- Рад стараться, Ваше Величество!

- Поздравляю с награждением.

- Рад стараться, Ваше Величество!

- Вставайте в строй.

- Есть! – и я снова отчеканил шаг. Встал на свое место. Сердце мое рвалось из груди от восторга: надо же, получил награду из рук самого Государя Императора. Да я сейчас готов был жизнь отдать за Него! За Помазанника Божиего! Готов был расстрелять любого, кто посмел бы покуситься на Его Величество!

Награждение длилось долго. После офицеров Государь вручал медали нижним чинам. Почти всем, кто участвовал в Московской экспедиции. И почти у всех я увидел слезы восторга на глазах. Казалось, живое небо из глаз Государя выплеснулось и вливалось в глаза, в самые сердца и души «семеновцев». А во рту я вдруг почувствовал вкус Святого Причастия… Поначалу испугался: не кощунствую ли? Но подумал, что Русский Царь – Помазанник Божий! Стало быть, и вкус этот – от Бога!

После награждения несколько нижних чинов вынесли перед строем походный алтарь. И наш батюшка отслужил благодарственный молебен. А вместо хора пел весь полк. И снова сердце мое рвалось из груди! Потому что с нами пел Сам Государь! И все Августейшее Семейство! Какое же это счастие – молиться вместе в Русскими Царем, Царицей, Великими Княжнами! Слиться с ними в молитве в единое целое! В Пречистое Тело Христово!

Но вот прозвучала команда полковника Мина: «К церемониальному маршу! Повзводно! Равнение направо! На одного линейного дистанции! Первый взвод прямо! Остальные направо! Ша-а-а-гом марш!»

И вновь заиграл полковой оркестр. Вновь под звуки марша Лейб-гвардии Семеновского полка перед Государем проплыло боевое знамя. Вновь в такт музыки и нашим ликующим душам мы чеканили по брусчатке шаг. А Царь, приложив руку к папахе, улыбался. Однако ко всеобщему удивлению Он, слегка отстранив от себя полковника Мина, направился вслед за нижними чинами в их трапезную. И, как потом рассказал дежуривший в этот день фон Сиверс, на глазах у всех снял пробу пищи из солдатских котлов. А на пороге офицерского собрания Его Величество и всю Августейшую Семью хлебом-солью встретила юная дочка Георгия Александровича Наташа. Государь отломил

кусочек. Обмакнул его в соль и, откусив, протянул остатки Государыне и Великим Княжнам, дочкам.

Наконец-то после молитвы перед трапезой все расселись за столами. Рядом со мной сидела Еленушка. А за ней оказался Станислав Валерианович. Я разглядывал приглашенных, сидевших вместе с Государем за главным столом. Командиров Лейб-гвардии Преображенского и некоторых других полков, а также генерала Иванова, о котором недавно толковал с ротмистром, узнал сразу. Но вот статного господина с высоким лбом, умными светлыми глазами, - тоже цвета живого неба, - с закрученными по-кавалерийски усами, в белом кителе без погон и с голубой лентой через плечо, никак не мог вспомнить, хотя видел не впервые. Наклонившись через Еленушку в сторону Станислава Валериановича, хотел, было, спросить о незнакомце, но тут Государь встал, чтобы провозгласить тост. И предложил выпить во благодарению Господу Богу. Даже дамы поднялись со своих мест. Они, конечно, пили шампанское… Еленушка – сок.

Все принялись за закуски, которые, как я узнал по секрету от супруги были приготовлены по домашним рецептам жен офицеров-«семеновцев». И, надо признать, были очень даже недурны! Между закусками я спросил Станислава Валериановича о незнакомце в белом кителе.

- Друг мой, – улыбнулся ротмистр, - это же Петр Аркадьевич Столыпин!

- А что ж никого из Великих Князей нет? – вступила в разговор Еленушка. На сие Станислав Валерианович грустно улыбнулся. Развел руками: «Увы! Великие Князья в большинстве своем считают действия «семеновцев» в Москве и «преображенцев» в Кронштадте, простите, цитирую, нецивилизованным зверством! Впрочем, «поют» с чужого голоса… Точнее с чужих голосов западно-европейских и заокеанских демократов. Разумею масонов.

Но представьте, как поступили бы промасоненные правительства тех же Американских штатов, Англии или Германии, если бы у них случились подобные мятежи! Про Японию я уже и не говорю! Вспомните, друзья мои, о том, что в одной «цивилизованной Англии за один день могли повесить семьдесят тысяч человек… Однако не будем сегодня о грустном!»

На этом разговор и завершился… А напротив щебетали жены полковых интенданта и доктора. Первая чуть ли не захлебывалась от восторга: «Ах! Какой голос у этого Феодора Шаляпина! И не смотрите, что из простых мужиков! Всем басам – бас! Я на святителя Спиридона слушала его Сусанина в «Жизни за Царя»… Плакала! И представьте поет одинаково и на выдохе, и на вдохе! Уникум! Право слово, уникум!..»

- Но помилуйте, Елизавета Феодотовна! - вскинула брови вторая. Даже поморщилась: «Да! Голос у Шаляпина, на самом деле хорош! Сочен! Могуч! Однако я слышала, что он пел «Дубинушку», в которой призывал оную поднять на «попов и господ», прости Господи! То бишь – на нас! Гений и злодейство, как сказал наш векликий поэт, – вещи несовместимые!..»

- Голубушка, – прикоснулся к локтю супруги доктор, - не суди строго! Шаляпин еще довольно молод. Многое не понимает! В голове еще винегрет! Остепенится! Талант в нем поборет то, что называют мальчишеским максимализмом. А потом… Кто у нас сейчас в искусстве? Декаденты… Революционеры… Какие-нибудь Пешковы-Горькие… Брюсовы, Мережковские, Андреевы… Или еще кто… Демонократы! Вот и вбивают в головы молодежи всякую чертовщину, прости Господи!

- В пост и – в театр! – чуть слышно хмыкнула дама, сидевшая рядом со мной, но почему-то без кавалера. Однако жена интенданта услышала. И тут же парировала: «Не

скажите, милочка! Мой духовник говорит, что в пост нельзя смотреть или слушать какие-нибудь фривольные, возбуждающие на грех, развлекалочки. А «Жизнь за Царя» - очень православная опера! Пробуждает самые лучшие патриотические, верноподданнические, ежели желаете исповеднические чувства! Я с собой даже дочку и сына в театр брала. У Светочки слезы на глазах стояли, когда Шаляпин запел, помните, «чу-у-у-ют правду…»! А сынок на следующий день в гимназии даже подрался с отпрыском одного аптекаря, когда тот сказал дурно о Государе.

Елена, впрочем, как и Станислав Валерианович с интересом прислушивалась к разговору. Поэтому мы и не разговаривали между собой.

- Да-да! – подхватил какой-то статский из гостей, сидевший рядом с доктором, - Доложу я вам, судари и сударыни, что сейчас Русское национальное искусство поднялось на небывалую высоту. Взгляните, к примеру, на живопись! Передвижники, пардон, в подметки не годятся Михаилу Васильевичу Нестерову!

- Чем же вам не по нраву передвижники?! – даже откинулся назад доктор.

- Да они же, в большинстве своем, одну грязь показывают, словно сие и есть жизнь всего Русского народа! – в тон ответил статский. И даже смешно потряс ножом и вилкой, которыми только что пользовался: «Сейчас, государи мои и… государыни.., - самый рассвет национального искусства! Разумею: Русского искусства! Непременно сходите послушать оперы Римского-Корсакова. Непременно-с! Это – сказка! «Садко», «Сказание о невидимом граде Китеже», «Сказка о царе Салтане»… А Мусоргский с его «Псковитянкой»?! А в живописи?! Я уже говаривал о Нестерове. Сходите в Академию художеств! Посмотрите! Его полотна «Призвание Михаила Феодоровича Романова на царство», «Встреча

царя Алексея Михайловича с Марией Ильиничной Милославской», «Поход московского государя пешком на богомолье в XVII веке», «Свадебный поезд на Москве в XVII веке». «Царевны», а потом картина «Христова невеста»! Вы только вглядитесь! Последняя работа живописца дала начало целой веренице изображений девушек и женщин с чуткой, одинокой душой, полной внутренней красоты и страдания. Ведь Нестеров создал совершенно новый поэтический образ, насквозь русский и народный. Это вам не брюловские «светские львицы» на породистых лошадках в окружении столь же породистых собачек! Здесь впервые Михайло Васильевич изобразил неброскую красоту среднерусской природы. Этот уникальный тип пейзажа, - лирического, лишённого внешнего лоска и ярких красок, проникнутого любовью к России! Неизменные составляющие оного - повторяющихся в бесконечных вариациях на его картинах — это тонкие белоствольные берёзки, чахлые ёлки, приглушенная зелень весеннего или осеннего леса, алые гроздья рябины, вербы с мохнатыми, бархатисто-серыми серёжками, еле заметные цветки, бесконечные просторы, открывающиеся с холмистых берегов реки и тихие, неподвижные воды с отражающимися в них словно задремавшими, но могучими, как Васнецовские три богатыря, лесами. И еще я полагаю, на полотнах Нестерова одухотворённая природа сливается в гармонии с лирическим настроением изображенных героев, сопереживает их судьбе… А картина «Пустынник»?! А «Видение отрока Варфоломея»? Право слово! Я после того, как увидел сие произведение не смог не съездить в Свято-Троице-Сергиеву Лавру, чтобы поклониться мощам великого печальника Земли Русской святого преподобного Сергия игумена Радонежского. Однако напомню вам следующие полотна Нестерова: «Молчание», «Лисичка»,

«Тихая жизнь», «Обитель Соловецкая», «Мечтатели», «Соловки»…

- В Лавру-то пешком-с хаживали? Как Цари!? – хмыкнул интендант.

- - Увы-с! Служба не позволила! Каюсь! – вздохнул статский,. И перекрестился: «Но все одно: доехав до Свято-Троице-Сергиевой Лавры в карете, ощутил там такую благодать! Отдохновение для души! И, признаюсь, до сих пор живу этим благостным чувством»

- Можно подумать, что у нас единственный живописец Нестеров..., - опять хмыкнул интендант: «Но уж коли вы – столь просвещенный знаток искусства, то что скажете о литературе? Наше время не зря окрестили «серебряным веком Русской поэзии»! Что скажете о творчестве Валерия Яковлевича Брюсова? Или о нашем гении Льве Николаевиче Толстом? Или об Андрее Белом? Или о Зинаиде Николаевне Гиппиус? Или о братьях Мережковских? Или о Константине Димитриевиче Бальмонте? Или о Леониде Николаевиче Андрееве? А?

И тут неожиданно подал голос Станислав Валерианович: - Простите, сударь, что вмешиваюсь в ваш спор, но хочу уточнить: Лев Николаевич Толстой - богоборец, поклонник Талмуда, масон далеко не в первом поколении. А после последних событий в Санкт-Петербурге, Москве, Кронштадте изволил написать и издать свой безбожный пасквиль «Не могу молчать». В оной, с позволения сказать, работе он клеймит позором, едва ли не проклинает Царя, Правительство, в том числе и полк, в коем вы имеете честь служить. Почитаемые же вами поэты и прозаики, коих вы изволили упомянуть, входят в масонскую ложу, прости Господи, «Люцефер»…

- «Люцефер»?! Так что ж?! Они врагу рода человеческого поклоняются?! Господи помилуй! – перекрестившись, воскликнула жена доктора. Ей

последовали и другие, слушавшие разговор. Интендант вспыхнул лицом. Буркнул: «Опять эти небылицы про жидо-масонский заговор!»

Хотел еще что-то сказать, но тут с рюмкой в руке со своего места поднялся Столыпин. Вопросительно взглянул на Государя. Тот кивнул. Петр Аркадьевич поклонился на три стороны. И заговорил: «Господа! Дамы! Невинно убиенный Государь Император Александр Третий Александрович Миротворец, - Царствие ему Небесное, - в своем завещании заповедал нам, что у России есть только два союзника: ее Армия и Флот. История последних лет показывает, что армию нашу не могла, - в большинстве своем, - подточить ржавчина революции, что материальные ее запасы восполняются, что дух ее прекрасен, а я думаю - и несокрушим, потому что это дух народа. Но история революции, история падения государств учит, что армия приходит в расстройство тогда, когда перестает быть единой, единой в повиновении одной безапелляционной, священной воле. Введите в этот принцип яд сомнения, внушите нашей армии хотя бы обрывок мыслей, о том, что устройство ее зависит от коллективной воли, и мощь ее уже перестанет покоиться на единственно неизменяемой, соединяющей нашу армию силе — на власти Верховной. Доброе свидетельство правоте сих слов – пример вашего, славного Лейб-гвардии Семеновского полка, соратников «преображенцев», других верных престолу воинов Святой Руси, которая нынче, увы, тяжело больна. Настолько, что помочь нам может только хирургическое вмешательство. Этими хирургами и стали вы, «семеновцы». Отсекли тлетворные, смертоносные члены от пречистого тела нашей Матушки-России. Вы – в Первопрестольной и окрестностях, Преображенцы и другие верные - здесь, в Санкт-Петербурге. Войска под командованием генерала Миллер-Закомельского – по востоку и югу Отчества. Второй тост любого торжества

возглашается за Государя Императора. Но именно в вашем скорбном подвиге – защита Промысла Божиего о Помазаннике Его. Посему, возглашая тост о вас, я возглашаю его одновременно за Государя Императора, так как все мы, верные престолу, неотделимы от Русского Царя! Все мы – Тело Христово! А, стало быть, все мы - едины с Русским Царем. В то же время темные силы, свившие себе гнезда в Америке, Великобритании, Франции, Германии, даже в Японии ополчились на Русское Православие. На Русского Царя, у-де-ржи-ва-ю-ще-го равновесие в мире с властью врага рода человеческого в лице его слуг. Для них нет никаких законов. Они считают, что способны творить свой античеловеческий суд. Без следствия! Без суда! И цель одна – уничтожить Христианство! Разрушить Божие Домостроение, как они поют, «до основания». Потрясти мир! Но Господа не зря называют Творцом! Он только созидает, а не разрушает! Не потрясает!.. Вот что нужно нашим доморощенными революционерам! Вот на что направляют их враги России в тех же Америке, Англии Германии, Франции, Японии… Они жаждут потрясений! Их закон – разрушение! Закон великих разрушительных потрясений и уничтожения Божиего творения! А нам, господа, нужна Великая Россия! Созидающая Россия! Созидающая икону Царствия Божиего на Земле! И сие нуждается в защите! В Москве, в Кронштадте вы защитили великое созидание Великой России! Посему, провозглашая тост за Государя Императора Николая Второго Александровича, я провозглашаю его и за вас, и за всех верных! Простите, повторюсь: мы – единое целое с Господом нашим Иисусом Христом, с Божием Помазанником Русским Царем! С Великой Россией!

- Ур-а-а-а! – взвилось ввысь за столами. И все, даже дамы поднялись со своих мест…

После третьего тоста, - в память от мятежников невинно убиенных верных слуг Царевых, - Государь, Столыпин, генералы Трепов и Мин поднялись из-за стола и направились в кабинет командира полка. А мы, офицеры и гости пошли в курительную залу офицерского собрания. И тут я совершенно неожиданно увидел князя Жевахова. Оказалось, что он сидел в другом конце столов, составленных в зале. Я и Станислав Валерианович похристосовались с ним. Завязался, было, добрый разговор. Но тут к ним подошел полковник из свиты Государя и тихо обратился к ротмистру: «Его Величество Государь Император Николай Александрович просит вас пройти в кабинет командира Лейб-гвардии Семеновского полка.»

Что Станислав Валерианович, затушив только что прикуренную папиросу, тут же и сделал. А мы с Николаем Давыдовичем продолжили беседу.

- Даже не ожидал увидеть вас в числе «семеновцев»! – воскликнул он. И столь же жарко спросил: «Что ж ушли из Министерства? Из аппарата генерала Трепова? Впрочем, могу предположить: новая, к стыду нашему, метла после Димитрия Феодоровича вымела всех подряд?

- Вы угадали. Но я не жалею. А вы сейчас где труждаетесь? – спросил, в свою очередь, я.

- В Государственной канцелярии… Но сие – так… Чтобы хоть какую-то пользу Отчеству принести… Сами, поди, ведаете, сколько у нас в разных департаментах, канцеляриях, даже в Священном Синоде, прости Господи, и военных штабах разнообразных «вольных каменщиков» сидит! А я ведь, знаете ли, собирался, было, уйти в монастырь. Послушничал в Боровской обители, в Зосимовой пустыни, на Валааме. Но принять постриг не случилось… Посему вернулся на службу. Однако главным своим делом почитаю все-таки труды на литературном поприще. Вот и сейчас работаю над «Материалами для

биографии Святителя Иоасафа Белгородского». Он ведь – мой недальний по родству предок! Собираю сведения о наших пращурах, о деятельности Святителя в его бытность настоятелем Лубенского Мгарского Спасо-Преображенского монастыря и Свято-Троице-Сергиевой Лавры. И, знаете ли, столько свидетельств о чудесных исцелениях по его молитвам нашел! Иные до слез пробирают! Просто диву даюсь! А сколько замечательных людей я встретил! Один Николай Николаевич Иваненко чего стоит! Право слово, он для меня стало учителем и наставником. О старцах я уже и не говорю!

- О старцах?

- Точно так! В Зосимовой пустыни, к примеру, меня наставляли старцы Алексий и Герман…

- Не слишком ли радужно вы смотрите на современность? – поневоле перебил я князя, - События в Отчестве говорят о трагедии, постигшей всех нас! Поверьте на слово! И в Одессе, и в Севастополе, и в Первопрестольной я видел буквально озверевших мятежников. Не хочется сегодня приводить скорбные примеры… Все-таки праздник!

- Не могу не согласиться! На наших глазах Русский народ-богоносец превращается в зверскую и жестокую, безликую массу. Право слово! Прямо-таки эпидемия какая-то! Пострашнее чумы! Или холеры! Потому как заражает не тела, а души людские! Хри-и-и-стианские! Однако… Вокруг святости всегда собирается преобладающее количество нечисти!

Я хотел, было, еще что-то сказать, но тут к нам опять подошел уже знакомый полковник из свиты Государя и обратился ко мне: «Господин штабс-капитан, вас Его Величество тоже просит пройти в кабинет командира Лейб-гвардии Семеновского полка.»

Обменявшись с князем Жеваховым несколько недоуменными взглядами, я направился вслед за

полковником. В кабинете я застал Его Величество, полковника Мина, Пера Аркадьевича Столыпина, Станислава Валериановича. Следом за мной вошел уже знакомы полковник из свиты Царя. Но он остался стоять при входе в кабинет. Я резко опустил и поднял голову. Представился по форме. И вдруг Государь ласково посмотрел на меня. Пригласил: «Ну что ж вы, голубчик? Мы не на плацу… Присаживайтесь. Закуривайте… Вот, Станислав Валерианович положительно характеризует. Так вот, послушайте. На вашего командира уже готовится новое покушение. Я предложил генералу Мину выехать за границу… Он наотрез отказался. Как, впрочем, и все остальные, названные мною. Простите я их упомянул до ваего прихода… Ну а я сам никак не могу оставить Отчество. Тем не менее, меры безопасности должны соблюдаться… Поберечься надобно. Ради Отчества и веры нашей Православной. Слишком мало верных осталось… Станислав Валерианович рекомендовал вас как офицера, имеющего опыт борьбы с террористами. По словам Николая Карловича вы тоже блестяще проявили себя в последнем деле. Посему я хотел бы просить Георгия Александровича командировать вас на службу при Петре Аркадьевиче. Как вы посмотрите на такое предложение?

И Государь взглянул на командира полка. Тот вскинул брови. Развел руками: «Ваше Величество! Вы у меня так всех лучших офицеров заберете… С кем же мне служить?»

- Георгий Александрович, – покачал головой Государь, - уж вы-то должны понимать, что не на офицерскую пирушку я выпрашиваю у вас господина штабс-капитана. Не в обиду вам будет сказано, но в некоторых вопросах Петр Аркадьевич – поважнее гвардейского соединения будет. А ведь на него только в Саратове, когда он там губернаторствовал, четыре покушения было! А теперь, представьте только, двухлетнего сына Петра Аркадьевича

эсеры к смертной казни приговорили! Невинного младенца! Уму непостижимо!..

Государь теперь повернулся ко мне: «Но что скажете вы, господин штабс-капитан?»

Честно говоря, я растерялся… Взглянул на Станислава Валериановича. Его улыбка подбодрила меня. И я собрался. Вскочил на ноги. Отчеканил: «Готов служить там, где вы, Ваше Величество, сочтете нужным.»

- Да вы сидите, сударь, сидите! – заулыбался Государь, - У нас сейчас идет приватная беседа. Праздник!.. Значит так и решим. Завтра оформите все документы. И через три дня прошу прибыть на новое место службы. Но приписанным вы остаетесь к Лейб-гвардии Семеновскому полку… Пойдемте, господа, к столу. Нас, должно быть заждались.

…Уж и не знаю, как я выглядел, когда уселся рядом с Еленой. Но она, схватившись за мое предплечье, шепотом испуганно спросила: «Что случилось, милый? На тебе лица нет!»

- Ничего страшного, Еленушка. Даже не знаю: радоваться нам с тобой или огорчаться. Но Государь… Ладно… Потом расскажу. Дома… Все просто так неожиданно… Но ты не волнуйся… Посмотри-ка! – погладил я ее ладонь. А тем временем из-за стола поднялась дочь командира полка Наташа. Выпорхнула куда-то. Но, спустя одну-две минуты, появилась в сопровождении нескольких отроков и отроковиц, как я понял, - детей наших офицеров, наряженных в театральные костюмы. Наташа, присев в реверансе, объявила: «А сейчас Ваше Величество и Ваши Высочества, господа и дамы, мы, члены семей «семеновцев» в благодарность за воинский подвиг хотим подарить вам маленькую Рождественскую пиеску.»

Сидевшие за столами захлопали в ладоши. Трогательно было смотреть, как дети разыгрывали сцену Поклонения волхвов, пришедших со своими дарами к

Христу-Младенцу… У большинства дам даже слезы появились на глазах.

После этого представления в зале появился духовой оркестр полка. И начался бал… Но после первого же вальса, от которого Еленушка ну никак не могла отказаться, ко мне подошел Столыпин. Взял под руку. Отвел в сторону. Сказал: «Господин штабс-капитан, я бы хотел потолковать с вами в приватной обстановке. Приезжайте ко мне на квартиру, скажем, послезавтра… Часиков, эдак, в пять по полудни. Как? Вас сие не затруднит?»

- Слушаюсь, - кивнул я. И скоро снова небыстро кружился в вальсе с Еленушкой.

…Вернулись мы домой после полуночи. И хотя всю дорогу Еленушка что-то весело щебетала, в спальне вдруг строго спросила: «Что же все-таки на праздничном обеде тебя, мой супруг, озадачило? Или это военная тайна?»

И я рассказал ей о своем новом назначении. Она, задумавшись, опустила очи долу. Подошла поближе. Положив мне руки на грудь, прижалась всем телом. И прошептала: «На всё воля Божия. Будем молиться. И всё устроится.»

Вернувшись домой, я первым делом позвонил Алле и сообщил, что редакция переехала, а номер телефона на новое место я еще не знаю.

- А мне звонили наши обменщики0,– ответила она, - обещали в пятницу вечером приехать, чтобы посмотреть нашу квартиру. Может быть, ты сможешь отпроситься на день пораньше?

- Не уверен. Редакция должна устроиться, обосноваться на новом месте. А переезд, сама знаешь, равен трем пожарам, - растерял поначалу я.

- Ну вот! Опять я всё должна делать сама. Мне это не нравится… Ладно. Пока. У меня котлеты сейчас сгорят, -

ответила Алла и повесила трубку. Теперь это не понравилось мне. Но я подумал, что беременные женщины всегда очень капризны, особенно на первых месяцах. И даже расстраиваться не стал. Принял душ и улегся спать. А два следующих дня в редакции действительно пришлось обустраиваться на новом месте. В «экстренном» четырехполосном номере «…Вестника» большими буквами был напечатан новый адрес нашего еженедельника и два номера телефона. А я, прозвонившись в Белгород, и не застав Аллы дома, продиктовал их Вадику. Но вечером она сама позвонила мне домой. И, что называется, с места в карьер начала: «Ты что ж это? Решил скрыться? Не звонишь! Не сообщаешь своих новых координат!.. А?.».

- Погоди-погоди, – удивился я, - разве Вадик тебе не передал? Я звонил и продиктовал ему еще днем. И адрес, и два номера телефона…

- Да-а?! Вадик, Вадик… Что? Передал Наташе?.. – услышал я в трубке. На другом конце провода: «Наташа, Наташа… Что? Забыла?.. Гадость такая!.. Ты что? Нарочно?! Саша! Прости! Наташа заучилась. Готовится к экзаменам. Вот и забыла передать. Можно понять… Ну, как? Ты сможешь приехать в пятницу?»

- Надеюсь, что можно понять и меня! - раздражение распирало. Но я его все-таки как-то сдерживал: «Столы, стулья, архив, библиотека, почта, бумаги, тираж – на восемь человек!.. Боюсь, что придется поработать и в выходные… А ты пока разберись со сво-и-ми детьми. Полагаю, что именно они стараются убедить тебя, будто я скрываюсь… Или еще что-то непотребное делаю…»

Я мог бы много еще добавить к сказанному, но не стал. Соврал: «Извини. Меня требуют к другому телефону. По рабо-те!»

И повесил трубку. Подумал: «Если так дальше пойдет, то Наташа действительно разведет нас…».

Но в четверг, после обеда, Алексей Алексеевич вышел из своего кабинета в общую комнату и объявил: « Так как эти дни были очень тяжелыми, все могут быть свободны до понедельника. Отдыхайте.»

И вечером я, сидя в купе, уже слушал перестук вагонных колес скорого поезда «Москва-Белгород». Алла, открыв дверь, бросилась мне на шею: «Прости-прости! Что-то я не то тебе наговорила… Раздражалась… Но ты не обращай внимания. Это, должно быть, беременность сказывается. И на Наташу не сердись. Ей ведь тоже нелегко… А мы без тебя полностью ремонт закончили. Потолки побелили. Стены вымыли… Сегодня в семь часов обменщики придут. Пойдем к нам в комнату, отдохнешь с дороги… Я так соскучилась… А сегодня по случаю прихода обменщиков взяла отгул.»

Мы поднялись перед самым приходом Вадика из школы. А он с порога восторженно закричал: «Ма! Я по русскому четверку получил!»

Я хмыкнул про себя. Подумал, что не зря с ним в прошлый приезд часа два занимался. Но вслух ничего не сказал. Алла только ответила сыну: «Молодец.»

Честно говоря, я надеялся, что Вадик поблагодарит меня за помощь… Но увы! Он насытившись обедом больше, чем обычно, довольно рыгнул и ушел в свою комнату. Но Алла тут же позвала его: «Вот что, сынок… Приберись-ка ты у себя. В семь часов люди придут смотреть нашу квартиру.»

- Но ведь мы всю неделю горбатились, чтобы навести марафет! – ответил Вадик и скривил губы, словно готов был заплакать.

- Наведи-наведи… Свой марафет. Последний штрих, так сказать, - хохотнула Алла. То же самое она заставила делать и Наташу, когда та явилась из школы. Дело нашлось и мне…

А в семь часов затренькал звонок у входной двери. Алла выключила большой свет в прихожей и включила бра. Действительно, многие недочеты ремонта оказались невидными.

Явившаяся молодая пара осматривала квартиру как-то невнимательно. И вообще и он, и она показались мне какими-то заторможенными. Поневоле подумалось: «А не наркоманы ли они?». Но тут я заметил взгляд Аллы. Она не сводила с молодой пары слегка суженных, напряженных до тонкой красноты по кромке век глаз. «Устала, наверное! Не досыпала всю неделю! Бедненькая!» - жалостливо подумал я.

Наконец, молодой человек, переглянувшись с супругой и кивнув, подытожил: «Ну, что ж! Мы согласны на обмен. Когда будем оформлять документы?»

Я объяснил, что обмен предстоит тройной. И я, уехав в Москву, договорюсь с тамошними обменщиками. Потом сообщу Алле, когда они приедут, чтобы посмотреть квартиру на Харгоре. А она перезвонит.

- Может быть, чаю? – спросила Алла, не сводя глаз с супругов.

- Нет-нет. Спасибо. Ребенок у бабушки. Она итак весь день нянчится. А у нее - повышенное давление. Мы поедем, - ответила за двоих женщина.

- Погодите, – вскинулась Алла, - я сейчас для вашей мамы сбор трав дам. От давления. Я же – врач! Специализируюсь по фитотерапии… Запишите схему приема. Наташенька! Принеси мою коробку с травами…

Когда же обменщики ушли, Алла тяжело вздохнула. Опустилась в кресло. Я взглянул в ее глаза. Странно, но красноты вокруг них не было… И вдруг она засмеялась: «Говорила же я тебе, Саша, что они согласятся на обмен!»

Откинула голову на спинку кресла. Прикрыла глаза. Выдохнула: «Как же я устала… Саша, а ты не пожаришь картошечки? Она у тебя всегда такой вкусной получается!»

- А рыба есть? – спросил я. Взглянул на детей: «Сегодня же пятница. Постный день.»

- Я не буду рыбу! – скривила губки Наташа. И собралась уйти в свою комнату. «Терпеть ее не могу! К тому же все эти посты… Е-рун-да какая-то, попами придуманная.»

Объяснять ей, что пост заповедовал Сам Иисус Христос, я не стал. «Вот еще! Бисер метать!» - сквозанула недобрая мысль, за которую я тут же осудил себя.

- Я узнавала: мне тоже можно не поститься! – воспротивилась и Алла: «Наоборот надо есть, что требует организм! В холодильнике есть котлеты. Саша, пожарь их тоже. На перетопленном сале. Оно – в морозилке. А картошечку хорошо бы с лучком…»

Что я и сделал. Сам, правда, за ужином котлеты есть не стал. Хотя очень хотелось. Отказался и от самогонки.

- Чего это ты? – удивленно вскинула брови Алла, наливая себе стопку.

- Не хочется… Устал, - пожав плечами, соврал я. Не захотел вводить Наташу в искушение. Но Аллу спросил: «А разве тебе в твоем положении можно спиртное?»

- А что?! – скривила губы она. И весело добавила: «Я знаю, что мама и в таком положении положенные сто граммов каждый день выпивала. И как видишь, и я, и Генночка, и Света выросли совершенно здоровыми.»

«Ага! – подумалось мне, - Зато у Анечки – ДЦП»!..

После ужина все мы опять уселись смотреть тупой то ли бразильский, то ли мексиканский сериал. Я задремал в кресле. И удивительно: после этой дремоты проспал всю ночь безо всяких сновидений. А проснулся, к моему ужасу, только в половине десятого утра, чего уже давно не бывало!

С кухни доносились звон посуды и голоса Аллы и Наташи. Они о чем-то спорили. Но когда я вошел туда, Наташа тут же ушла в свою комнату. Алла выглядела недовольной: один уголок губ был опущен, другой приподнят. Но, увидев меня, заставила себя улыбнуться: «Проснулся, соня? Давай завтракать.»

- Доброе утро, - поцеловал я ее. Заглянул в кастрюлю. Там что-то булькало. Я спросил: «О чем вы это с Наташей спорили?»

- А-а-а! – махнула она рукой. Засмеялась: «О своем, о девичьем… Кстати, ремонт мы закончили. С обменом договорились. Надо бы и отдохнуть! Поэтому сегодня пойдем в гости к одной знакомой художнице. К Нике Хвощинской. У нее в огромной мастерской по субботам много творческой интеллигенции собирается. Поэты, прозаики, художники, музыканты. Цвет Белгорода.»

- К Хвощинской? – хмыкнул я.

- Да-да… От слова «хвощ»… Кстати, этой ядовитой, но по-своему очень целебной травкой даже в холодной воде можно мыть жирную посуду… Пойдем часиков в пять. А до этого надо съездить на рынок, пройтись по магазинам. И на всю неделю затовариться.

- А что за художница?

- Со-о-овременная! Хохлушка. Только смотри, не запади на нее! Она любит чужих мужиков. И ни одного не пропускает. Но люди к ней неплохие заходят. Некоторые тебе должны понравится.

…До обеда я «работал» носильщиком. Из магазинов и с рынка тащился груженый тремя большими холщовыми сумками. А вспоминая «полевые» работы в Фатеже, не удержался, чтобы не спросить: «А зачем ты капусту, морковь, лук, другие овощи покупаешь? Разве родители прислать не могут?»

- Могут-то могут… Раз в месяц-два кто-нибудь из их знакомых в Белгород приезжает. Мясушко, сало итак привозят. Но хранить-то мне негде тот же мешок с картошкой, морковкой или капустой. Вот и приходится подкупать. Да и мяса, сала надолго не хватает. Вадик-то растет. Организм требует много белковой пищи.

«Да уж, – хмыкнул я про себя, - ест он не за троих, а, пожалуй, за пятерых! Впрочем, было бы на пользу…». Но тут же снова спросил: «А зачем ты сыр, колбасу купила? Я ведь привез!»

- Э-э-э, нет! Московские колбаску, сырок мы сами съедим. А эти, - кивнула Алла на сумки, - к Хвощинской отнесем. Туда все со своими выпивкой и закуской приходят.

- Вообще-то, я полагал, что в Белгороде колбаса и сыр лучше, чем в Москве. Натуральнее. Я тут как-то прочитал про одно достижение науки. В кавычках, конечно. Мол, ученые разработали пищевую добавку, которая придает продукту вкус и запах мяса. Наверное, в Москве это «достижение» будет внедрено в производство в первую очередь…

- А что ж ты нам привозишь «московское»?

- Чтобы свою лепту в семейный бюджет внести. К тому же, у нас с тобой, как правило, совсем не бывает времени бегать на рынок и по магазинам.

…За обедом Алла наставляла: «Ешь побольше жирного, чтобы сильно не опьянеть. У Ники, обычно, много бывает и водки, и вина. По бутылке на брата. Каждый гость приносит. И мы с собой литр первача принесем…

Она взглянула на часы: «Ой! Всего час до выхода остался… Ладно. Ты доедай. Я пойду, обновлю макияж. Наташа помоет посуду…»

А через полтора часа мы поднялись на самую верхотуру десятиэтажного кирпичного дома улучшенной планировки. Над железной дверью висел колокольчик. Алла

дернула подбородком в его сторону: «Ника – выдумщица. Оригиналка! Здесь дернешь за веревочку, а зазвонит в прихожей…»

И она позвонила. И я услышал металлическую мелодию одной из песен Луи Амстронга. Хмыкнул про себя: «действительно, оригинально!» Дверь открылась. И я увидел молодую худощавую, но стройную женщину со стрижкой «под мальчика». Тонкий пуловерчик с глубоким вырезом на груди был надет на явно на голое тело. Джинсовые бриджи смотрелись тоже слишком обтягивающе. Тонкий нос с горбинкой, пухлые, ярко напомаженные губы как-то сразу объявляли о принадлежности хозяйки к белгородским «сливкам» общества. Большие карие глаза с поволокой смотрели с хмельной усмешкой. Но тут же приобрели веселое, даже, пожалуй, доброе выражение.

- Аллочка! Ты?! Наконец-то! – воскликнула она и потерлась щеками о щеки моей жены, при этом причмокивая. Посмотрела на меня. Опустила подбородок и одновременно слегка повернула в сторону голову: «А это… Должно быть…»

- Да. Это мой муж. Саша, - заулыбалась в ответ Алла.

- Слышала- слышала! Очень приятно. А я – Ника, - слегка развернув плечо, протянула она высоко поднятую, явно для поцелуя ладонь. Что ж, пришлось приложиться. А Ника, долго не отрывая руки от моих губ, выдохнула: «Известный московский журналист, поставивший на уши весь ди-и-исседентский слет на Старооскольском море… Я люблю таких… Сразу чувствуешь творческую личность!.. Что ж это я?! Проходите же! У меня собралась теплая компания!»

- Видишь, - шепнула мне Алла, когда мы вошли и снимали куртку и пальто, - у нас все про всё и всех узнают мгновенно!

Мастерская Ники была не меньше волейбольной площадки. Да еще за занавесом, способным поспорить с театральным, находилось какое-то пространство. Большой круглый стол был уставлен разнокалиберными и разноцветными бутылками. А на двух журнальных теснились тарелки и блюда с фруктами, конфетами, крупно порезанными огурцами, помидорами, рыбой, колбасой, салом, хлебом. Вокруг стояли, сидели в креслах, на явно антикварном кожаном потертом диване, табуретках и стульях, прохаживались человек двадцать разного пола и возраста. Кто-то кинулся целоваться с Аллой. А Ника представила меня сразу всем. А мне сказала: «Саша, познакомиться с каждым ты сможешь, так сказать, в процессе…»

А получив из рук Аллы две бутылки самогона, подняла их вверх и, почти запрыгав, восторженно закричала: «Друзья мои! Друзья мои! Давайте выпьем настоящего русского напитка! Коньяк «ГДР»! Гоню, дрожу и радуюсь! Сколько градусов, Аллочка?»

- Ну-у-у, не меньше семидесяти! – весело тряхнула большими кольцами сережек жена. Присутствующие одобрительно загудели и захлопали в ладоши. Похватали свои стаканы, стопки, кружки. Лихорадочно допили их содержимое и подставили под самогон, который разливала хозяйка мастерской. А когда емкости были наполнены, Ника провозгласила: «Друзья мои! Друзья мои! Я предлагаю выпить за молодоженов. За нашего доктора Аллочку и за Сашу, известного столичного жкрналиста!».

Все одобрительно зашумели! И.., не чокаясь, выпили. Закусили. И тут же разошлись, как мне показалось в «позиции», в которых я застал гостей художницы. Алла и Ника подвели меня к высокому, плечистому, добродушному, сероглазому, белокожему и румяному мужику с проседью в пышной прическе. Представили. Честно говоря, я подумал,

что его светло-коричневы пиджак с кожаными заплатками на локтях, джинсы и белоснежная рубашка с жабо и черной «бабочкой» в желтый «горошек» не совсем гармонируют друг с другом… Алла же, указав на него обеими ладонями, объявила: «Валерий Григорьевич. Заместитель главного редактора газеты «Строитель». Именно ему я обязана своим поэтическим дебютом в печати.»

- Валерик у нас – мизантроп! Ему бы возглавлять передачу московского ТиВи «Алло, мы ищем таланты!» - хмельно засмеялась Ника.

- Да ладно тебе, – вдруг густо покраснел «замглавред», - я просто хочу, чтобы наша газета стала многосторонней! И поистине народной! Без различия возраста, пола, социального положения… Ведь какая-нибудь свинарка или буфетчица с вокзала, или малярша тоже может творить! Я не говорю уже об интеллигенции… И не я ли очерк о тебе и твоей живописи «протолкнул»?!

И тут же, взявшись двумя пальцами за пуговицу на блузке Аллы, обратился к ней: «Знаете, у меня к вам есть предложение. Не открыть ли нам с вами, Аллочка, в «Строителе» колонку «Советы врача»?! Я уже разговаривал с главным…»

Алла вдруг повернулась ко мне спиной и о чем-то тихо заговорила Валерию Григорьевичу. Ника же, взяв меня под руку, заворковала: «Пойдемте, «московский гость», я покажу вам свои картины. А заодно познакомлю с другими членами нашего маленького творческого кружка… А-а-а! Посмотри! Вот одно из моих последних полотен. Называется «В космосе мы едины»…»

И я увидел, что все стены мастерской увешаны разнокалиберными холстами в тонких металлических рамках. А на той, на которую указывала Ника, на темном фоне светились пирамиды, почему-то перевернутые вниз

вершинами, кубы, шары, казавшиеся полыми, эллипсообразные сферы, многолучевые звезды…

- А-ван-гард?! – полувопросительно-полуутвердительно произнес я.

- Интеллектуальный авангард! – вдруг прижавшись к моему локтю грудью поправила Ника: «Я вижу в тебе, Саша, понимающего меня человека. Близкого мне по духу… По сердцу…»

Я попробовал слегка отстраниться от нее… И она выпустила мой локоть: «Понимаю… Алла внимательно следит за тобой… А вот - моя любимая картина…»

Другие, с позволения сказать произведения были намалеваны в той же манере. А Ника указала на большое полотно. И на нем я увидел множество различных по величине и расцветке глаз. Одни выражали испуг, другие – лукавство, третьи радость, четвертые были просто прикрыты, пятые… Из центра картины на меня смотрел самый большой глаз, зрачком которого был стеклянный… Что-то типа дверного «глазка», только намного больше. Выпуклый. Полусферический… Я почему-то вспомнил, как фотокорреспондент «Московского железнодорожника» Алеша буквально охотился за швейцарским объективом «рыбий глаз», который охватывал пространство на сто восемьдесят градусов… И в каком восторге был от его приобретения! «А не телекамера ли это, у которой на виду каждый уголок мастерской?» - вдруг подумалось мне. Но тут же отогнал эту нелепую мысль: «Зачем это Нике?»

- Называется «Всевидящее око», - пояснила Ника.

- А как удачно смотрится стеклянный зрачок! – кивнул я.

- О-о-о! Ты заметил!.. Я же говорю, что наши души и сердца слышат, чувствуют друг друга, - опять крепко вжимая мой локоть в свою грудь, прошептала Ника. Я

опять отстранился. А она спросила с придыханием: «Знаешь, что у меня за занавесом?»

Ника хитро прищурилась и продолжила шепотом: «Собственно мастерская с мольбертом, где я творю и широченный диван… Иногда здесь приходится ночевать… Я слышала, что ты приезжаешь из Москвы в Белгород на каждые выходные!.. К Алле ты мог бы приезжать через раз. И через раз ко мне… А… Он нее не убудет… А мы сможем быть друг для друга вдох-но-ве-ни-ем… Пойдем! Выпьем за вдохновение!»

Когда же мы с ней шли ко столу с выпивкой, я заметил у одной из стен высокий, почти в половину человеческого роста, бронзовый канделябр в виде обнаженной женской фигуры, вздымающей руку с факелом, увенчанным обычной электрической лампочкой под плоским стеклянным абажурчиком. И эта часть изваяния смотрелась просто нелепо. Ника, проследив за моим взглядом, обогнала меня на полшага, преградила дорогу, указала на канделябр: «Нравится? Я тоже чуть не умерла от восторга, когда увидела эту девочку у одной бабушки в какой-то деревне под Курском. И купила за безценок! Но из сил выбилась, пока донесла до автобуса!.. Конечно, пришлось реставрировать. Под торшер.»

Я подошел поближе, чтобы рассмотреть. Вдоль спины изваяния и по руке к факелу шли провода. Один толстый, похожий на телефонный, другой обычный, электрический… Оба покрашены бронзовой краской, под цвет канделябра. И опять у меня мелькнула мысль: «Уж не прослушка ли?».

- Пойдем, пойдем выпьем! – заторопила меня Ника. Я огляделся и увидел, что Алла со стаканом в руке и изредка отхлебывая из него вино, сидит на диване между двух мужчин и весело разговаривает с ними. Ника же, наполнила две стопки водкой. Мы выпили. Закусили колбасой… И подошли к Алле и ее собеседникам. Мужчины встали. Ника

представила пожилого, в большом синем берете, безформенном, грубой вязке пуловере, с шарфом, повязанным вокруг шеи, словно бант: «Кирилл Константинович! Мой коллега по цеху. Продолжает традиции Лентулова… «

. Я про себя поневоле хмыкнул: «Ну-у-у, настоящий художник!»… Хотя Лентулов мне никогда не нравился. Или, мягко говоря, я не понимал его живопись. А Ника указывая ладонью на молодого, светловолосого, голубоглазого, - таких называют херувимчиками, - но одетого в простой, видавший виды костюм, «ковбойку», снисходительно улыбнулась: «А это наш Ванечка! И-и-исторический живописец! Ре-а-лист! Но я не считаю это грехом. Каждый волен самовыражаться. Главное – писать так, как никто еще не писал… Недавно видела его картину «Расстрел священников», так чуть не расплакалась! Так проняло…»

- Да-да, – кивнул Ванечка, - из цикла «Красный террор»…

- Ох, милый, – подал голос Кирилл Константинович, - доведут тебя твои писания до КГБ!

- Не доведут! – улыбнулся я молодому живописцу ободряюще, - сейчас в Москве об этот и говорят, и пишут свободно. Историков даже в архивы КГБ пускают. А «Мемориал» что вытворяет! Митингуют прямо подокнами Главного Управления КГБ. Гуляют по коридорам Лубянке, как у себя на кухне. Знаете такого Сергея Кириллова. Так он написал «Казнь Степана Разина»! И тот на картине совсем не героем выглядит… Взгляд злющий! Зато Великий Князь и Царь Иван Четвертый Васильевич Грозный на портрете Кириллова вызывает уважение, если не сказать о более высоких чувствах.

- Этот палач, который травил простых людей медведями и лично пытал неповинных! Его ведь даже Микешин на своем памятнике к тысячелетию Руси не стал

изображать! Многоженец! Сыноубийца!– вскинул брови Кирилл Константинович. Я хотел промолчать, но подумал, что молчанием предается Бог. Тихо проговорил: «Простите, но вы неверно, - м-м-м.., - информированы! Давайте встретимся! И я готов попытаться доказать вам всю лживость которой пичкали несколько поколений так называемые историки, писатели, художники. На основе фактов и документов.»

- А почему не сейчас? – вскинул подбородок «лентуловец».

- Нет-нет-нет, – замотав головой и прикрыв глаза, воскликнула Ника, - мы собрались не для научных, не для профессиональных, не для исторических споров. Мы собрались отдыхать… А впрочем, Саша, почему бы тебе не выступить в нашем отделении Союза художников с лекцией? Заранее обговорим вопросы. А ты подготовишь ответы…

Я хотел, было, согласиться, но, взглянув на «Всевидящее око» и бронзовый торшер, ответил: «Ну-у, там видно будет! Давайте лучше выпьем!

- Точно, - весело крикнула Ника, - будем пить на брудершафт! Сначала по двое. Потом вчетвером! И дальше – в прогрессии. Но прежде я хочу попросить Аллочку спеть под гитару «Поднявший меч на наш союз…» Булата Окуджавы. А мы подпоем!

Все собравшиеся, загомонив, поддержали предложение хозяйки. Алла подтянула колки и, слегка фальшивя, запела. Все окружили ее. Обняли друг друга за плечи. И, покачиваясь в стороны, подхватили… Потом пили на брудершафт. Так я перезнакомился со всеми остальными. Но из-за изобилия выпитого почти никого не запомнил. Не запомнил и то, как мы с Аллой добирались до дома на такси. А проснувшись утром, попытался обнять ее. Но она отбросила мою руку.

- Что произошло, милая? – не понимая, покрутил я головой. Алла вместо ответа резко вскочила, надела халат. Встала напротив меня, уперев руки в бока. Недобрым шепотом переспросила: - Что произошли? Ты еще смеешь спрашивать?!

Я опять от недоумения помотал головой: «Объясни, пожалуйста! Я ничего не помню за собой дурного!»

- Ах, ты не помнишь?! Не помнишь, как с Хвощинской целовался в засос?!

В моей гудящей голове стали всплывать какие-то смутные воспоминания. Я опять помотал ею: «Но погоди! Мы же просто пили на брудершафт! И ты целовалась!»

- Но не так, как ты с Хвощинской! Не в засос и без страстных объятий!

- А зачем тогда ты, зная похотливость своей Хвощинской, туда меня потащила?

- Хотела узнать, на что ты, опьянев, способен в своих командировках!

- Как низко! – вырвалось у меня. Я опять помотал больной головой: «Разве я виноват, что твоя Хвощинская сама липла ко мне. А я отбрыкивался! А этого могло не быть, если бы ты была все время рядом со мной. Но тысидела с другими мужиками на диване.»

- Ах, так я еще и виновата! Не держала маленького мальчика за ручку… Лучшая оборона – наступление? Если ты сейчас себе такое позволяешь, то что станешь вытворять, когда я с детьми перееду в Москву и рожу?!

- Липла Хвощинская ко мне, а не я к ней. Это – раз, – холодно заговорил я: «И теперь точно вспомнил, что целовала взасос она меня, а не я ее. Что ж, мне нужно было при всех оттолкнуть хозяйку мастерской? Это - два. Наконец, мне Хвощинская не понравилась ни как человек, ни как художник. Ты все преувеличила, потому что сама была пьяна! В твоем-то положении! Поговори после моего

отъезда со свидетелями этого злополучного брудершафта! С тем же Ванечкой. Думаю, он объективно может оценить произошедшее.»

- Ванечка твой по уши влюблен в Хвощинскую! Он-то как раз постарается оправдать ее и обвинить в похотливости тебя!

- Он влюблен в Хвощинскую! – даже засмеялся я: «Быть того не может! Она намного старше его. Так? У них совершенно разные взгляды и на жизнь, и на живопись. Или я не прав?»

- Любовь зла… К тому же, Хвощинская выделили для мольберта Вани уголок в своей мастерской. И он нередко пишет свои картины там.

- Во-о-она, как…

- Ревнуешь?

- Нет. Просто догадываюсь, почему она держит Ваню, что называется, на коротком поводке.

- Ну, и почему же?

- Чтобы постоянно контролировать парня и его знакомых…

И я рассказал Алле о своих догадках по поводу «рыбьего глаза» во «Всевидящем оке» и телефонного провода на бронзовом торшере.

- Надо же! А я вот никогда бы не подумала! Да и никто бы не подумал. Ника всегда из себя такую дисседентку строила. Но к слову, она всегда подчеркивала, что не любит «технарей» и что в ее кругу нет таковых..

- Потому что любой «технарь» сразу бы заподозрил недоброе. Поэтому не вздумай говорить ей, что у меня – инженерное образование. В целях безопасности нашей семьи.

- Но к ней ходят фотохудожники. И один фотокорреспондент «Белгородской правды». Неужели они не обратили внимания на этот объектив в глазу?

- Они либо не обращали внимания на «рыбий глаз», либо сами постукивают в «комитет глубокого бурения», - хмыкнул я: «А может быть, просто, они по своей природе или, как говорят, по своему менталитету таковы, что не способны на стукачество и не способны подозревать это в других людях.»

- Да-а-а, Нику невозможно заподозрить в сотрудничестве с органами… А вот теперь я верю, что у тебя не было никаких похотливых помыслов о ней… Как бы Ванечку спасти!

- Даже не думай! Он, как я полагаю, человек верующий. Бог не даст погибнуть. Ведь на всё Его святая воля…

- Ладно. Я пошла умываться, а потом приготовлю завтрак.

Она ушла в ванную, а я – на кухню покурить. Радовался, что ссора так быстро закончилась. Хотя и было несколько обидно от желания Аллы проверить меня, что называется, «на вшивость». Но пока она готовила завтрак, время подошло к обеду. И так медленно, лениво закончился этот день. А вечером я отправился на вокзал, чтобы возвращаться в Москву.

Утро в редакции началось с рабочей суеты. Все мы разбирали коробки с бумагами, архивом, канцелярскими принадлежностями, настольными лампами, пишущими машинками. Все укладывали по местам. Женщины весело щебетали, смеялись. Мужики шутили, подтрунивали друг над другом. Наконец, к обеду все стояло на своих местах. А в комнату вошел Алексей Алексеевич с каким-то моложавым человеком, наверное, чуть постарше меня, как говорится, без особых примет. Но улыбался он добродушно, даже как-то заразительно.

- Вот! – указал на него Алексей Алексеевич: «Познакомьтесь. Это – Евгений Федорович. Он будет

заниматься книжной и газетной торговлей. А значит, в некотором роде его трудами, стараниями и молитвами мы будем кормиться. Прошу любить и жаловать. Под книжную лавку редакции выделено большое помещение. Завтра привезут книжные стеллажи, полки, стенды. Евгений Федорович выхлопотал оные в одной закрывшейся библиотеке. Прошу мужчин помочь в их разгрузке… А пока давайте попьем чайку. Я тут привез всякой выпечки, колбаски, сырку. Надеюсь, женщины похозяйничают. Сделают бутерброды.»

- Алексей Алексеевич! – воскликнул Евгений Федорович. И обвел нас хитрым взглядом: «По традиции мне надо, что называется, прописаться. Вечером… После рабочего дня.»

- Так вы же еще не получили первой зарплаты! – улыбнулся главный.

- Деньги у меня есть. А чтобы войти в коллектив, я хотел бы… Супруга закусочки приготовила…

- Только не усугубляйте.

- А вы? Коньячку?

- Ну-у-у… Выпью с вами граммов пятьдесят…

Алексей Алексеевич увел новичка в свой кабинет, а остальные мужчины ушли в коридор на небольшую площадку между антресолями и вторым этажом. Покурить.

После чая каждый занялся своими бумагами. А в шесть все уселись за стол, чтобы, как говориться, прописать Евгения Федоровича. Выпили-то граммов по сто пятьдесят. Но наелись до отвала! Особенно знатными оказались пирожки с яблоками, капустой, рисом и яйцом, испеченые женой нового сотрудника. А Евгений Федорович за чаем разоткровенничался: «После института работал я инженером. В одном оборонном КБ радиоэлектроники. Предложили вступить в КПСС. Я отказался. А секретарю партбюро это не понравилось… К тому же он да-а-авно

заглядывался на мою жену… Она работала вместе со мной. Пробовал заигрывать. Один раз даже охамел. Тогда я сказал ему пару «ласковых» слов. А он принялся придираться ко мне и по поводу и без повода. Начальство настраивал против меня. А когда одну чертежницу на так называемом общем собрании прорабатывали за то что, она в церковь ходит, - стуканул кто-то, - я вступился за нее. Заявил, что в нашей стране – свобода вероисповедания. Помню, секретарь партбюро тогда спросил меня: «А может быть, ты в партию отказался вступать из-за того, что сам боговерующий?». А я возьми, да ответь, мол, да, крещеный… Струсил признаться, что верующий православный христианин… И понял, что все равно парторг мне жизни не даст… Так и случилось. Да еще и докопался наш «верный высоконравственный ленинец», что мой прадед был раскулачен. Подключил «первый отдел». Вызвали. Предложили стать стукачом. Когда отказался, принялись уговаривать, потом угрожать… А ведь в это время «перестройка» уже началась… Пришлось уволиться. И мне, и жене. Пошел работать в книжный магазин. Грузчиком. Жена туда же. Продавцом. Но там скоро мне доверили получать товар со складов и баз… Был кем-то вроде экспедитора. Перешел работать на книжную базу. Стал много читать и немного разбираться в книжной торговле. Вот, собственно и все.

Мы одобрительно помолчали. Только Борис, сверкнув золотым зубом, пропел Тальковское: - *Идет гражданская война…*

Потом опять попили чаю. Алексей Алексеевич попрощался и, уходя первым, попросил: «Вы тут долго не засиживайтесь. И не надо «догонять»… Имею в виду выпивку… Завтра тяжелый день. Напоминаю: привезут полки и стеллажи для книжного магазина.»

После этого мы поговорили, что называется, ни о чем. Рассказали по анекдоту... И уже к девяти разошлись… Дома

меня опять ждал не самый приятный разговор с Лидией о размене комнаты. И опять я не пошел у нее на поводу. Из-за этого даже поиграть с Митей не удалось.

А утром в редакции, проходя мимо малого зала, в котором планировалось разместить книжный магазин, я увидел очень миловидную, миниатюрную женщину. Она мыла пол. И синий мешковатый халат, который обычно носят уборщицы, только подчеркивал ее изящность. Я поздоровался. Женщина улыбнулась. Представилась: «Я – жена Жени… Евгения Федоровича… Вот, помогаю подготовить помещение под ваш магазин. Женя уже уехал за полками и стеллажами, за для газетных подшивок. А вы кто?..»

Я тоже представился. Сказал: «Очень приятно познакомиться. Бог помощь.»

И поднялся на наши антресоли. Алексей Алексеевич и Борис были уже на месте. Главный сказал мне: «Пока Евгений Федорович не появился, займитесь своей почтой. За эти дни ее накопилось достаточно»

Что я и сделал. А когда ближе к обеду привезли грузовик стеллажей, полок, стендов, два вполне добротных письменных стола, все мужчины редакции заработали грузчиками. Даже Алексей Алексеевич попытался помогать, но мы, памятуя о его больном сердце, не позволили таскать тяжести. Эта работа тоже продлилась до позднего вечера.

А утром, оторвавшись от редактирования, я спросил главного: «А как продвигается дело Бориса Батманова?»

Алексей Алексеевич сверкнул стеклами очков. Улыбнулся: Слава Богу! Там та-а-акая комиссия сейчас работает! От Государственной Думы, нескольких министерств, Генеральной прокуратуры и так далее, и тому подобное. «Думцев» мне удалось настроить. А коли так, то и другие навряд ли станут защищать Иоффе. В худшем случае

займут нейтральную позицию и постараются, что называется, спустить дело на тормозах.»

- Но съездить-то нам с Милениным все равно еще разок придется? – удовлетворенно хмыкнул я.

- Зачем?- пожал плечами Алексей Алексеевич. Хитро прищурился: «Нужно будет просто сделать интервью с председателем комиссии. Он – наш. Из Госдумы. Кстати, бывший «комитетчик». Можно, - и даже лучше! - провести и «круглый стол» с представителями разных ведомств и министерств. Конечно, после того, как комиссия даст свое заключение по делу. Это, пожалуй, будет ударнее! Подумайте. Подготовьте вопросы. Потом мне покажете. Обсудим.»

- Алексей Алексеевич, – подал голос Юра, - а если пригласить к разговору отца Тихона. И попросить его оценить планируемый на первое апреля в Муроме «бал сатаны». С точки зрения Православных традиций русского народа, белорусов, малороссов, других народов, населяющих Россию.

- Вы правы, Юрий Сергеевич, - отозвался главный, - на «круглый стол» отца Тихона приглашать не обязательно. У него и так – забот полон рот. А вот откликнуться ему на эту нашу публикацию было бы неплохо. Вот вы и организуйте отклик отца Тихона. Привлеките других священников.

- Инициатива наказуема исполнением! – хохотнул Борис.

- Разворошили мы муравейник… А точнее – осиное гнездо! – опять хмыкнул я.

- Как бы эти осы теперь не покусали нас! – мотнул головой Топорков.

- А мы их - дихлофосом! – хохотнул я.

- Злой ты, Саша! – сверкнул золотым зубом Борис.

- Отвлеклись немного? – строго сверкнул очками Алексей Алексеевич. Улыбнулся: «Принимайтесь за работу!»

Что мы и сделали. В редакции на некоторое время наступила тишина. Но ее вдруг прервал Алексей Алексеевич: «Борис! Четырнадцатого, - по новому стилю, - апреля мы отмечаем день рождения Петра Аркадьевича Столыпина. Статье про него я бы отдал даже две страницы. Поищите автора. Кстати, хотелось бы опубликовать серьезный материал и о Победоносцеве… Когда у него памятная дата? Потрудитесь, пожалуйста. И о первом, и о втором нужны серьезные, а самое главное, правдивые исследования.

В комнату вошла наша машинистка. А за ней – невысокая, склонная к полноте, темноволосая женщина лет сорока с неясным признаком востока в чертах лица.

Покраснев и потупив взор, машинистка тихо проговорила: «Алексей Алексеевич, я дерзнула привести к вам свою дальнюю родственницу. Она хочет предложить нам один материал… А я пойду работать?..»

Главный кивнул машинистке. Но гостью не стал приглашать в свой кабинет. Указал ей на стул напротив стола Бориса. Предложил присесть. Спросил: «Как вас величают?»

- Надежда… Надежда Амоновна… Был такой святой мученик: Амон…

- Хорошо-хорошо. А к нам вы с чем пожаловали?

- Я хочу раскрыть глаза читателям «Русского Вестника» на одного святого угодника Божия, оклеветанного официозом… И посчитала, что кроме вас никто не захочет вспоминать о нем. Рассказать…

- И кто же этот святой?

- Только прошу вас: отнеситесь серьезно. А святой этот – старец Григорий Ефимович Распутин.

Алексей Алексеевич вскинул брови. Ему последовали и мы все. А гостья продолжила: «Тем более, что тридцатого декабря – очередная годовщина его мученической кончины, а двадцать первого января – день рождения.»

- Но он же не канонизирован Церковью, - подал голос Юра.

- Господь прославляет Своих святых угодников, а не мы, грешные. Как прославил русский народ благоверных князей-страстотерпцев Бориса и Глеба или преподобного Серафима Саровского Чудотворца за-а-адолго до причисления их к лику святых земной Церковью, - бойко парировала Надежда Амоновна.

- Конечно-конечно, - кивнул Алексей Алексеевич, - каждый может молиться тому, кого почитает святым, даже если он официально не канонизирован. Но молиться келейно.

- Я молюсь ему, – вскинула голову гостья, - и он всегда помогает. А сама уже много лет собираю о нем сведения! По крупицам!

- Ну что ж, - опять кивнул Алексей Алексеевич, - оставьте то, что вы написали. Мы рассмотрим.

- У меня есть только разрозненные записи. Я пришла, чтобы узнать, заинтересует ли вас такая статья. Если да, то я за трое суток напишу.

- Хорошо, - и еще раз кивнул Алексей Алексеевич, - тогда расскажите в двух словах: что вам удалось собрать о Распутине?

- Я думаю, что сегодня нет смысла говорить о биографии Григория Ефимовича. Клеветнические высказывания цитировать тоже не буду. О том, что по молитвам старца затихала болезнь Цесаревича вы, наверняка сами знаете. А вот известно ли вам, что Григорий Ефимович исцелил от «пляски святого Витта» сына своего секретаря-предателя Арона Симоновича?! Ведь тогда эта

болезнь была неизлечима! Но я сейчас лучше процитирую воспоминания директора Департамента полиции Васильева.

Надежда Амоновна достала из сумочки общую тетрадь. Надела очки. И прочитала: - *«Множество раз я имел возможность встречаться с Распутиным и беседовать с ним на разные темы… Ум и природная смекалка давали ему возможность трезво и проницательно судить о человеке, только раз им встреченном. Это тоже было известно Царице, поэтому она иногда спрашивала его мнение о том или ином кандидате на высокий пост в правительстве. Но от таких безобидных вопросов до назначения министров Распутиным — очень большой шаг, и этот шаг ни Царь, ни Царица, несомненно, никогда не делали… И тем не менее люди полагали, что все зависит от клочка бумаги с несколькими словами, написанными рукой Распутина… я никогда в это не верил, и хотя иногда расследовал эти слухи, но никогда не находил убедительных доказательств их правдивости. Случаи, о которых я рассказываю, не являются, как может кто-то подумать, моими сентиментальными выдумками; о них свидетельствуют донесения агентов, годами работавших в качестве слуг в доме Распутина и, следовательно, знавших его повседневную жизнь в мельчайших деталях… Распутин не лез в первые ряды политической арены, его вытолкнули туда прочие люди, стремящиеся потрясти основание российского трона и Империи… Эти предвестники революции стремились сделать из Распутина пугало, чтобы осуществить свои планы. Поэтому они распускали самые нелепые слухи, которые создавали впечатление, что только при посредничестве сибирского мужика можно достичь высокого положения и влияния».*

Она подняла на нас глаза. Тном строгой учительницы пояснила: «Понимаете ли?! Чтобы опорочить Государя и Государыню, собственно Самодержавие в глазах народа

враги клеветали на Григория Ефимовича. Есть сведения, будто революционеры, всякие либералы находили даже двойников нашего святого старца, которые устраивали пьяные оргии в ресторанах… Уверена, что вы почитаете лейб-медика доктора Боткина, раба Божиего Евгения, отказавшегося покинуть Царственных мучеников и принявшего с ними мученическую кончину… Хотите ли послушать, что он говорил про Григория Ефимовича?»

Мы невольно дружно закивали. Тогда Надежда Амоновна снова опустила глаза в свою рукопись и прочитала: *«Если бы не было Распутина, то противники Царской семьи и подготовители революции создали бы его своими разговорами из Вырубовой, не будь Вырубовой, из меня, из кого хочешь».*

Гостья снова подняла на нас глаза: Это только подтверждает мнение господина Васильева… А вот, что говорил про Григория Ефимовича духовник Царской Семьи, протоиерей Александр Васильев: *«Распутин - вполне богобоязненный и верующий человек, безвредный и даже скорее полезный для Царской Семьи… Он с Ними беседует о Боге, о вере».* И заметьте, я процитировала не каких-то экзальтированных дамочек, которыми так любят окружать образ Григория Ефимовича клеветники. Князь Жевахов вообще определил, что неэтично говорить о старце в державном масштабе, потому он был просто личным дру-у-угом Царской Семьи, на что каждый смертный имеет личное право.»

- Но ведь были и отрицательные мнения! – подал голос Юра.

- Да, были! Но чьи? Ленина, безбожника Льва Толстого, провокатора Пуришкевича, секретаря-соглядатая Симоновича, либералов и масонов Милюкова, князя Львова, Юсупова, Маклакова Великого Князя Димитрия

Павловича, Витте и еще других, самые имена которых не вызывают доверия.

- А святая преподобномученица Великая Княгиня Елисавета? – не унимался Юра.

- Святые в своей земной жизни были простыми людьми… Могли ошибаться… Да и окружали Великую Княгиню после смерти Великого Князя Сергия Александровича весьма сомнительные личности… Теперь позволю себе вспомнить, что кроме масона Юсупова, провокатора Пуришкевича среди убийц были и другие… Кто? В то время в Петербурге служили два офицера британской разведки МИ-6, которые могли совершить убийство: друг Юсупова по университетскому колледжу в Оксфорде Освальд Рейнер и капитан Стивен Аллей. Святой Царь Великомученик и искупитель Николай Второй Александрович был убежден, что убийца — друг Юсупова по колледжу. От многих единомышленников я слышала, что убийство Григория Ефимовича было ритуальной пыткой. Кое-кто даже предполагает, что старец принял мученическую кончину не в доме Юсупова, а в каком-нибудь укромном уголке… К слову, вернувшийся в Англию Рейнер тут же был награждён орденом Британской империи. Шофёр Комптона вспоминал, что он за неделю до убийства Григория Ефимовича, впрочем, как и в скорбный день его мученической кончины, привозил Освальда к Юсупову, где уже присутствовал капитан Джон Скэйл. А через неделю после убийства Аллей в своем письме признается: «Хотя не всё пошло по плану, наша цель была достигнута… Рейнер заметает следы и несомненно свяжется с вами…». Современные английские ученые доказали, что приказ устранить Григория Ефимовича трём своим агентам дал директор МИ-6 Мэнсфилд Смит-Камминг. Не могли об этом не знать ни Юсупов, ни Пуришкевич… Исполнители… Как произошло и с убиением святого великомученика Государя

Императора Павла Первого Петровича. Царствие ему Небесное! Там тоже руководили англичане, а исполнителями были русские иуды и масоны… Подтверждение всему, что я сказала, - факт: контрольный выстрел в лоб старца был произведён из револьвера британских офицеров «Веблей 455».

- И откуда у вас такие сведения? – спросил Борис.

- Я же говорила, что занимаюсь этим много лет! – потупила очи Надежда Амоновна. Тихо проговорила Надежда Амоновна: «У меня есть знакомые, единомышленники и в Англии, и в США, и в Германии, и во Франции… Конечно, из семей русских эмигрантов так называемых первой и второй волн… Но кое-кто из коренных жителей живо интересуется. И помогает!»

- Но Пуришкевич, – взволнованно воскликнул Юра, - же - основатель и идеолог Союза Русского народа!

- Пуришкевич! – хмыкнул Борис. Но уже серьезно проговорил: «А может быть, ему именно англичане поручили создать русскую патриотическую организацию, чтобы вычленить наиболее неравнодушных, активных… А потом их у-нич-то-жить! Что и случилось после семнадцатого года. Твой Пуришкевич мог быть, образно говоря, бомбой замедленного действия. Как тот же Гапон.»

- Интересно, как Юсупов и Пуришкевич кончили? – крутанул головой Юра.

- Феликс Юсупов сошел с ума…

- Вот уж воистину: когда Бог желает наказать, он лишает человека разума, - грустно хмыкнул я.

- Но я бы все-таки воздержался называть Распутина мучеником, - вздохнул Юра.

- Не соглашусь, потому как, – гостья снова полистала свою тетрадь, - в заключении осмотра тела Григория Ефимовича судмедэкспорт, профессор Косоротов написал: *«При вскрытии найдены весьма многочисленные*

***повреждения, из которых многие были причинены уже посмертно. Вся правая сторона головы была раздроблена, сплющена... Смерть последовала от обильного кровотечения вследствие огнестрельной раны в живот. Выстрел произведен был, по моему заключению, почти в упор, слева направо, через желудок и печень с раздроблением этой последней в правой половине. Кровотечение было весьма обильное. На трупе имелась также огнестрельная рана в спину, в области позвоночника, с раздроблением правой почки, и ещё рана в упор, в лоб, вероятно, уже умиравшему или умершему. Грудные органы были целы и исследовались поверхностно, но никаких следов смерти от утопления не было. Легкие не были вздуты, и в дыхательных путях не было ни воды, ни пенистой жидкости. В воду Распутин был брошен уже мёртвым*».** **Разве это не подтверждает именно мученической кончины старца? К тому же мы не знаем политических взглядов упомянутого судмедэкспорта. Все ли он указал? Правдиво ли? И не уничтожено ли было настоящее медицинское заключение, как «временное правительство» потом распорядилось уничтожить честные мощи старца. А после семнадцатого года Алексей Толстой и Осип Мандельштам написали лжевоспоминания якобы Анны Вырубовой… Я читала их. А потом мне привезли настоящие. Вот уж где отец лжи и его земные поклонники постарались! Особенно усердствовал Мандельштам… Оно и понятно по одной фамилии… За что и получил. Я не злорадствую! Но *Мне отмщение, Аз воздам*… Спаси, Господи, и помилуй!**

- Надежда Амоновона, – прервал всех Алексей Алексеевич, - у вас мужская хватка! Что называется, владеете темой! Мы узнали много интересного! Пишите. И не ограничивайте себя в объеме. Если будет написано слишком много для нашего еженедельника, мы сократим. Конечно, с вашего ведома и согласия. Сами понимаете, у нас

– газета, а не журнал, не альманах. Разворот – двенадцать машинописных листов. На них и настраивайтесь. Только, пожалуйста, поспешите с написанием. В конце следующей недели начнем верстать номер, где должен стоять предложенный вами материал.

- Тогда разрешите откланяться, - поднялась со своего стула гостья. Но Алексей Алексеевич жестом приостановил ее. Спросил: «А вы будете упоминать об обвинении Распутина в сектанстве?»

- Конечно! Григорий Ефимович дважды обвинялся в принадлежности к секте так называемых хлыстов. Но оба раза при всей своей предвзятости следствие не могло доказать и этой клеветы. Епископ Алексий, - Молчанов,- проводивший следствие, в отчете назвал старца *«христианином, человеком духовно настроенным и ищущим правды Христовой»*

- Помоги вам Бог! – кивнул на прощанье Алексей Алексеевич. Повернулся к Юре и попросил: «А вы потрудитесь написать небольшую информацию о сектантах-хлыстах. Дадим в виде врезки на сером фоне посередине текста… Вот видите, друзья мои, на январь, март, апрель у нас запланированы объемные материалы. Ищите на февраль.»

- Можно подготовить материал про того же Пуришкевича. А что если как раз в феврале день рождения или день смерти… задумчиво проговорил Борис.

- Да, - подхватил я, - по одному из «золотых правил» журналистике. Так похвалить, что читатели плеваться будут! У Бориса есть опыт! Он такой разворот про Гитлера в «Советском патриоте» сделал! После него не плеваться в сторону бесноватого фюрера хотелось… А взять в руки «калаш» и мочить всех недобитых нацистов, да и наших его поклонников, недавно появившихся. Хотя очерк был написан очень спокойным тоном.

- Льстец! – хохотнул опять Борис.

Алексей Алексеевич будто и не услышал нас. Снял очки. Протер стекла. Медленно проговорил: «А ведь Надежда Амоновна анализировать умеет получше нас всех вместе взятых. Я знаете ли читал про Пуришкевича либо панегирики со стороны патриотов, либо ругань со стороны… Но сейчас, задумавшись, с подачи нашей сегодняшней гостьи, вспоминаю, что ругань-то была чуть ли не комплиментарной!.. Нет, уделять много внимания мы Пуришкевичу, конечно, не будем. Ни с какой точки зрения. А вот врезочку в материал Надежды Амоновны, - тоже на сером фоне, - сделать можно. Ну-с? Кто возьмется за поиск материала о Пуришкевиче? Строчек на тридцать-пятьдесят…

Юра отвернулся. Буркнул: «Это же не моя тематика.»

Борис пожал плечами: «Давайте, я. У меня есть один знакомый. Историк. Он и писал для «Советского патриота» большие материалы подобного рода. Только на такую мелочь, как врез, размениваться не станет… Я попрошу его по телефону продиктовать «негатив». И сам напишу.»

- Добро, - кивнул Алексей Алексеевич. И ушел в свой кабинет.

В назначенное время я вошел в квартиру Петра Аркадьевича. Лакей тут же проводил меня в кабинет. После обычного, даже какого-то приятельского приветствия, Столыпин представил меня нескольким собравшимся, - военным и статским, -среди которых я, к своему немалому удивлению увидел и Станислава Валериановича. Гости Петра Аркадьевича тоже назвались. И о каждом Столыпин добавлял несколько слов от себя: «Генерал Александр Николаевич Замятин. Ваш тезка. Мой адъютант. Давний знакомец. При Министерстве внутренних дел служит давно… Вы могли с ним видеться. Незнакомы?.. Что ж,

теперь придется служить вместе. Так что времени на знакомство будет предостаточно… Лев Александрович Тихомиров. В юности – народоволец. Бежал во Францию. Но кто-то, должно быть, крепко молился за него. И Господь смилостивился! Лев Александрович покаялся, написав Царю письмо. Государь простил. И сейчас господин Тихомиров является, на мой взгляд, идеологом монархического строя. По моей просьбе тут же приехал из Первопрестольной. Вот, предлагаю сотрудничество… Вы не читывали его книжицу «Почему я перестал быть революционером»? Рекомендую прочитать.

- Помилуйте, Петр Аркадьевич, – сверкнул стеклами очков господин с окладистой бородой, - позвольте хотя бы завершить мою монографию… Рабочее название оной «Государственная монархия»…

- Голубчик! Лев Александрович, – улыбнулся Петр Аркадьевич, - Вы своим трудом уже сотрудничаете! Но я бы очень хотел, чтобы вы возглавили газету, разъясняющую читателям наши позиции, воспитывающую оных верноподданными… Сами, поди, знаете, в чьих руках сегодня печатное слово. А нам нужна наша, монархическая газета! Средств на нее я не пожалею!

- И все-таки, позвольте мне дописать мою книгу? – вздохнул Тихомиров. И твердости своей даже глаза опустил: «Тогда буду в полном вашем распоряжении.»

- Извольте! Только, чур, я стану ее первым читателем! – еще шире улыбнулся Петр Аркадьевич. И продолжил, указывая на холеного, в хорошем значении этого слова, даже какого-то стерильного, словно хирург перед операцией, господина: «А вот, прошу любить и жаловать: доктор Дубровин. Александр Иоаннович. В прошлом – военный врач. Служил в 5-м пехотном Калужском полку, в 90-м Онежском полку, в лазарете Конного лейб-гвардии полка, в

Семёновском Александровском военном госпитале. Теперь – создатель и душа Союза Русского Народа…»

Дубровин скорбно крутанул головой и вздохнул. Столыпин, заметив, живо откликнулся: «О чем скорбите, друг мой?»

- Ох, и не спрашивайте, Петр Аркадьевич! Пуришкевич все дело портит… Такое ощущение, что он специально приставлен к нам некими силами, дабы развалить Союз! - еще раз тяжело вздохнул Дубровин. Скорбно проговорил: «Конечно, оратор он блестящий. Но властолюбив. Честолюбив, в самом дурном понимании этого слова. Не терпит чужого мнения. И того, кто противоречит ему, считает чуть ли не врагом! Это своих-то соратников! А иной раз в таких истериках бьется… Простите, как курсистка, у которой гормоны играют…

- Иезуитский метод: разрушать доброе дело изнутри, - вздохнул генерал Замятин.

- Так Пуришкевич в нашем Министерстве по сей день служит! Правда, по хозяйственной части! – проговорил полковник, лицо которого мне показалось знакомым. А он представился мне: «Холодов Сергей Никитович. А вы, если мне память не изменяет, были порученцем у Димитрия Феодоровича.»

- Так точно, - кивнул я.

- Так что же? Пуришкевича следует убрать из Министерства? Он случайно – «не вольный каменщик»? – взглянул Петр Аркадьевич на Станислава Валериановича.

- Сведений о принадлежности упомянутого господина к той или иной масонской ложе у меня нет, - покачал головой ротмистр, - однако в круг его общения входит немало масонов. И с ними он встречается не только явно, но и тайно. Как, например, с одним служащим английского посольства. Тем не менее, считаю, что избавляться от господина Пуришкевича преждевременно. Хотя, признаюсь,

у меня есть подозрения в его связях с той же английской разведкой.

- Что вы говорите?! – в сердцах хлопнул ладонями себе по коленям Александр Иоаннович.

- Ну, полно! Полно! Господь все уладит! – похлопал Дубровина по плечу Столыпин. И продолжил, обращаясь ко мне: «Ну-у-у, со Станиславом Валериановичем вы знакомы. Теперь, как и раньше, Бог помощь вам в сотрудничестве…»

Наконец, я познакомился с есаулом Кузьмой Антоновичем, капитанами Игорем Львовичем и Вениамином Сергеевичем. Они тоже оказались фронтовиками, вернувшимися с Русско-японской войны. Имена еще троих статских я не запомнил. В это время в кабинет вошел незнакомый мне моложавый, по-гвардейски подтянутый жандармский полковник. Резко опустил и вскинул голову. Прищелкнул каблуками. Проговорил словно на служебном докладе: «Прошу прощения, ваше превосходительство. Поезд прибыл с опозданием. Опять где-то железнодорожники забастовали. Неймется!»

Петр Аркадьевич обменялся с ним рукопожатиями. Улыбнулся: «Анатолий Вячеславович! Мы собрались для приватной беседы. Проходите. без церемоний. И не переживайте! В ходе службы познакомитесь со всеми поближе.»

Петр Аркадьевич жестом обвел чайный столик: «Давайте-ка, господа, присядем. Потолкуем. Я теперь по просьбе Государя Императора буду вашим начальником. Хотя признаюсь: всеми силами противился этому назначению. Но Государь настаивал, и я не смел отказать. Посему хочу, чтобы вы прониклись моими заботами, делами, обязанностями. Кроме вас я никого не знаю. И пока довериться никому из сотрудников Министерства в полной мере не могу.»

Петр Аркадьевич позвонил в серебряный колокольчик. Через миг горничная ввезла в кабинет сервировочный столик, уставленный графинчиком, рюмками, кофейником, чашками, блюдом с бутербродами, тарелочкой с нарезанным лимоном. Потом присела в реверансе и скрылась за дверью. Петр Аркадьевич собственноручно разлил, как я понял, коньяк, кофе. Жестом пригласил нас выпить. Что мы и сделали.

Петр Аркадьевич сделал из рюмки еще один маленький глоток. Закусил коньяк лимоном. Запил кофе. Мы все последовали ему. А он заговорил: «Как вы знаете, министр внутренних дел являлся первым среди других министров Российской Империи по своей роли и масштабу деятельности. Нашему ведомству надлежит справедливо и твёрдо охранять порядок в России. Предвижу упрёки наших доморощенных либералов о несовершенстве законов и, соответственно, невозможности их правильного применения. Но согласитесь, нельзя сказать часовому: у тебя старое кремнёвое ружьё. Употребляя его, ты можешь ранить себя и посторонних. Брось ружьё. На это честный часовой ответит: покуда я на посту, покуда мне не дали нового ружья, я буду стараться умело действовать старым. Мы с вами, господа, будем заниматься управлением делами почты и телеграфа, государственной полицией, тюрьмами, ссылкой, деятельностью губернских и уездных администраций, взаимодействием с земствами, продовольственными делами, - разумею обеспечение населения продовольствием при неурожае, - пожарной частью, страхованием, медициной, ветеринарией, судопроизводством на местах и некоторыми другими вопросами. Так что, готовьтесь к серьёзной работе. Некоторые законы тоже придется пересмотреть. Посему прошу на службе просто, без экивоков, делиться своими соображениями, которые будем обсуждать коллегиально. А

я – выходить с предложениями на Государя Императора. Все то же самое я буду говорить на расширенном совещании начальников департаментов. Но, как вы сами понимаете, и в нашем ведомстве немало тех людей, кои пляшут под дудку зарубежных гроссмейстеров… Последним нужны великие потрясения в нашем Отечестве, разрушающие все исторически традиционные устои, тогда как нам и всем верноподданным, - хоть православным христианам, хоть католикам или протестантам, хоть магометанам или иудеям, - нужна Великая Россия! Не люблю громких слов, но по-другому сказать не умею…

Петр Аркадьевич сделал глоток кофе. Продолжил. Я предполагаю провести несколько реформ. Уже есть соображения. Но прежде, чем доложить Государю, хочу, что называется, отрепетировать перед вами. Итак, противостояние между исполнительной и законодательной властью создавало трудности для выхода из послевоенного кризиса и революции. Посему, памятуя о том, что рыба гниет с головы, я хотел бы разобраться с Государственной Думой, состав которой не может удовлетворять верноподданных соотечественников. Наши господа «думцы» в большинстве своем поднимают бокалы с шампанским, когда слышат, что на девяносто казнённых террористов за последние месяцы приходится почти три сотни убитых и четыреста раненых представителей власти, большей частью простых городовых, случайных прохожих, женщин, детей…

- Разрешите дополнить, Петр Аркадьевич? – подал голос один из статских, имя и отчество которого я не запомнил. И на разрешительный кивок Столыпина сказал: «Кое кто из упомянутых, с позволения сказать, господ даже закричали, услышав о жертвах террора, мол, мало… Им, оказывается, мало невинных жертв вернрподданых!»

- Каковы, пардон, мерзавцы! – не удержавшись, воскликнул есаул.

- Во-первых, - грустно усмехаясь, проговорил Тихомиров, - Эта Дума – противоречит самому понятию *Самодержавие*. Во-вторых, она – рассадник террористической идеологии. А думцы в своей глухариной песне не разумеют того, что оболваненные фабричные и крестьяне, ставшие террористами, - грубая физическая сила, - если, не дай Бог, возьмут власть, в первую голову уничтожат и своих нынешних идеологов.

- Разогнать бы эту Думу! – тихо проговорил еще один статский. Но тут же вскинулся: «Простите, Петр Аркадьевич. Перебили.»

- Нет-нет, – помотал головой Столыпин, - вы только дополнили и утвердили меня в собственных размышлениях. Но я хочу предварительно встретиться с лидерами так называемых фракций… Кроме того, постараюсь убрать из Правительства таких, как главноуправляющий землеустройством и земледелием Стишинский и обер-прокурор Святейшего Синода князь Ширинский-Шихматов, пока при сохранении всего остального состава кабинета Горемыкина.

- А что делать с исполнителями террористических актов, которые по сию пору не прекращаются? – спросил один из капитанов.

- Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада. Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью Отечества. Для сего я предполагаю принять меры исключительной охраны государственного порядка. То есть в губерниях, где введены военное положение или положение чрезвычайной охраны, создать особые суды из офицеров, ведавших только делами, где преступление было

очевидным. Разумею убийство, разбой, грабёж, нападения на военных, полицейских и должностных лиц. Предание оному суду должно происходить в течение суток после совершения преступления. Разбор дела может длиться не более двух суток, приговор приводился в исполнение в двадцать четыре часа. Введение военно-полевых судов вызвано тем, что военные суды, ныне постоянно действующие на данный момент и разбиравшие дела о революционном терроре и тяжких преступлениях в губерниях, проявляют, по моему мнению, чрезмерную мягкость и затягивают рассмотрение дел. В то время как в военных судах дела рассматриваются при обвиняемых, которые могут пользоваться услугами защитников и представлять своих свидетелей, в военно-полевых судах обвиняемые лишаются всех упомянутых прав. Конечно, на Западе тут же закричат о «России – тюрьме народов». Но что сделали бы власти тех же Американских штатов, Великобритании, я не говорю уже о Японии, подвергшись такому же шквалу терроризма, как наше Отчество?!

- Ну, слава Богу! – выдохнул Станислав Валерианович. И все собравшиеся согласно закивали.

- Но в нашем арсенале есть и мирные методы. Территория Европейской России перенаселена, - Петр Аркадьевич встал со своего кресла. Подошел к письменному столу. Взял там несколько листов, исписанных мелким почерком. Вернулся. И поглядывая в записи, заговорил: «Полсотни губерний Европейской России, в которых в середине минувшего века проживали около пятидесяти миллионов человек, сейчас вмещают восемьдесят шесть миллионов. Из-за этого земельные наделы крестьян за упомянутый период сократились с четырех целых и восьми десятых десятин на душу мужского населения до размера двух целых и восьми десятых десятин. Соответственно снизилась производительность труда крестьян в Российской

Империи. Причиной сего явилась вся ныне действующая система сельского хозяйства. Как то устаревшие трёхполье и чересполосица. Треть пахотной земли «гуляет», что называется, под паром. Мужик обрабатывает узкие полоски земли, иной раз лежащие далеко друг от друга. Но самое главное: земля не принадлежит крестьянину на правах собственности. Ею распоряжается община, или, как принято говорить, *мір*. Он, господа, распределяет землицу-кормилицу по «душам», по «едокам», по «работникам» и так далее. Почти четыре пятых десятин надельных земель находятся в распоряжении общин. Исключение составляют крестьянские земли в западных губерниях. Там они находятся во владении хозяев-единоличников. Заметьте: урожайность в этих губерниях - выше, нежели в центре или на востоке Европейской России. Губернаторствуя там, я не знал случаев голода при неурожаях. Посему намерен предложить Государю совокупность мер по отмене коллективного землевладения сельской общины и созданию класса крестьян — полноправных собственников земли. В проекте реформы я написал: *«каждый домохозяин, владеющий землёй на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли»*. Саму реформу я предлагаю проводить в нескольких направлениях. Первое. Повысить качество прав собственности крестьян на землю. То есть заменить общинную, ограниченную собственность на землю частной собственностью отдельных крестьян-домохозяев. Все наши действия в этом направлении должны носить административно-правовой характер. Второе. Отменить изжившие себя сословные гражданско-правовые ограничения, так как они только препятствуют хозяйственной деятельности крестьян. Третье. Для того, чтобы повысить уровень производительности

крестьянского сельского хозяйства, правительство должно поощрять выделение крестьянам-собственникам участков «к одному месту», то бишь отруба, хутора. Безусловно, сие требует от Державы проведения сложных и дорогостоящих землеустроительных работ по разверстанию чересполосных общинных земель. Но, - самое большее, - через десять лет, прибыль государства повысится многократно. Да и некогда, незачем будет крестьянину ходить в кабак или слушать всякого рода агитаторов. Четвертое. Правительство должно создать Крестьянский поземельный банк, льготное кредитование в котором будет несомненно поощрять крестьян на покупку частновладельческих, и в первую голову помещичьих земель. Поверьте, господа, сие действо Правительства намного повысит авторитет власти в глазах земледельцев. Они поймут, что не помещик, а вся Держава заботится об их хозяйстве, быте, жизни. Пятое. Правительство просто обязано поощрять рост оборотных средств крестьян-хозяев. И здесь можно применить банковское кредитование под залог, ссуды мужикам, объединившимся в кооперативы и товарищества… Вот так, вкратце.

- Простите, Петр Аркадьевич, а не превратятся ли эти самые кооперативы и товарищества в те же общины? – перебил Столыпина еще один перебил Столыпина еще один статский господин.

- Нет-с, Иоанн Максимович. Никак. Уже потому, что земля, при действии реформы, предлагаемой мною, станет не общинной, а частной собственностью одного хозяина. Скажу далее. Я предусматриваю организацию широкого субсидирования в сфере, если так можно сказать, агрономической помощи. Она включает в себя профессиональное консультирование, просвещение, - разумею издание дешевой сельскохозяйственной литературы, журналов, газет, - создание и поддержку

опытных и образцовых хозяйств, торговлю современными удобрениями, инструментом, техникой. Причем субсидирование должно быть прямым. Повторюсь: все перечисленное должно происходить на Государственном уровне. Вот вас, Иоанн Максимович, как человека не чуждого издательского дела и одновременно специалиста по сельскому хозяйству, и просил бы заняться просветительской деятельностью. Подготовьте проекты сельскохозяйственных журнала, газеты. Предусмотрите самую низкую стоимость оных.

- Почту за честь! – кивнул тот. Столыпин улыбнулся. Отхлебнул коньяку, кофе. Закусил лимоном и бутербродом. Опять заговорил: «Я уже упомянул о перенаселенности Европейской части Империи. Проект следующей реформы предполагает добровольное переселение крестьян из центральных губерний на безлюдные, необъятные просторы Сибири. Вы только представьте, господа, в Европейской части России на одну квадратную версту приходится в среднем пятьдесят душ, а в Сибири – одна! На Алтае – и того меньше.

- Вы полагаете, что таковые найдутся? Переезжать на новые, необжитые места?.. – даже вскинул брови еще один статский господин, имя и отчество которого я тоже не запомнил.

- Полагаю, Олег Викторович! Крестьяне согласятся переезжать в Сибирь, если мы возьмемся за дело серьезно. Для этого я планирую создать Переселенческое управление, которое прошу возглавить вас, Олег Викторович. Крестьянские переселения на восток должны стать не просто добровольными! Мы должны предусмотреть всевозможные государственные льготы. На казенный кошт осуществить доставку желающих отправиться в Сибирь и на Алтай для предварительного осмотра мест, устроение участков, оказать денежную помощь на переезд семьями, с

домашним скарбом и живой скотиной, заинтересовать переселенцев кредитами на постройку домов, покупку инструмента, механизмов. Землю переселенцам предоставим даром и в собственность, а не в пользование, – по полсотни десятин на семью.

- Но ведь это – миллионы десятин Государственной земли! – воскликнул кто-то из присутствующих. Кто, я не видел, потому что внимательно слушал Столыпина.

- Да! Миллионы! Но они окупятся сторицей! – кивнул Петр Аркадьевич, - Я навел справки. Те, кто уже обосновался в Сибири и на Алтае снимают с каждой десятины шестьдесят пудов хлеба. Тогда, как в Европейской России – всего сорок. Так захочет ли богатый крестьянин, хозяин земли, своего достатка митинговать, бунтовать, сжигать поместья, убивать? Нет-с, господа, не захочет. А проведя сии и некоторые другие реформы, над проектами которых я сейчас работаю, мы сможем добиться истинного величия России. И тогда Отчество наше через тридцать лет станет главной Державой в мире! И сможет спасти мир от грядущего антихриста!.. Есть еще один плюс. Разгрузив с точки зрения перенаселенности центр России, мы мно-о-огих упасем от революционной агитации… А заниматься непосредственной быстрой и безопасной перевозкой крестьян-переселенцев с семьями и хозяйством я попросил бы вас, господа офицеры. Для ваших поездов я прикажу на всем пути давать, что называется, зеленую улицу.

Столыпин обращался в обоим капитанам. После этого помолчал минуту. Вздохнул, как мне показалось, с облегчением. И добавил: «Ну, вот, собственно и все, что я хотел сказать и с чем завтра пойду на доклад к Государю.»

Я, конечно, совсем не разбирался в сельском хозяйстве. Но понял, - да и не мог не понять, - всю гениальность и простоту сказанного Столыпиным. А он, сделав глоток коньяку, потом кофе, улыбнулся: «Но не успокаивайтесь,

господа! Одновременно с упомянутыми мною реформами, нам придется решать еврейский вопрос в России, финский, да и многие другие… Александр Иоаннович! Что вы думаете по поводу первого? О тех же погромах? О черте оседлости?»

Доктор Дубровин даже вздрогнул, услышав обращение к себе. Но быстро взял себя в руки. Ответил: «Я – не сторонник кровопролития. Погромы противны мне и моим единомышленникам уже одной своей бессмысленностью, не говоря про дикую, бесцельную жестокость и разнузданность низменных страстей. Во-вторых: за все погромы расплачиваются сами же погромщики, - русские или вообще христиане, - да и жалкие полуодетые, голодные бедняки-евреи. Богатое и всемогущее еврейство, почти без исключений, остается невредимым. «Союз русского народа» употреблял и будет употреблять все усилия, дабы не допускать погромов. Но, увы, в Союзе Русского народа на драконовские методы подбивает простаков тот же Пуришкевич. Однако среди евреев немало добропорядочных людей. Верноподданных. Патриотов России. Более того, многие из них крещены по христианскому Православному обряду. Живут и трудятся на благо Отчества. Немало их состоит даже в монархических организациях. Но с другой стороны… Большинство погромов, - тот же Кишиневский, - спровоцированы самими еврейскими боевиками. Мно-о-огие вожаки революционеров, если не большинство – лица еврейской национальности. Сменили свои фамилии на русские, малоросские, белорусские, даже грузинские... Приведу только один пример, В Екатеринбурге некий Яков Михайлович Свердлов, - на самом деле, Янкель Моисеевич, - создавал антиправительственные боевые дружины, члены которых, - в большинстве своем, заурядные уголовники, - отличились особой жестокостью. Мятежи на «Потемкине» и «Очакове» фактически возглавлялись боевиками из еврейской террористической партии БУНД. Теми же

Фельдманом, Березовским и иже с ними. Список идеологов терроризма можно продолжать. Не хочу быть многословным. Большинство проституток, уголовников и просто мошенников – увы, евреи. Еврейская молодежь баламутит русских, учащихся других национальностей в учебных заведениях. Вплоть до гимназий.

- А вот господин Пуришкевич чуть ли не на каждом углу кричит, что именно вы, Александр Иоанович, призываете к погромам. Более того, - к убийству высокопоставленных чиновников, даже депутатов Государственной Думы еврейской национальности, - подал голос до сих пор молчавший жандармский полковник.

- Это – грязная ложь! – вскинулся доктор Дубровин.

- Я тоже не верю словам господина Пуришкевича. Иначе не пригласил бы сегодня Александра Иоанновича, - сказал Столыпин.

- Благодарю, - кивнул доктор Дубровин, - по поводу черты оседлости… Ее давно нет, господа! Иные иудеи нарочно принимают Святое Крещение, чтобы поступить в тот же университет. И примеров тому – неисчислимое множество! Еврейки выходят замуж за русских, иных не евреев. Рожают детей. Воспитывают оных, -тайно! - в своей вере. К тому же у иудеев национальность определяется по-матери. Пример тому – Александр Ульянов, казненный за покушение на Государя. По матери-еврейке он – Бланк! Но мы почему-то, то ли по доброте душевной, столь присущей русским людям, то ли по близорукости, - не считаем оных чад евреями… И сие – еще один метод, позволяющий им миновать черту оседлости.

- Благодарю вас, Александр Иоаннович, за весьма ценное замечание, кивнул Столыпин и тут же повернулся к Станиславу Валериановичу: «А что вы расскажете нам об агентах иностранных разведок, окопавшихся во всех эшелонах власти?»

- Я представлю вам подробный рапорт по этому вопросу, - ответил тот. Обвел взглядом присутствующих: «Однако скажу для всех, как для ваших, Петр Аркадьевич, доверенных лиц. А именно: иностранные разведки суть подразделения, подчиненные так называемому международному правительству.»

- Под международным правительством вы разумеете масонов? – спросил Тихомиров.

- Так точно. Но скорее, - высший совет масонских лож. Он же сам подчиняется синедриону, - ответил ротмистр.

- Как, разве римляне не уничтожили его в первом веке? – хмыкнул один из статских.

- Увы, – усмехнулся Станислав Валерианович, - синедрион существовал всегда! Все войны, восстания, эпидемии, голод, революции, убийства лучших людей в разных странах устраивал именно он. И самой главной своей целью, - заметьте, как враг рода человеческого, - синедрион видит внушение людям убеждения, что его не существует. Полагаю, будет уместно пригласить господина Нилуса выступить для сотрудников Министерства с лекцией по данному вопросу…

- Дельно! – кивнул Петр Аркадьевич. И скоро мы разошлись по домам. Станислав Валерианович предложил прогуляться пешочком. Я не отказался. Спросил: «Как там наш Сергуня-малый поживает?»

- И-и-и, – засмеялся ротмистр, - он уже – не Сергуня-малый, а господин прапорщик. Сергий Власьевич. И служит в моем ведомстве. Под моим непосредственным началом. Представлен к ордену.

- Как? Без соответствующего образования? Младший офицерский чин? Без школы прапорщиков? - удивился я.

- Так он же, почитайте, участвовал в боевых действиях! Я написал рапорт о подвигах нашего Сергуни и при захвате квартиры Зары-Эльцы, - помните? – и в Одессе, и в

Севастополе. Начальство сочло его достойным присвоения офицерского чина. Конечно, грамотешки Сергию Власьевичу не хватает. Но я всякий раз вижу его с книгами. Учится молодец. Я помогаю, чем могу…

И вдруг позади нас раздались два револьверных выстрела. И тут же мимо пронесся возок. А из него в нашу с ротмистром сторону полыхнули и громыхнули еще два выстрела. Но Станислав Валерианович успел толкнуть меня в сторону… Пули звякнули о стенку дома, мимо которого мы только что проходили. Станислав Валерианович выхватил револьвер, но выстрелить не успел: возок скрылся за поворотом.

- Бежим! – крикнул ротмистр. И кинулся вперед: «Как бы не было беды.»

- Когда же мы пробежали сотню шагов, то увидели знакомого жандармского полковника. Он лежал ничком, а из-под него, по припорошенному свежим снежком тротуару растекалась кровь. Ротмистр приложил ладонь к шее убитого. Взглянул на меня. Скорбно покрутил головой. Мы сняли папахи. Перекрестились… А к нам уже бежали дворник и постовой. Станислав Валерианович встрепенулся. Скомандовал подбежавшим: «Останьтесь у тела.»

Повернувшись ко мне, определил: «Вернемся к Столыпину.»

И на ходу добавил: «Целью террористов был полковник… Должно быть, «насолил» он им крепко! А в нас стреляли, как говорится, «до кучи».

- Но как же они узнали место и время пребывания убиенного? Город-то немаленький! – удивился я.

- Выследили. Это дело у них, надо признать, иной раз поставлено лучше, чем у нас, - вздохнул Станислав Валерианович. Выслушав ротмистра, Столыпин даже головой дернул: «Мерзавцы!.. На Анатолия Вячеславовича, - Царствие ему Небесное! - я возлагал большие надежды.

Дельный, очень дельный был офицер! Надо сообщить в Саратов, семье. Я ведь его срочно вызвал. Пока одного…»

- Вам бы, Петр Аркадьевич, снарядить для себя охрану! Террористы, поди, уже знают о вашем назначении на пост министра внутренних дел, - сказал Станислав Валерианович.

- Да-да… Спаси Господи… Я сейчас позвоню по телефону. Дам распоряжения. Надо еще супругу полковника с детьми вызвать из Саратова. Старший-то сынок Анатолия Вячеславовича – здесь. В кадетском корпусе… А вы извольте подождать. Для вас я вызову возок. И троих конных казаков.

- А вот этого Петр Аркадьевич, – покрутил головой Станислав Валерианович, - совсем лишнее! Во-первых, мы оба вооружены. Во-вторых, казаки могут привлечь нездоровое внимание известных сил.

- Согласен, - кивнул Столыпин и ушел звонить по телефону. А скоро и мы с ротмистром скользили в крытом возке по заснеженным улицам столицы. Подъехав к дому Станислава Валериановича, я распрощался с ним. А по дороге к себе домой подумал, что моя служба на новом месте начинается очень невесело. Про гибель полковника Еленушке решил ничего не рассказывать. Во дворе своего дома зачерпнул пригоршню снега и растер им себе лицо…» Жена, встретив, поцеловала. А взглянув в глаза, спросила: «Что-то случилось?

- Нет-нет, дорогая! Все в порядке! – попытался придать своему голосу бодрую веселость я.

- На тебе лица нет! Ну-ка, рассказывай! И не оправдывай свое лицедейство моим положением. Я буду больше волноваться в поисках всяких догадок! – уже строго проговорила она. И я рассказал. Елена перекрестилась. Сказала: «В воскресенье закажем панихиду по невинно убиенному воину… Как ты сказал его величают?.. Ага…

Рабу Божиему Анатолию. Царствие ему Небесное!.. Я прикажу накрывать стол для ужина?»

- Спаси Господи! Что-то не хочется.

- Нет-нет! Слышать отказов не желаю. А ты должен слушаться хотя бы учитывая мое положение, - погладила она уже довольно большой живот. Посмотрела на себя в профиль в большое зеркало на стене: «Тебе просто необходимо хорошо питаться. Чтобы служить не только за себя, но и за невинно убиенного не случившегося сослуживца… Да-а-а! Война не кончается. Помоги нам, Господи!»

- Ну, хорошо! Уговорила… Знаешь, я думаю завтра выйти на службу. Послезавтра - похороны Анатолия Вячеславовича. А это – на полдня. Какая служба?!

- Завтра? Но ведь у тебя остался еще один день для отдыха. Хотя,.. Ты правильно решил. А на похороны я поеду с тобой. Насколько я понимаю, отпевать будут в Александро-Невской Лавре? Заодно навестим с тобой могилку нашей незабвенной Агнии Константиновны, - Царствие ей Небесное.

За ужином Еленушка спросила: «Ведь у тебя была приватная встреча со Столыпиным? Если можно, расскажи, о чем вы там толковали?»

Я и рассказал то, что действительно было можно. Елена живо ответила: - Петр Аркадьевич - умница! Не то, что думские болтуны! В него действительно можно влюбиться! По-братски, конечно. А каков Тихомиров?! Святого Апостола Павла Господь тоже мгновенно привел к вере! Знаешь, кто-то говорит, что нынче времена другие. А тут случай с преображением Льва Александровича только подтверждает, что в любые, «другие» времена Господь-то остается Тем же. А что за книжица, которую тебе рекомендовал прочитать Петр Аркадьевич?

- Называется «Почему я перестал быть революционером».

- Я как раз завтра собралась ехать на Невский. Надо кое-что из приданого для чадушки нашего посмотреть. Зайду в книжный.

- А тебе не тяжело?

- Что ты! Мне надо больше двигаться! А приданое для своего ребенка я никому не доверю покупать…

… Утром Елена придирчиво оглядела меня. Разгладила ладошкой несуществующие складки на мундире. Поцеловала. Перекрестила. И через полчаса я входил в приемную Столыпина. Генерал Замятин уже сидел за своим рабочим столом. Поздоровавшись со мной, спросил: «По-моему вы должны были выйти на службу завтра?»

- Так точно, - кивнул я, - но после вчерашнего несчастья с господином полковником не сидится дома.

- Что ж… Сие похвально… Петр Аркадьевич отправился на доклад к Государю. Потом – в Думу. Сказал, что будет только к обеду. А вы пока займитесь входящими документами.

Что я и сделал. Время летело быстро. В приемной собрались посетители, всякого рода просители… Замятин внимательно оглядывал каждого. Проверял у них документы. Данные записывал в журнал. Около трех часов по полудни в приемную вошел Столыпин в сопровождении Станислава Валериановича. Оба были мрачны и озабочены. Петр Аркадьевич поздоровался. Обратился ко мне: «Господин штабс-капитан. Зайдите.»

В кабинете он даже не присел за свой рабочий стол. Подошел к окну. Вгляделся вдаль… Вздохнул: «За прошедшую ночь и утро в столице застрелены еще трое: офицер Лейб-гвардии Преображенского полка и двое городовых. А в госпитале произошло нечто совершенно непонятное… Сверхъестественное, что ли… Ума не

приложу! Отправляйтесь с господином ротмистром туда. Выясните. А вернувшись, доложите. Не мешкайте.»

Я вопросительно взглянул на Станислава Валериановича. Тот жестом предложил следовать за ним. И только усевшись в возок, заговорил: «В госпитале, в специальной палате–камере, под усиленной охраной содержался раненый при аресте агент немецкой разведки. На улице был выставлен караул. Его начальник – опытный, грамотный офицер. И представьте! Шпион бежал… Ключи от камеры были у дежурного офицера. Он на моем допросе лопотал что-то невнятное. Будто бы к нему в «дежурку» вошел человек в белом халате. Сказал, что он доктор. И хочет осмотреть рану шпиона. Офицер, естественно, отказал: мол, ночь, и у него нет специального приказа о допуске незнакомых лиц. Даже врачей... Мол, раненным занимает сам начальник отделения… И вот тут, по словам офицера, произошло нечто из рук вон выходящее. Он, не отдавая отчета своим действиям, словно во сне, вышел из «дежурки», сам открыл палату-камеру. Проводил «врача» и нашего сидельца до выхода из госпиталя. Провел мимо всех часовых… Еще помог раненному усесться в возок… И только после этого пришел в себя. Поднял тревогу. Но было поздно. Естественно, я арестовал офицера. Пригласил на четыре часа по полудни одного профессора-психиатра и священника, ученика отца Иоанна Сергиева из Кронштадта. Посмотрим, что скажут они… Хотя у меня есть предположение…»

- А вы уверены в том, что офицер не лицедействует? Что он - не заодно с лжедоктором и шпионом? – спросил я.

- Полной уверенности, конечно, нет. Но глаза у офицера - какие-то остановившиеся и затуманенные… И речь – монотонная, заторможенная, словно сонный бред. Я бы даже сказал: внутриутробная… И еще на допросе он все повторял: «глаза», «глаза»…

- Так что ж? Опоили? Околдовали?

- Не знаю. Не знаю, друг мой. Я верю в такие козни… Однако… Дождемся диагноза профессора. Послушаем, что скажет священник. Уж больно важен для меня этот шпион!

Без четверти четыре по полудни мы вошли в госпиталь. В кабинете главного врача уже за чаем сидели священник лет под сорок и господин, внешним видом чем-то вдруг напомнивший мне Льва Александровича Тихомирова. Станислав Валерианович представился первым. Я последовал ему. И мы оба склонились под благословение священника, назвавшегося отцом Иеронимом. Господин, похожий на Тихомирова, склонил голову: «Николай Петрович…»

Станислав Валерианович без предисловий разъяснил суть дела. И попросил главного врача привести офицера, освободившего шпиона. Что и было тут же исполнено. Когда я взглянул на офицера, в голове у меня тут же мелькнуло: - «Несчастный»! А профессор попросил оставить его наедине с офицером. Мы вышли. Закурили. Ждали всего-то минут двадцать. Наконец, дверь в кабинет открылась. Лицо профессора, появившееся в ее проеме, было красным и усыпано бисеринками пота. Он прикрыл глаза и помотал головой. И вместо него в кабинет вошел священник. Тот пробыл там несколько дольше… Когда же мы впятером снова оказались в кабинете, а офицера увели санитары, Николай Петрович покачал головой и определил: «Бедняга до сих пор находится под сильным воздействием гипноза.»

Отец Иероним согласно закивал: Ко-лдо-вство!! Несчастного необходимо срочно отправлять в какую-нибудь пустыньку. И там отчитывать!.. Господь милостив! Тем паче, господин офицер не по собственной воле подвергся колдовским чарам… Я в отрочестве увлекался рисованием. И по словам болящего набросал портрет лжеврача-колдуна. Вот-с, извольте взглянуть.»

И он протянул нам лист бумаги. С него на меня взглянула, - прости Господи, - рожа, показавшаяся мне очень знакомой. Взлохмаченные волосы, слипшиеся в густые клоки, похожие на корешки корня, выброшенного на берег из моря или озера, торчали в разные стороны. Маленькие, едва ли не свиные, глазки косили. Длинный, крючковатый нос с темной бородавкой на самом кончике свисал до подбородка, который выступал далеко перед всем лицом…»

- Да-а-а, – выдохнул главный врач, - таких страшилищ, вооруженных крючьями, рисуют в храмах Божиих, на фресках, изображающих Страшный Суд…

- Опыт подсказывает мне, - подал голос профессор, - что выглядеть гипнотизер мог совершенно нормальным, самым заурядным человеком. Но наш несчастный господин офицер, будучи православным христианином, должно быть, увидел духовную сущность лжедоктора.

- Именно! – воскликнул священник.

- Но может быть, кто-нибудь из вас, господа, подскажет, как мне теперь найти и моего, прости Господи, подопечного, и его освободителя? – даже слегка повысил голос Станислав Валерианович.

- Ах! Господин ротмистр, – вздохнул профессор, - мы с батюшкой свою работу выполнили… А уж искать и ловить этих негодяев – ваше дело. Простите нас, Христа ради! И рад бы я вам помочь! Но не сумею!

- Спаси Господи! – улыбнулся Станислав Валерианович. Перекрестился на Красный угол: «Вы итак очень помогли. Слава Богу, мне не придется привлекать нашего несчастного офицера.»

А главный врач заговорщически улыбаясь, предложил: «Чаю? У меня в поварне такой умелец служит! Такие пироги печет! С яблоками, брусникой, с капустой, с зайчатиной, с гусиной и говяжьей печенкой, с визигой и

всякой другой рыбкой. И доложу я вам, не только для офицеров! Шутка ли! Около тысячи штук стряпает!»

Мы не стали отказываться. Но и надолго не засилелись. И разъехались каждый по своим делам. А утром я явился на службу даже раньше генерала Замятина. Он же, войдя удивился. Засмеялся: «Вы что? Так и не уходили?»

Я доложил по форме. На что генерал удовлетворенно кивнул. Но спросил: «А почему такой мрачный?»

- Не выходит у меня из головы гибель господина полковника…

- Что ж… Это – война… Но нам надо жить, и нести службу. В том числе, и за погибших.

И тут же предупредил: «Петр Аркадьевич – Государя. Если вернется, то только к вечеру. Будет докладывать о всех прожектах. А сие – не на пять минут. И, как всегда бывает в таких случаях обедать останется у Его Величества.»

В эту минуту дверь приемной распахнулась. Спросил, кивнув на кабинет Столыпина: «Петр Аркадьевич у себя?»

И для нас обоих тут же выдохнул: «Взяли мерзавцев! Сегодня ночью.»

- Слава Богу! – одновременно выдохнули мы оба с Замятиным. А генерал пояснил: «Петра Аркадьевича сегодня не будет. У Государя… Потерпите до завтра… Утро вечера мудренее будет.»

Станислав Валерианович подумал. Как бы самому себе кивнул. И вдруг выпалил: «А не командируете ли вы господина штабс-капитана в помощь мне? Опыт веления допросов у него есть… И меня облегчите… А то еще всю ночь допрашивать злодеев! А Петр Аркадьевич, что называется, из первых уст узнает суть дела.»

Замятин развел руками: «Я не против…»

…В допросную ко мне ввели моложавого, широкоплечего, но с проседью арестанта, почему-то наряженного в дамское платье. Арестант без приглашения

плюхнулся на стул. Закинул ногу на ногу. Звякнул малыми кандальчиками. Обвел взглядом допросную. Сквозь зуба процедил: «Так вот у вас здесь как… А папироской не угостите?»

- За наглость не угощу… Впрочем, от ваших ответов на мои вопросы будем зависеть и наличие папирос.

Арестованный обиженно скривил губы. Опять процедил: «А что мне за это будет? Хоть бы дали приличную одежонку, а не это вонючее тряпье.»

- Приговор вам зачитают на суде. И впредь прошу не перебивать меня! – повысил я голос. И понял, что злодей тянет время. Пытается сбить в мысли. Поэтому взял себя в руки ответил: «Итак, мужское платье предоставить вам я не обязан. А если будете упорствовать и не отвечать на мои вопросы, в женском одеянии я отправлю вас в двадцатиместную камеру к уголовникам. Всего на одну ночь… Представляете, что они с вами сделают? Кандальчики я имею полное право не снимать с вас. Наконец, закурить я вам дам, опять же, если вы правдиво и четко будете отвечать на мои вопросы. А теперь назовите ваше имя, отчество и фамилию.

- Вы, должно быть, до конца не понимаете всю тяжесть своего положения. Для начала я сейчас прикажу сменить легкие узы на тяжелые короткие кандалы как на руках, так и на ногах. И заклепать их потуже…

- А это уже издевательство над арестованными! - скривил губы негодяй.

- А мы нкому об этом не скажем… Итак. Довожу так же до вашего сведения, что упомянутый мною Высочайший Указ предусматривает ведение расследования не более трех суток. Затем будет заседание военно-полевого суда. Заметьте, даже не военного, а во-ен-но-по-ле-во-го. На это будет отведены еще одни сутки. А сразу после заседания -

приведение приговора в исполнение. А сие для военного преступника – расстрел, для статского, как вы, - виселица.

- Но ведь никто не погиб от моей руки! – опять скривил губы бандит.

- Сие не имеет значения! – вздохнул я, чувствуя, что арестант скоро, что называется, «созреет» для дачи показаний. Поэтому я повторил вопрос.

- Но ведь мне товарищ Игнат говорил совсем другое! – выдохнул злодей.

- Нужны вы вашему «товарищу Игнату». Вы для него уже отработанный материал, как заповедовал теоретик терроризма Нечаев, сам сгинувший в казематах Петропавловской Крепости. Незнакомы с его, с позволения сказать, трудами? Хоть это похвально… Итак, виселицы вы сможете избежать только в одном случае: если будете сотрудничать со следствием.

- Я в смятении…

- У нас с вами, - повторюсь, - всего лишь сутки. И ежели сейчас я отправлю вас в камеру, следствие будет считаться завершенным. Завтра вы предстанете перед военно-полевым судом.

- Ну, хорошо! Хорошо! Хорошо! - Почти взвизгнул он, - Я – Казимир Ференцович Мацкевич.

- Поляк?

- Да. Из польских дворян.

- Образование?

- Закончил Берлинский Университет.

- В какой политической партии состоите? И сколько лет? Где вступили?

- В социал-революционной. Вступил пять лет назад. В Берлине.

- Сколько раз участвовали в террористических актах?

- Сегодняшний – третий… Но я никого не убивал! – чуть ли не захныкал Мацкевич.

- Назовите явки. … И если не теракты, то какого рода деятельностью занимались? Сколько человек должно было участвовать в сегодняшнем теракте?

- Трое исполнителей. Один – проверяющий.

- Фамилии проверяющего и остальных ваших подельников?

- Студент политехнического Макар Сажин, приказчик купца Скоробогатова Николай Осокин. Проверяющий – опытный боевик. Начинал еще, по моему, в «Черном переделе» или в «Народной воле»… Клянусь честью: не помню!

«Честью?! Где она у тебя?» - подумал я, но продолжал спрашивать.

- Фамилия? Имя проверяющего?

- Все его называли товарищем Игнатом.

- Теперь назовите места квартирования, явки, пародии.

- Мы жили на даче… Они под Питером всегда зимой пустуют… Сторож, дед Тарас, – наш человек. Это – за Черной речкой.., - И арестованный назвал точный адрес. Однако добавил: - Только если товарищ Игнат видел, что вы взяли меня, наша пятерка, то есть оставшиеся от нее уже наверняка съехали. Одну явку я знаю на Мойке, в доме восемь, квартира три, другую – на Солдатской, дом два, квартира восемь… Пароли меняются каждый день.

- А что за «пятерки»?

- Все боевики разбиты на группы по пять человек. Плюс – наставник. У нас был товарищ Игнат. Причем, бойцы одной пятерки не знают более никого из членов партии. Ни одного боевика из других «пятерок».

- Кто кроме участников сегодняшнего теракта входит в вашу «пятерку»?

- Курсистка из института Лесгафта Раиса Васюк… Она – с западной Малороссии. Своя медичка. И, конечно, кухня на ней. Еще… Приехавший на зимние заработки в столицу

псковский крестьянин Фока Гужев. Он используется в «пятерке» как грубая физическая сила. Ну-у-у, наверное, потому, что небольшого ума. Вот он уже пятерых убил. Раиса кокетничала. Заманивала. Или звала на помощь в темном переулке. А Фока – кулаком по темечку… Говорил, что в деревне у себя взрослому быку может шею свернуть.

- Вы заслужили папиросу, - протянул я пачку Мацкевичу. А когда тот блаженно затянулся, спросил: - Значит, вы больше никого из членов партии не видели? Не знаете?

- Знать не знаю… Но видеть – видел. Летом товарищ Игнат вывозил нас в лес. На занятия по стрельбе из револьвера. Так, вот, там преподавал один офицер. Подпоручик. Надо признать, метко стрелял. В другой раз он же обучал нас обращаться с бомбами. И еще - некоторым приемам в драке, в борьбе.

- Описать его сможете?

- Смогу.

- Хорошо. Сегодня вечером я пришлю художника. И он с ваших слов нарисует портреты офицера, Игната, Раисы, Фоки… Кого еще видели?

- Когда перевозил литературу, то по первому адресу меня встречала дама. Не из простых… Ей я все и передавал. Ей же относил все переводы. Но как ее зовут, даже не знаю. Хотя описать тоже смогу. И еще… Когда у нас Макарка захандрил, то перед очередным актом товарищ Игнат привез, как он сказал, доктора… Страшный такой! Ночью приснится, заикой стать можно. Он со всеми нами разговаривал. Правда, после этого в голове туман какой-то стоял. А Макарку увел в другую комнату. Долго с ним беседовал. Так тот, когда вышел к нам, на себя не был похож. Взгляд мутный. Речь отрывистая. И смотрел только перед собой. Словно спал на ходу…

- А как выглядел этот, с позволения сказать, доктор?

- Говорю же, страшный. Нос – длинный, крючком. До самого подбородка свисает. На конце носа - то ли родинка, то ли бородавка величиной с вишню. И вся волосами обросла. А подбородок да-а-алеко вперед выставляется…

- Про него тоже художнику все расскажете! – чуть не задохнулся от догадки я: «Уж не тот ли это гипнотизер»? А Мицкевичу сказал: «Распишитесь в протоколе допроса на каждой странице. А на последнем листе напишите «с моих слов записано верно». И поставьте число, подпись… Мы еще встретимся.

Я вызвал конвойного. Выходя, арестант обернулся. Глядя в пол, тихо спросил: «А завтра - суд?»

- Я доложу министру внутренних дел. Вы ведь на него покушались? Вот ему и решать.

Через час я вошел в кабинет Столыпина. Доложил ему о допросе. Петр Аркадьевич внимательно прочитал протокол. Позвонил в серебряный колокольчик. Явившемуся Замятину приказал: «Готовьте группы захвата по адресам, названным задержанным террористом. Начало – в четыре часа после полуночи. Поднимайте пластунов. Не забудьте сказать начальнику, чтобы каждому казаку перед выездом выдали по дневной стопке водки. Так, по-моему, советовал профессор. Вдруг нашего гипнотизера придется брать. Старшим в этом деле назначается господин штабс-капитан».

Столыпин повернулся ко мне: «Арестовать всех, кто будет на даче и в квартирах. Постарайтесь брать живыми. С вами едут следователь Фирсов и помощник Станислава Валериановича… Этот молодой, простоватый прапорщик… Как бишь его… Прости, Господи! Не успел запомнить… Станислав Валерианович очень хвалил этого молодца».

- Сергуня-малый! – хмыкнул я. И тут же поправился, - Простите, ваше превосходительство! Так мы со Станиславом Валериановичем его называли до получения

им офицерского чина. Но я присоединяюсь к мнению господина ротмистра. Видел прапорщика в деле… А что будем делать с Мицкевичем? Может быть… Агентом?

- Пустое. Ему и свои теперь не будут доверять. Ведь наверняка этот главарь «пятерки» Игнат видел, как мы его взяли живым. Подельники могут и повесить, как того же Гапона. По Закону ему положена каторга. Пусть будет так, как решит суд.

- А что с приказчиком? – спросил Александр Николаевич.

- Этот покаялся. Пусть посидит у нас. Только создайте ему приличные условия. До первого эшелона крестьян-переселенцев на Алтай. С ними и отправим. Все, господа, займитесь своими делами. С Богом.

Я решил съездить домой. Но по дороге заехал в Госпиталь, дабы навестить Станислава Валериановича. Однако к нему меня не пустили. Оказалось, что состояние ротмистра после операции ухудшилось. И он находится без сознания.

- Увы, голубчик! – покачал головой начальник хирургического отделения, - Пуля прошла рядом с позвоночником. Жизненно важных органов, на первый взгляд, не повредила. Но Бог ведает, не задела ли она каких-нибудь нервных окончаний. Эта область медицины пока еще мало изучена.

По дороге домой я решил ничего не рассказывать Елене о состоянии здоровья Станислава Валериановича. Но оказалось, что она уже побывала в госпитале и все знает. Она поплакала, уткнувшись мне в плечо. А когда узнала о предстоящем мне ночном деле, взяла себя в руки. Велела накрыть стол для ужина. А после него отправила меня спать.

…Не доезжая до дачи за Черной речкой, наш отряд оставил лошадей и пешком отправился по поселку. И скоро

увидели, как навстречу нам по узкой дороге направляются два тяжело груженых возка. Но из них тоже заметили нас. И ночную тишину разорвали револьверные выстрелы. Возницы попытались развернуть своих лошадей, но на узкой дороге этого им сделать не удалось. Тогда ездоки обоих возков выскочили в снег и, отстреливаясь, кинулись бежать.

- Стрелять по ногам! – крикнул я. Что и было тут же исполнено… Скоро все было кончено. Однако, двое, должно быть, новых помощников, одетых лежали, уткнувшись лицами в окровавленный снег. Остекленелым взглядом уставился в небо здоровяк, головы на две выше меня… Да и в плечах он равнялся, пожалуй, троим казакам, если оных поставить в шеренгу. Подошедший подхорунжий, показав на него, вздохнул: «С этим пятеро наших едва справились. Только господину прапорщику удалось свалить его с ног».

И он указал на Сергуню-малого. И мы с ним обменялись улыбками.

Подхорунжий кивнул на пожилого с сивыми усами, который оперся на плечо некрасивой, с мужскими чертами лица девицы: «Так, вот этот сам бугая порешил из револьвера. Своего же! От, нелюдь!»

Но и мы, оказалось, понесли потери. Двоих убитыми. Царствие им Небесное! Четверых раненными. Я подошел к пожилому. Достал портреты, составленные по словам Мацкевича. Хмыкнул: «Ну, вот мы и встретились, «товарищ Игнат»…

Тот вздрогнул. Но взял себя в руки. Пробурчал: «Я тебе не товарищ. Мы – классовые враги».

- Конечно-конечно! И разговаривать я буду с тобой как с врагом, - кивнул я и обратился к девице. - А вы, как я понимаю, Раиса Васюк, курсистка из Лесгафта?

- А хоть бы и так! – вздернув подбородок, скривила та губы, - Па-а-алач! Царский холуй! Всех не перевешаешь! Одно хочется знать: кто нас предал? Мацкевич? Или…

Я не дал ей договорить. Отвернулся к казакам. Приказал: «Связать и увести. В возках свяжите и ноги».

- Звери! – взвизгнула курсистка, - У товарища Игната нога прострелена. Он не может идти!

- Сама и потащишь! – хохотнул кто-то из казаков. И вдруг строго добавил, - Вы-то добрых людей не в ноги стреляли. Так что, давай, тащи, ведьма!

- И потащу! – почти мужским, хриплым баском отозвалась террористка. И, подсев поглубже под плечо «наставника», натянув на себя его руку, скользя и спотыкаясь, медленно направилась к возкам. Отправив плененных террористов и трупы в Министерство, я с оставшимися казаками вернулся в город. Дом на Мойке уже был оцеплен полицией, которой командовал ротмистр, знакомый по делам еще при Трепове. Мы пожали друг другу руки.

- О-о-о! – воскликнул он, - Поздравляю с повышением в чине!

- Благодарю! - улыбнулся я в ответ. Но тут же серьезно спросил, - Какова здесь обстановка?

- Докладываю. Прибыли в назначенное время. Окружили дом. Ворвались в квартиру. Там застали только старую еврейку. Она трясется. Что-то мямлет… Если кто-то и был в квартире, то уйти мог только через крышу. Черный-то ход нами перекрыт. Вот и ждем-с. Долго они там на ветру не просидят. Хотя я сам вылезал туда. Ни-ко-го.

- Возможно, что в доме две явочные квартиры, - размышлял я вслух, - И теперь наши злодеи сидят там и чайком с плюшками балуются. Или они ушли заранее, узнав о том, что в Лавре арестованы их подельники… Берите старушку и везите ее к нам. В квартире оставьте засаду.

Меняйте ее каждые двенадцать часов. Оцепление снимайте. И можете отдыхать.

- Есть! – вскинул руку к папахе ротмистр. А я со своим отрядом казаков отправился на Солдатскую. Там дом тоже уже был окружен. Ко мне подошел есаул. Мы представились друг другу. Я спросил: - У вас должен служить мой кузен, Георгий… Что-то я не вижу его.

- Он сегодня дежурит по полку, - был ответ.

- Какова обстановка?

- И-и-и! Десяток из внешней охраны мои молодцы убрали. А вот за теми светящимися окнами, - указал есаул вверх, - И собрались злодеи… Один ихний охранник уже, что называется раскололся. Сказал, что в квартире – человек пятнадцать. И все вооружены. С крыши спускаться на веревках – высоковато. Штурмовать в лоб…

- А если не с крыши, а с верхнего этажа? Ну-у-у, над явочной квартирой, - предложил я.

- Людей безпокоить… Без санкции.., - пожал плечами есаул.

- Вы не узнали, кто живет в верхней квартире? - перебил я его.

- Дворник знает…

И скоро к нам подошел могучий татарин в маленькой папахе и с большой бляхой на белом фартуке. Вытянулся передо мной по стойке «смирно», как винтовку, прижав к себе метлу. И на мой вопрос почти без акцента ответил, что в квартире проживает господин инженер Смыслов с семьей.

- А еще выше? – спросил я.

- Там, однако, обитает вдова профессора Грумберга с дочкой и ее мужем, - отчеканил дворник.

- Надо идти к инженеру, - подытожил я, - Пока будем штурмовать входную дверь, чем отвлечем злодеев, ваши молодцы, есаул, должны спуститься на веревках и

ворваться в окна. Прикажите стрелять в крайнем случае. Террористы мне нужны живыми.

- Добро! – кивнул есаул. И отошел, подозвав к себе младших офицеров. Поставил, как я понял, задачу. И те вернулись к своим подчиненным. А мы, сопровождаемые дворником, поднялись по лестнице. Дверь в квартиру инженера открыла заспанная горничная. Увидев нас, отпрянула, испуганно расширила глаза… Но увидев знакомого дворника, присела в реверансе и поклонилась. Мы вошли. Прикрыли за собой дверь. И я, как можно мягче, попросил: «Пригласи хозяина, голубушка».

- Они почивают-с, - пискнула горничная. Но тут из комнат в прихожую в халате, накинутом на длинную ночную рубаху, вышел молодцеватый господин средних лет. Он спросил: «Чем обязан, господа?»

Услышав мою просьбу о помощи, Смыслов вздохнул: - Ну, наконец-то! Каждую ночь в нижней квартире табуном сбегается… И у многих, доложу я вам, рожи – разбойничьи. Делайте свое дело! Только, позвольте, жену и детей я уведу в дальнюю комнату. Вы же будете окна открывать. А на дворе – не май-месяц…

…Все прошло, как мы с есаулом и задумали. И через полчаса казаки уже вязали бандитов. Упаковывали в мешки всякие газеты, листовки… Не обошлось без стрельбы: двое наших были ранены, четверо террористов убиты. Я оглядел каждого из арестованных. Совсем молоденьких среди них не было. «Значит, - подумалось мне, - эти – главари». И тут я увидел жандармского прапорщика. И лицо его напомнило портрет продиктованный Мацкевичем нашему художнику. Я обернулся к Сергуне-малому: «Сергий Власьевич, этого везите к себе. В контрразведку…»

- Разрешите, я, для начала, этому иуде по роже дам? – надвинулся тот на прапорщика-предателя.

- Ну, не здесь же! – хмыкнул я. И вдруг замер. Позади всех связанных, опустив голову, стоял наш «гипнотизер»… Ну, точно он, ежели судить по рисованному портрету!

- А ну-ка, выйдите сюда! – указав на середину комнаты, скомандовал я ему. Тот исполнил. И вдруг, вздернув квадратный массивный подбородок и нос с бородавкой, монотонно забубнил: «Теперь все смотрите на меня… Сейчас я досчитаю до десяти, и вы заснете…

- А ну заткнись, мерзавец! – крикнул я ему. Достал пачку папирос. Протягивая ее, обошел казаков, - Закуривайте, братцы! Это – колдун. И с ним у нас – особые счеты.

А казаки, дымя папиросами, стояли и только посмеивались. Прав был профессор психиатр: водочка и табачок сделали казаков неуязвимыми… Я обернулся на есаула: «По чарке поднес?»

- Какое?! – хмыкнул тот, - По две! Прости уж. Не докладывай по команде. Я пожал есаулу руку и показал на «гипнотизера»: «Этому заткнуть рот. Мешок на голову. И – в подвал Министерства…». Его увели. А мы принялись составлять протокол, опись изъятого и так далее, и тому подобное… Уф! Больше всего не люблю эту бумажную работу. Но делать нечего. Надо… И тут в квартиру влетел запыхавшийся казак: «Ваш бродь! Колдун сбежал!»

- Как сбежал?! – вскочил я со стула, - Ведь он был связан! С кляпом во рту! С мешком на голове!

- Сбежал, ваш бродь… Не гляди, что старик! Словно мальчишка, прыгнул в возок и был таков… Обрывки веревки, которой мы его повязали, до сих пор в снегу валяются… Не порезаны они! По-о-орваны. Это ж какую силищу надо иметь! Рядом – кляп и мешок… И наших двое… Царствие им Небесное! – истово перекрестился казак.

- Застрелены? – жарко спросил есаул,

- Никак нет… Кровищи много, а ран не видно…

- Убиенных – в госпиталь! На экспертизу, – велел я есаулу. Повернулся к арестованным: «Теперь вас от виселицы даже Святейший Синод не спасет! С нечистью связались!»

Когда я вошел в кабинет Столыпина для отчета, над городом совсем рассвело. Петр Аркадьевич поблагодарил, но тут же покачал головой: «А вот то, что «гипнотизера» упустили, худо! Ну, ничего… Поезжайте домой. Отдохните. Подробно итоги подведем завтра. А я сейчас – на доклад к Государю.

«Ну, слава Богу, - вздохнул я, - Хоть этот Александр остался жив!» Но тут же вспыхнув в мозгу меня обожгла другая мысль: «А ведь впереди еще – взрыв на даче Столыпина, его убийство, Вторая Отечественная, - или, как говорят, Первая Мировая, война, февральский, октябрьский перевороты, Гражданская… Как-то сложится судьба моего предка». А то, что он – один из моих предков, я уже не сомневался.

- Саш! Ты что? Заснул? – вернул меня реальность голос Бориса.

- Нет. Просто задумался, - вздохнул я. Взглянул на часы. И стал собираться домой.

- Готов служит Отечеству и вам, Ваше Величество, на любом месте, в любом чине! – снова вскочил я.

-Да вы сидите, сидите… Значит решено… Расскажите кратко о себе. О своей семье.

Что я и сделал.